

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОВОЛЖСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ

№ 2 (2)

2012

Главный редактор

Член-корреспондент АН РТ Ф.Ш. Хузин

Заместители главного редактора:

доктор исторических наук А.Г. Ситдиков

доктор исторических наук Ю.А. Зеленев

Ответственный секретарь — кандидат ветеринарных наук Г.Ш. Асылгараева

Редакционный совет:**Р.С. Хакимов** — вице-президент АН РТ (Казань, Россия) (председатель)**Х.А. Амирханов** — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Махачкала, Россия)**Е.П. Казаков** — доктор исторических наук (Казань, Россия)**Н.Н. Крадин** — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Владивосток, Россия)**В.Л. Янин** — академик РАН, доктор исторических наук профессор (Москва, Россия)**Редакционная коллегия:****А.А. Выборнов** – доктор исторических наук, профессор (Самара, Россия)**М.Ш. Галимова** – кандидат исторических наук (Казань, Россия)**Р.Д. Голдина** – доктор исторических наук, профессор (Ижевск, Россия)**И.Л. Измайлов** – кандидат исторических наук (Казань, Россия)**С.В. Кузьминых** – кандидат исторических наук (Москва, Россия)**А.Е. Леонтьев** – доктор исторических наук (Москва, Россия)**Т.Б. Никитина** – доктор исторических наук (Йошкар-Ола, Россия)**Адрес редакции:**

420012 г. Казань, ул. Булterова, 30

Телефон: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru**http://archaeologie.pro**

Индекс 31965, каталог «ПОЧТА РОССИИ»

Выходит 4 раза в год

© ГБУ «Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан», 2012

© ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 2012

© Редколлеги журнала «Поволжская археология», 2012

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences **F.Sh. Khuzin**

Deputy Chief Editors:

Doctor of Historical Sciences **A. G. Sitdikov**

Doctor of Historical Sciences **Yu. A. Zelenev**

Executive Secretary — Candidate of Veterinary Sciences **G.Sh. Asylgaraeva**

Executive Editors:

R. S. Khakimov — Vice-Chairman of the Tatarstan Academy of Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation) (chairman)

Kh. A. Amirkhanov — Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Dagestan Regional Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russian Federation)

E. P. Kazakov — Doctor of Historical Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

N. N. Kradin — Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Institute of History, Archaeology and Ethnology, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russian Federation)

V. L. Yanin — Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Editorial Board:

A. A. Vybornov — Doctor of Historical Sciences, Professor (Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara, Russian Federation)

M. Sh. Galimova — Candidate of Historical Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

R. D. Goldina — Doctor of Historical Sciences, Professor (Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation)

I. L. Izmaylov — Candidate of Historical Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

S. V. Kuz'minykh — Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

A. E. Leont'ev — Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

T. B. Nikitina — Doctor of Historical Sciences (V. M. Vasilyev Mari Research Institute of Language, Literature and History, Yoshkar-Ola, Russian Federation)

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

<http://archaeologic.pro>

© Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 2012

© Mari State University, 2012

© “Povolzhskaya Arkheologiya” Editorial Board of Journal, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Галимова М.Ш.</i> Кремневые комплексы мезолита – энеолита северной части Икско-Бельского междуречья	6
<i>Афанасьев Г.Е.</i> О строительном материале и метрологии Хазаро-аланских городищ бассейна Дона	29
<i>Борисов Б.Д.</i> Археологические свидетельства праболгарского присутствия на территории Южной Болгарии	50
<i>Измайлов И.Л.</i> Погребально-поминальная обрядность и комплекс вооружения древнего и средневекового населения (к постановке проблемы)	66
<i>Данич А.В.</i> Клинковое оружие Пермского Предуралья	86
<i>Гайнуллин И.И., Ермолаев О.П., Ситдилов А.Г., Усманов Б.М.</i> Комплексное исследование разрушаемых археологических памятников на участке береговой линии Куйбышевского водохранилища у с. Измери (Спасский район РТ)	107
<i>Руденко К.А.</i> О некоторых итогах исследования Остолоповского селища в Алексеевском районе Республики Татарстан	123
<i>Никитина Т.Б., Ефремова Д.Ю.</i> Погребальный обряд комплексов с литейными принадлежностями из средневековых могильников IX–XII вв. Ветлужско-Вятского междуречья	146
<i>Дубровин Г.Е.</i> Пожар Торговой стороны Новгорода 1508 года	166

Публикации

<i>Нарожный В.Е., Нарожный Е.И.</i> Погребение № 67 Келийского могильника (Горная Ингушетия)	173
<i>Шакиров З.Г., Валиев Р.Р., Ситдилов А.Г.</i> О застройке посадской части Свяжска (по материалам раскопок 2008 г.)	184

Заметки

<i>Чижевский А.А.</i> Керамика с рогожными отпечатками из раскопок городища Лбище в 2003 г.	211
<i>Кочкина А.Ф.</i> Каменная литейная форма с Муромского городка на Самарской Луке	218
<i>Губайдуллин А.М.</i> Исследования на Старокуйбышевском городище	223

Хроника

<i>Ставицкий В.В.</i> III Всероссийская научная конференция «Поволжские финны и их соседи в древности и средние века»	230
<i>Ситдиков А.Г., Хузин Ф.Ш., Шакиров З.Г.</i> II Международный конгресс средневековой археологии Евразийских степей	233
<i>Кузьминых С.В., Чижевский А.А.</i> Всероссийская научная конференция «Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы»	242
Список сокращений	248
Правила для авторов	250

Оригинал-макет подготовлен в Институте истории АН РТ
420014 г. Казань, Кремль, подъезд 5
Подписано в печать 25.12.2012 г. Формат 70×108 ¹/₁₆
Офсетная печать Усл. печ. л. 15,75 Тираж 1000
Отпечатано в ЗАО «ИД Казанская недвижимость»

CONTENTS

Galimova M.Sh. The mesolithic – eneolithic flint assemblages
from the north part Ik-Belaya interfluent area6

Afanas'ev G.E. Buldings materials and metrology
of khazar-алан's Don basin forts29

Borisov B.D. Archaeological evidences for proto-bulgarian presence
on territory of the South Bulgaria50

Izmailov I.L. Mortuary and funeral ceremonialism and a amours complex
of the ancient and medieval population (to problem statement)66

Danich A.V. Blade weapons of the Permien Ural86

Gaynullin I.I., Ermolaev O.P., Sitdikov A.G., Usmanov B.M.
Complex research of destroyed archaeological monuments on a district
of coastline of the Kuibyshev reservoir near Izméry village
(the Spassky region of the Republic of Tatarstan)107

Rudenko K.A. Some results of researches of the Ostolopovo settlement
in area Alekseevskoe of the Republic of Tatarstan123

Nikitina T.B., Efremova D.Yu. The funeral rite of complexes with moulded
tooles from medieval sepulchers of IX–XII centuries
of the Vetluga-Vyatka interfluve146

Dubrovin G.E. A fire of the Trade side of Novgorod in 1508166

Publications

Narozhnyi V.E., Narozhnyi E.I. Entombment № 67 of Keliyskiy burial
(Mountainous Ingushetia)173

Shakirov Z.G., Valiev R.R., Sitdikov A.G. About building of the suburban
part of Sviyazhsk (on materials of excavations of 2008)184

Notes

Chizhevsky A.A. Ceramics with bast prints from excavation
on the site of ancient settlement Lbishche in 2003211

Kochkina A.F. Stone casting molds from the Muromsky towm
on Samarskaya Luka218

Gubaydullin A.M. Researches on the Old-Kuibyshev
site of ancient settlement223

Chronicle

<i>Stavitsky V.V.</i> III All-Russian scientific conference «Volga Region finns and their neighbours during Antiquity and Middle Ages»	230
<i>Sitdikov A.G., Khuzin F.Sh., Shakirov Z.G.</i> II International congress of medieval archeology of the Eurasian steppes	233
<i>Kuzminykh S.V., Chizhevsky A.A.</i> All-Russian scientific conference «Ananyinsky world: sources, development, communications, historical destinies»	242
List of abbreviations	248
Rules for authors	250

КРЕМНЕВЫЕ КОМПЛЕКСЫ МЕЗОЛИТА – ЭНЕОЛИТА СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ ИКСКО-БЕЛЬСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

© 2012 г. М.Ш. Галимова

В статье рассматривается проблема хронологического разграничения комплексов многослойного поселения эпохи камня – энеолита, расположенного в устье р. Белая, у озера Азибей. В результате минералогического и петрографического изучения кремневых комплексов выделен особый тип сырья – слоистый серый кремль. Предполагается, что пластинами и другими орудиями, изготовленными из этого специфического кремня, пользовались, в основном, в финальном неолите – раннем энеолите. Кремневый орудийный набор, найденный в хронологически близких закрытых комплексах Русско-Шуганского и Минняровского погребений, подтверждает эту гипотезу.

Ключевые слова: археология, мезолит, неолит, энеолит, кремль, пластинчатые индустрии, погребальные комплексы, Волго-Камье.

В результате масштабных охраняемых исследований, проводившихся в северной части Икско-Бельского междуречья на протяжении второй половины 1960-х – первой половины 1970-х годов, были изучены весьма важные памятники, которые вскоре стали опорными в первобытной археологии Среднего Поволжья и Приуралья. В составе Татарского отряда Нижнекамской археологической экспедиции Института археологии АН СССР разведки и раскопки первобытных памятников в левобережье Камы, а также в низовьях рек Ик и Белая проводили П.Н. Старостин (начальник отряда), М.Г. Косменко, Р.С. Габяшев, Е.П. Казаков (Габяшев, 1982). В эти годы были проведены раскопки разновозрастных стоянок и поселений, наиболее значимыми из которых стали стоянки неолита – раннего металла Русско-Азибейская, Русско-Азибейская III, Татарско-Азибейская II, а также мезолитические Татарско-Азибейская III и IV стоянки (Косменко, 1972; 1978; 1981; Габяшев, 1978; 1978а; 2003) (рис. 1, 2). Эти исследования опирались на предшествующие

разведки В.Ф. Генинга (1958 г.) и П.Н. Старостина (1964 г.) (Археологические памятники, 1989, с. 62–69).

Значительный вклад в изучение первобытной истории региона был внесен Е.П. Казаковым, который в 1970–1980-х годах открыл и исследовал в Икско-Бельском междуречье уникальные погребальные комплексы – Минняровское и Русско-Шуганское погребения, а также Мелля-Тамакский V могильник (рис. 1) (Археологические памятники, 1989; Казаков, 1978; 2005; 2009).

Данные исследований памятников у озера Азибей вошли в научный оборот, а различные керамические комплексы Русско-Азибейских и Татарско-Азибейской II стоянок, благодаря подробным и аргументированным статьям Р.С. Габяшева, стали фигурировать в различных культурно-хронологических построениях по эпохе камня и раннего металла Среднего Поволжья и Приуралья (Васильев, Габяшев, 1982; Наговицын, 1987; Крижевская, 1996; Васильев, Овчинникова, 2000; Выборнов, 2008; Шипилов, 2012).

Выразительные кремневые комплексы, полученные в результате исследования комплекса стоянок близ оз. Азибей, долгие годы считались слабо смешанными, относительно «чистыми». Они стали весомым аргументом в концепции формирования комплексов позднего неолита и энеолита Икско-Бельского междуречья на местной позднемезолитической основе (Габяшев, 1978а, с. 65; 2003, с. 59, 71; Косменко, 1978а, с. 21). В своей последней монографии Р.С. Габяшев рассматривал кремневую индустрию, присущую комплексу накольчатой керамики Татарско-Азибейской II стоянки, как обладающую ярко выраженными реминисценциями микролитической техники, характерной для мезолитических и неолитических памятников Южного Приуралья. Исследователь полагал, что «основные типы орудий (резцы на углу пластины, концевые скребки, скобели, сверла, проколки, бесчерешковые пластинчатые наконечники стрел и т.д.) находят убедительные аналогии в материалах Татарско-Азибейской IV мезолитической стоянки» (Габяшев, 2003, с. 71). Вместе с тем, значительную долю пластин, происходящих из заполнения ям на Русско-Азибейской стоянке и залегавших рядом с гребенчатой керамикой камской (левшинской) культурной принадлежности, Р.С. Габяшев был склонен объяснять влиянием более южных культур – носителей зачатков производящего хозяйства (Габяшев, 2003, с. 110). Вопросы происхождения пластинчатых кремневых индустрий позднеэнеолитических и энеолитических комплексов Русско-Азибейской, Русско-Азибейской III, Татарско-Азибейской II стоянок и их генетической связи с мезолитом

Татарско-Азибейской IV стоянки дискутируются до сих пор (Выборнов, 2008, с. 185).

Исследователи позднего каменного века и энеолита Среднего Поволжья и Приуралья в вопросе культурогенеза нередко оперируют двумя аргументами, касающимися кремневого инвентаря различных керамических комплексов: во-первых, пластинчатым (микропластинчатым) характером индустрии, во-вторых, так называемыми «архаическими» типами орудий, к которым обычно относят конусовидные и карандашевидные нуклеусы, резцы на сломе и ретушные, концевые скребки и т.д. При этом далеко не все специалисты берут в расчет высокую степень вероятности того, что неолитические и энеолитические культурные слои могли быть смешанными с мезолитическими, и этот факт подчас невозможно зафиксировать в процессе раскопок. Сложные постседиментационные процессы, происходящие в культуровмещающих отложениях, детально рассмотрены в работах А.Н. Сорокина, справедливо полагающего, что большинство памятников на песчаных холмах так называемой «зандровой зоны» Евразии носят многослойный и смешанный характер (Сорокин, 2011). Думается, это существенное замечание применимо не только к песчаным холмам в зандровой зоне, но и супесчаным останцам террас (так называемым «гривам») в долине р. Камы, каковыми являются возвышения на берегу оз. Азибей.

В ходе мониторинга памятников археологии в 2005 г. автору довелось лично убедиться в том, что Татарско-Азибейская IV, Русско-Азибейская, Русско-Азибейская III и Татарско-

Азибейская III (мезолитическая) стоянки находятся на расстоянии 50–70 м друг от друга и фактически образуют единый многослойный памятник, расположенный на краю возвышенности, ее склоне и у подножия на берегу озера (рис. 2, 3). Об этом свидетельствуют сохранившиеся поныне следы старых раскопов. Что касается Татарско-Азибейского II поселения (стоянки) (Археологические памятники, 1989, с. 68, № 592), то и этот памятник находится на крупном возвышении северо-восточнее Русско-Азибейского комплекса и Татарско-Азибейской IV стоянки, в непосредственной близости от Татарско-Азибейской I мезолитической стоянки (Археологические памятники, 1989, с. 68, № 591) (рис. 2). Видимо, и здесь, в раскопах 1970 и 1972 гг., могло произойти смешение каменных артефактов мезолита и эпохи раннего металла. Между тем результаты этих раскопок получили большой научный резонанс, поставив Татарско-Азибейскую II стоянку (поселение) в ряд опорных энеолитических памятников региона (Габяшев, 1978а).

К сожалению, М.Г. Косменко и Р.С. Габяшев в силу сложившейся в те годы исследовательской традиции не акцентировали внимание на фактически едином комплексе разновременных стоянок, исследованных ими на северном берегу оз. Азибей (Косменко, 1978, с. 8; Габяшев, 1978, с. 22; 1978а, с. 41). Внимательное сопоставление сведений, приведенных М.Г. Косменко в отчете и полевых дневниках работ Татарского отряда НКАЭ в 1969 и 1971 гг., с данными из последующих публикаций М.Г. Косменко и Р.С. Габяшева позволило выявить несколько досадных неточностей и разночтений в указании масштаба и

направления на север (рис. 3), а также в определении расстояния между стоянками (Отчет Татарского отряда, рис. 4; Косменко, 1981, с. 7; Габяшев, 1978а, с. 41; 1981, с. 11).

Вместе с тем М.Г. Косменко совершенно справедливо высказался против разделения единого Русско-Азибейского поселения эпохи камня – раннего металла на две стоянки (Отчет Татарского отряда, с. 5–6, рис. 4). В отличие от Р.С. Габяшева, М.Г. Косменко отметил непрерывный и смешанный характер распространения культурного слоя не только по обе стороны неглубокого овражка, но и в заполнении последнего. Именно в этом месте, по мнению М.Г. Косменко, располагалась выделенная им особо Татарско-Азибейская III мезолитическая стоянка, частично перекрытая неолитическим слоем Русско-Азибейской I стоянки (рис. 3). По наблюдениям исследователя, подъемный материал мезолитического облика распространялся полосой вдоль берега оз. Азибей на площади 4000 кв. м. Обоснованием для выделения мезолитического комплекса в сильно распаханном и отчасти смешанном культурном слое для М.Г. Косменко послужили типологические отличия мезолитических кремней от неолитических, а также разница в качестве и цвете кремневого сырья. По мнению М.Г. Косменко, все мезолитические изделия были сделаны из белого и фиолетового, изредка красноватого кремня, зачастую они покрыты беловатой патиной либо известковой коркой, что указывает на более древний возраст (Косменко, 1971, с. 111–112). Таким образом, исследователь выделил из массива кремневых артефактов, собранных им на Русско-Азибейской стоянке в 1969–1970 гг.,

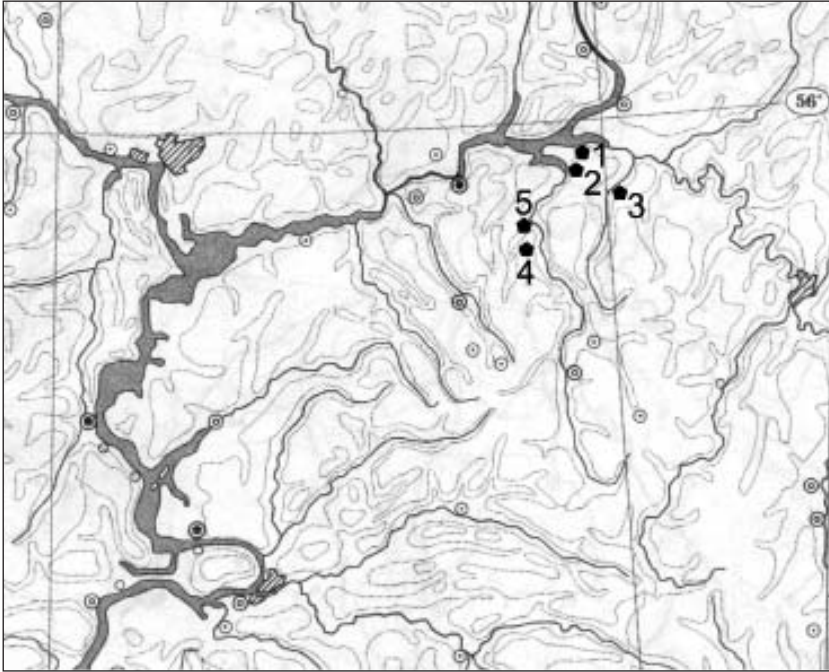

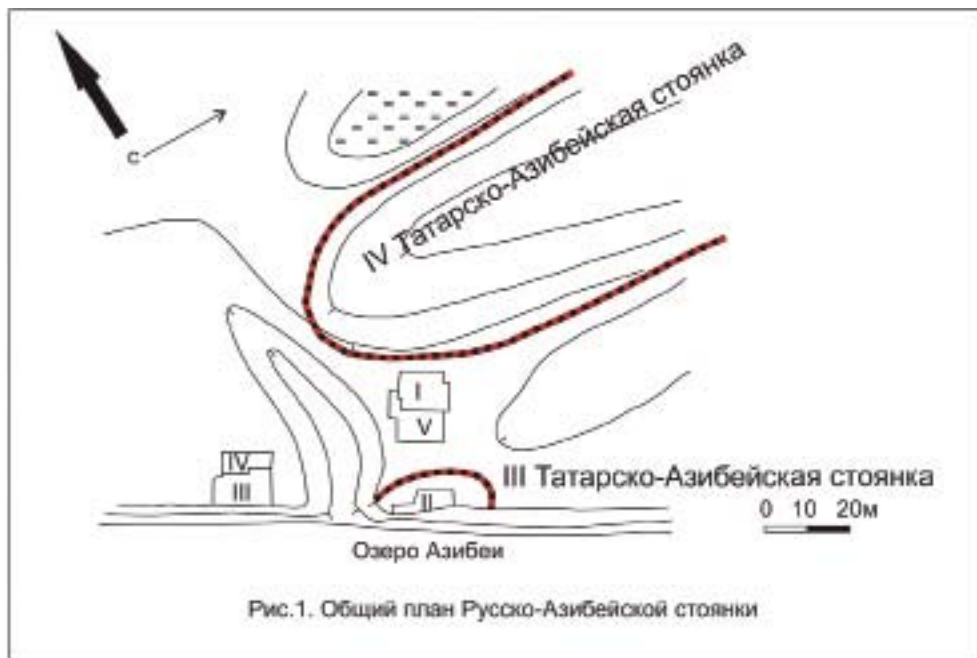
Рис. 1. Карта-схема памятников эпохи камня северной части Икско-Бельского междуречья.

- 1 – Татарско-Азибейские I, II, III, IV и Русско-Азибейские I, III стоянки;
2 – стоянка на Усть-Мензельском городище; 3 – Минняровское погребение;
4 – Русско-Шуганское погребение; 5 – Меллятамакский V могильник.

Рис. 2. Ситуационный план (на основе космоснимка) стоянок эпохи камня – раннего металла в окрестностях озера Азибей в устье р. Белая.

- 1 – IV Татарско-Азибейская; 2 – Русско-Азибейская; 3 – III Татарско-Азибейская (по М.Г. Коменко); 4 – III Русско-Азибейская; 5 – I Татарско-Азибейская;
6 – II Татарско-Азибейская; 7 – III Татарско-Азибейская.

истинное направление на север

границы мезолитических стоянок (по М.Г.Косменко, 1978, 1981)

Рис. 3. Сводный план стоянок Татарско-Азибейские III, IV и Русско-Азибейские I, III (на основе плана Р.С. Габяшева).

178 экземпляров, отнесенных к Татарско-Азибейской III мезолитической стоянке (Косменко, 1981, с. 7–8). В дальнейшем обособление Татарско-Азибейской III мезолитической стоянки в пределах Русско-Азибейского комплекса не было поддержано казанскими археологами, о чем говорит отсутствие сведений об этом памятнике в завершающем выпуске «Археологической карты», где под этим названием проходит северо-восточная часть известной Татарско-Азибейской II стоянки эпохи раннего металла (Археологические памятники, 1989, с. 68, № 593).

В свете вышесказанного циркулирующий в публикациях на протяжении последних 30 лет тезис о генетической

связи микропластинчатой кремневой индустрии Татарско-Азибейской IV стоянки с поздним комплексом накольчатой керамики с пластинчатым инвентарем из Татарско-Азибейской II стоянки остается недостаточно аргументированным. То же можно сказать и о присутствии «архаичных черт», «реминисценций» и «реликтов» в каменном инвентаре гребенчатых и накольчатых комплексов неолита-энеолита Русско-Азибейской и Русско-Азибейской III стоянок, составляющих единый комплекс с мезолитическими Татарско-Азибейскими IV и III (по М.Г. Косменко) стоянками. Для вычленения разновременных комплексов из смешанных памятников Икско-Бельского междуречья, а также

изучения вопросов происхождения и характера пластинчатой и вкладышевой кремневой индустрии в неолитических–энеолитических памятниках региона необходимо привлекать сравнительно «чистые» комплексы – погребения и недолговременные стоянки с «обедненным» инвентарем. В нашем распоряжении такие памятники имеются. В первую очередь, это вышеупомянутые погребальные комплексы: Русско-Шуганское погребение и Мелля-Тамакский V могильник, а также отчасти Минняровское погребение, (Казаков, 1978; 2005; 2009). Кроме того, в качестве недолговременной стоянки можно рассматривать энеолитический комплекс каменных артефактов, обнаруженный в ходе раскопок Усть-Мензельского городища пьяноборской культуры, исследованного в 2006 г. Д.Г. Бугровым и М.Ш. Галимовой на левом берегу р. Ик (рис. 1) (Галимова, Бугров, 2007).

Определенную помощь в разработке указанных проблем могут оказать археоминералогические исследования, направленные на изучение петрографического разнообразия артефактов из смешанных поселенческих и «чистых» погребальных комплексов. При этом желательны применение трасологического и технологического анализов каменного инвентаря.

В 2007 г. по инициативе автора было предпринято выборочное петрографическое изучение образцов кремневых сколов из коллекции Татарско-Азиевской IV стоянки (Чурбанов, 2008, с. 206). В последующие годы изучение пластинчатых комплексов из коллекций Татарско-Азиевской IV, а также частично Русско-Азиевской и Русско-Азиевской III стоянок было продолжено с учетом полученных петрографических данных.

Предварительным результатам этих разработок посвящена настоящая статья. Автор считает излишним повторять здесь полную характеристику кремневого инвентаря, полученного в ходе исследований Татарско-Азиевской IV и Русско-Азиевских стоянок, достаточно подробно представленную в публикациях (Косменко, 1971; 1972; 1978; Габышев, 1978; 1981). В стороне от темы настоящей статьи остаются и вопросы культурно-хронологической атрибуции и абсолютного датирования различных керамических комплексов Русско-Азиевских стоянок, тем более что этих вопросов касаются в последние годы многие специалисты Среднего Поволжья, Приуралья и Южного Урала (Выборнов, 2008).

Основное внимание автора сосредоточено на двух ключевых аспектах, а именно: пластинчатом (микропластинчатом) характере кремневой индустрии и наличию изделий из особого сорта кремня – серого слоистого («полосчатого» либо «с пестриной», по терминологии некоторых исследователей), довольно высокого качества. Разработка этих вопросов позволит наметить перспективные подходы в дальнейших исследованиях.

Слоистый (полосчатый) кремь и пластинчатые комплексы многослойного поселения на северном берегу озера Азиев. По наблюдениям М.Г. Косменко, обитатели Татарско-Азиевской IV стоянки использовали «белый и тонкослоистый фиолетовый, реже дымчатый кремь хорошего качества. Единичные орудия сделаны из розоватого кремня и окремнелого рыхлого желтоватого известняка» (Косменко, 1971, с. 104). Кроме того, М.Г. Косменко в ходе ис-

следований 1969–1971 гг. отметил, что на берегу оз. Азибей, где совпадают площади Русско-Азибейской и Татарско-Азибейской III стоянок, кремневые изделия неолита и мезолита различались по цвету: мезолитический кремьень – белый и фиолетовый, часто с известковым налетом, а неолитический – «сероватый, слегка дымчатый» (Отчет Татарского отряда, с. 10, 14), а в более поздней публикации «серый слоистый и окремнелый известняк» (Косменко, 1981, с. 8). В этой связи необходимо отметить, что в публикациях 1972 и 1978 гг. термин «тонкослоистый» отсутствует как по отношению к фиолетовому, так и к серому видам кремня (Косменко, 1972, с. 49; 1978, с. 13).

Кремневый инвентарь Русско-Азибейской и Русско-Азибейской III стоянки описан Р.С. Габяшевым суммарно по причине смешанного характера культурных напластований. Для Русско-Азибейской стоянки, по мнению исследователя, характерен светло-серый дымчатый кремьень хорошего качества, реже встречается белый и меловой, изредка – красновато-коричневый плитчатый (Габяшев, 1978, с. 35). Обитателями III Русско-Азибейской стоянки использовался в основном дымчатый яшмовидный кремьень (в терминологии Р.С. Габяшева), а также окремнелый известняк и редкий синевато-черный кремьень, таким образом, слоистый (полосчатый) кремьень им особо не выделялся (Габяшев, 1981, с. 20).

В результате минералогического изучения кремневого инвентаря из раскопов IV Татарско-Азибейской стоянки, проведенного А.А. Чурбановым (К(П)ФУ), из широкого спектра каменного сырья данной коллекции были

выделены образцы сколов-отходов, соответствующие всем разновидностям, из которых затем были изготовлены шлифы (Чурбанов, 2008, с. 206). При изготовлении шлифов, предназначенных для изучения с помощью поляризационной микроскопии, использовались кремневые осколки и отщепы без вторичной обработки. Эти аморфные сколы были отходами, образовавшимися в процессе подготовки нуклеусов к расщеплению на пластины, либо в ходе подправки поверхностей и углов нуклеусов на средней стадии срабатывания. Аналогичным образом необходимо в дальнейшем изучить и образцы кремнистых образований из природных источников, которые удастся обнаружить в окрестностях изучаемых памятников (Галимова, Чурбанов, 2012).

Петрографический анализ позволил выделить в коллекции Татарско-Азибейской IV стоянки две группы кремневого сырья, различные по структуре и цвету: а) слоистые линзовидные, со скоплениями зерен кварца; б) без выраженной слоистости (рис. 4). В обеих группах в шлифах присутствуют спикулы губок и фораминиферы. Таким образом, выделяется группа артефактов (преимущественно пластин) выразительного серого полосчатого (слоистого) кремня, составляющая, по нашим подсчетам, 25,8% (рис. 5). Вместе с тем, в пластинчатом и микропластинчатом комплексе стоянки преобладают экземпляры из неслоистого белого, светло-серого и прочего кремня (рис. 6).

В коллекции из раскопов Русско-Азибейской стоянки орудий и пластин из такого серого слоистого кремня значительно больше – около 42% (рис. 7). Это ножевидные пласти-

ны разной ширины и орудия из них, а также нуклеусы в разной степени сработанности, в том числе мелкие пренуклеусы. Вместе с тем, из неслоистого кремня также были изготовлены и микронуклеусы, и пластины, и различные орудия (рис. 8). Интересно соотношение пластин и длинных сколов (в том числе орудий) из слоистого и неслоистого сырья в коллекции Русско-Азибейской стоянки – 278 экз. из слоистого и 128 из неслоистого кремня. Таким образом, технология расщепления слоистого кремня для производства пластин, в том числе и микропластин (судя по присутствию мелких пренуклеусов), по всей видимости, была присуща в большей степени обитателям Русско-Азибейской стоянки, нежели IV Татарско-Азибейской.

Определение источников сырья для изготовления орудий древним населением, путей его распространения по территории той или иной археологической культуры и возможности использования в различные археологические периоды является одной из важнейших проблем в изучении каменного века любого региона. Нередко исследователи эпохи камня Поволжья и Урала находят свидетельства применения в качестве сырья для изготовления орудий не только местных конкреций, плиток и галечников с отмелей рек и озер, но и качественного каменного сырья, принесенного издалека (Мосин, Никольский, 2006; Мосин, 2011). По предположению А.А. Чурбанова, разница в строении слоистых и неслоистых кремней Татарско-Азибейской IV стоянки могла быть связана не только с их территориально разным генезисом, но и возможным формированием на разных стратиграфических

уровнях осадков, которые отложились в пермский период на одной территории. К сожалению, до сих пор источников кремня в северной части Икско-Бельского междуречья обнаружить не удалось. Во многом причиной тому служит постоянно высокий уровень Нижнекамского водохранилища.

Таким образом, вопросы выявления и идентификации источников слоистого кремня остаются открытым. В этой связи уместно рассмотреть характер кремневого сырья и степени пластинчатости упомянутых выше «чистых» комплексов рассматриваемой территории.

Слоистый кремень и пластинчатые комплексы северной части Икско-Бельского междуречья. Пластины и орудия из серого слоистого кремня, тождественного «азибейскому», зафиксированы в погребальных памятниках, расположенных юго-западнее и юго-восточнее оз. Азибей (рис. 1). Это Русско-Шуганское погребение, Мелля-Тамакский V могильник в долине р. Ик и Минняровское погребение на р. Сюнь (Казаков, 1976; 2005; 2011). Е.П. Казаков описывает данный вид кремня как «плотный, серый либо сероватый, с «пестриной» (Казаков, 2011, с. 35, 42, 47). Русско-Шуганское погребение, изученное на разрушенной дюне в пойме левого берега р. Ик, представляло собой остатки костяка мужчины со следами охристой подсыпки, сопровождавшиеся богатым каменным и костяным инвентарем, а также украшениями из раковин моллюска и резцов байбака (Казаков, 1978). Кремневый и керамический инвентарь погребения весьма выразителен (Казаков, 2011, с. 40–44).

Керамика представлена более чем 30 фрагментами тонкостенно-

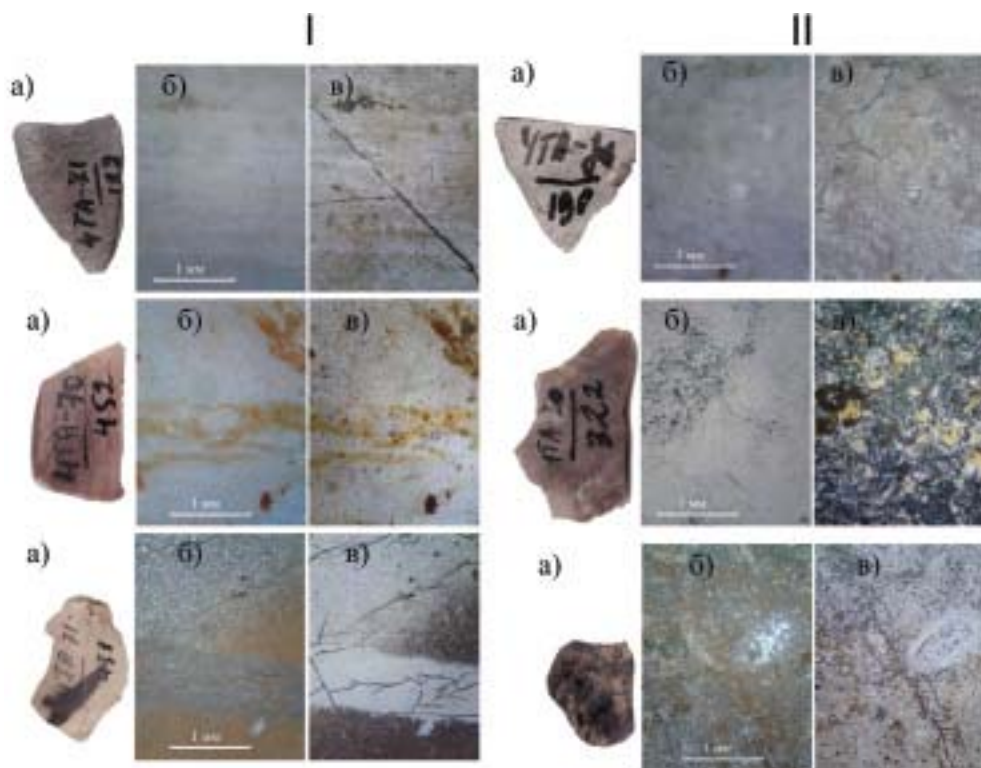

Рис. 4. Шлифы кремневых сколов-отходов из Татарско-Азиевской IV стоянки, выполненные А.А. Чурбановым. I – слоистый кремнь; II – неслоистый кремнь. а) – кремневый скол; б), в) – шлиф в разном освещении.

го (7 мм) плотного глиняного сосуда с примесью песка, а также серых и красноватых (охристых) крошек в тесте. Поверхность хорошо заглажена. Внешняя поверхность сосуда была покрыта сплошным гребенчатым орнаментом в виде вертикального зигзага (рис. 10). Е.П. Казаков высказывает сомнение в том, связан ли данный сосуд, найденных в верхней, разрушенной части погребения, с последним. По мнению исследователя, эта керамика отличается от неолитической и энеолитической посуды Русско-Азиевской, Игимской и других стоянок Икско-Бельского междуречья характером среднезубчатого четкого штампа, плотностью и тонкостенностью (Казаков, 2011, с. 41).

Кремневый инвентарь Русско-Шуганского погребения, изученный трасологически автором¹, отличается высоким уровнем пластинчатости и вкладышевой техники. Большинство пластин изготовлено из серого слоистого кремня (рис. 9). Из 70 кремневых артефактов, залежавших в погребении и близ него, 58 экз. являются пластинами разной ширины (в основном, фрагментированными). Среди них вычлняются два технологических и функциональных контекста: 1) широкие, зачастую массивные пластины, сколотые с нуклеусов с

¹ Автор выражает благодарность д.и.н. Е.П. Казакову за предоставленную возможность детально ознакомиться с инвентарем Русско-Шуганского погребения.

помощью мягкого отбойника и служившие ножами и вкладышами строгальных и режущих орудий, а также серпов; 2) узкие и средние по ширине пластины, служившие вкладышами наконечников, полученные, вероятно, путем отжима. Вторично большинство таких вкладышей использовалось в качестве резчиков. В погребении также найдены: конический нуклеус, крупная пластина-нож, концевой скребок с подтеской лезвия на брюшке, резец, массивный бифаскинжал и т.д. В комплексе имеются и четыре колющих наконечника стрел, выполненных на кремневых пластинах, вытянутой листовидной формы с ретушированным острием, которые также были использованы по назначению (рис. 9).

Найденные в Русско-Шуганском погребении единичные сечения крупных пластин, служившие вкладышами в составных (роговых либо костяных) серпах для срезания травы и злаков, а также короткие фрагменты костяных кинжалов с пазами, обнаруженные здесь же, находят прямые аналогии в материалах Мелля-Тамакского V могильника, изученного Е.П. Казаковым на противоположном берегу р. Ик. Исследователь отнес погребальные комплексы данного могильника, в котором пазовые роговые орудия сохранились гораздо лучше, к одной культурно-хронологической группе с Русско-Шуганским погребением (Казаков, 2005, с. 278; 2011, с. 47).

Находки вкладышей серпов в Русско-Шуганском погребении, особенно в сочетании с находками двух крупных кремневых ножевидных пластин – охотничьего и жатвенного ножей, позволили автору высказать предположение о необходимости

«омолодить» возраст данного комплекса и отнести его к энеолиту ввиду возможного наличия на кремневом инвентаре признаков растениеводства (Галимова, 2007; 2008; Galimova, 2008). Хотя автору пока не удалось (в силу объективных причин) провести трасологическое изучение инвентаря Мелля-Тамакского V могильника, наличие изогнутых пазовых орудий, которые, скорее всего, были жатвенными (Казаков, 2005, с. 276–277; 2011, с. 127–128), в какой-то мере подтверждает предположение об энеолитическом возрасте рассматриваемых погребальных комплексов.

Следует напомнить, что И.Б. Васильев и Р.С. Габяшев также считали Русско-Шуганское погребение не характерным для неолита Нижнего Прикамья. Исследователи связывали его с воздействием либо проникновением носителей самарской культуры (Васильев, Габяшев, 1982). В этой связи обратим внимание на сходство фрагментов сосуда с гребенчатой («елочной») орнаментацией, найденного над Русско-Шуганским погребением, с некоторыми типами гребенчатой керамики, найденных на Русско-Азиевской и Татарско-Азиевской II стоянках. Р.С. Габяшев выделил в материалах Русско-Азиевской стоянки комплексы лепной посуды позднееолитического облика с примесью крупнозернистого песка и мелкого шамота, изредка – красной охры либо мелкой гальки (Габяшев, 1978, с. 32). Распространенным типом орнамента данной керамики, по наблюдениям исследователя, была «елочка» (Габяшев, 1978, рис. 5: 2; 6: 12; 7: 3). В коллекции из раскопов Татарско-Азиевского II поселения также отмечены фрагменты лепной керамики с примесью песка

Рис. 5. Татарско-Азибейская IV стоянка. Артефакты из слоистого кремня.

Рис. 6. Татарско-Азибейская IV стоянка. Артефакты из различного кремня.

Рис. 7. Русско-Азиебейская стоянка. Артефакты из слоистого кремня.

Рис. 8. Русско-Азибейская стоянка. Артефакты из различного кремня.

Рис. 9. Русско-Шуганское погребение. Некоторые образцы кремневых орудий.

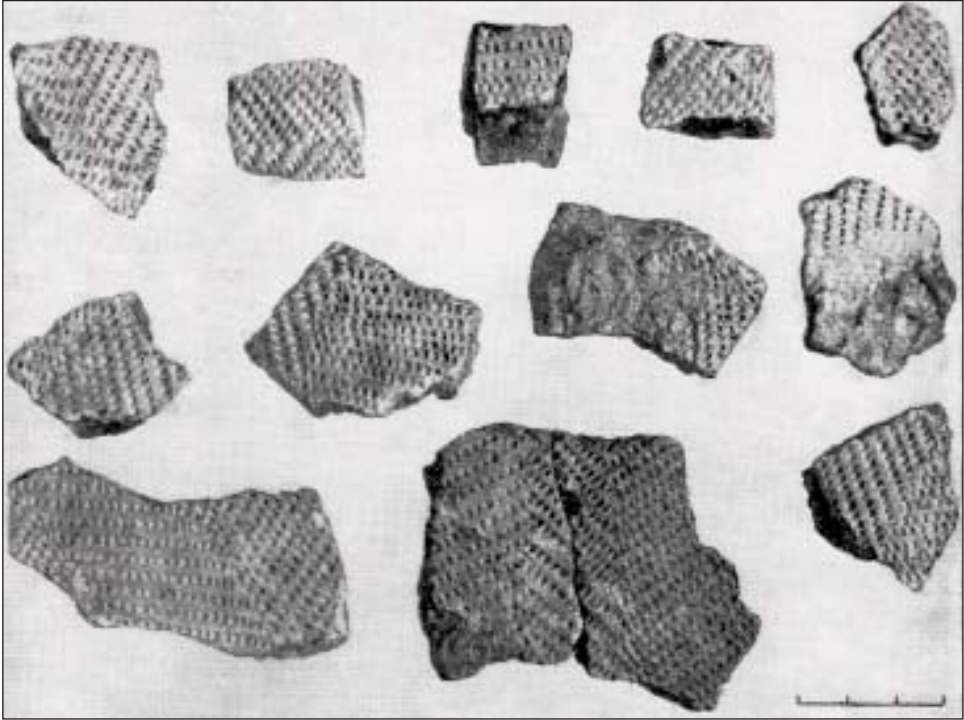

Рис. 10. Русско-Шуганское погребение.
Фрагменты глиняного сосуда (по Е.П. Казакову).

в тесте, заглаженной поверхностью, часть из которых украшена «елочным» узором из оттисков гребенчатого штампа (Габяшев, 1978а, с. 55, 58, рис. 10: 4, 10; 11: 1, 2).

Неслучайный характер нахождения фрагментов вышеописанного сосуда с гребенчатой орнаментацией в связи с Русско-Шуганским погребением можно подтвердить с помощью материалов Старо-Нагаевского энеолитического могильника, исследованного В.С. Стоколосом на правом берегу р. Белая в Башкирии (Стоколос, 1984). В погребениях №1 и №8 могильника залегали круглодонные сосуды открытой полуяйцевидной формы, с примесью песка и шамота в тесте, плотными заглаженными стенками и сплошным зубчатым орнаментом, состоявшим из попеременно наклон-

ных оттисков штампа. В погребальном инвентаре отмечены единичные изделия: сечения пластин-вкладыши, скребки, отщепы из серого качественного кремня, а также зубы бобра и костяной наконечник стрелы (Стоколос, 1984, с. 26, 28, 40).

Вместе с тем, следует вспомнить замечание А.А. Выборнова с соавторами в публикации материалов стоянки Бачки-Тау II (приустьевое правобережье р. Белая) о присутствии орудий и пластин из серого слоистого (узкополосчатого) кремня в коллекциях не только нижнебельских стоянок (Бачки-Тау II, Сауз I–II), но и памятников борской энеолитической культуры, исследованных в Пермском Прикамье В.П. Денисовым и А.Ф. Мельничуком (Выборнов, Горбунов, Обьденнов, 1982, с. 205).

К раннеэнеолитической борской культуре, бытовавшей предположительно в первой половине III тыс. до н.э., относятся стоянки и поселения, исследованные преимущественно в устье р. Чусовая (Бор II–V, Боровое Озеро IV) и в районе г. Перми (Заюрчим I, Зверев) (Мельничук, 1990). Борская керамика в целом близка гаринской. Это посуда котлообразной формы с округло-коническим днищем, со значительной примесью органики. В ее орнаментации преобладали наклонные и вертикальные ряды гребенчатого штампа, а также зигзаг (Лычагина, 2002). Однако А.Ф. Мельничук отмечает, что наиболее ранние комплексы борской посуды чрезвычайно схожи с неолитическими, отличаются плотностью стенок, а также примесью песка и шамота в тесте, частотой узора в виде горизонтальных поясов гребенчатого зигзага, заменяющего собой «шагающую гребенку» (Мельничук, 1990, с. 98–99). Каменный инвентарь борских памятников отличается развитой пластинчатой индустрией. Доля орудий на пластинах составляет около 30%, показательна технология отделения широких массивных пластин от макронуклеусов. В целом, как отмечает А.Ф. Мельничук, борские кремневые комплексы почти не отличаются от позднеэнеолитических типа Левшино и Чашкинское озеро VI (Мельничук, 1990, с. 100).

В кремневом инвентаре Русско-Шуганского погребения мы видим, кроме многочисленных правильных пластин, и макропластину-клинок, и два наконечника стрел на пластинах с усеченным основанием, и крупный бифас-кинжал, характерные для борских комплексов. Вышеописанная

керамика (развал сосуда), собранная Е.П. Казаковым над развеянным погребением, также имеет аналогии ранним борским сосудам, судя по характеристике последних, данной А.Ф. Мельничуком. Таким образом, предположение о принадлежности Русско-Шуганского погребения борской культуре раннего энеолита представляется не лишним оснований, равно как и сходство керамического материала и кремневого сырья погребения и азибейских позднеэнеолитических (по мнению Р.С. Габяшева) комплексов с гребенчатой керамикой.

В Минняровском погребальном комплексе, изученном Е.П. Казаковым на левом берегу р. Сюнь, останки охотника сопровождалась костяным кинжалом, скребком-проколкой и фрагментом долота, а также серией однотипных наконечников стрел (15 экз.) разной формы, бесчерешковых, которые были выполнены из узких и среднешироких пластин из серого слоистого кремня (Казаков, 1978; 2011; Галимова, Казаков, 2009; Galimova, 2008). Форма наконечников варьирует от ромбической и вытянутой треугольной до вытянутой листовидной, основание имеет три варианта: заостренное, усеченное и скругленное. Вторичная обработка заключалась в уплощенной ретуши, покрывающей кончик и насад на брюшке пластины, либо и на брюшке и на спинке. Трасологический анализ данного кремневого комплекса, хранящегося в фондах Национального музея Республики Татарстан, показал использование развитой пластинчатой технологии (с помощью мягкого отбойника и отжима) и следы метательных повреждений на многих наконечниках.

Е.П. Казаков на основании морфологии наконечников отнес Минняров-

ское погребение к рубежу мезолита и неолита, указав на аналогии в Оленеостровском могильнике, это мнение было поддержано и автором настоящей статьи (Казаков, 1978; 2011; Галимова, Казаков, 2009; Galimova, 2008). Однако в свете вышесказанного в порядке предварительной гипотезы следует «омолодить» возраст Минняровского погребального комплекса до позднего неолита – раннего энеолита. Действительно, морфология пластинчатых наконечников стрел из погребения не противоречит особенностям формы листовидных наконечников борской культуры с усеченным либо округлым основанием (Мельничук, 1990, с. 100). Косвенным подтверждением нашему предположению может послужить и кремневое сырье Минняровского погребения – слоистый серый кремнь.

Обратимся к кремневому инвентарю недолговременной стоянки на Усть-Мензельском городище. Результаты морфологического и трасологического анализа данного комплекса представлены в публикациях (Галимова, Бугров, 2007; Галимова, 2008, с. 72–74). В немногочисленной коллекции артефактов (110 экз.), выполненных из аналогичного «азибейскому» серого пестроцветного (слоистого) кремня, представлены как развитая пластинчатая, так и бифасиальная технологии. В инвентаре имеются характерные сколы подправки микронуклеусов и 32 пластины, в том числе сечения и острия на пластинах с ретушированными краями. Трасологическое изучение показало, что некоторые сечения пластин служили вкладышами строгальных ножей по дереву, а сечения микропластин – вкладышами составных наконечников. В основном же пластины и их фрагменты представляли собой разные варианты деревообрабатываю-

щих орудий (ножи, строгальные ножи, скобели, стамески), а также мясные разделочные ножи, стамески и скобели по шкуре и мягкому дереву. Основанием для предположения об энеолитическом возрасте данного комплекса послужила находка фрагмента шлифованной подвески из серпентина плоской каплевидной формы с двумя отверстиями. Такие сланцевые подвески известны в Волго-Камье в основном на энеолитических памятниках (стоянки Игимская, Золотая Падь, Дубовая Грива, Тенишевский могильник).

Слоистый кремнь и пластинчатые комплексы Урало-Поволжья. В публикациях многослойных памятников Среднего Поволжья и Предуралья каменный инвентарь, как правило, рассматривается суммарно ввиду невозможности его разделения на разновременные (разнокультурные) комплексы. Однако, как показывает опыт отдельных исследователей региона, при наличии достаточных планиграфических данных можно выделить каменные артефакты, залегавшие на дне жилищных котлованов. Такую работу для смешанных поселений неолита-энеолита Камско-Вятского междуречья проводил Л.А. Наговицын, не пренебрегавший кропотливой работой по критике археологических источников (Наговицын, 1987). Исследователь различал: 1) однослойные поселения, 2) поселения со смешанным культурным слоем, но с наличием жилищ; 3) поселения со смешанным культурным слоем, где энеолитическая керамика выделяется типологически; 4) поселения, обследованные разведочным путем (Наговицын, 1984). Практика отбора каменных артефактов из заполнений жилищ с целью выявления особенностей каменной

индустрии отдельных керамических комплексов на многослойных поселениях довольно успешно апробирована в недавних диссертационных работах по энеолиту Камско-Вятского и Икско-Бельского междуречий (Цыгвинцева, 2011; Шипилов, 2012).

Автору неоднократно доводилось высказываться о неслучайном характере развитой пластинчатой технологии и широкого использования пластин и микропластин в составных орудиях в неолите – энеолите Среднего Поволжья и Приуралья (Галимова, 2007; 2008). Наличие в неолитических и энеолитических комплексах сечений пластин-вкладышей и микропластин, а также мелких ядрищ в начальной стадии расщепления далеко не всегда указывает на смешанный характер культурного слоя. Широкое бытование пластинчатых индустрий параллельно с технологиями производства бифасов в позднем каменном и медно-каменном веках проявляется в материалах не только погребений, но и отдельных стоянок региона.

В этой связи можно сослаться на данные В.С. Мосина о значительном пласте стоянок неолита-энеолита центральной части Урала с развитой пластинчатой и микропластинчатой индустрией (стоянки Шатанов 3, Чебаркуль II, Чебаркуль Ха, Хб, XV). Исследователь справедливо отмечает, что «микропластинчатый характер инвентаря и преимущественное использование вкладышевых орудий на стоянке, имеющей достаточно позднюю дату для эпохи камня, позволяют совершенно по-новому взглянуть на наши классификационные схемы...» (Мосин, 2011, с. 75).

Археоминералогический подход к изучению древностей каменного

века давно и прочно вошел в арсенал методов комплексных исследований уральских специалистов (Мосин, Никольский, 2008). И это не случайно, учитывая сильную эрозионную расчлененность рельефа и огромное минералогическое разнообразие горных пород Урала и прилегающих территорий. В этом отношении условия Икско-Бельского междуречья гораздо менее благоприятны для подобных комплексных изысканий.

Как было отмечено выше, в кремневом инвентаре стоянок позднего неолита-энеолита, расположенных к востоку от оз. Азибей, на правом берегу р. Белая, в ее приустьевой части, на территории Краснокамского района республики Башкортостан – Бачкитау II, Сауз I–II, также присутствуют пластины и орудия из качественного узко-полосчатого кремня серого и светло-коричневого цвета (Выборнов, Горбунов, Обыденнов, 1982, с. 200–201). По мнению исследователей, это сырье появляется в данном районе в позднем неолите.

Между тем, использование серого полосчатого кремня носителями хвалынской энеолитической культуры Среднего и Нижнего Поволжья рассматривается самарскими исследователями как одна из характерных особенностей, связывающих данную культуру с памятниками Северного Прикаспия (Барынкин, 2010).

По данным Т.А. Цыгвинцевой, в каменном инвентаре энеолитического поселения Кочуровское IV, изученного в Камско-Вятском междуречье Т.М. Гусенцевой, артефакты и серого слоистого кремня составляют 11.5% всех находок из камня, а среди орудий таких изделий уже свыше 49% (Цыгвинцева, 2010). Аналогичное

кремневое сырье предположительно валунного характера использовалось обитателями Усть-Курьинского поселения, которое относится, также как и Кочуровское IV, к новоильинской культуре (Цыгвинцева, 2009).

Заключение. В результате анализа данных планиграфии и минералогии применительно к комплексу стоянок эпохи мезолита-энеолита, исследованных около 40 лет назад на северном берегу оз. Азибей, выяснилось, что данные памятники представляют собой остатки единого многослойного поселения со смешанными культурными напластованиями.

Несмотря на то, что археоминералогические исследования комплексов каменного века Волго-Камья в целом находятся в начальной стадии (Чурбанов, 2008; Галимова, Чурбанов, 2012), первый опыт таких изысканий применительно к памятникам северной части Икско-Бельского междуречья дал определенные результаты.

В каменном инвентаре многослойного поселения у оз. Азибей, как и во многих других поселениях, выделяется несколько комплексов артефактов из различного (по цвету и текстуре) сырья. Визуальный и петрографический анализ кремневого инвентаря из раскопов Татарско-Азибейской IV мезолитической стоянки позволил разделить его на артефакты, выполненные из слоистого и неслоистого кремневого сырья. Пристальное внимание к ярко выраженному пластинчатому комплексу из слоистого (полосчатого) кремня серого цвета, присутствующего в коллекциях не только Татарско-Азибейской IV мезолитической, но и нео-энеолитических Русско-Азибейской и Русско-Азибейской III стоянок, позволило предположительно

отнести его к самым поздним этапам эпохи камня в регионе, а именно к рубежу неолита и энеолита и раннему энеолиту.

Этому предположению способствовал анализ кремневого инвентаря погребальных комплексов северной части Икско-Бельского междуречья (Минняровского и Русско-Шуганского погребений), а также кратковременной стоянки на Усть-Мензельском городище. Таким образом, минералогические и технологико-функциональные исследования каменного инвентаря смешанных поселенческих и «чистых» погребальных комплексов могут оказать определенную помощь в выделении разновозрастных (и разнокультурных) кремневых индустрий из среды многослойных памятников эпохи камня – энеолита Волго-Камья даже при отсутствии данных по источникам каменного сырья.

Вместе с тем, на примере стоянок и погребений северной части Икско-Бельского междуречья можно еще раз убедиться в неслучайном присутствии микропластин и вкладышей в каменном инвентаре многослойных поселений позднего каменного века – раннего металла Урало-Поволжья. Бытование пластинчатых индустрий параллельно с технологиями производства бифасов в позднем каменном и медно-каменном веках все чаще фиксируется исследователями в материалах не только погребений, но и поселенческих комплексов региона.

Особенности каменной индустрии зачастую могли быть обусловлены спецификой сырьевой базы (местной либо удаленной от памятника). В эпоху неолита – энеолита, по верному замечанию В.С. Мосина, «несмотря на развитую в это время технологию

изготовления двусторонне обработанных орудий, необходимость экономии качественного сырья предопределяла использование в хозяйстве более экономичных вкладышевых орудий и предельную утилизацию имеющихся нуклеусов» (Мосин, 2011, с. 75). На протяжении эпохи камня и раннего металла в зависимости от качества и степени доступности каменного сырья, имевшегося в распоряжении населения, в его индустрии могут быть выделены несколько «субиндустрий»

с соответствующими сырьевыми стратегиями. Такие каменные субиндустрии могли бытовать не только последовательно (с точки зрения хронологии), но и параллельно друг другу (Тарасов, 2009). Таким образом, в обосновании культурно-хронологических схем эпохи камня и раннего металла следует учитывать вероятность гораздо более сложного развития и взаимодействия кремневых индустрий и субиндустрий в нашем регионе, чем было принято думать ранее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Археологические памятники Восточного Закамья. – Казань, 1989.
2. Барынкин П.П. Керамика памятников хвалынской культуры Поволжья (к характеристике типологических связей памятников региона) // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Исследования материалов. – Самара, 2010.
3. Васильев И.Б., Габяшев Р.С. Взаимоотношения энеолитических культур степного, лесостепного и лесного Поволжья и Прикамья // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. – Куйбышев, 1982.
4. Васильев И.Б., Овчинникова Н.В. Ранний энеолит. Самарская культура // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век. – Самара, 2000.
5. Выборнов А.А. Неолит Волго-Камья. – Самара, 2008.
6. Выборнов А.А., Горбунов В.С., Обьденнов М.Ф. Поселение Бачки-Тау II – новый памятник неолита–энеолита Нижнего Прибеля // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. – Куйбышев, 1982.
7. Габяшев Р.С. Русско-Азиебейская стоянка // Древности Иско-Бельского междуречья (Отчеты НКАЭ ИА АН СССР. Вып. 2. Работы Татарского отряда). – Казань, 1978.
8. Габяшев Р.С. Второе Татарско-Азиебейское поселение // Древности Иско-Бельского междуречья (Отчеты НКАЭ ИА АН СССР. Вып. 2. Работы Татарского отряда). – Казань, 1978а.
9. Габяшев Р.С. Итоги раскопок III Русско-Азиебейской стоянки // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. – Казань, 1981.
10. Габяшев Р.С. Исследования памятников каменного века и эпохи раннего металла казанскими археологами в 1965–1981 гг. // Новое в археологии и этнографии Татарии. – Казань, 1982.
11. Габяшев Р.С. Население Нижнего Прикамья в V–III тысячелетиях до нашей эры. – Казань, 2003.
12. Галимова М.Ш. Реконструктивные возможности технологического и трасологического подходов к изучению кремневых индустрий (на примерах из первобытной археологии Волго-Камья) // Вестник антропологии. Вып. 15, ч. I. – М., 2007.
13. Галимова М.Ш. Развитие технологии производства каменных орудий и проблемы реконструкции сырьевой стратегии и охотничье-хозяйственной деятельности

первобытного населения Волго-Камья // Археология и естественные науки Татарстана. Кн. 3. Проблемы изучения первобытности и голоцена в Волго-Камье. – Казань, 2008.

14. Галимова М.Ш., Бугров Д.Г. Новые материалы по энеолиту Икско-Бельского междуречья // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историографии. Чтения памяти К.В. Сальникова. – Уфа, 2007.

15. Галимова М.Ш., Казаков Е.П. Минняровское погребение каменного века в Икско-Бельском междуречье // Тверской археологический сборник. Вып. 7. – Тверь, 2009.

16. Галимова М.Ш., Чурбанов А.А. Археоминералогические исследования эпохи камня Волго-Камья // КСИА. – 2012. – Вып. 227.

17. Казаков Е.П. Неолитические погребения в восточных районах Татарии // СА. – 1978. – № 2.

18. Казаков Е.П. Детское погребение эпохи камня на востоке Татарии // Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья. – М., 2005.

19. Казаков Е.П. Памятники эпохи камня в Закамье. – Казань, 2011.

20. Крижевская Л.Я. Среднее Поволжье, Волго-Камье, Приуралье. (Глава 4) // Неолит Северной Евразии. – М., 1996.

21. Косменко М.Г. Новая мезолитическая стоянка в устье р. Белой // Отчеты НКАЭ. Вып. I. – М., 1972.

22. Косменко М.Г. О некоторых мезолитических памятниках Икско-Бельского междуречья // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. – Казань, 1981.

23. Косменко М.Г. Итоги раскопок IV Татарско-Азиевской стоянки // Древности Икско-Бельского междуречья (Отчеты НКАЭ ИА АН СССР. Вып. 2. Работы Татарского отряда). – Казань, 1978.

24. Лычагина Е.Л. Энеолит Пермского Предуралья // Очерки археологии Пермского Предуралья. – Пермь, 2002.

25. Мосин В.С. Стоянка Шатанов 3 на озере Иртяш. – Челябинск, 2011.

26. Мосин В.С., Никольский В.Ю. Кремль и яшма в материальной культуре населения каменного века Южного Урала. – Екатеринбург, 2008.

27. Мельничук А.Ф. О памятниках борского типа в Прикамье // Энеолит лесного Урала и Поволжья. – Ижевск, 1990.

28. Наговицын Л.А. Периодизация энеолитических памятников Вятского края // Проблемы изучения каменного века Волго-Камья. – Ижевск, 1984.

29. Наговицын Л.А. О хозяйстве населения Вятского края в эпоху энеолита // Проблемы изучения древней истории Удмуртии. – Ижевск, 1987.

30. Наговицын Л.А. Новоильинская, гаринско-борская и юртиковская культуры // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М.: Наука, 1987.

31. Сорокин А.Н. О мезолитической подоснове неолитических индустрий Северной Евразии // Археологические памятники Восточной Европы. Вып. 14. – Воронеж, 2011.

32. Стоколос В.С. Старо-Нагаевский могильник // Эпоха меди юга Восточной Европы. – Куйбышев, 1984.

33. Тарасов А.Ю. Адаптация к локальной сырьевой базе, технологическое развитие каменных индустрий и социальное развитие древних обществ: на примере культур Карелии периода неолита – раннего железного века // Адаптация культуры населения Карелии к особенностям местной природной среды периодов мезолита – средневековья. Гуманитарные исследования. Вып. 4. – Петрозаводск, 2009.

34. Цыгвинцева Т.А. Сравнительный анализ кремневых индустрий раннеэнеолитических памятников бассейна р. Вятки (технологический аспект) // Тверской археологический сборник. Вып. 7. – Тверь, 2009.

35. Цыгвинцева Т.А. Каменная индустрия Кочуровского IV поселения эпохи энеолита (по данным трасологии и технологии): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Ижевск, 2010.

36. Чурбанов А.А. Минералогические и петрографические методики выявления источников сырья для производства каменных орудий // Археология и естественные науки Татарстана. Кн. 3. Проблемы изучения первобытности и голоцена в Волго-Камье. – Казань, 2008.

37. Шипилов А.В. Энеолит Икско-Бельского междуречья (по материалам поселенческих памятников): Автореф. дисс... канд. ист. наук. – Казань, 2012.

38. Galimova M. Stone Age burial sites in eastern Tatarstan: use-wear and technological analyses of the flint assemblages// 'Prehistoric Technology' 40 years later: Functional Studies and the Russian Legacy. Proceedings of the International Congress Verona (Italy), 20–23 April 2005. BAR International Series 1783. – Verona, 2008.

39. *Архивные материалы:*

40. Отчет о работах Татарского отряда Нижнекамской археологической экспедиции в 1969 г. Казань, 1970 // Научный фонд Музея археологии Республики Татарстан Института истории им. Ш. Марджани АН РТ.

41. Косменко М.Г. Мезолит Среднего Поволжья: Дисс. ... канд. ист. наук. – М., 1972. – 201 с. // Архив ИА РАН: Р-2 2098.

Информация об авторе:

Галимова Мадина Шакировна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань, Россия); mgalimova@yandex.ru

THE MESOLITHIC – ENEOLITHIC FLINT ASSEMBLAGES FROM THE NORTH PART OF IK-BELAYA INTERFLUENT AREA

M.Sh. Galimova

The article deals with the problem of chronological demarcation of complexes from a multi-layered settlement site dated back to the Stone Age through to the Chalcolithic and located in the Belaya River mouth, in the vicinity of Azibei Lake. As a result of mineralogical and petrographic study of silicate assemblages, a peculiar type of raw material, stratified grey flint, has been identified. It is supposed that the plates and other tools made of this specific flint had been used predominantly in the Late Neolithic – Early Chalcolithic. The flint tool sets discovered in the chronologically similar isolated complexes of the Rusky Shugan and Minniarovo burial ground sites confirm this hypothesis.

Key words: archaeology, the Mesolithic, the Neolithic, the Chalcolithic, flint, plate industries, burial complexes, the Volga-Kama river region

REFERENCES

1. Kazakov, E. P. (ed.). 1989. *Arkheologicheskaja karta Tatarskoj ASSR. Arkheologicheskie pamiatniki Vostochnogo Zakam'ia (Archaeological Map of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic. Archaeological Sites of the Eastern Trans-Kama)*. Kazan: G. Ibragimov Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).

2. Barynkin, P. P. 2010. In Agapov S. A. (ed.). *Khvalynskie eneoliticheskie mogil'niki i khvalynskaia eneoliticheskaia kul'tura. Issledovaniia materialov (Khvalynsk Chalcolithic Burial Grounds and*

the Khvalynsk Chalcolithic Culture: A Study of Materials). Samara: “SROO IKEKA «Povolzh’e»” Publ. (in Russian).

3. Vasil’ev, I. B., Gabiashev, R. S. 1982. In Merpert, N. Ya., Vybornov, A. A. (eds.). *Volgo-Ural’skaia step’ i lesostep’ v epokhu rannego metalla (Volga and Ural Steppe and Forest-Steppe in the Early Metal Age)*. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical University named after V. V. Kuybyshev, 3–23 (in Russian).

4. Vasil’ev, I. B., Ovchinnikova, N. V. 2000. In *Istoriia Samarskogo Povolzh’ia s drevneishikh vremen do nashikh dnei. Kamennyi vek (The History of the Samara Volga Region from Antiquity to Our Days. Stone Age)*. Samara: Russian Academy of Sciences, Samara Scientific Center, 216–277 (in Russian).

5. Vybornov, A. A. 2008. *Neolit Volgo-Kam’ia (The Neolithic Age of the Volga-Kama Region)*. Samara: Samara State Pedagogical University (in Russian).

6. Vybornov, A. A., Gorbunov, V. S., Obydenov, M. F. 1982. In Merpert, N. Ya., Vybornov, A. A. (eds.). *Volgo-Ural’skaia step’ i lesostep’ v epokhu rannego metalla (Volga and Ural Steppe and Forest-Steppe in the Early Metal Age)*. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical University named after V. V. Kuybyshev, 195–209 (in Russian).

7. Gabiashev, R. S. 1978. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Drevnosti Iksko-Bel’skogo mezhdurech’ia (Antiquities of the Ik and Belaya Interfluves Area)*. Series: Reports of Lower Kama Archaeological expedition of the USSR Academy of Sciences. Issue 2, Fieldworks of Tatarian Team. Kazan: Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 22–39 (in Russian).

8. Gabiashev, R. S. 1978. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Drevnosti Iksko-Bel’skogo mezhdurech’ia (Antiquities of the Ik and Belaya Interfluves Area)*. Series: Reports of Lower Kama Archaeological expedition of the USSR Academy of Sciences. Issue 2, Fieldworks of Tatarian Team. Kazan: Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences. Kazan, 40–66 (in Russian).

9. Gabiashev, R. S. 1981. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Ob istoricheskikh pamiatnikakh po dolinam Kamy i Beloi (On the Historical Sites in Kama and Belaya River Valleys)*. Kazan: Kazan Branch of the Academy of Sciences of the USSR, Language, Literature and History Institute, 11–24 (in Russian).

10. Gabiashev, R. S. 1982. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Novoe v arkhologii i etnografii Tatarii (New Discoveries into the Archaeology and Ethnography of Tataria)*. Kazan: G. Ibragimov Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 5–12 (in Russian).

11. Gabiashev, R. S. 2003. *Naselenie Nizhnego Prikam’ia v V–III tysiacheletiiakh do n.e. (Population of the Lower Kama during the V–III Millennia BC)*. Kazan: “Fän” Publ., (in Russian).

12. Galimova, M. Sh. 2007. In *Vestnik antropologii (Bulletin of Anthropology)* 15 (I). Moscow, 137–143 (in Russian).

13. Galimova, M. Sh. 2008. In *Problemy izucheniia pervobytnosti i golotsena v Volgo-Kam’e (Issues of Study of Prehistory and Holocene in the Volga and Kama Rivers Area)*. Series: *Arkheologiya i estestvennye nauki Tatarstana (Archaeology and Natural Sciences of Tatarstan)* 3. Kazan: “Alma-Lit” Publ., 48–92 (in Russian).

14. Galimova, M. Sh., Bugrov, D. G. 2007. In *Formirovanie i vzaimodeistvie ural’skikh narodov v izmeniaiushcheisia etnokul’turnoi srede Evrazii: problemy izucheniia i istoriografii (Formation and Interaction of the Uralic Peoples in the Changing Ethno-Cultural Milieu of Eurasia: Issues of Study and Historiography)*. Ufa: “Kitap” Publ., 104–109 (in Russian).

15. Galimova, M. Sh., Kazakov, E. P. 2009. In *Tverskoi arkhologicheskii sbornik (Tver Archaeological Bulletin)* 7. Tver, 317–322 (in Russian).

16. Galimova, M. Sh., Churbanov, A. A. 2012. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkhologii (Concise Bulletins of the Institute for Archaeology)* 227, 172–179 (in Russian).

17. Kazakov, E. P. 1978. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 165–177 (in Russian).

18. Kazakov, E. P. 2005. In Zhilin, M. G. (ed.). *Kamennyi vek lesnoi zony Vostochnoi Evropy i Zaural'ia* (*The Stone Age of the Forest Zone of Eastern Europe and the Trans-Urals*). Moscow: "Academia" Publ., 274–279 (in Russian).
19. Kazakov, E. P. 2011. *Pamiatniki epokhi kamnia v Zakam'e* (*Sites of the Stone Age in the Trans-Kama Area*). Series: Arkheologiiia Povolzh'ia i Urala (Archaeology of the Volga Area and Ural) 1. Kazan: "Foliant" Publ. (in Russian).
20. Krizhevskaiia, L. Ya. 1996. In Oshibkina, S. V. (ed.). *Neolit Severnoi Evrazii* (*The Neolithic of Northern Eurasia*). Series: Arkheologiiia SSSR (Archaeology of the USSR) 3. Moscow: "Nauka" Publ., 243–252 (in Russian).
21. Kosmenko, M. G. 1972. In *Otchety Nizhnekamskoi arkheologicheskoi ekspeditsii* (*Reports of the Lower Kama Archaeological Expedition*) I. Moscow: "Znanie" Publ., 46–56 (in Russian).
22. Kosmenko, M. G. 1981. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Ob istoricheskikh pamiatnikakh po dolinam Kamy i Beloi* (*On the Historical Sites in Kama and Belaya River Valleys*). Kazan: Kazan Branch of the Academy of Sciences of the USSR, Language, Literature and History Institute, 5–10 (in Russian).
23. Kosmenko, M. G. 1978. In Bader, O. N. (ed.). *Drevnosti Iksko-Bel'skogo mezhdurech'ia* (*Antiquities of the Ik and Belaya Interfluves*). Series: Otchety Nizhnekamskoi arkheologicheskoi ekspeditsii Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR (Reports of the Lower Kama Archaeological Expedition, Academy of Sciences of the USSR, Institute for Archaeology) 2. Raboty Tatarskogo otriada (Fieldworks of the Tatarian Team). Kazan: Academy of Sciences of the USSR, Kazan Branch, 5–21 (in Russian).
24. Lychagina, E. L. 2002. In Belavin, A. M. (ed.). *Ocherki arkheologii Permskogo Predural'ia. Uchebnoe posobie dlia studentov i aspirantov* (*Essays on the History of Perm Cis-Urals: Textbook for graduate and post-graduate students*). Perm: Perm State Pedagogical University, 77–89 (in Russian).
25. Mosin, V. S. 2011. *Stoianka Shatanov 3 na ozere Irtiash* (*Shatanov 3 Site on the Irtyash Lake*). Chelyabinsk: "Rifei" Publ. (in Russian).
26. Mosin, V. S., Nikol'skii, V. Yu. 2008. *Kremen' i iashma v material'noi kul'ture naseleniia kamennogo veka Iuzhnogo Urala* (*Flint and Jasper in the Material Culture of the Southern Ural Stone Age Population*). Yekaterinburg: Russian Academy of Sciences, Ural Branch (in Russian).
27. Mel'nichuk, A. F. 1990. In Nagovitsyn, L. A. (ed.). *Eneolit lesnogo Urala i Povolzh'ia* (*Chalcolithic of the Ural and Volga Area Forest Zone*). Izhevsk: Russian Academy of Sciences, Ural Branch, Udmurt Research Institute for History, Language and Literature, 97–104 (in Russian).
28. Nagovitsyn, L. A. 1984. In Nagovitsyn, L. A. (ed.). *Problemy izucheniiia kamennogo veka Volgo-Kam'ia* (*Issues of the Volga and Kama Rivers Area Stone Age Studies*). Izhevsk: Udmurt Research Institute for History, Economics, Language, and Literature, 89–123 (in Russian).
29. Nagovitsyn, L. A. 1987. In Nagovitsyn, L. A. (ed.). *Problemy izucheniiia drevnei istorii Udmurtii* (*Problems of Udmurtia's Ancient History Study*). Izhevsk: "Goskomitet Udmurtskoi ASSR po delam izdatel'stv, poligrafii i knizhnoi torgovli" Publ., 26–43 (in Russian).
30. Nagovitsyn, L. A. 1987. In Bader, O. N., Krainov, D. A., Kosarev, M. F. (eds.). *Epokha bronzy lesnoi polosy SSSR* (*Bronze Age of the Forest Zone of the USSR*). Series: Arkheologiiia SSSR (Archaeology of the USSR) 8. Moscow: "Nauka" Publ., 28–34 (in Russian).
31. Sorokin, A. N. 2011. In *Arkheologicheskie pamiatniki Vostochnoi Evropy* (*Archaeological Sites of Eastern Europe*) 14. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University, 27–40 (in Russian).
32. Stokolos, V. S. 1984. In Merpert, N. Ya. (ed.). *Epokha medi iuga vostochnoi Evropy* (*Copper Age in Southern Part of Eastern Europe*). Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 22–42 (in Russian).
33. Tarasov, A. Yu. 2009. In Kosmenko, M. G. (ed.). *Adaptatsiia kul'tury naseleniia Karelii k osobennostiam mestnoi prirodnoi sredy periodov mezolita – srednevekov'ia* (*Adaptation of the Culture of Residents of Karelia to Peculiarities of the Natural Environment from Mesolithic to Middle Ages*). Series: Gumanitarnye issledovaniia (Humanitarian Studies) 4. Petrozavodsk: Russian Academy of Sciences, Karelia Scientific Center, 111–134 (in Russian).

34. Tsygvintseva, T. A. 2009. In *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Bulletin)* 7. Tver: “Triada” Publ. (in Russian).
35. Tsygvintseva, T. A. 2010. *Kamennaia industriia Kochurovskogo IV poseleniia epokhi eneolita (po dannym trasologii i tekhnologii) (Stone Industry of the Kochurovo IV Site of the Chalcolithic Age: by the Data of Trasology and Technology)*. PhD Thesis. Izhevsk (in Russian).
36. Churbanov, A. A. 2008. In *Arkheologiya i estestvennye nauki Tatarstana (Archaeology and Natural Sciences of Tatarstan)* 3. *Problemy izucheniia pervobytnosti i golotsena v Volgo-Kam’e (Issues of Study of Prehistory and Holocene in the Volga and Kama Rivers Area)*. Kazan: “Alma-Lit” Publ., 196–209 (in Russian).
37. Shipilov, A. V. 2012. *Eneolit Iksko-Bel’skogo mezhdurech’ia (po materialam poselencheskikh pamiatnikov) (Chalcolithic of the Ik and Belaya Interfluves: by the Materials of the Inhabited Sites)*. PhD Thesis. Kazan (in Russian).
38. Galimova, M. 2008. Stone Age burial sites in eastern Tatarstan: use-wear and technological analyses of the flint assemblages. In *‘Prehistoric Technology’ 40 years later: Functional Studies and the Russian Legacy*. Proceedings of the International Congress Verona (Italy), 20–23 April 2005. BAR International Series 1783. Verona.
39. *Otchet o rabotakh Tatarskogo otriada Nizhnekamskoi arkheologicheskoi ekspeditsii v 1969 g. (Report on the Fieldworks of the Tatar Team, Lower Kama Archaeological Expedition, in 1969)*. Kazan, 1970. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Shigabuddin Marjani History Institute, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian).
40. Kosmenko, M. G. 1972. *Mezolit Srednego Povolzh’ia (Mesolithic of the Middle Volga Area)*. PhD Diss. Moscow. Archive of the Institute for Archaeology of the Russian Academy of Sciences: R-2 2098 (in Russian).

About the Authors:

Galimova Madina Sh. Candidate of Historical Sciences. Institute of History named after Sh. Marjani of Tatarstan Academy of Sciences. Kremlin, 5 entrance, Kazan, 420014, Republic of Tatarstan, Russian Federation; mgalimova@yandex.ru

О СТРОИТЕЛЬНОМ МАТЕРИАЛЕ И МЕТРОЛОГИИ ХАЗАРО-АЛАНСКИХ ГОРОДИЩ БАССЕЙНА ДОНА

© 2012 г. Г.Е. Афанасьев

В статье поднимается вопрос об истоках архитектурных традиций салтово-маяцкой культуры, воплощенных в хазаро-аланских крепостях бассейна Дона. По мнению автора, появление кирпичного зодчества в Хазарии связано с деятельностью мастеров из византийского Херсона и Азиатского Боспора. Изучение параметров кирпичей из развалов стен Маяцкого городища приводит к выводу, что крепость строили специалисты, хорошо знающие византийскую метрологию и византийские архитектурные и строительные традиции. Метрологическая и хронологическая характеристики хазаро-аланских городищ дают основания связывать их возведение с информацией византийских источников о строительстве византийскими специалистами крепости Саркел. Это отвечало интересам Византии и Хазарии в связи с общей политической ситуацией, сложившейся в 30–50-х гг. IX в. между Хазарским каганатом, Византией, Аланией, Русью и Арабским халифатом.

Ключевые слова: археология, бассейн Дона, Хазария, Византия, Маяцкое городище, Саркел, фортификационная архитектура, кирпич, византийская плинфа, метрология.

Появление в 30-х годах IX в. в бассейне Дона городищ, стены которых сложены из кирпичей или из отесанных каменных блоков, – новое явление в фортификационном зодчестве хазаро-аланского населения. Такие памятники группируются в двух регионах: на Нижнем Дону (Левобережное и Правобережное Цимлянские, Семикараконское городища и, возможно, одно из Крымских городищ) и на Среднем Дону, в долине Тихой Сосны (Маяцкое, Верхнеольшанское, Колтуновское, Мухоудеровское, Алексеевское и Красное городища). Поиск истоков архитектурных традиций, воплощенных в аланских крепостях Донецко-Донского междуречья и в типологически близких им хазарских фортификационных сооружениях Нижнего Дона, ведется уже многие десятилетия. В итоге были предложены четыре основных версии генезиса архитектуры подобных памятников: ви-

зантийская, сасанидская, болгарская и праболгарская (Афанасьев, 1987, с. 128–132; 1993, с. 129–141). Но следует признать, что качество первичной информации, которой часто оперируют участники дискуссии, далеко от того уровня, который требуется для конструктивного научного анализа, что видно на примере Маяцкого городища. Исследователи, предлагающие архитектурные, социальные или этнокультурные варианты оценок, комментариев или интерпретаций этого памятника, пользуются разным исходным материалом, различающимися представлениями о строительных материалах и строительных приемах, о размерах, о плане и внутреннем пространстве этого крепостного сооружения (табл. 1). Используемая ими информация не является результатом точных архитектурных обмеров. Приходится констатировать, что источник базовой информации – это глазомер-

ная съемка или не инструментальные замеры, а часто и грубое округление опубликованных ранее мерных характеристик. Естественно, что без точных архитектурных обмеров ключевых конструктивных элементов этого памятника любые рассуждения о его плане и внутреннем пространстве с задачей реконструкции архитектурных идей раннесредневекового автора проекта крепости (Плетнева, 2000, с. 55) или ее плановой структуры и фортификационного потенциала (Флеров, Флерова, 2008, с. 59–61) вряд ли будут иметь научную перспективу.

Для правильного понимания процесса генезиса хазаро-аланской фортификационной архитектуры чрезвычайно важным является решение вопроса об истоках традиции изготовления кирпича и каменных блоков в контексте их параметрических характеристик. Сходный процесс внезапно появления кирпичной архитектуры прослеживается в русских городах времен Владимира, когда там возводятся памятники церковной и светской кирпичной архитектуры. Б.А. Рыбаков считал, что она могла быть заимствована или в Византии, или в Хазарии, или в Дунайской Болгарии (Рыбаков, 1948, с. 342–373). Последующее изучение материала доказало византийские истоки кирпичного зодчества на Руси (Ёлшин, 2008, с. 5–206). Понятен интерес исследователей, пытающихся решить проблему генезиса хазаро-аланской фортификации (рис. 1, 2), одним из аспектов которой является формат кирпича. Более полувека назад М.И. Артамонов предположил, что, несмотря на информацию византийских источников о строительстве Саркела византийскими мастерами (Багрянородный, 1989, с. 171–175), в

саркельском кирпиче нет ничего византийского (Артамонов, 1958, с. 25). По мнению Б.А. Рыбакова, раскопанное в Тмутаракане шестигранное здание хазарского времени было сооружено из камня и кирпича «закавказского типа» (Рыбаков, 1957, с. 90).

Эти высказывания сформировали «восточное» направление поиска истоков архитектурных традиций памятников типа Левобережного Цимлянского городища (Раппопорт, 1959, с. 39; Плетнева, 1996, с. 20; Флеров, 2002, с. 158; Живков, 2010, с. 292, 293). Его сторонники считают, что умение изготовлять кирпич строители Саркела переняли у жителей Оренкалы, но при этом не учитываются три обстоятельства. Во-первых, стены Оренкалы с кирпичами, сходными по размерами с саркельскими, лежат на культурном слое IX в. и относятся к X–XI вв. (Минкевич-Мустафаева, 1959, с. 151, 173), когда Саркел уже был построен. Во-вторых, городище Оренкала скрывает остатки Байлакана, который входил в состав Арабского халифата вплоть до начала X в. Жители крупнейшего арабского укрепрайона в Закавказье вряд ли могли участвовать в возведении фортификационных сооружений для своего исторического противника – Хазарского каганата, с которым они непрерывно воевали на протяжении более двух столетий. В-третьих, саркельский формат кирпича можно найти и в близких к Хазарии землях Византийской империи. Существует и другая версия, указывающая на «восточное» направление. Суть ее в том, что характер кладки и размеры донских кирпичей имеют аналогии в Иране (Галкина, 2006, с. 434–460). Они, якобы, передавались салтовцам через «сармато-аланские

Таблица 1

Представления исследователей о форме и размерах Маяцкого городища.

Автор (год)	Размеры крепости	Форма крепости	Размеры «цитадели»
Вейнберг Л.Б. (1890 г.)	40 x 40 саж		
Спицын А.А. (1896 г.)	42 x 38 саж	четырёхугольник	
Струков Д.М. (1897 г.)	80 x 50 саж	прямоугольник	
Тевяшов В.Н. (1902 г.)		четырёхугольник	
Трунов М.П. (1902 г.)	100 x 140 x 100 x 120 арш	трапеция	28 x 22 арш
Трунов М.П. (1902 г.)	140 x 80 арш	четырёхугольник	30 x 20 арш
Милютин А.И. (1906 г.)	200 x 140 x 130 x 150 шаг		59 x 42 шаг
Спицын А.А. (1909 г.)	50 x 38 саж	четырёхугольник	20 x 10 саж
Макаренко Н.Е. (1911 г.)	37 x 44 x 39 x 53 саж	четырёхугольник	20x12x10 саж
Stratonov I. (1936 г.)	100 x 80 м		40 x 20 м
Артамонов М.И. (1940 г.)	115 x 79 м	трапеция	45 x 23 x 21 м
Плетнева С.А. (1967 г.)	94 x 84 м	прямоугольник	35 x 25 м
Плетнева С.А. (1975 г.)	снаружи – 125 x 110 м; внутри – 75 x 75 м	трапециевидный квадрат	
Pletnjowa S.A. (1978 г.)	105 x 85 м	прямоугольник	
Плетнева С.А. (1981 г.)	80 x 80 м	прямоугольник	40 x 40 м
Плетнева С.А., Титов В.С. (1982 г.)	115 x 100 м	почти квадрат	
Флёров В.С. (1994 г.)	115 x 90 м		
Плетнёва С.А. (2000 г.)		прямоугольная (немного трапециевидная)	
Свистун Г.Е. (2002 г.)	115 x 90 м		
Зотов В.В. (2005 г.)	95 x 80 м		
Винников А.З. (2006 г.)	95 x 80 м		47 x 27 м
Флёров В.С., Флёрова В.Е. (2008 г.)		строгий прямоугольник	
Захарова Е.Ю. (2011 г.)	95 x 80 м		
Флёров В.С. (2011 г.)	95 x 80 м		47 x 27 м

племена степей» (?) и через аланские племена Северного Кавказа. Но о каких аналогиях может идти речь, если нет никаких археологических памятников, позволяющих моделировать такую хронологическую и типологическую цепочку?

При использовании византийской глины для сравнения с донским кирпичом хазарского времени важно иметь в виду, что кирпичное производство Византии уходит своими истоками в римское время. Витрувий упоминает о кирпичах в пяти местах своего сочинения, подробно описывая

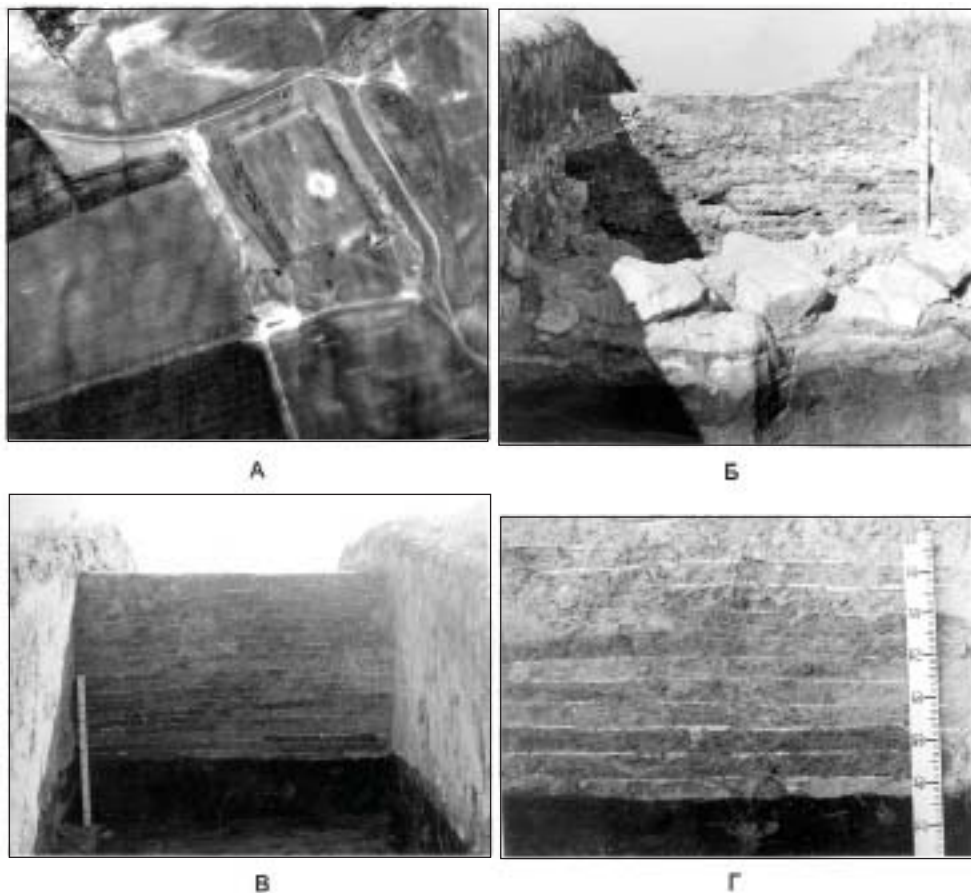

Рис. 1. Колтуновское городище: А – аэрофотоснимок городища; Б – вид внешней стороны кирпичной стены с развалом облицовки из меловых блоков; В – вид внутренней стороны стены; Г – кладка сырцовых кирпичей на известковом растворе.

их размеры. Самый маленький кирпич назывался бессалис. Он имел сторону в две трети фута – около 20 см при толщине 4,5 см. Следующий по размеру кирпич – педалис имел сторону величиной в фут – 29,5 см и соответствовал греческому кирпичу тетрадорон. Далее идет сесквипедалис со стороной, равной полутора футам – 44,3 см и, наконец, бипедалис со стороной в два фута – 59 см. Греческие кирпичи тетрадорон имели сторону в 29,5 см, а пентодорон имели сторону в 36,9 см. Существовал и так называемый лидийский кирпич со сторонами 40 x 28

x 4 см (Витрувий, 2006, с. 144). Римская традиция разнообразия размеров кирпича была наследована византийской строительной практикой.

Раскопки в византийской провинции опровергают утверждение, что саркельский кирпич с длинной стороной 22–27 см не соответствуют византийским образцам. Кирпичи размером 27 x 27 x 5 см широко применялись в Новае (Вієгнаскі, 2003, р. 11). В Царичин Граде они варьировали от 27 до 43 см (Јереміћ, 2006, с. 213–238). В Сагалассосе наибольшее распространение имели кирпичи размерами 26 x

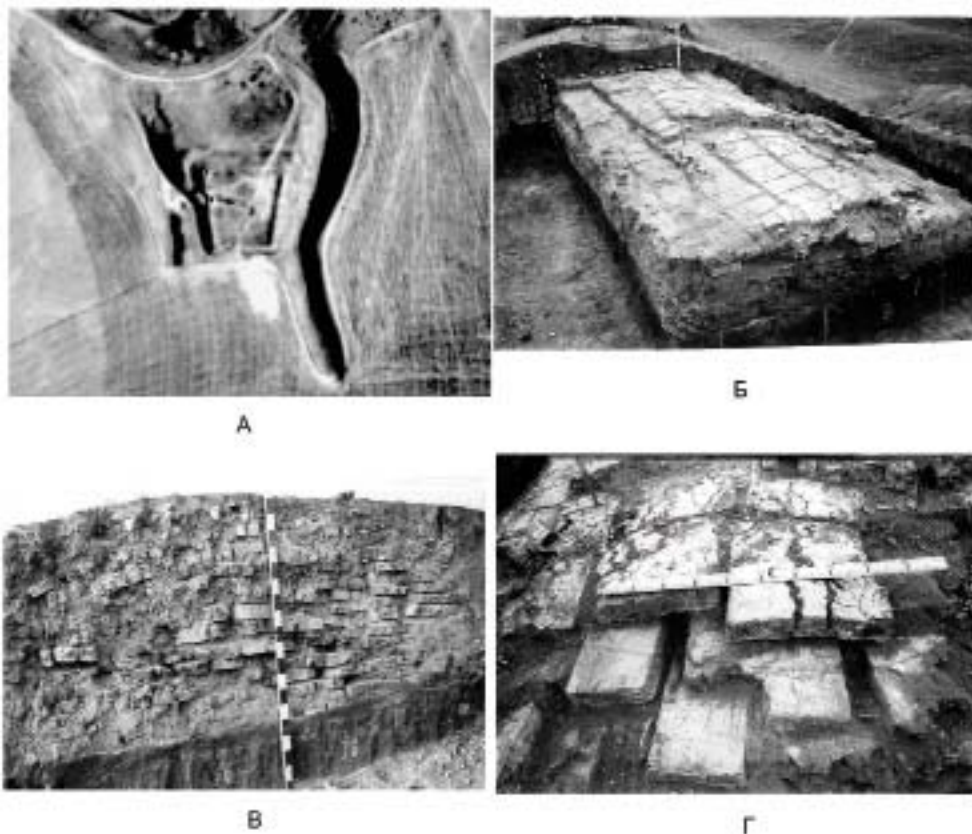

Рис. 2. Красное городище: А – аэрофотоснимок городища; Б – вид участка крепостной стены; В – разрез крепостной стены; Г – система кладки кирпичей.

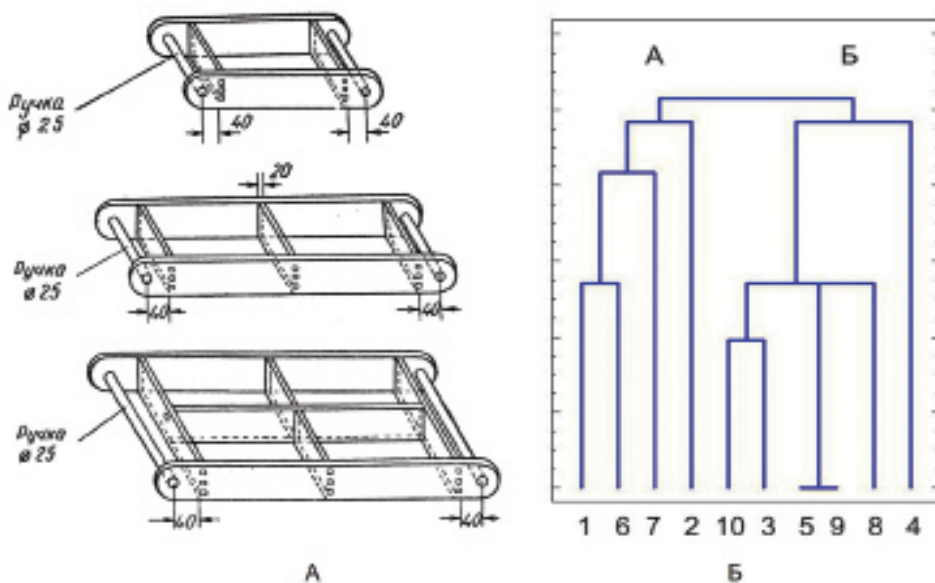

Рис. 3. Группировка донских кирпичей: А – рама-пролетка для изготовления кирпича разных форматов; Б – дендрограмма донских кирпичей (1–10 – типы кирпичей).

26 см (Mills, 2012). Обожженные кирпичи со сторонами от 20 до 30 см в комбинации с каменными блоками использованы в византийских постройках в Леросе (Benson, 1963, p. 4). При возведении стен часовни в Аполионте была применена характерная византийская техника кладки стен из чередующихся поясов каменных блоков и кирпичей 26 x 24 x 3,5 см (Çetinkaya, 2010, p. 165). Изучение размеров кирпича в памятниках IV–IX вв. Абхазии показывает, что они колеблются в пределах от 21 до 56 см (Сакания, 2008, с. 955). Аналогичные размеры этого строительного материала встречаются и на Ближнем Востоке. В Бейт-Шеане раскопаны постройки византийского времени, стены которых были возведены из сырцового кирпича 23 x 23 x 4 см (Atrash, 2009). В Египте при исследовании византийских бань в Мареа зафиксированы кирпичи с длинной стороны в 23,5 см (Szymańska, Babra, 2001, p. 45–59). На территории жилого квартала византийского портового города на Синайском полуострове раскопаны строения из сырцового кирпича с размерами сторон от 22 до 54 см. (Kawatoko, 2003). Традиции строительства из обожженного и сырцового кирпича 23–26 x 23–26 см сохранялись и после того как этот регион перешел под контроль Арабского халифата. В монастыре Архангела Михаила в Фаюме, все основные конструкции стен IX–XI вв. возведены из сырцовых и обожженных кирпичей с длинными сторонами 22–27 см (Maślak, 2005, p. 206–218). Приведенные данные показывают, что кирпичи со стороной 22–27 см появляются в римское время (El-Gohary, Al-Naddaf, 2009, p. 29–42), а позже фиксируются практически на всей территории

Византийской империи. Эти факты доказывают несостоятельность предположений тех исследователей, кто в поисках истоков донского крепостного зодчества IX в. опирается на мнимое отсутствие саркельского формата кирпича в византийской строительной практике.

Какие же факторы в технологической цепочке производства кирпича влияли на его размеры? Во-первых, это антропометрический фактор (Успенский, 1888, с. 235), то есть величина мерной единицы на основе каких-то частей человеческого тела – пальца, кисти, стопы, локтя (табл. 2), которая применялась при изготовлении рамы-пролетки (рис. 3-А) для формовки кирпича. В Византии практиковались различные линейные меры, но наиболее распространенными были измерения на основе римской (29,57 см), византийской (31,23 см) или греческой стопы (31,48 см), которые были переменными. Размер конечного продукта зависел и от того, каким образом измерялась рама-пролетка. Обычно при ее изготовлении используются доски толщиной около 20 мм (1 дактиль). Если при изготовлении рамы-пролетки она замерялась по внешней стороне, то размеры получаемого кирпича до его сушки будут на 2 дактиля меньше. Если же замеры проводились по внутренней стороне, то размеры кирпича до его сушки будут равны заданным. Наконец еще один фактор, влияющий на конечные параметры кирпича, это усадка. В зависимости от качества сырья она может варьировать от 5% до 10% и более. Для определения пластичности сырья применялся простой способ. На постельную сторону тестового образца наносилась линия определенной длины. После

Таблица 2

Византийские линейные меры (по D.I. Loizos).

Название меры	Значение	Дактили	Сантиметры
δάκτυλος <i>dáktylos</i>	толщина пальца	1	1,97
παραίστη <i>palaiste</i>	ширина ладони	4	7,87
σπιθαμή <i>spithamé</i>	пядь	12	23,61
πούς <i>poús</i>	стопа	16	31,48
πῆχυς <i>pech</i>	локоть	24	47,22
οργυία <i>orgyia</i>	сажень	96	188,88

сушки кирпича она вновь измерялась. Разница между первоначальной и окончательной длиной составляла величину усушки. При большой усушке в глину добавляли отошители – песок, шлак, органику и т.д.

Разнообразие донского кирпича представлено в таблице 3. В соответствии критерием «сырцовый/обожженный» и дифференциацией размеров намечаются 10 типов кирпичей¹. Каждый из них имеет 7 вариантов, выделенных в зависимости от способа замера формы-пролетки и степени усадки глиняной массы. Возникает вопрос о сопряженности между собой разных типов кирпича. Кластерный анализ переменных (типов) позволил выделить две группы (рис. 3-Б). Группа «А» объединяет сырцовые и обожженные кирпичи типа 1, 2, 6, 7, имеющие размеры на основе $\frac{3}{4}$ стопы (1 спифа) или 1 стопы. Использование кирпичей группы «А» характерно для региона Нижнего Дона (Семикаракорское, Левобережное, Правобережное городища). Группа «Б» состоит из

сырцовых и обожженных кирпичей, сформованных на основе $1\frac{1}{2}$ стопы, $1\frac{1}{2}$ стопы (1 локтя) и 2 стоп. Они в большей степени присущи памятникам долины Тихой Сосны (Красное, Алексеевское и Колтуновское городища). Общим для обоих регионов является кирпич размером в 1 стопу. Если за данной группировкой скрываются локальные особенности в традициях бригад, возводивших крепости на Нижнем Дону и в долине Тихой Сосны, то возникает вопрос: где можно найти ближайшие к Хазарскому каганату кирпичи группы «А» и «Б»?

Как известно, Петрона достиг Херсона с хеландиями судов царских и катепана Пафлагонии. Затем он пересел на транспортные суда и прошел через Боспор Киммерийский и Меотиду к устью Таниса (Багрянородный, 1989, с. 171–175). Его маршрут проходил вдоль южного, юго-восточного, восточного побережья Крыма, вдоль западного и северного побережья Таманского полуострова. Истоки донских кирпичей группы «А» прослеживаются в южном и восточном Крыму. Плинфа со сторонами 23–27 см часто встречается в Херсоне в качестве подъемного материала (Сорокопуд, Филоненко, 1999, с. 71–74). Сведений о ее датированных экземплярах мало, но все же они есть. В 1959 г. исследуется

¹ Группировка кирпича на основе его толщины носит дескриптивный характер (Флеров, 2009, с. 489–534). Она непригодна для сравнительного анализа первоисточника и данных нарративных документов, в которых разнообразие кирпича описывается размерами его сторон.

Таблица 3

Встречаемость типов донских кирпичей и соотношение их длины с византийскими линейными мерами на основе греческой стопы.

	сырцовый кирпич				
	1	2	3	4	5
размер формовочного ящика в гр. стопах	$\frac{3}{4}$ стопы	1 стопа	$1\frac{1}{2}$ стопы	$1\frac{1}{2}$ стопы	2 стопы
размер формовочного ящика в сантиметрах	23,61	31,48	41,97	47,22	62,96
усадка кирпича на 5%	22,43	29,91	39,87	44,86	59,81
усадка кирпича на 7%	21,96	29,28	39,03	43,91	58,5
усадка кирпича на 10%	19,45	28,33	37,77	42,5	56,66
усадка кирпича на 5% - двойной дактиль	18,49	25,97	35,93	40,92	55,87
усадка кирпича на 7% - двойной дактиль	18,01	24,34	35,09	39,97	54,56
усадка кирпича на 10% - двойной дактиль	17,31	24,39	33,83	38,56	52,71
Семикаракорское городище	x	x			
Левобережное городище	x				
Правобережное городище			x		
Таманское городище				x	
Фанагорийское городище		x		x	
Колтуновское городище		x	x	x	
Красное городище			x	x	x
Алексеевское городище		x			
		обожжённый кирпич			
	6	7	8	9	10
размер формовочного ящика в гр. стопах	$\frac{3}{4}$ стопы	1 стопа	$1\frac{1}{2}$ стопы	$1\frac{1}{2}$ стопы	2 стопы
размер формовочного ящика в сантиметрах	23,61	31,48	41,97	47,22	62,96
усадка кирпича на 5%	22,43	29,91	39,87	44,86	59,81
усадка кирпича на 7%	21,96	29,28	39,03	43,91	58,5
усадка кирпича на 10%	19,45	28,33	37,77	42,5	56,66
усадка кирпича на 5% - двойной дактиль	18,49	25,97	35,93	40,92	55,87
усадка кирпича на 7% - двойной дактиль	18,01	24,34	35,09	39,97	54,56
усадка кирпича на 10% - двойной дактиль	17,31	24,39	33,83	38,56	52,71
Семикаракорское городище	x	x			
Левобережное городище	x	x	x		
Правобережное городище		x			x
Таманское городище		x			
Фанагорийское городище					
Колтуновское городище					
Красное городище			x	x	x
Алексеевское городище					

дован склеп IV–V вв., ниша которого была заложена полуформатными кирпичами 25 x 15 x 3,4 см (Романчук, 1976, с. 159). В храме Богородицы Влахернской, время сооружения которого в рамках VI–X вв. активно диску-

тируется (Сорочан, 2007, с. 158–168), зафиксирована плинфа 25 x 14 x 4 см, из которой был сложен свод (Фомин, Шевцова, 2010). В гробничном мартырии Св. Василея (Сорочан, 2003, с. 146–173), купол был вымошен плин-

фой со сторонами в 25 и 26 см (Литовченко, 2010, с. 205). В квартале XVIII обнаружены остатки пояса кирпичной выкладки, включенной в каменную кладку. Она состояла из кирпичей 24–25 x 10,5 см и 28–29 x 14–15,5 см. Установлено, что это сооружение относится ко второй половине IX или к X в. (Белов, Стржелецкий, Якобсон, 1953, с. 218). В 1903 г. в раскопе близ монастырской трапезной обнаружены стены византийского времени, которые, по мнению исследователя, являлись частью цитадели. К ним примыкали помещения, пол одного из которых был вымощен кирпичами 23 x 23 x 8 см (Косцюшко-Валюжинич, 1905, с. 53). Л.А. Голофаст считает, что эти помещения принадлежат византийскому замку, возведенному до катастрофы конца X–XI вв., ставшей причиной его разрушения (Голофаст, 2009, с. 278). При исследовании остатков церкви Иоана Предтечи в Керчи, построенной на рубеже IX–X в. на фундаментах церкви VIII в., обнаружена плинфа 24 x 12 x 3 см (Макарова, 1997, с. 388). Это свидетельствует о том, что на территории Херсона и Херсонской фемы продолжалась традиция изготовления кирпича формата бессалес-педалес и практиковалось производство кирпича со стороной в $\frac{3}{4}$ греческой стопы или 1 спифаму. Этот формат применялся в регионе Боспора Киммерийского уже с рубежа н.э.: в фундаменте крепости Батарейка II Н.И. Сокольским были обнаружены обожженные кирпичи 24 x 24 x 4,5 см (Сокольский, 1967, с. 108–115).

Происхождение донских кирпичей группы «Б» связано с Таманским полуостровом, где формат в $1\frac{1}{2}$ –2 греческих стопы также фиксируются с рубежа н.э. Из сырца 52 x 52 x 7 см

возведены крепостные стены и помещения Батарейки II (Сокольский, 1967, с. 108–115). Аналогичным материалом построены стены форта Батарейка I. Там же зафиксированы кирпичи 35 x 20–17 x 8,5–8 см, из которых была сложена печь в погибшем от пожара помещении (Сокольский, 1963, с. 179–191). Раскопками Ильичевского городища установлено, что стены рубежа н.э. сложены из сырца 52 x 52 x 7 см, а внутренние помещения крепости строились в V–VI вв. из сырца 40–39 x 40–39 x 8 см (Николаева, 1981, с. 88–93). На Таманском полуострове известны и другие памятники, где зафиксирован кирпич византийско-хазарского времени, аналогичный группе «Б». Среди них Таматарха, Красноармейский 1, Кучугуры 1, Кепы, Фанагория, Гаркуша 1 (Патрей) и т.д. (Паромов, 2003, с. 146–170).

Все это приводит нас к заключению о том, что гипотеза об орен-калинских корнях кирпичной архитектуры IX в. в бассейне Дона, базирующаяся на отсутствии в византийской строительной практике плинфы размерами 23–27 см, лишается своего аргумента. Анализ материала показывает, что возводившие крепости строители отдавали предпочтение двум группам кирпичей, которые находят ближайшие параллели в Крыму и на Таманском полуострове. Это соответствует ранее высказанному предположению о том, что найденные на Левобережном городище мраморные капители и фрагменты колон были привезены туда из Херсона для постройки церкви (Артамонов, 1935, рис. 2, 3). Есть все основания с доверием отнестись к сообщениям письменных источников о строительстве византийскими специалистами крепости для хазар и вы-

разить сомнение в научной перспективе поиска истоков хазаро-аланской кирпичной фортификационной архитектуры в «восточном» направлении.

Одним из направлений поиска истоков фортификационного зодчества, воплощенного в каменном Маяцком городище и типологически близких ему памятников, является решение вопроса: какой из архитектурных традиций соответствует та метрическая система, которая может быть смоделирована на основании изучения информации о строительном материале? Попытки проанализировать строительный материал, из которого возводились крепости в Хазарском каганате, с задачей найти в его размерах следы метрологической системы или строительных «модулей» ранее уже предпринимались С.А. Плетневой и Г.Е. Свистуном. В первом случае наблюдаются явные методические ошибки в группировке материала, заимствованные из работ П.А. Раппопорта и отягощенные собственными упущениями в интерпретации этой группировки (Плетнева, 1996, с. 16), на что мне уже приходилось обращать внимание (Афанасьев, 2011, с. 108–119). Во втором – очевидна малочисленность материала (Свистун, 2002, с. 19–22; 2007, с. 405–406). Кроме того, автор использовал размеры блоков из раскопок С.А. Плетневой на Правобережном Цимлянском городище, которые по какой-то причине все оказались кратными 10 см. Однако общий вывод Г.Е. Свистуна о том, что при строительстве Правобережного и Левобережного Цимлянских городищ использовалась система мер, в которой единицей измерения была величина, близкая 30 см, заслуживает внимания.

В процессе раскопок Маяцкого городища в 1977–1982 гг. (рис. 4) мною проводился учет блоков, обнаруженных в развалах внешнего и внутреннего щита крепостных стен (рис. 5) и сохранивших свои первоначальные размеры. Удалось выявить и зафиксировать первоначальные параметры 902-х блоков, каждый из которых имел три замера – длину, ширину и толщину². Получены 2706 измерений, частоты которых отражают представления средневековых каменотесов о линейных мерах и об их величинах (Афанасьев, в печати). В качестве исходной рабочей гипотезы было принято предположение о том, что в этих мерах должна срываться информация о системе линейных измерений, которой пользовались средневековые строители и архитекторы, не только когда изготовляли каменные блоки, но и при выносе данного архитектурного проекта на местность. Статистическое исследование блоков из развалов Маяцких стен по признаку «ширина» показывает, что чаще всего встречаются блоки с шириной 30–33 см. При исследовании признака «длина» чаще всего встречаются блоки в 30–46 см. Что же касается признака «толщина», то здесь преобладают размеры 17,5–27,5 см. Результаты статистической обработки массового материала показывают, что среднестатистические размеры блока крепостной стены Маяцкого городища равны 41,8 x 29,5

² Утверждение некоторых исследователей о том, что массовых замеров строительных блоков Маяцкого городища не сделано (Флеров, Флерова, 2008, с. 60), не соответствует действительности. Вероятно, по каким-то причинам они не смогли ознакомиться с моими отчетами о раскопках этого памятника в 1977–1982 гг., хранящимися в архиве ИА РАН.

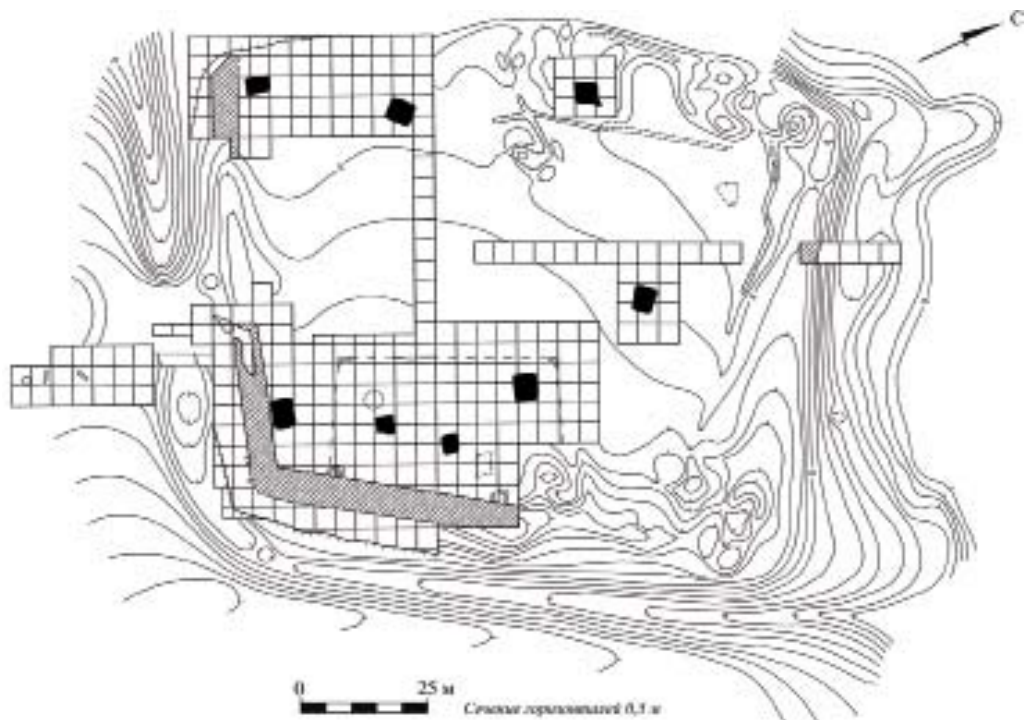

Рис. 4. План Маяцкого городища с раскопами 1975, 1977–1982 гг.

х 22,3 см (рис. 6-А). Важно обратить внимание на то обстоятельство, что среднестатистическая ширина блока (29,5 см) практически равна среднестатистической величине (31,19 см) в общей базе из 2706 измерений всех сторон блоков, найденных в развалах стен Маяцкого городища (разница составляет 17 мм). Сходство среднестатистической величины из общей базы измерений (31,19 см) с византийским футом (31,23 см) вполне очевидно, ошибка составляет всего 0,4 мм (византийский фут был больше римского фута (29,8 см), но меньше греческого фута (31,5 см). Идентичность этих величин дает основание полагать, что именно византийский фут (в тех размерах, которые используют П. Андервуд и Э. Шильбах для периода после эпохи Юстиниана, см.: Underwood, 1948, p. 64–74; Schilbach, 1970, p. 13–

16) и лежал в основе системы линейных мер, применявшихся каменотесами при изготовлении меловых блоков для строительства крепостных стен Маяцкого городища. Если сопоставить среднестатистическую ширину блока (равную византийскому футу) и среднестатистическую длину блоков, то получим соотношение 1:1½ византийского фута (разница составляет всего 13 мм). Дополняющая этот вывод закономерность прослеживается и при сравнении среднестатистической ширины блока со среднестатистической толщиной блока. Тенденция состоит в том, что при ширине блока в 1 византийский фут толщина блока должна была составлять $\frac{2}{3}$ византийского фута (разница всего 15 мм). Что же это за линейная мера – $\frac{2}{3}$ византийского фута? Трудно не заметить, что эта величина (22,3 см) при-

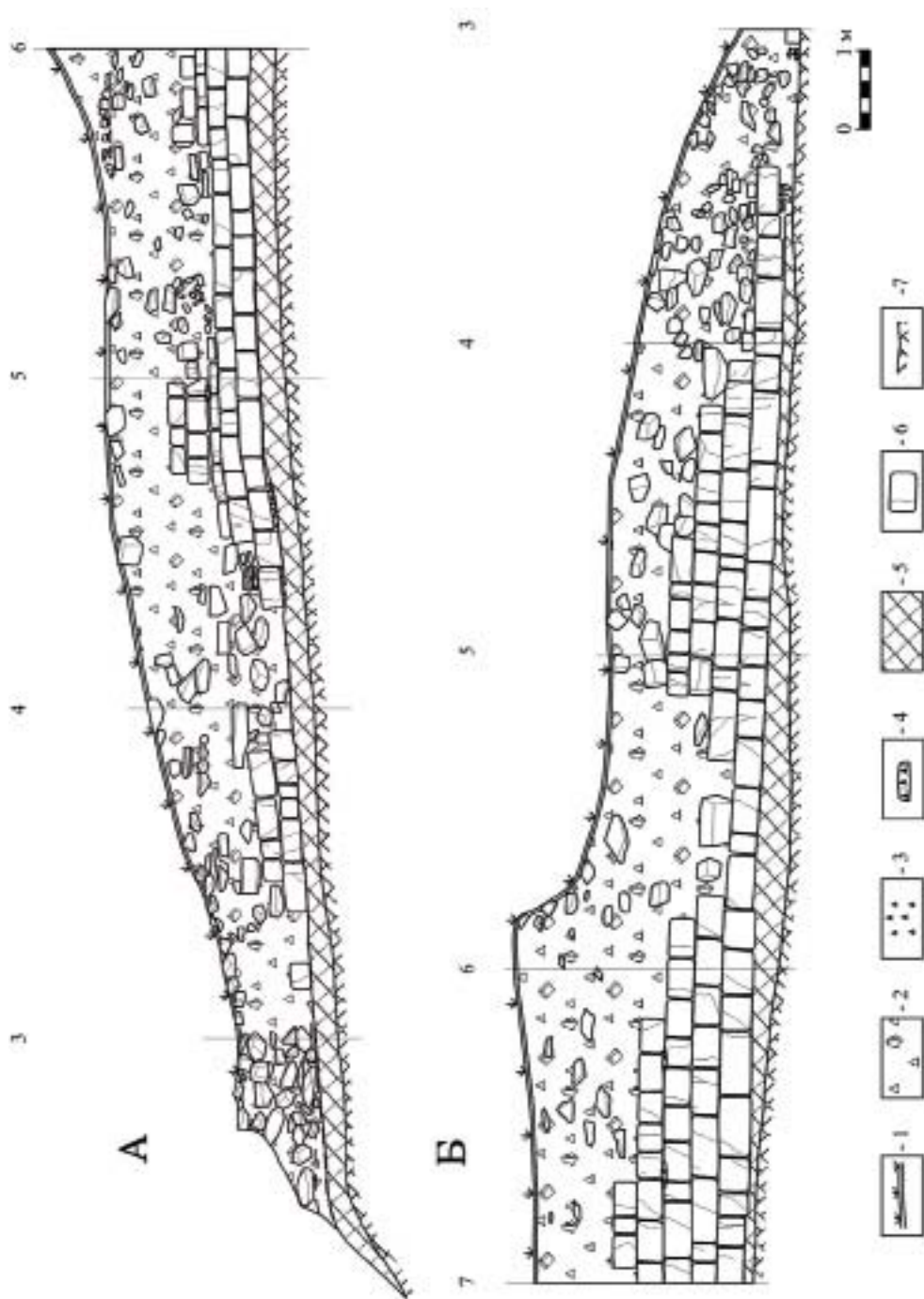

Рис. 5. Северный участок юго-западной крепостной стены Маяцкого городища.

А – вид внешнего фасада стены;
 Б – вид внутреннего фасада стены;
 1 – деревянный слой, 2 – рваный камень, 3 – меловая крошка, 4 – обугленные плахи, 5 – погребенная почва, 6 – меловые блоки, 7 – материк.

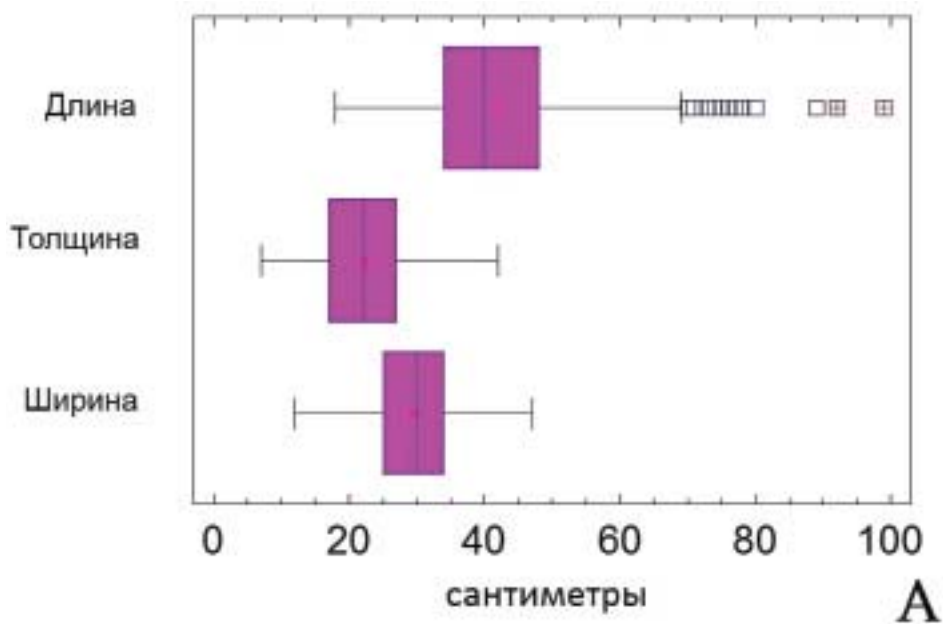

Рис. 6. Параметрические характеристики строительных блоков и вынос проекта крепости на местность.

А – вариабельность параметрических характеристик блоков;
 Б – разбивка плана крепости в виде равносторонней трапеции на местности.

ближается к размеру византийского спифа (23,4 см). Все это приводит к убеждению о том, что при изготовлении блоков для возведения стен Маяцкой крепости, каменотесы стремились делать их размером $1\frac{1}{3} \times 1 \times \frac{2}{3}$ византийского фута, что является проявлением применения именно византийской системы линейных измерений. Однако нужно иметь в виду, что физико-механические свойства маяцкого мела (водопоглощение составляет в среднем 27,6%, прочность на сжатие в сухом состоянии – 6,5 МПа, в водонасыщенном – 2,2 МПа (Вязкова, табл. 1)) по показателю прочности на сжатие приближаются к современному плохому кирпичу марки М50 и ниже. По этой причине значительное количество крупных блоков ломалось еще в процессе изготовления, а использованные в кладке стен их подправленные обломки имели уже иные размеры и пропорции.

Вывод о том, что в процессе изготовления строительных блоков именно византийский фут величиной 31,23 см лежал в основе линейных измерений, находит параллели в работах специалистов в области византийской фортификации. Исследуя строительную технику фортов, башен, крепостей в византийских провинциях Северной Африки, Д. Прингл установил, что основные размеры конструктивных элементов крепостных сооружений практически не проявляют корреляции с римским футом (29,8 см) или римским кубитом (44,7 см). Не выявляется связь и с византийским кубитом (46,8 см), но практически все они хорошо укладываются в систему линейных измерений на основе византийского фута (31,23 см) (Pringle, 1981, p.134). Это обстоятельство при-

вело Д. Прингла к выводу о том, что византийский фут лежал в основе архитектурных проектов византийских фортов в Северной Африке. В качестве примера из многочисленных византийских параллелей среднестатистическим величинам маяцких блоков можно указать на каменные блоки, из которых был возведен на берегу Ефрата позднеримский-византийский форт Ат-Табус, византийские стены которого были сложены из блоков средними размерами 40 x 30 см (Lönnqvist, Lönnqvist, Whiting, Törmä, Nunez, Okkonen, 2005), то есть $1\frac{1}{3} \times 1$ византийский фут. Эти же параметры применялись и при отеске каменных блоков, из которых была сооружена византийская печь для изготовления извести, необходимой для ремонта форта (De Vries, Lain, Schick, 2006, p. 241–243).

Если изложенные наблюдения отражают реальность и при изготовлении строительных блоков средневековыми мастерами действительно применялась византийская система линейных мер на основе фута, то мы вправе ожидать, что эта же система мер должна как-то проявиться и в трудах зодчих. Но в каких именно единицах? Известно, что в Византии при строительстве использовался не только фут, но и оргия, равная 2,1 м и состоящая из 9 спифов. В своей практической работе византийские землемеры применяли схинон – мерную веревку из толстой конопля, которая чаще всего разбивалась на 10 оргий, дающих в сумме 21,1 м. Для правильного построения углов при выносе объекта на местность широкое практическое применение у архитекторов в Византии имели сочинения Герона, в частности, его работа «О диоптре», где излагаются методы проведения различных геодезических

работ с помощью изобретенного автором прибора – диоптры (Зверкина, 2001, с. 330–346).

Существует точка зрения, что в Византии, Болгарии, Древней Руси и в ряде других стран архитекторы и строители монументальный сооружений в своей практической работе для расчетов углов и пропорций использовали «вавилонны» – лабиринтообразные графические изображения нескольких квадратов или прямоугольников, последовательно вложенных друг в друга и имеющих общий центр. Б.А. Рыбаков называл «вавилонны» символом зодческой мудрости, в котором зашифрованы не только отношения основных единиц древнерусской системы мер длины, но и решения главных задач средневековой геометрии сооружения, необходимые для пропорционирования его частей и разбивки в натуре (Рыбаков, 1957, с. 83–112). Геометрические свойства «вавилоннов» позволяли, не вычисляя, получить пропорционально связанные ряды величин, находить стороны удвоенного, утроенного по площади квадратов, практически решить задачу «квадратуры круга». Изображение такого «вавилонна» на меловом блоке в развале крепостной стены Маяцкого городища было найдено мною в районе северо-западного угла крепости.

Анонимный византийский источник «De castrametatione» дает представления о процедурах, связанных с разбивкой на местности большого императорского полевого армейского лагеря. Для осуществления этих мероприятий на службе состоял специальный сотрудник – минсуратор. Автор пишет: «Должно выбрать наилучшего и вполне опытного минсура-

тора, снабдить его веревкой в тысячу саженой и отправить на поиски места, подходящего для лагеря... Пусть он разбивает лагерь не слишком близко от горы или топкого болота, или возвышенности, имеющей через себя проходы, чтобы неприятель, подойдя с пешей силой из подобных мест, не мог нанести ущерба лагерю; но пусть он смотрит, нет ли трудно проходимой реки или озера, или крутизны, или ущелья, что могло бы доставить безопасность с одной, а то и с двух сторон; пусть там и разбивает лагерь» (Кулаковский, 1903, с. 65–90). Во времена Витрувия архитекторы использовали чертежи, планы, схемы, перспективы и т.д. Что же касается средневизантийского периода, то нет никаких свидетельств о том, что процессу строительства предшествовала разработка архитектурных проектов или планов, изложенных на бумаге. Единственный рисунок, который может быть связан с изображением раннехристианской церкви, обнаружен на кирпиче в кладке церкви святой Софии в Охриде (Оустерхаут, 2005, с. 76, 77). К этому можно добавить схематическое изображение византийского лагеря в сочинении «De castrametatione». Некоторые исследователи византийской архитектуры считают, что план будущего сооружения не обязательно должен был фиксироваться на бумаге. Вместо этого план сооружения в полном масштабе создавался прямо на местности. По мнению Р. Оустерхаута, «в самой разметке площадки можно видеть «чертеж» как необходимую часть процесса, благодаря которому отдельные элементы соединяются в единое целое перед началом работ» (Оустерхаут, 2005, с. 77). Каким об-

разом может быть воссоздан процесс разметки площадки под строительство Маяцкой крепости?

Инструментальные обмеры крепости по внешнему периметру стен, направления которых были зафиксированы мной в процессе раскопок в 1977–1982 гг., дают следующие величины: юго-западная, юго-восточная и северо-восточная стены – около 94 м каждая, а северо-западная стена – около 125 м. Переведя эти значения в византийскую систему мер длины в футах, мы получаем следующие результаты. Юго-западная, юго-восточная и северо-восточная стены имели в длину ровно по 300 византийских футов каждая, а северо-западная стена была длиной ровно 400 византийских футов. Совершенно очевидно, что в плане Маяцкое городище имеет вид равносторонней трапеции, а не «квадрата», «прямоугольника», «строгого прямоугольника» или «трапециевидного квадрата» (табл. 1). Можно вспомнить рекомендации Флавия Вегеция Рената: «в зависимости от профиля местности ты будешь строить лагерь или квадратным, или круглым, или треугольным, или в виде продолговатого четырехугольника. Пусть форма лагеря не ставится выше полезности, но все же более красивым считается, если длина на треть превышает ширину» (Флавий Вегеций Ренат, 1940, с. 231–293). Именно это соотношение сторон (300 на 400 футов) и было применено проектантами Маяцкой крепости. Если же сопоставить византийские размеры Маяцкой крепости с наблюдениями П. Андервуда, изучавшего параметрические характеристики построек византийских архитекторов эпохи Юстиниана, то и здесь мы найдем общее: в обоих случаях

использовались величины, кратные 10. Кроме того, П. Андервуд заметил, что при проектировании сооружений архитекторами очень часто использовался модуль в 50 футов (Underwood, 1948, р. 64–74). Эта величина также кратна длине стен Маяцкой крепости. Вывод о том, что при возведении Маяцкой крепости применялась византийская система линейных мер, подтверждают и расчеты, основанные на измерении толщины юго-западной, юго-восточной и северо-восточной стен на тех участках, которые не подвергались деформации в процессе разрушения сооружения. В среднем их толщина составляет около 6,2 м, что равно 20 византийским футам и кратно 10.

В качестве византийской параллели кратности 50 и 10 упомянутых параметрических характеристик можно указать на монастырь Святой Екатерины на Синайском полуострове. Во времена Юстиниана его строительство велось под руководством архитектора Стефана родом из Айла (современный порт Акаба на территории Иордании). В плане монастырь имеет вид, приближающейся к параллелограмму, с внутренними размерами 89 x 75 x 88 x 75 м. Толщина крепостных стен, сложенных из тесаных блоков твердого гранита, достигала 3 м. Если к указанным внутренним параметрам прибавить двукратную толщину стен (для получения размеров монастыря по наружному периметру) и трансформировать эти данные в византийскую систему линейных мер, то станет ясно, что при выносе проекта монастыря на местность архитектором была размечена кратная 10 и 50 площадка 250 x 300 византийских футов. При этом толщина крепост-

ных стен проектировалась в 10 византийских футов. Вынос на местность проекта Маяцкой крепости можно реконструировать следующим образом (рис. 6-Б). Вдоль обрыва коренного берега реки протягивается прямая, на которой откладывается отрезок АВ, равный 400 футам. От концов отрезка (из точек А и В) откладывается во внутрь по 50 футов, где отмечаются точки Е и F. Из полученных точек (с помощью диоптра Герона или методом построения египетского треугольника) восстанавливаются перпендикуляры. Из точек А и В строятся окружности с радиусом в 300 футов до пересечения с восстановленными перпендикулярами. Точки пересечения окружностей с перпендикулярами и будут вершинами трапеции (точки С и D) со сторонами АВ – АС – CD – DV заданных размеров – 400 x 300 x 300 x 300 византийских футов.

Для темы данного исследования интересно сопоставить выводы о линейных мерных единицах, использованных при возведении Маяцкого городища, с данными о линейных единицах, примененных строителями Левобережного Цимлянского городища, в котором многие исследователи вслед за М.И. Артамоновым видят Саркел. Если принять во внимание, что толщина крепостных стен составляла 3,75 м, и к указанным П.А. Раппопортом параметрам городища (Раппопорт, 1958, с. 9–39) прибавить двойную толщину стен, то наружные размеры крепости будут равны 186,15 м x 125,33 м. Трансформируя эти данные в византийскую систему измерений, мы получаем следующий результат. Крепость имела размеры почти 600 на 400 византийских футов при толщине стен в 12 футов. Ясно,

что при ее проектировании и выносе на местность использовалась именно византийская система линейных мер. Итак, изучение размеров блоков из развалов стен Маяцкого городища и сопоставление полученных результатов с параметрическими характеристиками этого памятника приводят к выводу о том, что строительство крепости осуществляли специалисты, хорошо знающие византийскую метрологию и умеющие применять ее на практике.

Полученная в результате анализа С¹⁴ дата (809–891 гг.) строительства каменного Маяцкого городища близка радиоуглеродной дате (767–847 гг.) возведения кирпичного Алексеевского городища и дате строительной миссии Петроны в Хазарию (834–837 гг.), что указывает на одновременность этих событий в рамках 30-х годов IX в. Метрологическая, этнокультурная и хронологическая характеристики рассмотренных памятников и использованных там строительных материалов дают основания рассматривать появление этих крепостей в бассейне Дона в контексте информации о возведении византийскими специалистами под руководством спафарокандидата Петроны Каматира крепости Саркел по просьбе кагана и бека Хазарии (Продолжатель..., 1992, с. 56–57). Строительством Саркела и образованием Херсонской фемы совместные оборонительные мероприятия Византии и Хазарии не ограничились. Деятельность византийских архитекторов и строителей по укреплению обороноспособности Хазарии и Алании привела к возведению цепи фортификационных сооружений не только в бассейне Дона (Vernadsky, 1959, p. 186; Obolensky, 1971, p. 176),

но и в бассейне Кубани (Малахов, 2004, с. 120–122), необходимость в создании которых диктовала политическая ситуация, сложившаяся в 30–50-х годах IX в. между Хазарским каганатом, Византией, Русью и Арабским халифатом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Артамонов М.И.* Средневековые поселения на Нижнем Дону по материалам Северо-Кавказской экспедиции // Известия ГАИМК. – 1935. – Вып. 131.
2. *Артамонов М.И.* Саркел – Белая Вежа // МИА. – 1958. – № 62.
3. *Афанасьев Г.Е.* Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры) // Археологические открытия на новостройках. Вып. 2. – М., 1987.
4. *Афанасьев Г.Е.* Донские аланы (социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона). – М., 1993.
5. *Афанасьев Г.Е.* Кто же в действительности построил Левобережное Цимлянское городище? // РА. – 2011. – № 3.
6. *Афанасьев Г.Е.* О византийских линейных мерах в Маяцкой крепости // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 5. – Липецк (в печати).
7. *Багрянородный Константин.* Об управлении империей. – М., 1989.
8. *Белов Г.Д., Стржелецкий С.Ф., Якобсон А.Л.* Квартал XVIII (раскопки 1941, 1947 и 1948 гг.) // МИА. – 1953. – № 34.
9. *Витрувий.* Десять книг об архитектуре. – М., 2006.
10. *Вязкова О.Е.* Инженерно-геологические условия создания и сохранения Маяцкого археологического комплекса (рукопись).
11. *Галкина Е.С.* Кочевая периферия восточных славян и древней Руси: этносоциальные процессы и политогенез. Дис. ... док. ист. наук. – М., 2006.
12. *Голофаст Л.А.* Градостроительный облик Херсона в XIII в. // МАИЭТ. – 2009. – Вып. XV.
13. *Ёлишин Д.Д.* Комплекс монументальных сооружений конца X в. на Старокиевской горе: археологический, историко-архитектурный и градостроительный аспекты. Дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2008.
14. *Живков Б.* Хазария през IX и X век. – София, 2010.
15. *Зверкина Г. А.* О трактате Герона Александрийского «О диоптре» // Историко-математические исследования. – 2001. – № 6 (41).
16. *Косцюшко-Валюжинич К.К.* Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1903 году // ИИМК. – 1905. – Вып. 16.
17. *Кулаковский Ю.* Византийский лагерь конца X в. // ВВ. – 1903. – Т. 10.
18. *Литовченко А.* О реконструкции гробничного мавзолея Св. Василия из византийского Херсона // Каразинські читання: тези доповідей 63-й міжнародної наукової конференції. – Харків, 2010.
19. *Макарова Т.И.* Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоана Предтечи // МАИЭТ. – 1997. – Вып. VI.
20. *Малахов С.Н.* Протоспафарий Иван в контексте византийско-хазарских отношений середины IX в. // Византия и Запад (950-летие схизмы христианской церкви, 800-летие захвата Константинополя крестоносцами). Тез. док. XVII Всерос. науч. сессии византинистов. – М., 2004.
21. *Минкевич-Мустафаева Н.В.* Раскопки на городской стене Орен-кала в 1953–1954 гг. // Труды Азербайджанской (Оренкалинской) экспедиции. (МИА. 1959. № 67).

22. Николаева Э.Я. Поселение у д. Ильич // КСИА. – 1981. – Вып. 168.
23. Оустерхаут Р. Византийские строители. – Киев; М., 2005.
24. Паромов Я. М. Таманский полуостров // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху Средневековья. IV–XIII века. – М., 2003.
25. Плетнева С.А. Саркел и «Шелковый путь». – Воронеж, 1996.
26. Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. – М.; Иерусалим, 2000.
27. Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей. – М., 1992.
28. Раппопорт П.А. Крепостные сооружения Саркела // МИА. – 1959. – № 72.
29. Романчук А.И. Раннесредневековая строительная керамика Херсонеса // ВВ. – 1976. – Т. 37.
30. Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. – М., 1948.
31. Рыбаков Б.А. Архитектурная математика древнерусских зодчих // СА. – 1957. – № 1.
32. Сакания С.М. Строительная керамика в Абхазии в IV–IX вв. // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. – Ставрополь, 2008.
33. Свистун Г.Е. К вопросу о метрологии Хазарии // Проблемы теории и истории архитектуры Украины. Сб. науч. трудов. Вып. 3. – Одесса, 2002.
34. Свистун Г.Е. Строительный материал и типология городищ Салтовской лесостепи // Проблеми на прабългарската история и култура. Том 4-1. – София, 2007.
35. Сокольский Н.И. Крепость на городище у хутора Батарейка I // СА. – 1963. – № 1.
36. Сокольский Н.И. Крепость на поселении Батарейка II // КСИА. – 1967. – Вып. 109.
37. Сорокопуд С., Филоненко А. О подводных археологических разведках в акватории Севастополя // Vita Antiqua. – 1999. – Вып. 1.
38. Сорочан С.Б. О храме Созонта, «доме Св. Леонтия» и мартирии Св. Василия в раннесредневековом Херсоне // Античная древность и средние века. – 2003. – Вып. 34.
39. Сорочан С.Б. К вопросу о датировке раннего и позднего храма Богоматери Влахернской в византийском Херсоне // LAUREA. К 80-летию профессора Владимира Ивановича Кадеева. – Харьков, 2007.
40. Успенский Ф.Н. Наблюдения по сельскохозяйственной истории Византии // ЖМНП. Часть ССLIX. – СПб., 1888.
41. Флавий Вегеций Ренат. Краткое изложение военного дела // ВДИ. – 1940. – № 1.
42. Флеров В.С. Крепости Хазарии в долине Нижнего Дона (этиод к теме фортификации) // Хазарский альманах. Том 1. – Харьков, 2002.
43. Флеров В.С. Обожженные кирпичи Семикаракорской крепости и Саркела (опыт статистики размеров) // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 7. – Донецк, 2009.
44. Флеров В.С., Флерова В.Е. Правобережная Цимлянская и Маяцкая крепости: сравнение планов и технологий // Восточнославянский мир Днепро-Донского междуречья и кочевники южно-русских степей в эпоху раннего средневековья. – Воронеж, 2008.
45. Фомин М.В., Шевцова А.А., 2010. Центрические храмы византийского Херсона // <http://theatron.byzantion.ru/topic.php?forum=12&topic=121&start=4>.
46. Жеремий М.. Опеке Царичиног града // Зборник Радова. Ниш и Византија. IV. – Ниш, 2006.

47. *Atrash W.* Bet She'an, Shikun Alef Final Report // *Hadashot Arkheologiyot.* – 2009. – Vol. 121.
48. *Benson J.I.* Ancient Leros // *Greek, Roman and Byzantine Monographs.* № 3. – Durham. North Carolina, 1963.
49. *Biernacki A.B.* The Ceramic Building Material of the 1st Italian Legion in Novae. The Relationship between Form and Function // *Archaeologia Bulgarica.* – 2003. – Vol. VII.
50. *Çetinkaya H.* A Byzantine Chapel at Apolyont / Gölyazi // *Anatolia Antiqua.* – 2010. – Vol. XVIII.
51. *De Vries B., Lain A., Schick R.* The Lime Kiln (Area O) // *The Roman Frontier in Central Jordan.* Vol. 1. – Washington, 2006.
52. *El-Gohary M.A., Al-Naddaf M.M.* Characterization of bricks used in the external casing of roman bath walls «Gadara-Jordan» // *Mediterranean Archaeology and Archaeometry.* – 2009. – Vol. 9, № 2.
53. *Kawatoko M.* Archaeological Survey of the Rāya/al-Ṭūr Area on the Sinai Peninsula, Egypt // http://150.48.245.51/seikabutsu/2003/01254/contents/0007_001.htm
54. *Obolensky D.* The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe 500–1453. – London, 1971.
55. *Pringle D.* The Defence of Byzantine Africa from Justinian to the Arab Conquest (An account of the military history and archaeology of the African provinces in the sixth and seventh centuries). – BAR International Series 99 (i). 1981.
56. *Lönnqvist M., Lönnqvist K., Stout Whiting M., Törmä M., Nunez M., Okkonen J.* Documenting, Identifying and Protecting a Late-Roman – Byzantine Fort At-Tabus on the Euphrates // Abstract. CIPA International Symposium, 26 September – 01 October 2005, Torino, Italy // <http://cipa.icomos.org/fileadmin/template/doc/TURIN/427.pdf>.
57. *Maślak S.* Building G in Naqlun: material, construction, furnishing // *Polish Archaeology in Meditettanean.* – 2005. – Vol. XVII.
58. *Mills P.* The Architectural Ceramics (ceramic building materials) at Sagalossos <http://www.sagalassos.be/node/2249>.
59. *Schilbach E.* *Byzantinische Metrologie.* – München, 1970.
60. *Szymańska H., Babraj K.* Marea. Second interim report, 2001 // *Polish Archaeology in Meditettanean.* – 2001. – Vol. XIII.
61. *Underwood P.A.* Some Principles of Measure in the Architecture of the Period of Justinian // *Cahiers Archéologiques.* – 1948. – III.
62. *Vernadsky G.* *The Origins of Russia.* – Oxford. 1959.

Информация об авторе:

Афанасьев Геннадий Евгеньевич, профессор, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); gennady.afanasiev@mail.ru

BUILDING MATERIALS AND METROLOGY OF KHAZAR-ALAN'S DON BASIN FORTS

G.E. Afanas'ev

The question related to the origins of the of the Saltovo-Mayaki culture architectural traditions embodied in the Khazar-Alan fortresses of the Don basin is raised in the article. According to the author, the emergence of brick architecture in Khazaria is connected with the activity of the masters from Byzantine Cherson (Chersonese) and Asian Bosphorus. The study of the parameters of the bricks from the wall ruins of the Mayaki fortified settlement site makes it possible to conclude that the fortress had been built by specialists who were well

acquainted with Byzantine metrology and Byzantine architectural traditions. Metrological and chronological characteristics of Khazar-Alan fortified settlement sites gives grounds to associate their construction with the information from Byzantine sources on the construction of Sarkel fortress by Byzantine specialists. It corresponded to the interests of both Byzantium and Khazaria in connection with the general political situation between the Khazar Khaganate, the Byzantine Empire, Alania, Old Rus and the Arab Caliphate in 30–50s of the 9th century.

Keywords: archaeology, the Don river basin, Khazaria, Byzantium, the Mayaki fortified settlement site, Sarkel, fortification architecture, brick, Byzantine plinth, metrology.

REFERENCES

1. Artamonov, M. I. 1935. *Srednevekovye poseleniia na Nizhnem Donu po materialam Severo-Kavkazskoi ekspeditsii (Medieval Settlements in the Lower Don Area by the Materials of the Northern Caucasian Expedition)*. Series: *Izvestiia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Reports of the State Academy for the History of Material Culture)* 131 (in Russian).
2. Artamonov, M. I. 1958. In *Materialy i issledovaniia po arkhologii (Materials and Research in Archaeology)* 62, 7–84 (in Russian).
3. Afanasiev, G. E. 1987. *Naselenie lesostepnoi zony basseina Srednego Dona v VIII–X vv. (alanskii variant saltovo-maiatskoi kul'tury) (Population of the Forest-Steppe Area of the Middle Don Basin in 8th – 10th Centuries (the Alan Variant of the Saltovo-Mayaki Culture))*. Series: *Arkheologicheskie otkrytiia na novostroikakh (Rescue Archaeological Investigations)* 2. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
4. Afanasiev, G. E. 1993. *Donskie alany. Sotsial'nye struktury alano-asso-burtasskogo naseleniia basseina Srednego Dona (The Alans of the Don River: social structures of the Alans, Asi and Burtas from the Middle Don area)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
5. Afanasiev, G. E. 2011. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (3), 108–119 (in Russian).
6. Afanasiev, G. E. 2010. In *Verkhnedonskoi arkhologicheskii sbornik (Upper Don Archaeological Collected Papers)* 5. Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University, 123–148 (in Russian).
7. Constantine Porphyrogenitus. 1989. *Ob upravlenii imperiei (De Administrando Imperio)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
8. Belov, G. D., Strzheletskii, S. F., Jakobson, A. L. 1953. In *Materialy i issledovaniia po arkhologii (Materials and Research in Archaeology of the USSR)* 34, 160–236 (in Russian).
9. Vitruvius. 2006. *Desiat' knig ob arkhitekture (De architectura libri decem)*. Moscow: “Arkhitectura-S” Publ. (in Russian).
10. Viazkova, O. E. *Inzhenerno-geologicheskie uslovia sozdaniia i sokhraneniia Maiatskogo arkhologicheskogo kompleksa (Engineering and Geological Context for Creation and Preservation of the Mayaki Archaeological Complex)* (manuscript) (in Russian).
11. Galkina, E. S. 2006. *Kochevaia periferiia vostochnykh slavian i drevnei Rusi: etnosotsial'nye protsessy i politogenez (Nomadic Periphery of the Eastern Slavs and Ancient Rus': Ethno-Social Processes and Politogenesis)*. Doct. Diss. Moscow (in Russian).
12. Golofast, L. A. 2009. In *Materialy po arkhologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* XV, 275–377 (in Russian).
13. Elshin, D. D. 2008. *Kompleks monumental'nykh sooruzhenii kontsa X v. na Starokievskoi gore: arkhologicheskii, istoriko-arkhitekturnyi i gradostroitel'nyi aspekty (Late 10th Century Complex of Monumental Structures on Starokievskaya Mount: archaeological, historical, architectural and urbanistic aspects)*. PhD Diss. Saint Petersburg (in Russian).
14. Zhivkov, B. 2010. *Khazariya prez IX i X vek (Khazaria in 9th and 10th Centuries)*. Sofia: “IK Gutenberg” Publ. (in Bulgarian).

15. Zverkina G. A. 2001. In *Istoriko-matematicheskie issledovaniia (Historical-Mathematical Studies)* 6 (41), 330–346 (in Russian).
16. Kostsiushko-Valiuzhinich, K. K. 1905. In *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii (Proceedings of the Imperial Archaeological Commission)* 16, 37–110 (in Russian).
17. Kulakovskii, Yu. 1903. In *Vizantiiskii vremennik (Byzantine Yearbook)* 10, 63–90 (in Russian).
18. Litovchenko, A. 2010. In *Karazzins'ki chytannya: tezy dopovidej 63-j mizhnarodnoï nauko-voi konferentsii (Karazin Readings: Abstracts of the 63th International Scientific Conference)*. Kharkiv: Kharkov National University named after V.N. Karazin, 205–206 (in Russian).
19. Makarova, T. I. 1997. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* VI, 344–393 (in Russian).
20. Malakhov, S. N. 2004. In *Vizantiia i Zapad (950-letie skhizmy khristianskoi tserkvi, 800-letie zakhvata Konstantinopolia krestonositsami) (Byzantium and the West: 950 Years of the Schism of the Christian Church and 800 Years of the Capture of Constantinople by Crusaders)*. Moscow: Institute for Universal History, Russian Academy of Sciences, 120–122 (in Russian).
21. Minkevich-Mustafaeva, N. V. 1959. In *Trudy Azerbaidzhanskoi (Orenkalinskoi) ekspeditsii (Proceedings of the Azerbaijan (Oren-Kala) Expedition)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Research in Archaeology) 67, 148–173 (in Russian).
22. Nikolaeva, E. Ya. 1981. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Concise Bulletins of the Institute for Archaeology)* 168, 88–93 (in Russian).
23. Ousterhout, R. 2005. *Vizantiiskie stroiteli (Master Builders of Byzantium)*. Kiev; Moscow: “Korvin Press” Publ. (in Russian).
24. Paromov, Ya. M. 2003. In Makarova, T. I., Pletneva, S. A. (eds.). *Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v epokhu srednevekov'ia (The Crimea, Northeastern Black Sea Region, and Transcaucasia in the Middle Ages; the 4th–13th Centuries)*. Series: Archaeology. Moscow: “Nauka” Publ., 146–170 (in Russian).
25. Pletneva, S. A. 1996. *Sarkel i «Shelkovyi put'» (Sarkel and the Silk Road)*. Voronezh: Voronezh State University (in Russian).
26. Pletneva, S. A. 2000. *Ocherki khazarскоi arkheologii (Essays on the Khazarian Archaeology)*. Moscow: “Mosty kul'tury” Publ.; Jerusalem: “Gesharim” Publ. (in Russian).
27. Theophanes Continuatus. 1992. *Zhizneopisaniia vizantiiskikh tsarei (Lives of the Byzantine Emperors)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
28. Rappoport, P. A. 1959. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Research in Archaeology of the USSR)* 75, 9–39 (in Russian).
29. Romanchuk, A. I. 1976. In *Vizantiiskii vremennik (Byzantine Yearbook)* 37, 156–159 (in Russian).
30. Rybakov, B. A. 1948. *Remeslo drevnei Rusi (Crafts of Old Russia)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
31. Rybakov, B. A. 1957. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 83–112 (in Russian).
32. Sakaniia, S. M. 2008. In *Materialy po izucheniiu istoriko-kul'turnogo nasledii Severnogo Kavkaza (Research Materials on the Historical and Cultural Heritage of Northern Caucasus)* VIII. Stavropol: “Nasledie” Publ. (in Russian).
33. Svistun, G. E. 2002. In Eksareva, N. M. (ed.-in-chief). *Problemy teorii i istorii arkhitektury Ukrainy (Issues of Theory and History of the Architecture of Ukraine)* 3. Odessa: Odessa State Academy of Building and Architecture; Institute for Architecture and Art (in Russian).
34. Svistun, G. E. 2007. In *Problemi na prabalgarskata istoriya i kultura (Problems of Pre-Bulgarian History and Culture)* 4 (1). Sofia: “Arges” Publ., 403–416 (in Russian).
35. Sokol'skii, N. I. 1963. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 179–191 (in Russian).

36. Sokol'skii, N. I. 1967. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Concise Bulletins of the Institute for Archaeology)* 109, 108–115 (in Russian).
37. Sorokopud, S., Filonenko, A. 1999. In *Vita Antiqua* (1). Kiev: Tovarystvo arkheolohii ta antropolohii, 71–74 (in Russian).
38. Sorochan, S. B. 2003. In *Antichnaia drevnost' i srednie veka (Antiquity and Middle Ages)* 34. Yekaterinburg: Ural Federal University, 146–173 (in Russian).
39. Sorochan, S. B. 2007. In *LAUREA. K 80-letiiu professora Vladimira Ivanovicha Kadeeva (On the 80th Birth Anniversary of Professor Vladimir Kadeev)*. Kharkov: "Konstanta" Publ., 158–168 (in Russian).
40. Uspenskii, F. N. 1888. In *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia (Journal of the Ministry of Popular Education)* CCLIX. Saint Petersburg, 229–259 (in Russian).
41. Flavius Vegetius Renatus. 1940. In *Vestnik drevnei istorii (Bulletin of Ancient History)* (1), 231–293 (in Russian).
42. Flerov, V. S. 2002. In *Khazarskii al'manakh (Khazar Almanac)* 1. Kharkov: "Karavella" Publ., 151–168 (in Russian).
43. Flerov, V. S. 2009. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 7. Donetsk: Donetsk National University, 489–534 (in Russian).
44. Flerov, V. S., Flerova, V. E. 2008. In Vinnikov, A. Z. (ed.). *Vostochnoslavianskii mir Dnepro-Donskogo mezhdurech'ia i kochevniki iuzhnorusskikh stepei v epokhu rannego srednevekov'ia (The East-Slavic World of the Dnieper-Don Interfluve and the Nomads of the Southern Russian Steppes in the Early Middle Age)*. Voronezh: "Istoki" Publ., 59–62 (in Russian).
45. Fomin, M. V., Shevtsova, A. A. 2010. *Tsentricheskie khramy vizantiiskogo Khersona (Centric Churches of the Byzantine Cherson)*. Available at: <http://theatron.byzantion.ru/topic.php?forum=12&topic=121&start=4> (in Russian).
46. Jeremić, M. 2006. In *Zbornik radova. Niš i Vizantija (Niš & Byzantium. The Collection of Scientific Works)* IV. Niš, 213–227 (in Serbian).
47. Atrash, W. 2009. Bet She'an, Shikun Alef Final Report. In *Hadashot Arkheologiyot* 121. Available at: http://www.hadashot-esi.org.il/report_detail_eng.aspx?id=1191&mag_id=115.
48. Benson, J. I. 1963. *Ancient Leros. Greek, Roman and Byzantine Monographs* 3. Durham. North Carolina: Duke University.
49. Biernacki, A. B. 2003. The Ceramic Building Material of the 1st Italian Legion in Novae. The Relationship between Form and Function. In *Archaeologia Bulgarica* VII, 9–21.
50. Çetinkaya, H. 2010. A Byzantine Chapel at Apolyont / Gölyazi. In *Anatolia Antiqua* XVIII, 163–168.
51. De Vries, B., Lain, A., Schick, R. 2006. The Lime Kiln (Area O). In *The Roman Frontier in Central Jordan* 1. *Dumbarton Oaks Studies* 40. Washington, D. C., 241–241.
52. El-Gohary, M.A., Al-Naddaf, M.M. 2009. Characterization of bricks used in the external casing of roman bath walls «Gadara-Jordan». In *Mediterranean Archaeology and Archaeometry* 9 (2), 29–46.
53. Kawatoko, M. *Archaeological Survey of the Rāya/al-Tūr Area on the Sinai Peninsula, Egypt*. Available at: http://150.48.245.51/seikabutsu/2003/01254/contents/0007_001.htm.
54. Obolensky, D. 1971. *The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe 500–1453*. London: Weidenfeld & Nicolson.
55. Pringle, D. 1981. *The Defense of Byzantine Africa from Justinian to the Arab Conquest (An account of the military history and archaeology of the African provinces in the sixth and seventh centuries)*. Oxford: BAR International Series 99 (i).
56. Lönnqvist, M., Lönnqvist, K., Stout Whiting, M., Törmä, M., Nuñez, M., Okkonen, J. Documenting, Identifying and Protecting a Late-Roman – Byzantine Fort At-Tabus on the Euphrates. In

Abstract. CIPA International Symposium, 26 September – 01 October 2005, Torino, Italy. Available at: <http://cipa.icomos.org/fileadmin/template/doc/TURIN/427.pdf>.

57. Maślak, S. 2005. Building G in Naqlun: material, construction, furnishing. In *Polish Archaeology in Mediterranean XVII*, 206–218.

58. Mills, P. *The Architectural Ceramics (ceramic building materials) at Sagalossos*. Available at: <http://www.sagalossos.be/node/2249>.

59. Schilbach, E. 1970. *Byzantinische Metrologie*. München: C. H. Beck.

60. Szymbalska, H., Babraj, K. 2001. Marea. Second interim report, 2001. In *Polish Archaeology in Mediterranean XIII*, 45–59.

61. Underwood, P.A. 1948. Some Principles of Measure in the Architecture of the Period of Justinian. In *Cahiers Archéologiques III*, 64–74.

62. Vernadsky, G. 1959. *The Origins of Russia*. Oxford: Clarendon Press; Oxford University Press (in Russian).

About the Authors:

Afanasyev Gennady Ye. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; gennady.afanasiev@mail.ru

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ПРАБОЛГАРСКОГО ПРИСУТСТВИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ЮЖНОЙ БОЛГАРИИ

© 2012 г. Б.Д. Борисов

Рассматриваются находки из Южной Болгарии, датированные в основном VIII в., которые исследователи связывают с праболгарским присутствием на территории к югу от Старой Планины. Это, прежде всего, погребальные комплексы 1-й половины – середины VIII в., в которых особый интерес представляют детали ремней (пряжки и аппликации). Также анализируются находки сероглиняной лощеной керамики, распространенной на территории между Нова Загора, Сливеном, Карнобатов, Поморьем, Дебелтом и Хасково. По мнению автора, наличие этой керамики вряд ли можно считать доказательством массового присутствия праболгарского населения на территории Южной Болгарии в VIII в. Что касается погребений этого периода, то они малочисленны, а их инвентарь не является достаточно надежным этническим индикатором. Поэтому нет оснований говорить о присутствии в Южной Болгарии праболгарской администрации и праболгарской аристократии в первой половине VIII в.

Ключевые слова: археология, Южная Болгария, праболгарское население, погребения, ременная гарнитура, сероглиняная лощеная керамика.

Изучение праболгарской культуры в Болгарии имеет относительно долгую и довольно богатую историю. Начало ему положили еще первые археологические раскопки в Плиске в 1899 г., организованные и проведенные под руководством Русского археологического института в Константинополе (Шкорпил, 1905, с. 301–307). Позже, в первой половине прошлого века, интересы болгарских археологов были направлены, прежде всего, на изучение монументальных сооружений в первых болгарских столицах – Плиске и Преславе и культовом центре Ханства – в Мадаре. Углубленное изучение праболгарской культуры начинается после открытия одного из самых важных праболгарских памятников – некрополя возле Нови Пазар (Станчев, Иванов, 1958).

Во второй половине прошлого века проводились археологические исследования огромного числа селищ и некрополей, главным образом, на терри-

тории нынешней Северной Болгарии. Кроме столиц Плиски и Преслава были изучены: городище возле с. Цар Асен (Димитров, 1993, с. 76–122), селище возле сел Попина (Въжарова, 1965, с. 92–102), Гарван (Въжарова, 1966, с. 21–31), Нова Черна (Милчев, Ангелова, 1970, с. 24–34), некрополь возле с. Надарево (Рашев, Станилов, 1989, с. 214–220) в Силистренской области; Шуменская крепость (Антонова, 1995), аул хана Омуртага возле с. Цар Крум (Дремсизова, 1961, с. 111–129; Антонова, 1963, с. 49–56), селище в чаше водохранилища «Виница» (Антонова, 1967, с. 3–33) в Шуменской области; Дебич (Рашев, Станилов, 1994, с. 121), крепость Скала (Йотов, Атанасов, 1998), городище возле с. Кладенци (Ваклинов, Станилов, 1981), селища и некрополи возле Дуранкулака (Дуранкулак, 1989), Топола (Бобчева, 1976, с. 122–130; Бобчева, 1977, с. 172–177), селище возле с. Одырци (Дончева-Петкова, 1999,

с. 64–74), могильники возле Хитово (Йотов, 1997, с. 155–171), Балчика (Дончева-Петкова, 2000, с. 121–146), Черна (Василчин, 1989, с. 198–213) в Добричской области; селища возле Брестака (Димитров, 1969, с. 113–136) и Кипра (Димитров, 1984, с. 37–46), могильники возле Блысково (Димитров, 1967, с. 127–147), Разделна (Димитров, 1959, с. 56–60), Девня (Димитров, 1970, с. 21–47), Варна (Димитров, 1973, с. 75–94), над античным кастелом Ятрус (Wendel, 1992, с. 279–299) и Стырмен (Джингов и др., 1982), некрополи возле Николово, Красена, Трыстеника, Батина и Ново село в Русенской области (Станчев, 1989, с. 241–254); крепость «Крумово кале» (Овчаров, 1973, с. 225–237) в Тырговиштской области; селище возле с. Бежаново, Ловечской (Въжарова, 1961, с. 320–325), городища возле Якимово и Вылчедрѣм в Монтанской области (Въжарова, 1965, с. 135, 146–150); селище над античным Экусом, возле с. Гиген Плевенской области (Станчева, Дончева-Петкова, 1972, с. 22–32), селище над античным Абритусом (Георгиева, 1961, с. 9–36) и городище возле с. Хума в Разградской области и многие другие.

Значительно меньше число изученных раннесредневековых селищ и некрополей на территории Южной Болгарии. Здесь на первом месте следует упомянуть изучение средневековых Филипополя, Берое, Перника (Чангова, 1992, с. 62–77), Констанции (Аладжов, 1995, с. 181–226), Хисарлыка в Сливене (Радева, 1986, с. 67–78), средневекового селища над античным Диоклецианополем (Джамбов, 2002, с. 47–50), Кабиле (Танчева-Василева, 1992, с. 91–92), Туховиште (Angelova, Marvakov, 2001, с. 13–27), Изворово,

в Хасковской области (Борисов, 2009, с. 255–265), Капитан Андреево (Грозданова, 2009, с. 54–71) и др.

Обзор исследований на территории Дунайской Болгарии ясно показывает, что большая часть селищ и некрополей находится в основном на территории Северной Болгарии, в то время как в Южной Болгарии они очень малочисленны. Причиной этому является то обстоятельство, что территория нынешней Южной Болгарии была заселена постоянно и массово болгарским населением лишь после заключения т.н. «Глубокого мира» в 864 г., при управлении князя Бориса-Михаила, т.е. после принятия христианства во второй половине IX в. По этой причине до настоящего времени в Южной Болгарии не открыто ни одного некрополя с трупосожжением или трупоположением, с погребениями, совершенными по языческому ритуалу. Исключение составляют только некрополи возле Абланицы, Туховиште, Копривлена и Мишевско, в Западных Родобах, где в некоторых могилах найдены глиняные сосуды. Все исследователи, однако, единодушны в том, что по погребальному обряду и могильному инвентарю они ближе к памятникам культурной группы «Комыни-Круя», чем к остальным некрополям на территории Южной Болгарии (Шейлева, 2002, с. 195–202; Кацарова, Хаджиангелов, 2002, с. 230–231), кроме того, они опять же датируются не ранее чем второй половиной IX в., как и все остальные некрополи в Южной Болгарии.

В результате многочисленных исследований в фондах музеев накопилось огромное количество археологических материалов, которые стали основой для появления ряда

фундаментальных трудов, посвященных праболгарской материальной и духовной культуре. Перечислить все невозможно, как мне представляется, и не нужно, но все же необходимо упомянуть наиболее важные из них. В длинном списке следует отметить фундаментальные исследования «Първобългарите. Бит и култура» и «Първобългарски надписи» В. Бешевлиева (Бешевлиев, 1934; 1981), «Формиране на старобългарската култура» Ст. Ваклинова (Ваклинов, 1977), «Прабългарите в северното и западното Черноморие» Д. И. Димитрова (Димитров, 1987), «Славянски и славянобългарски селища в българските земи от края на VI до XI в.» и «Славяни и прабългари по данни от некрополите от VI до XI в.» Ж. Выжаровой (Выжарова, 1965; 1976), «Прабългарите през V–VII в.», «Прабългарите и Българското ханство на Дунав» и «Българската езическа култура в VII–IX в.» Р. Рашева (Рашев, 2000; 2001; 2008), «Българската битова керамика в ранното средновековие» (втората половина на VI – края на X в.) Л. Дончевой-Петковой (Дончева-Петкова, 1977), «Художественият метал на Българското ханство на Дунав (VII–IX в.)» Ст. Станилова (Станилов, 2006), «Studien zu Gräbenfeldern des 6. bis 9. Jahrhunderts an der unteren Dunau» У. Фидлера (Fiedler, 1992) и др. Рядом с этими капитальными трудами появились сотни статей, посвященных различным проблемам праболгарской материальной и духовной культуры. Издаются сборники и серии статей: «Проблеми на прабългарската история и култура», «Плиска – Преслав», «Преслав», «Българите в Северното Черноморие» и ряд других.

Малое число изученных раннесредневековых селищ и некрополей Южной Болгарии обусловлено и отсутствием праболгарского материала на этой территории. Красноречивым доказательством этого является и то обстоятельство, что к настоящему времени на территории Южной Болгарии находки праболгарского материала можно перечислить на пальцах одной руки. Все это в большой степени затрудняет исследование праболгарской культуры на данной территории. Вот почему ниже остановлюсь только на тех памятниках, о которых в науке утвердилось мнение о том, что они имеют праболгарское происхождение. Я не стану здесь рассматривать в подробностях ни состав комплексов, ни их культурную или этническую принадлежность, так как это уже сделано в других исследованиях, притом о некоторых находках в науке существуют довольно противоречивые мнения. Моей целью является показать связанные с праболгарами находки с территории нынешней Южной Болгарии. К ним относятся несколько могильных находок и находки керамики из серой хорошо прочищенной глины, с лощеной поверхностью и с украшением в виде пророщенных полос.

Могильные находки. Группа представлена несколькими находками, которые найдены возле Нова Загора. К ним относятся находки из окрестностей города, а также близких сел – Златари и Гледачево.

Могила в окрестностях Нова Загора открыта в насыпи разрушенного при строительных работах маленького кургана. На ее поверхности были собраны останки разрушенных костей, которые дают основание пред-

положить, что в данном случае имеем дело с единичной вторичной могилой, вкопанной в насыпь более раннего могильного кургана, ориентацию которой невозможно определить. На поверхности были разбросаны разрушенные железные предметы и 12 элементов ремня. По мнению Б. Тотева, найденные предметы принадлежат двум ремням (Тотев, ръкопис, с. 40–42). К первому относятся одна пряжка, тренчик, составленный из двух частей, наконечник ремня и пропеллер. Второму ремню, по мнению автора, принадлежат одна пряжка с широким отверстием и один наконечник. Остальные элементы представлены тремя несущими аппликациями (с кольцами), двумя узкими прямоугольными аппликациями, все – двумя заклепками и одной прямоугольной ажурной аппликацией (рис. 1а). Ремненные аппликации из окрестности Нова Загора имеют наиболее точные параллели среди ремней из Гледачево, Кабиюка и Дивдядово и относятся к типу Врап. Датируются по аналогии с Кабиюком первой половиной VIII в.

Могила в Златари открыта в насыпи кургана «Дрянажка», который был разрушен при земляных работах во время военных учений. Очевидно, и здесь имеем дело с вторичной могилой с труположением и ориентацией, вероятнее всего, север-юг. С этого комплекса собраны одна пряжка и одна шарнирная аппликация, которые позже стали предметом ряда исследований и дискуссий (рис. 1 б). Некоторые исследователи считают, что ремненные принадлежности сделаны из бронзы с позолотой и определяют их как элементы обычного ремня. По мнению Ст. Станилова, находки из разрушенной могилы из Златари явля-

ются единственной находкой аварского типа на территории Южной Болгарии и произведены, вне сомнения, в Аварском каганате. Он считает, что они попали на территорию Южной Болгарии самое раннее после 805 г., когда болгарский владетель хан Крум присоединил к Болгарии восточную часть каганата и переселил пленных авар в Болгарское государство, о чем сообщает и Свидя. Позже, во время войны против византийского императора Никифора I Геника в 811 г. и похода Крума на Константинополь в 813 г., аварские наемники снова участвуют в составе болгарских войск. Автор связывает находки из Златари с заселением авар и приходит к выводу, что они датируются началом IX в. (Станилов, 1991, с. 181–197, рис. 1: 2, 3). По мнению Б. Тотева и О. Пелевиной, ремненные принадлежности из Златари сделаны из серебра с позолотой и принадлежат аристократичному праболгарскому ремню. Вопреки разногласиям, все исследователи единодушны в том, что златарские находки относятся к типу Врап-Эркесе (Тотев, Пелевина, 2011, с. 47, рис. 7).

Наибольший интерес вызывает могила из с. Гледачево. Она открыта во время спасительных раскопок ямного комплекса позднежелезной эпохи в юго-западном конце бывшего села. В данном случае в прямоугольной яме с легка округленными краями похоронены четыре индивида (рис. 2).

Первый скелет принадлежит молодому мужчине около 20–22 лет. Второй, мальчика около 14 лет, лежит на скелетах 1 и 3. Третий принадлежит ребенку около 9–10 лет, а четвертый – тоже ребенку, 6–7 лет. Все четыре скелета ориентированы по направлению восток–северо-восток, юг–юго-запад.

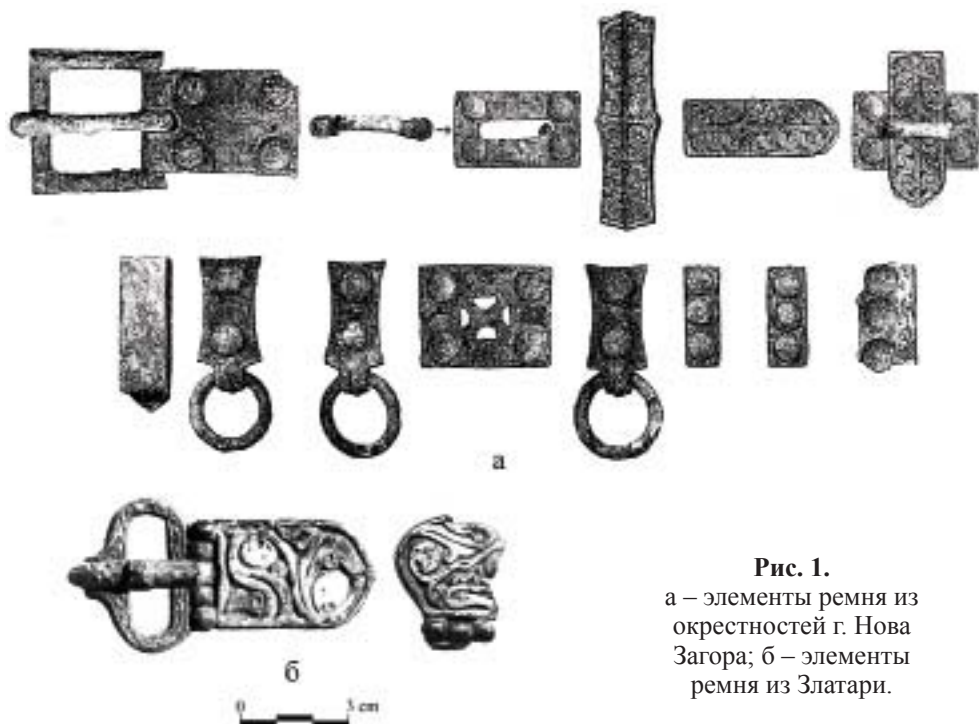

Рис. 1.
а – элементы ремня из
окрестностей г. Нова
Загора; б – элементы
ремня из Златари.

Руки первого, третьего и четвертого скелетов вытянуты вдоль тела, а у второго – правая рука слегка согнута в локте и лежит на тазе, а левая лежит на тазе скелета № 3.

Особый интерес представляют найденные могильные дары. У скелета № 1 в полости рта обнаружена сплюснутая золотая пуговица, а на его левой стороне – однорогое железное огниво и кремневые пластинки. У скелета № 2 найдены 5 золотых пуговиц возле черепа и правого локтевого сустава, 9 серебряных частей от ремня, из которых одна – пряжка с рамкой трапециевидной формы с прямоугольной пластиной, которая переброшена в ее заднюю часть, и с четырьмя сохранившимися заклепками для крепления к ремню, наконечник, отремонтированный, три подковообразных аппликации-фиксатора и три аппликации с кольцами. На груди обнаружена

вертикальная аппликация прямоугольной формы, найдены также железный нож, серебряный наконечник для ножен, двурогое огниво и две костяные пластинки, вероятнее всего, от сумки. У скелета № 3 найдены золотая пуговица, золотое колесико со спицами возле шеи, а вокруг пояса – семь частей от ремня, в том числе пряжка слабо выраженной трапециевидной формы, подобная пряжке у скелета № 2, тренчик, две аппликации с кольцами, две вертикальные аппликации с двумя наклейками на каждой и одна аппликация прямоугольной формы с четырьмя заклепками. Под тазом найден железный нож, а за черепом – останки деревянного котелка, от которого сохранились железные обручи и ручка. Возле четвертого скелета находок не обнаружено. Между скелетами № 2 и № 3 найдена прямоугольная железная пряжка (рис. 3а, б).

Рис. 2.
Коллективное погребение в Гледачево.

Ременные элементы из могилы из Гледачево имеют наиболее точные параллели среди находок из Кабиюка и Дивдядова, Тыргшора в Румынии и Эркесе в Албании. Анализируя болгарские памятники из Гледачева и Кабиюка и таковые из Врапа и Эркесе, М. Даскалов и М. Тонкова приходят

к выводу, что похороненные в Гледачево не принадлежат к высшим социальным слоям населения (Даскалов, Тонкова, 2010, с. 96).

Особый интерес представляет золотое колесико из могилы № 3, которое находит наиболее точные параллели среди колесиков из Малой

Перецепины, Ясинова и Макуховки (рис. 3в). Исключительно большое значение имеет и то обстоятельство, что последние памятники обнаружены в соседстве с монетами, которые датируют их второй половиной VII – началом VIII вв.

Обосновывая хронологию подобных ременных гарнитур из Эркесе, оба автора относят могилы из Гледачева ко времени не позднее конца первой трети VIII в. и связывают их с праболгарами, которые исполняли военно-административные функции во вновь присоединенной к Болгарскому ханству при Тервеле области «Загора». По их мнению, четверо юношей, похороненные в коллективном погребении, стали, вероятно, жертвой эпидемии (Даскалов, Тонкова, 2010, с. 93–95, рис. 14).

К могильным находкам, возможно, надо отнести также частично сохранившийся бронзовый сосуд и фрагментированную пластинку с зооморфным украшением, обнаруженные в насыпи разрушенного «черными» археологами могильного кургана на севере Бургасской области (рис. 3г). По мнению Б. Тотева, находка является частью аристократичной могилы или поминальным сооружением, хотя данные о ней более чем сомнительны.

Анализируя находки из единичной могилы с территории Южной Болгарии, Б. Тотев и О. Пелевина, которые связывают могилы из окрестностей Нова Загора, Златари и Гледачево с постоянным присутствием праболгарских аристократов после присоединения области Загора к Болгарскому государству, считают, что единичные могилы на территории Южной Болгарии принадлежат назначенной болгарским владетелем служебной аристо-

кратии, управлявшей правой частью области в период 716–755 гг. (Тотев, Пелевина, 2010, с. 72).

В общих чертах мнения данных авторов вполне логичны. В последнее время, однако, в результате обстоятельного анализа погребального обряда захоронений в Гледачеве, были высказаны серьезные сомнения относительно их праболгарской принадлежности (Станев, 2012, с. 78–85).

Находки праболгарской керамики из серой глины с лощеной поверхностью. Подобно единичным могилам, на территории Южной Болгарии количество находок керамики из серой глины с лощеной поверхностью все еще незначительно, и они также сконцентрированы в пространстве между Нова Загора, Сливеном, Карнобатов, Поморие, Дебелтом и Хасково.

В минимальных количествах керамика из серой хорошо прочищенной глины, с серой лощеной поверхностью и украшением в виде пролощенных полос обнаружена на средневековом селище в местности «Таушан тепе», возле с. Сыдиево Новозагорской области. Она датируется второй половиной IX–X вв. (рис. 4) (Шейлева, 1998, с. 93–112).

К этому же времени относится и одно раннесредневековое жилище на кладбище в с. Караново, которое, несомненно, принадлежит средневековому селищу (Николов и др. 2003, с. 24). Среди фрагментарного керамического материала, который отличается большим содержанием песка в глине и врезанным украшением, найден фрагмент горшка из серой глины с лощеной поверхностью (рис. 5).

На остальных исследованных раннесредневековых селищах в районе Раднево и Гылыбово подобная кера-

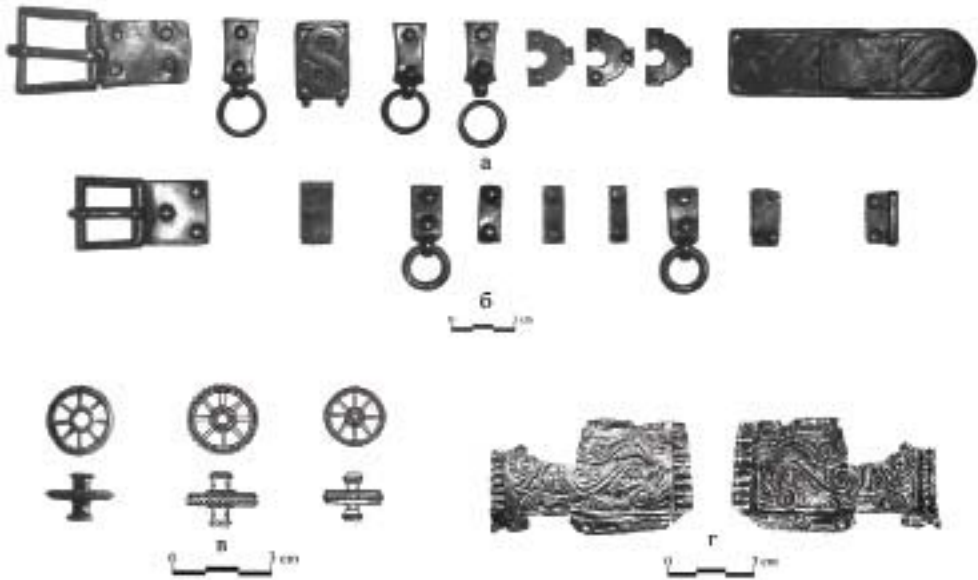

Рис. 3. а, б – элементы ремня из погребений №№ 2 и 3 в Гледачево;
в – золотое колесико из коллективного погребения в Гледачево;
г – находка из окрестностей г. Бургаса.

мика совершенно отсутствует. Более того, на полностью исследованном сезонном селище Гледачево-2, которое находится всего в 800–1000 метрах от коллективного погребения, опять же отсутствует праболгарская керамика с серой лощеной поверхностью.

Небольшое количество керамики с серой лощеной поверхностью и украшением в виде лощеных полос обнаружено при раскопках Хисарлыка в Сливене, в культурном пласте второй половины IX–X вв. (Радева, 1986, с. 70, табл. III).

Значительно большее количество серой керамики найдено при раскопках средневековой Констанции (рис. 6). По мнению Д. Аладжова, здесь раннесредневековое селище возникло еще в конце VIII в., хотя анализ найденных материалов и здесь относит нижнюю хронологическую границу не ранее чем к середине IX в. (Аладжов, 1995, с. 187, рис. 20). В ли-

тературе имеются и попытки связать некоторые памятники Родопской области с праболгарами на основе сфрагистических памятников, рисунков-граффити, антропологических данных и металлических амулетов (Аладжов, Овчаров, 1987, С. 294–300). Последние две группы, однако, совершенно ненадежны, особенно амулеты, которые, как было доказано, имеют печенежское, а не праболгарское происхождение.

Небольшое количество керамики с серой лощеной поверхностью обнаружено и при раскопках Филипополя (Станев, 2012, с. 140).

В общих чертах таково положение и на остальных селищах на территории Южной Болгарии. Это подтверждается полностью результатами исследований Д. Момчилова, которые показывают слабое распространение керамики из серой глины с лощеной поверхностью, а в большей части объ-

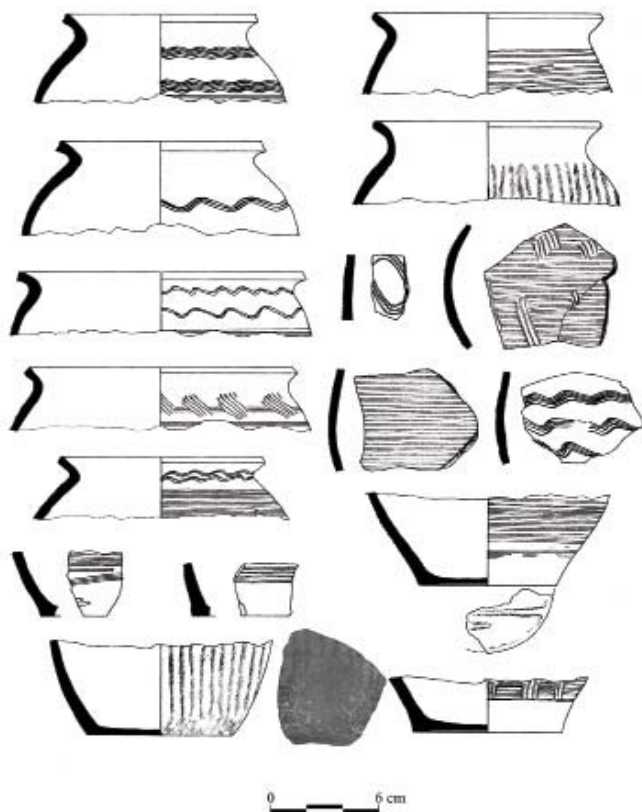

Рис. 4. Керамика из Сыдиево.

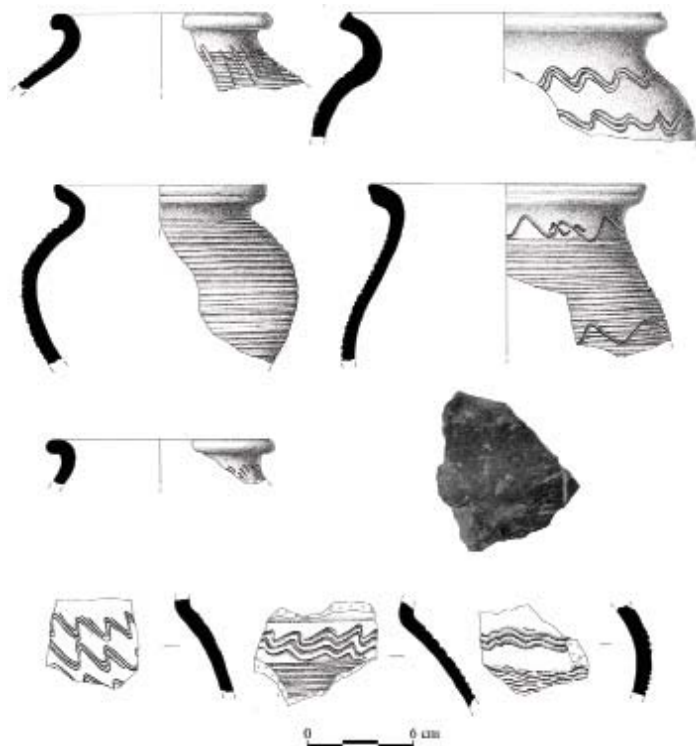
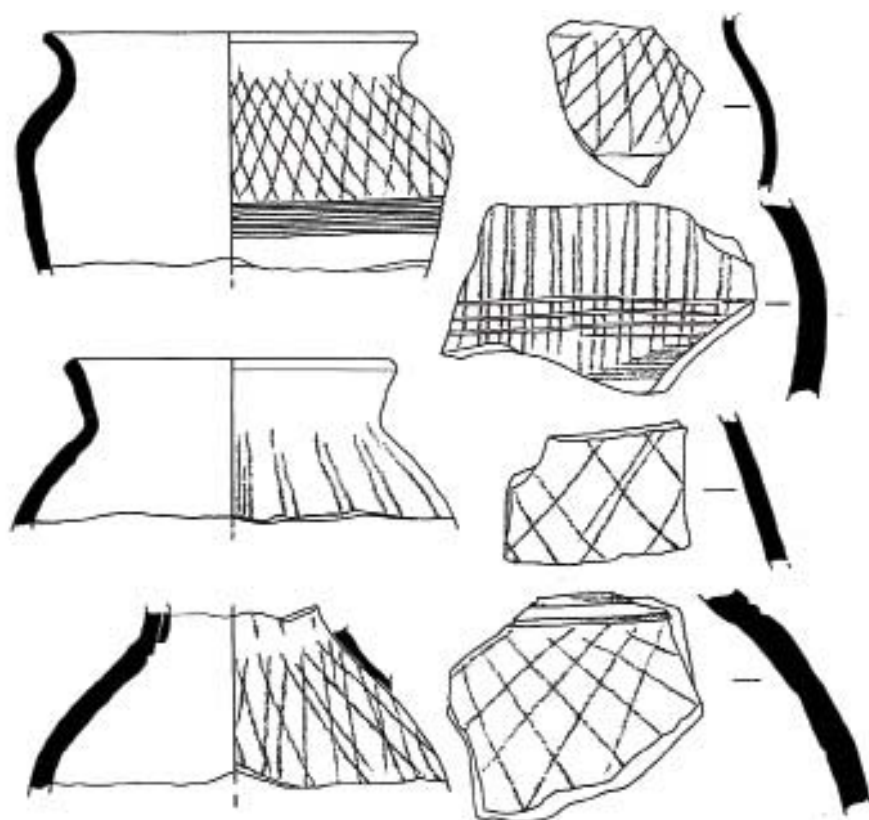

Рис. 5. Керамика из Караново.

0 6 cm

0 6 cm

Рис. 6. Керамика из Констанции.

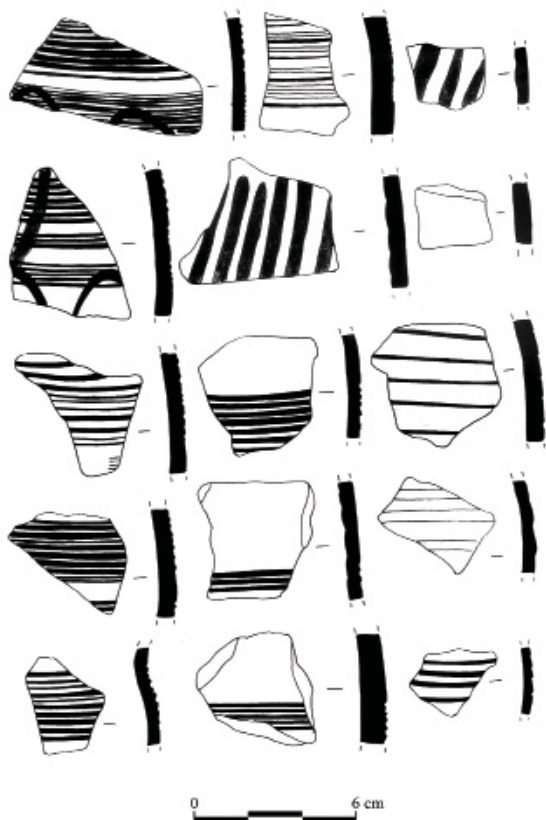

Рис. 7. Керамика из Помория.

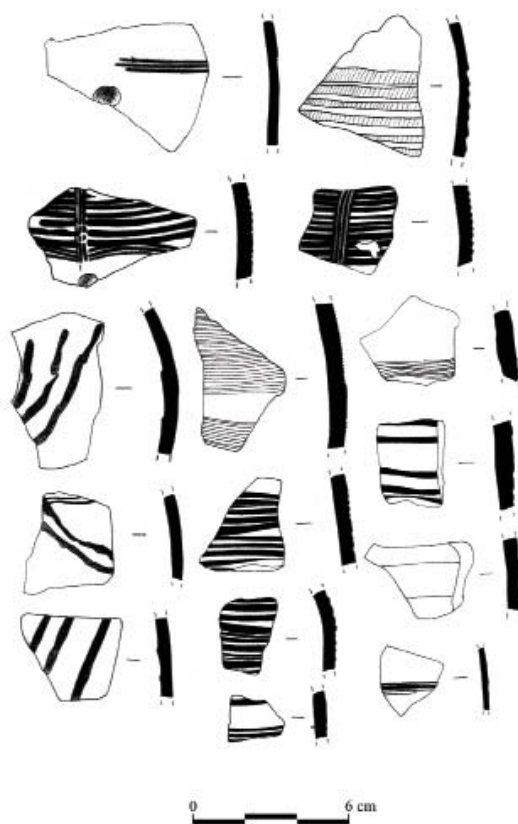

Рис. 8. Керамика из Помория.

ектов она встречается лишь в единичных экземплярах (Дебелт, Несебыр, Маркели). Чуть большее количество серой керамики с лощеным украшением найдено в Помории (Момчилов, 2007, с. 79–81, табл. XX). Вопреки этому, однако, процентная доля данной керамики по отношению к остальной бытовой керамике, сделанной из глины, перемешанной с мелким или более крупным песком, совсем незначительная (рис. 7–8). Более того, как уже отмечалось, в большинстве случаев, хоть и в небольшом количестве, серая керамика происходит из пластов, датируемых периодом позднее середины IX в., т.е. после заключения т.н. «Глубокого мира» при князе Борисе, когда происходит и массовое и постоянное заселение болгарского населения на территории нынешней Южной Болгарии. Достаточно красноречивым доказательством этого являются результаты раскопок некоторых более ранних селищ. Так, например, в крепости Кастра Рубра, которая разрушена ханом Крумом в 813 г. после засады возле Константинополя, среди руин появляется пласт с болгарским материалом, в основном керамика, среди которой, однако, отсутствует серая керамика с лощеной поверхностью и украшением (Борисов, 2009, с. 255–265). То же самое наблюдается и в ранних культурных пластах средневекового селища возле Капитан Андреево, где опять же совершенно отсутствует подобная керамика (Грозданова, 2009, с. 54–71). Картина повторяется и в юго-западных болгарских землях. Так, в Пернике, где, по мнению Й. Чанговой, раннесредневековое селище возникло еще в конце VIII в., керамика имеет славянские, а не праболгарские характерные черты, а серая лощеная ке-

рамика полностью отсутствует (Чангова, 1992, с. 62). Те же результаты зарегистрированы и на остальных исследованных объектах – Филиппополь, Хисаря, Берое и т. д. Следовательно, хотя и небольшие, находки керамики из серой глины с лощеным украшением сосредоточены в основном на территории Северо-Восточной Фракии в пространстве между Хисарлыком в Сливене, Маркели, Поморием, Дебелтом, Констанцией и Хасково. В самых общих чертах это территория, которая была присоединена к Болгарскому ханству еще при Тервеле, т. е. в самом начале VIII в., но если для единичных могил имеется логичное объяснение, почему они появились именно здесь и в это время, то керамика появляется потом, через примерно век с половиной – в середине IX в., после массового заселения древнеболгарского населения. Трудно определить и верхнюю границу распространения этой керамики, во всяком случае, очевидно, она использовалась в быту и в следующие X и XI вв., что доказывается единственным целым горшком из крепости Хисаря в Хасково (рис. 6), найденным на пожарище жилища, датированном монетами начала XI в. (Борисов, 2002, с. 43–44).

В заключение следует отметить, что все примеры наличия керамики из серой хорошо прочищенной глины с лощеной поверхностью или украшением отнюдь не являются бесспорным доказательством присутствия праболгарского населения, особенно после середины IX в., когда на основе славянской и праболгарской культуры формируется новая староболгарская культура, в которой характерные для обеих этнических культур черты медленно и постепенно размываются и исчезают,

а от них сохраняются отдельные реликты, которые не могут быть связаны с первым или другим этносом. В этом смысле наличие серой керамики с лощеным украшением на территории Южной Болгарии трудно принять как доказательство массового присутствия праболгарского населения на данной территории. В общих чертах это относится и к единичным могилам, которые, кроме того что малочисленны, также и довольно неубедительны как этнический индикатор присутствия праболгарской администрации, а тем более праболгарской аристократии, еще в первой половине VIII века.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аладжов Ж., Овчаров Н.* Данни за прабългарско присъствие в Родопската област // Българските земи в древността. България през Средновековието. Доклади от Втория международен конгрес па българистика. – София, 1987.
2. *Аладжов Д.* Резултати от археологическите разкопки на Констанция // «Марица-изток». Археологически проучвания. № 3. – Раднево, 1995.
3. *Антонова В.* Аулт на Омуртаг при с. Цар Крум // Археология. – 1963. – V, № 2.
4. *Антонова В.* Средновековно селище в чашата на язовир «Виница», Шуменско // ИИМШ. – 1967. – IV.
5. *Антонова В.* Шумен и Шуменската крепост. – Шумен, 1995.
6. *Бешевлиев В.* Първобългарски надписи. – София, 1934.
7. *Бешевлиев В.* Първобългарите. Бит и култура. – София, 1981.
8. *Бобчева Л.* Жилищни и стопански сгради в средновековното селище при с. Топола, Толбухински окръг // ИИМВ. – 1976. – XII (XXVII).
9. *Бобчева Л.* Две грънчарски пещи в ранносредновековното селище при с. Топола, Толбухински окръг // ИИМВ. – 1977. – XIII (XXVIII).
10. *Борисов Б.* Керамика и керамично производство през XI–XII век от територията на днешна Югоизточна България. – Раднево, 2002. (Марица-изток). Археологически проучвания. Вып. 6).
11. *Борисов Б.Д.* Керамиката от ранносредновековното селище върху Кастра Рубра (предварително съобщение) // Eurika. In honorem Ludmilae Donchevae-Petkovaе. – София, 2009.
12. *Ваклинов С.* Формиране на старобългарската култура. – София, 1977.
13. *Ваклинов С., Станилов С.* Кладенци – ранносредновековно българско селище. – Варна 1981.
14. *Въжарова Ж.* Славянското селище в м. Стублата край с. Бежаново, Ловешко // ИАИ. – 1961. – XXIV.
15. *Въжарова Ж.* Славянски и славянобългарски селища в българските земи от края на VI–X в. – София, 1965.
16. *Въжарова Ж.* Ранносредновековно и славянобългарско селище в м. Стареца край с. Гарван, Силистренско // Археология. – 1966. – VIII, № 2.
17. *Въжарова Ж.* Славяни и прабългари по данни от некрополите от VI–XI в. на територията на България. – София, 1976.
18. *Георгиева С.* Средновековното селище над развалините на античния град Абритус // ИАИ. – 1961. – XXIV.
19. *Грозданова Г.* Керамика от ранносредновековното селище при с. Капитан Димитриево, община Свиленград // Приноси към българската археология. V. – София, 2009.

20. *Джамбов И.* Средновековното селище над античния град при Хисар. – Асеновград, 2002.
21. *Димитров Д.И.* Ранносредновековен некропол при гара Разделна // Археология. – 1959. – I, № 3–4.
22. *Димитров Д.И.* Ранносредновековен некропол при с. Блъсково, Варненски окръг // ИНМВ. – 1967. – III (XVIII).
23. *Димитров Д.И.* Раннобългарско селище при с. Брестак, Варненско // ИНМВ. – 1969. – V (XX).
24. *Димитров Д.И.* Старобългарски некропол № 2 при Девня // ИНМВ. – 1970. – VI (XXI).
25. *Димитров Д.И.* Древнеболгарские некрополи в Варненском округе // Славяните и средиземноморския свят VI–XI век. – София, 1973.
26. *Димитров Д.И.* Керамика от ранносредновековната крепост до с. Цар Асен, Силистренско // Добруджа, 1993. – № 10.
27. *Дончева-Петкова Л.* Българска битова керамика през ранното средновековие (втората половина на VI – края на X в.). – София, 1977.
28. *Дремсизова Ц.* Проучване на аула на Омуртаг през 1959 г. // Сб. Шкорпил, 1961.
29. *Дуранкулак, I.* – София, 1989.
30. *Йотов В., Атанасов Г.* Скала. Крепост от X–XII в. до с. Кладенци, Тервелско. – София, 1998.
31. *Кацарова В., Хаджиангелов В.* Късноантичен и средновековен некропол // Копривлен, I. – София, 2002.
32. *Милчев А., Ангелова С.* Разкопки и проучвания в м. Калето край с. Нова Черна, Силистренски окръг през 1968 г. // Археология. – 1970. – XII, № 1.
33. *Михайлов С., Джингов Г., Вългов В., Димова В.* Ранносредновековното селище при с. Стърмен. – София 1982.
34. *Николов В., Кънчева Т., Хилер Щ.* Археологически разкопки на българо-австрийската експедиция на селищната могила Караново през 2002 г. // АОР за 2002 г. – София, 2003.
35. *Овчаров Д.* Преславски паралели в крепостта Крумово кале при Търговище // ИНМШ. – 1973. – 6.
36. *Радева М.* Средновековна керамика от Сливен // ИМЮИБ. – 1986. – IX.
37. *Рашев Р.* Прабългарите през V–VII в. – В. Търново, 2000.
38. *Рашев Р.* Прабългарите и Българско ханство на Дунав. – София, 2001.
39. *Рашев Р.* Българската езическа култура VI–IX в. – София, 2008.
40. *Рашев Р., Станилов С.* Раннесредновековной могилник у с. Ножарево, Силистренский округ (предварительное сообщение) // Проблеми на прабългарската история и култура. – София, 1989.
41. *Рашев Р., Станилов С.* Старобългарски некропол при с. Дебич, община Шумен // АОР за 1992–1993 г. – В. Търново, 1994.
42. *Станев К.* Тракия през ранното средновековие. – В. Търново, 2012.
43. *Станилов С.* Художественият метал на българското ханство на Дунав (VII–IX в.). Опит за емпирично изследване. – София, 2006.
44. *Станчев Д.* Прабългарски компоненти в погребалния обред и инвентара на ранносредновековните некрополи в Русенско // Проблеми на прабългарската история и култура. – София, 1989.
45. *Станчев С., Иванов С.* Некрополът до Нови Пазар. – София, 1958.

46. Станчева М., Дончева-Петкова Л. Средновековна битова керамика от Еску при с. Гиген // Археология. – 1972. – XIV, № 1.
47. Танчева-Василева Н. Средновековно селище и некропол върху развалините на античния град Кабиле // Кабиле, 2. – София, 1991.
48. Тотев Б. Аристократичният прабългарски колан. Ръкопис на дисертация за научната степен «Доктор». – В. Търново.
49. Тотев Б., Пелевина О. «Находките» от Велино и Златари и аристократическите гарнитури на дунавските българи // Археология. – 2010. – LI, № 3–4.
50. Тотев Б., Пелевина О. Съкровището от Врап и елинарната култура на дунавските българи // Археология. – 2011. – LII, № 2.
51. Чангова Й. Перник, III. – София, 1992.
52. Шейлева Г. Средновековна керамика от с. Съдиево, Новозагорско // ИМЮИБ. – 1998. – XIX.
53. Шейлева Г. Заселване на славяните в Родопската област (по археологически данни) // Тр. VI Международ. конгреса славянской археологии. Т. 1. – М., 2002.
54. Шкорпил К.В. Домашний видь и промисел // ИРАИК. – 1905. – X.
55. Angelova S., Marvakov T. Úzvaei Nekropolen aus Südwestbulgarien. // Velká Morava mezi Východem Západem. Spisy Arch. Ústavu AV ČR, 17. – Brno, 2001.
56. Fiedler U. Studien zu Gräberfeldern des 6. bis 9. Jahrhunderts an der unteren Donau. – Bonn, 1992.
57. Wendel M. Die Gemarkung Kaleto des Dorfes Rupkite bei Čirpan (Bulgarien) im Mittelalter // Zeitschrift für Archäologie. – 1992. – № 26.

Информация об авторе:

Борисов Борис Донев, доктор, доцент, Великотырновский университет им. „Св. Кирила и Мефодия“ (г. Велико Тырново, Болгария); bdborisov@abv.bg

ARCHAEOLOGICAL EVIDENCES FOR PROTO-BULGARIAN PRESENCE ON TERRITORY OF THE SOUTH BULGARIA

B.D. Borisov

The findings from Southern Bulgaria, mainly dated back to the 8th century, which researchers associate with proto-Bulgarian presence in the territory south of Stara Planina, are discussed. These are primarily funerary complexes of the 1st half through to the mid-8th century, among which of particular interest are the details of belts (buckles and appliqué). The findings of grey-clay polished pottery, common in the area between Nova Zagora, Sliven, Karnobat, Pomorye, Debeltum and Khaskovo are also analyzed. According to the author, the presence of this pottery can hardly be considered proof of mass presence of the proto-Bulgarian population in the territory of Southern Bulgaria in the eighth century. As to the burials of this period, they are not numerous, and their funeral goods cannot serve as a reliable ethnic indicator. Consequently, there is no reason to suggest the presence of proto-Bulgarian administration and proto-Bulgarian aristocracy in Southern Bulgaria in the first half of the 8th century

Keywords: archaeology, Southern Bulgaria, proto-Bulgarian population, burials, elements of belts, grey-clay polished ceramics.

REFERENCES

1. Aladzhov, Zh., Ovcharov, N. 1987. In *Bălgarskite zemi v drevnostta. Bălgariya prez Srednevekovieto (Territory of Bulgaria in the Antiquity. Bulgaria in the Middle Ages)*. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences, 294-300 (in Bulgarian).

2. Aladzhov, D. 1995. In *Maritsa-Iztok. Arkheologicheski prouchvaniya (Maritsa-Iztok. Archeological Investigations)* 3. Radnevo: "Maritsa-Iztok" Expedition, 181-184 (in Bulgarian).
3. Antonova, V. 1963. In *Arkheologiya (Archaeology)* V (2), 49-56 (in Bulgarian).
4. Antonova, V. 1967. In *Izvestiya na Narodniya muzej Shumen (Reports of Shumen National Museum)* IV, 3-34 (in Bulgarian).
5. Antonova, V. 1995. *Shumen i Shumenskata krepost (Shumen and Shumen Fortress)*. Shumen: "Antos" Publ. (in Bulgarian).
6. Beshevliev, V. 1934. In *Godishnik na Sofijskiya universitet, istoriko-filologicheski fakultet (Yearbook of Sofia University. Department of History and Philology)* 31, 1-162 (in Bulgarian).
7. Beshevliev, V. 1981. *Pärvobälgarite. Bit i kultura (First Bulgarians: Everyday Life and Culture)*. Sofia: "Nauka i izkustvo" Publ. (in Bulgarian).
8. Bobcheva, L. 1976. In *Izvestiya na narodniya muzej väv Varna (Reports of Varna National Museum)* XII (XXVII), 122-130 (in Bulgarian).
9. Bobcheva, L. 1977. In *Izvestiya na narodniya muzej väv Varna (Reports of Varna National Museum)* XIII (XXVIII), 172-177 (in Bulgarian).
10. Borisov, B. 2002. *Keramika i keramichno proizvodstvo prez XI-XII vek ot teritoriyata na dneshna Yugoiztochna Bälgariya (Ceramic Ware and Pottery in 11th — 12th Centuries on the Territory of Present-Day South-Eastern Bulgaria)*. Series: Maritsa-Iztok. Arkheologicheski prouchvaniya (Maritsa-Iztok. Archeological Investigations) 6. Radnevo: "Maritsa-Iztok" Expedition (in Bulgarian).
11. Borisov, B. D. 2009. In *Eurika. In honorem Ludmilae Donchevae-Petkovae*. Sofia: National Institute of Archaeology with Museum, Bulgarian Academy of Sciences, 255-265 (in Bulgarian).
12. Vaklinov, S. 1977. *Formirane na starobälgarskata kultura (Formation of the Ancient Bulgarian Culture)*. Sofia: "Nauka i izkustvo" Publ. (in Bulgarian).
13. Vaklinov, S., Stanilov, S. 1981. *Kladentsi — rannosrednovkovno bälgarsko selisthe (Kladentsi — Early Medieval Bulgarian Settlement)*. Varna: "Georgi Bakalov" Publ. (in Bulgarian).
14. Väzharova, Zh. 1961. In *Izvestiya na Arkheologicheskiya institut (Reports of Archaeological Institute)* XXIV, 317-326 (in Bulgarian).
15. Väzharova, Zh. 1965. *Slavyanski i slavyanobälgarski selistha v bälgarskite zemi ot kraya na VI-X v. (Slawische und Slawisch-Bulgarische Siedlungen auf dem Territorium Bulgariens vom Ende des VI. — XI. Jahrhundert = Slavic and Slavic-Bulgarian Settlements on Bulgarian Lands in the Late 6th — 10th Centuries)*. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences (in Bulgarian).
16. Väzharova, Zh. 1966. In *Arkheologiya (Archaeology)* VIII (2), 21-31 (in Bulgarian).
17. Väzharova, Zh. 1976. *Slavyani i prabälgari po danni ot nekropolite ot VI-XI v. na teritoriyata na Bälgariya (Slavs and Pre-Bulgarians by the Data of Necropolises of 6th — 11th Centuries on the Territory of Bulgaria)*. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences (in Bulgarian).
18. Georgieva, S. 1961. In *Izvestiya na Arkheologicheskiya institut (Reports of Archaeological Institute)* XXIV, 9-36 (in Bulgarian).
19. Grozdanova, G. 2009. In *Prinosi käm bälgarskata arkheologiya (Contributions to the Bulgarian Archaeology)* V. Sofia: "Agato" Publ., 54-71 (in Bulgarian).
20. Dzhambov, I. 2002. *Srednovkovnoto selisthe nad antichniya grad pri Khisar (Medieval Settlement over the Ancient Town near Khisar)*. Asenovgrad (in Bulgarian).
21. Dimitrov, D. I. 1959. In *Arkheologiya (Archaeology)* I (3-4), 56-60 (in Bulgarian).
22. Dimitrov, D. I. 1967. In *Izvestiya na narodniya muzej väv Varna (Reports of Varna National Museum)* III (XVIII), 127-147 (in Bulgarian).
23. Dimitrov, D. I. 1969. In *Izvestiya na narodniya muzej väv Varna (Reports of Varna National Museum)* V (XX), 113-136 (in Bulgarian).
24. Dimitrov, D. I. 1970. In *Izvestiya na narodniya muzej väv Varna (Reports of Varna National Museum)* VI (XXI), 10-30 (in Bulgarian).

25. Dimitrov, D. I. 1973. In *Slavyanite i sredizemnomorskiyat svyat VI—XI vek (Slavs and the Mediterranean World in 6th — 9th Centuries)*. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences, 75-91 (in Russian).
26. Dimitrov, D. I. 1993. In *Dobrudzha (Dobruja)* 10. Varna, 54-75 (in Bulgarian).
27. Doncheva-Petkova, L. 1977. *Bălgarska bitova keramika prez rannoto srednovekovie (vtorata polovina na VI — kraya na X v.) (Bulgarian Early Medieval House Pottery (second half of 6th — end of 10th Centuries))*. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences (in Bulgarian).
28. Dremsizova, Ts. 1961. In *Izsledvaniya v pamet na K. Shkorpil (Studies in Memory of K. Škorpil)*. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences, 111-129 (in Bulgarian).
29. *Durankulak (Durankulak)* 1. 1989. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences (in Bulgarian).
30. Jotov, V., Atanasov, G. 1998. *Skala. Krepost ot X—XII v. do s. Kladentsi, Tervelsko (Skala, a Fortress of 10th — 12th Centuries near the Kladentsi Village, Tervel Community)*. Sofia: Pensoft Publishers (in Bulgarian).
31. Katsarova, V., Khadzhiangelov, V. 2002. In *Spasitelni arkheologicheski prouchvaniya po pătuya Gotse Delchev—Drama, 1998—1999 (Rescue Archaeological Research on the Gotse Delchev — Drama Road, 1998-1999)*. Series: Koprivlen (Koprivlen) 1. Sofia, 215 – 243 (in Bulgarian).
32. Milchev, A., Angelova, S. 1970. In *Arkheologiya (Archaeology)* XII (1), 26-38 (in Bulgarian).
33. Mikhajlov, S., Dzhingov, G., Vălov, V., Dimova, V. 1982. *Rannosrednovekovnoto selisthe pri s. Stărmen (Early Medieval Settlement near Stărmen Village, Silistra Region)*. Series: Razkopki i prouchvaniya (Excavations and Research) VII. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences (in Bulgarian).
34. Nikolov, V., Kăncheva, T., Hiller, S. 2003. In *Arkheologicheski otkritiya i razkopki za 2002 g. (Archaeological Discoveries and Excavations in 2002)*. Sofia, 20-22 (in Bulgarian).
35. Ovcharov, D. 1973. In *Izvestiya na Narodniya muzej Shumen (Reports of Shumen National Museum)* 6, 230-233 (in Bulgarian).
36. Radeva, M. 1986. In *Izvestiya na muzeite ot Yugoiztochna Bălgariya (Bulletin of Museums of South-Eastern Bulgaria)* IX, 67-78 (in Bulgarian).
37. Rashev, R. 2000. *Prabălgarite prez V—VII vek (Pre-Bulgarians in 5th—7th Centuries)*. Veliko Tarnovo: “Faber” Publ. (in Bulgarian).
38. Rashev, R. 2001. *Prabălgarite i Bălgarsko khanstvo na Dunav (Pre-Bulgarians and the Bulgar Khanate on the Danube)*. Sofia: “Klasika i stil” Publ. (in Bulgarian).
39. Rashev, R. 2008. *Bălgarskata ezicheska kultura VII—IX vek (Bulgarian Pagan Culture in the 7th – 9th Centuries)*. Sofia: “Klasika i stil” Publ. (in Bulgarian).
40. Rashev, R., Stanilov, S. 1989. In *Problemi na prabălgarskata istoriya i kultura (Problems of Pre-Bulgarian History and Culture)*. Sofia: “Arges” Publ., 214-220 (in Russian).
41. Rashev, R., Stanilov, S. 1994. In *Arkheologicheski otkritiya i razkopki za 1992—1993 g. (Archaeological Discoveries and Excavations in 1992-1993)*. Veliko Tarnovo (in Bulgarian).
42. Stanev, K. 2012. *Trakiya prez rannoto srednovekovie (Thrace in the Early Middle Ages)*. Veliko Tarnovo: “Faber” Publ. (in Bulgarian).
43. Stanilov, S. 2006. *Khudozhestveniyat metal na bălgarskoto khanstvo na Dunav (VII—IX v.). Opit za empirichno izsledvane (Artistic Metal of the Bulgarian Khanate in Danube Region (7th – 9th Centuries: An Attempt to the Empiric Study)*. Sofia: “Klasika i stil” Publ. (in Bulgarian).
44. Stanchev, D. 1989. In *Problemi na prabălgarskata istoriya i kultura (Problems of Pre-Bulgarian History and Culture)*. Sofia: “Arges” Publ., 241-254 (in Bulgarian).
45. Stanchev, S., Ivanov, S. 1958. *Nekropolăt do Novi Pazar (Necropolis near Novi Pazar)*. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences (in Bulgarian).
46. Stancheva, M., Doncheva-Petkova, L. 1972. In *Arkheologiya (Archaeology)* XIV (1), 22-31 (in Bulgarian).

47. Tancheva-Vasileva, N. 1991. In *Kabile (Cabyle)* 2. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences (in Bulgarian).
48. Totev, B. Aristokratichniyat prabǎlgarski kolan (Aristocratic Pre-Bulgarian Belt). Doct. Diss. (manuscript). Veliko Tarnovo (in Bulgarian).
49. Totev, B., Pelevina, O. 2010. In *Arkheologiya (Archaeology)* LI (3–4), 58-77 (in Bulgarian).
50. Totev, B., Pelevina, O. 2011. In *Arkheologiya (Archaeology)* LII (2), 32-52 (in Bulgarian).
51. Changova, J. 1992. *Pernik (Pernik)* III. *Krepostta Pernik VIII-XIV v. (The Pernik Fortress of 8th — 14th Centuries)*. Sofia: “Professor Marin Drinov” Publ. (in Bulgarian).
52. Shejleva, G. 1998. In *Izvestiya na muzeite ot Yugoiztochna Bǎlgariya (Bulletin of Museums of South-Eastern Bulgaria)* XIX, 102-114 (in Bulgarian).
53. Shejleva, G. 1997. In *Trudy VI Mezhdunarodnogo Kongressa slavianskoi arkheologii 1. Problemy slavianskoi arkheologii (Proceedings of 6th International Congress of Slavic Archaeology 1. Issues of Slavic Archaeology)*. Moscow: Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology, 195-202 (in Bulgarian).
54. Shkorpil, K.V. 1905. In *Izvestiia Russkogo arkheologicheskogo instituta v Konstantinopole (Proceedings of the Russian Archaeological Institute in Constantinople)* X. *Aboba-Pliska (Aboba-Pliska)*. Sofia: State Typography, 301-317 (in Russian).
55. Angelova, S., Marvakov, T. 2001. Úzvaei Nekropolen aus Südwestbulgarien. In *Velká Morava mezi Východem a Západem*. Spisy Arch. Ústavu AV ČR, 17. Brno.
56. Fiedler, U. 1992. *Studien zu Gräberfeldern des 6. bis 9. Jahrhunderts an der unteren Donau*. Bonn: R. Habelt.
57. Wendel, M. 1992. Die Gemarkung Kaletu des Dorfes Rupkite bei Čirpan (Bulgarien) im Mittelalter. In *Zeitschrift für Archäologie* 26, 279–299.

About the Authors:

Borisov Boris. Doctor. Veliko Tarnovo University “St. Cyril and Methodius”. Theodosius of Tarnovo St., 2, Veliko Tarnovo, Bulgaria; bdborisov@abv.bg

ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ И КОМПЛЕКС ВООРУЖЕНИЯ ДРЕВНЕГО И СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

© 2012 г. И.Л. Измайлов

Статья посвящена одному из важнейших аспектов археологии — реконструкции социальных отношений по данным погребально-поминальной обрядности. Основное внимание уделено теоретическим проблемам соотношения «живой» реальности и ее отражению в погребальных памятниках и особенно предметам вооружения, как ключевому материалу для определения социального статуса и восстановления комплекса вооружения древних и средневековых социумов.

Ключевые слова: археология, могильник и погребальный обряд, погребальный инвентарь, социоархеология, метод «восхождения», этноархеология, реконструкция и социокультурная интерпретация археологического материала, оружие, комплекс вооружения.

В последнее время наметился устойчивый рост интереса к проблемам археологического оружия и расширение круга материалов, привлекаемых для анализа вооружения и военного дела древнего и средневекового населения. Происходит увеличение количества исследований и их качественный рост. Вместе с тем, все это заставляет обратить более серьезное внимание на методичку этих исследований в целом и конкретного материала в частности. В данной работе хотелось бы обратиться к такому археологическому феномену, как могильники и выяснить, насколько он информативен в плане изучения военной истории.

Обычная археологическая практика в этом проста. Все оружие из погребальных комплексов рассматривается, как «живые» комплексы вооружения и, соответственно, анализируются как элементы, отражающие историю военного дела. Однако такой подход при всей его кажущейся очевидности имеет целый ряд методических и методологических изъянов. Во-первых, он не учитывает, что существует разрыв между погребальным инвентарем и реальным набором оружия, неоправданно перескакивая от ископаемого археологического оружия к оружию,

которым пользовалось древнее население. Во-вторых, не принимает во внимание, что оружие из погребений является лишь частью поминально-погребального комплекса, в котором играло свое особое место, причем собственно к военному делу в этой системе оно имело весьма касательное отношение.

Суть проблемы в том, что от внимания археологов, практикующих прямую возгонку от предметов археологии к историческому анализу, ускользает, что оружие помимо своей чисто военной функции в погребальном комплексе играло роль не оружия, а некоего социального маркера. В погребальной обрядности оружие и воинское снаряжение могло иметь прямое отношение к его боевому использованию, когда принадлежало воину, а мог и не иметь, когда был, например, частью поминального дара. При этом само соотношение

погребального оружия и реального комплекса вооружения было не прямым, а косвенным. Например, следует доказать, что в древних обществах воина всегда хоронили с его личным оружием, поскольку общая практика такова, что погребальных комплексов с оружием весьма мало, а в некоторых культурах его там вообще нет. Это заставляет думать, что правило, по которому считается, что воина надо было обязательно хоронить с его личным оружием, придумали археологи для облегчения своих занятий обобщениями, чтобы не затруднять себя излишней работой. Очевидно, что, как и в других подобных случаях, когда мы имеем дело с методологией советской позитивистской «археологической истории», мы сталкиваемся не с глубоким анализом различных процедур исследования, а ссылку на некий здравый смысл. Если в погребении есть оружие, то мы имеем дело с воином, если рядом находят конскую упряжь, то это был конный воин, а если никакого инвентаря вообще не было, то это безнадежный бедняк или раб. Однако наука не имеет ничего общего с обыденным сознанием, поскольку исходит из более сложных и более трудоемких процедур¹.

В качестве примера можно привести полное отсутствие предметов вооружения в погребениях именьковской культуры (абстрагируясь от того, что ее население использовало обряд трупопожжения, поскольку в других культурах, практиковавших этот обряд, оружие представлено), хотя носителей

ее никак нельзя назвать мирным народом. В других культурах оружие представлено в отдельные периоды времени значительным количеством материала (например, в окско-цинских и посурских могильниках), хотя воинственностью и завоевательными амбициями оно явно не отличалось.

Часто упускается из виду еще один аспект этой проблемы. Наши представления об оружии из погребения исходят из наличия набора оружия, извлеченного в процессе раскопок. Но сам этот комплекс не является даже прямым отражением поминального оружия, поскольку часть предметов вооружения могла заменяться вотивными предметами или какими-либо заменителями и символами этого оружия из недолговечных материалов, которые не сохранились до процесса раскопок в силу естественных процессов археологизации. Примеров этому довольно много и достаточно привести примеры из погребений, где эти материалы сохранились, например, из курганов Нии раннего железного века из Восточного Туркестана. В них, в частности, довольно хорошо сохранились стрелковые наборы, состоявшие из колчана, горита, лука и нескольких стрел, а также ножен кинжала-акинака, хотя самого кинжала в погребении найдено не было. Если бы это погребение было обнаружено в других условиях, то мы бы относили его к числу погребений, имеющих из оружия исключительно лук (если бы сохранились костяные накладки) и набор стрел. Но в реальности этот набор гораздо полнее.

Даже в таком полном виде он не отражает всего набора оружия, которым владел умерший, а только его часть, которая была важной и символической.

¹ О соотношении научной и обыденной реконструкции погребального обряда и методических недостатках последнего см.: Смирнов, Тендрякова, 1990.

ской для родственников умершего, совершавших обряд. Хотя бы потому, что набор стрел и в этом и в подавляющем числе случаев разных времен и народов, состоял из нескольких стрел. Хорошо известно, что колчан в разные века и у разных народов вмещал до 30 стрел, тогда как в погребении он представлен всего несколькими экземплярами. Вполне очевидно, что, если бы родичи умершего желали положить в могилу к умершему все его оружие, то они могли бы положить полный колчан стрел, но они всегда ограничивались несколькими стрелами. Иными словами, они играли роль некоего символа, а их типологический набор что-то значил для родичей умершего. Но раз стрелы играли явную символическую роль, то и остальной набор оружия также был неким символом воинского и социального ранга.

Все это заставляет полагать, что прямое сопоставление ископаемого оружия с комплексом вооружения древнего населения методически неправильно, а с точки зрения военной истории просто наивно.

Неверно это и с точки зрения методологии археологии. В отечественной археологии данный переход от ископаемых остатков к познанию общества являлся важнейшим элементом понятийного аппарата. Как для направления археологической истории, так и археологической социологии, имевших дело с погребальными памятниками, реконструкция заключалась в простых методах систематизации и обобщения, а также подборе некоторых аналогий, позволявших моделировать древнее общество. Практически все труды под названием «древняя история», написанные в 50–70-е годы, а иногда

и по сей день, структурно состоят из первичной обработки материала, в том числе и погребальных комплексов, и их историко-социологической интерпретации. Но постепенно подобные взгляды и простые процедуры анализа потеряли свою привлекательность, поскольку вступали в противоречие с комплексом историко-этнографических данных.

В зарубежной, главным образом, в англо-американской археологии в конце 60–70-х годов прошлого века набирает авторитет, так называемая «новая археология». Базовые установки ее были в концепции релевантности археологии в объяснении древней истории, которая имела основание в постпозитивистской эклектике. Сходство с советской наукой только подчеркивает тот факт, что при всех апелляциях к марксизму и проклятиях в сторону буржуазной науки, советское обществоведение в конкретных науках основывалось на том же постпозитивизме с его дискретностью и социологизаторством.

В советской археологии 1970-х годов довольно успешно применяли методы формализованного анализа различные специалисты, изучавшие многообразные категории археологического материала, в первую очередь, массового (Статистико-комбинаторные методы, 1970; Археология и естественные науки, 1970; Математические методы, 1972; Каменецкий, Маршак, Шер, 1975). В середине 1980-х годов лидерство в этих исследованиях захватила киевская школа социоархеологии, которая попыталась дать не только теоретическое обоснование, но и представить практическое воплощение этой концепции в конкретных исследованиях (Буня-

тян, 1985; Генинг, 1988; Генинг, 1989; Формализованно-статистические методы, 1990).

Суть этого подхода при всем разнообразии концептуальных подходов сводилась к культурному процессу, имевшему автохтонные механизмы внутреннего развития и обособление различных элементов культуры. В отечественной социоархеологии дифференциация в культуре рассматривалась, в первую очередь, через призму социально-классовых отношений и этно-племенной структуры. Сильной стороной этого направления по праву считается его операционная система: четкое описание процедур исследования, систематизация и формализация материала, концепция моделей и систем и т.д. При этом у этого направления скоро выявились недостатки. Такие как гипертрофированный материализм и социологизм, выражающийся в отказе от рассмотрения явлений, которые не наблюдаются непосредственно в материале, представление о прямом соответствии археологической и живой культур, в пренебрежении или поверхностном обращении к этнографическим параллелям, невнимание к данным этноархеологии, большое внимание к демографическим явлениям, часто служащим универсальной объяснительной моделью для культурных трансформаций и т.д. В конце концов, «новая археология» не стала новой парадигмой для науки, а постепенно сошла с арены идей, обогатив науку целым рядом идей и гипотез, методов и процедур, в первую очередь, формализованно-статистическим анализом

и интерпретационными возможностями².

В современной науке сама концептуальная идея о прямом соответствии археологических древностей с живой культурой была отвергнута и дискредитирована³. Главную роль в этом сыграла этнография и такое ее направление, как этноархеология. Постепенно под давлением фактов большинство археологов было вынуждено признать реальность бурных перемещений народов и культурных контактов, существование расплывчатых культурных границ, наличие переходных и контактных зон, смешанных культур и т.д., что ломает представления об археологической культуре как некоей гомогенной общности, заставляет по-

² Об истории и проблемах «новой археологии» см.: Клейн, 2009.

³ В этом смысле характерен труд В.М. Массона, который являлся важным этапом теоретического осмысления проблемы, показав необходимость выработки новых подходов. Хотя автор в значительной степени следовал методикам советской социоархеологии и западной «новой археологии», делая общий вывод, что погребальный обряд и инвентарь в целом довольно точно отражает социальный статус умершего и позволяет реконструировать социальные отношения, но при этом признавал сложность и ограниченность подобных методик (Массон, 1976, с. 149–176). Автор сделал предметам своего анализа древние общества, которые дисперсно освещены письменными источниками, что открывало простор для различных интерпретаций. Вместе с тем, следует указать, что хотя социальный статус древних вождей наглядно демонстрируется их погребальным комплексом и инвентарем, но сам этот статус не вполне понятен. Для средневекового общества с его развитыми пространственными связями подобный анализ и интерпретация еще больше затруднены.

лагать, что в реальности археологическая культура представляла собой не культуру отдельного этноса и племени, а надэтнической общности – хозяйственно-культурному типу, историко-этнографической области и т.п.

Тем самым в концептуальном плане не подтверждается мысль о прямом соответствии данных археологии поминально-погребальному обряду. В этой связи необходимо проанализировать сначала методологические проблемы и методику анализа соотношения ископаемого погребения и живого реального погребального обряда с тем, чтобы выяснить место, которое в этой системе занимало оружие.

В последнее время этим проблемам в отечественной историографии уделялось довольно большое внимание. Различные процедурные и методические вопросы, а также сама методология вопроса была под влиянием западной науки отработана и выверена. В первую очередь, следует отметить труды Ю.А. Смирнова, который для всего этого комплекса этих проблем предложил термин «тафология» (от греческого *таφος* – «погребение, похороны» и «логос» – «знание, учение») и разработал систему анализа погребального обряда и соотношения его с ископаемыми остатками (Смирнов, 1997). Этим же проблемам посвящены также работы других археологов – В.М. Массона, Н.Б. Леоновой, В.С. Ольховского, В.И. Гуляева, В.А. Алекшина и других (Массон, 1976; Леонова, Смирнов, 1977, с. 16–23; Алекшин, 1986; Ольховский, 1986; Гуляев, 1990; Гуляев, 1993, с.76–77; Ольховский, 1993, с. 79–93; Гуляев, 1995; Ольховский, 1995; Погребальный обряд, 1999).

Ими была разработана четкая методика понимания погребально-поминальной обрядности как сложного и структурированного явления, состоящего из представлений о смерти и «духовного вычленения» умершего из общества, поминальных ритуалов и обрядов («духовно-материального вычленения»). Археологи, как правило, фиксируют лишь небольшую часть из этих акций, причем связь выявленных ископаемых объектов с самими ритуалами довольно опосредована, включая, в частности, процесс археологизации этих материальных объектов (разрушение, разложение, деформация, дискретизация и т.д.).

Приблизительно эту схему можно представить в виде системы вписанных кругов. Самый большой круг – это представления о смерти, которые бытовали в этом древнем коллективе и способы духовного вычленения, меньший круг – это представления о ритуалах и обрядах «духовно-материального вычленения» покойного, которые в материальном плане неизбежно реализуются через поминально-погребальные обряды в момент совершения погребения. Вписанный в него меньший круг – это часть обрядов, которые нашли отражение в материальных остатках, чье археологическое отражение представляет собой еще меньший круг, а самый малый круг – это те следы и остатки, которые зафиксированы в результате раскопок. Данная схема является наиболее сконцентрированным и упрощенным изложением системы представлений и ритуалов, которые *служат* исходной базой для их археологического познания, предложенной рядом отечественных археологов и получившей

признание⁴. Эта схема является хотя и упрощенной, но позволяет составить представление о методологических и методических сложностях, которые стоят перед исследователями, берущимися трактовать те или иные аспекты погребальной обрядности на основе данных археологии.

Археологи имеют дело с выявляемым в процессе раскопок погребальным комплексом, который состоит из трех элементов: погребального сооружения, остатков погребенного и погребального инвентаря.

Интересующий нас погребальный инвентарь в этой системе важная, но не определяющая часть ритуала, но важная с точки зрения того, что она чаще всего и охотнее всего изучается археологами и используется в их исторических построениях. В то время как ископаемые вещи всего лишь то, что сохранилось от поминальных даров и предметов, дошедших до наших дней. Сам погребальный инвентарь является частью поминальных подношений, а они, в свою очередь, лишь часть прижизненного инвентаря. Составлялся он из всего набора живых вещей по особому избирательному принципу, в основе которого лежат представления о смерти в том или ином обществе, в тот или иной период времени. В любом случае список прижизненного набора вещей гораздо шире и представительнее, чем погребальный инвентарь.

Самый сложный и важный вопрос теоретической археологии состоит в том, как формировался список поминально-погребального инвентаря и насколько полно отражен он в ис-

копаемых археологических данных. Самый общий ответ на это состоит в том, что основой для этого «шорт-листа» являются социальные связи и статус каждого человека в обществе. Все исследователи единодушны в том, что социальный статус человека не исчезает в глазах общества после его смерти, а переносится на его тело, которому община воздает то, что полагалось ему при жизни. При этом различия между людьми при жизни, между мужчинами и женщинами, между различными возрастными категориями, между носителями разных социальных статусов и т.д. переносились с живых людей на мир мертвых. Но общество никогда не было статичным. Представления о различиях по полу, возрасту и статусу, их отражении в погребальном инвентаре менялись и трансформировались с течением времени. Особенно это важно, когда есть возможность проследить эти различия на широком хронологическом диапазоне.

Этнографы практически единодушны в том, что на поминально-погребальные обряды и погребальный инвентарь оказывали влияние универсальные для человеческого общества различия по полу, возрасту и статусу. Понимание этого есть практически у всех зарубежных этнологов и археологов, воспитанных на трудах школы социальной антропологии Л. Уайта, Б. Малиновски, А. Радклиффа-Брауна, Клиффорда Гирца, Э. Эванс-Причарда. Они разработали понятие «культура» применительно к этнографическим обществам, ввели понятие «культурная динамика» и сформировали различные подходы к интерпретации культуры: исторический, структурный, структурно-функциональный,

⁴ Более подробное и развернутое обоснование см.: Леонова, Смирнов, 1977, с. 17–19; Ольховский, 1993, с. 80–93.

системный и т.д. В то время как в советской науке преобладал позитивистский квазиматериалистический подход, перетекший в объяснительные модели археологии.

В отечественной этнологии детальные труды по изучению погребальных обрядов как культурной реальности начались сравнительно недавно, а ранее они только описывались и фиксировались несистемно. Прорывной характер носили в этом отношении труды, например, Г.Н. Грачевой, которая проанализировала сведения о погребальном обряде народов севера Западной Сибири (Грачева, 1975, с. 126–142). Проанализировав значительный материал, исследователь сделала целый ряд важных наблюдений о поминально-погребальных обрядах таежных народов, которые обычно ускользают от внимания археологов или кажутся им априори установленными. Например, речь идет о том, чем является то или иное кладбище, а в археологическом отношении – могильник. У археологов Волго-Уральского региона априорно полагается, что каждый могильник прямо соответствует родовой общине и соответственно анализ ее позволяет реконструировать социальные отношения в этой общине.

Здесь весьма важным для понимания общей ситуации является вопрос, на который искала ответа Г.Н. Грачева: где хоронили женщин. Суть его в том, что, если родовые общины были экзогамными и счет родства шел по мужской линии, то женщины должны были происходить из соседних родов и, соответственно, погребаться по правилам своего рода или на своем родовом кладбище. В реальности же каждая община имела несколько клад-

бищ в зависимости от места своего проживания в период зимне-летнего кочевания, а разные общины – общие места захоронения, опять-таки в силу невозможности добраться до места в то или иное время. Часты были одиночные или групповые погребения, сделанные с большим разном в временном интервале. Относительно народов севера Западной Сибири этнограф сделала вывод о том, что наличие родовых кладбищ у этих народов довольно сомнительна.

Пример селькупов и обских угров показывает, что эти народы в XVII–XIX вв. вели полуоседлый образ жизни. При четком делении на две экзогамные половины у них не было четкого деления на роды, а только на семьи и территориальные общины. По данным этнографов (З.П. Соколова, Б.О. Долгих) даже там, где в ранних источниках делается указание на родовые территории и угодья, на деле оказывалось, что под родом подразумевались поселок или фамилия (см.: Соколова, 1970, с. 130, 141 и сл.; Долгих, 1960, с. 9, 75). Иными словами, кладбища у этих народов имеют не этническую, а территориальную, хозяйственную основу, не родовую, а соседскую. В рядом или близко расположенных могилах хоронили уже не близких по крови родственников, а членов территориально-хозяйственного объединения, в лучшем случае «однофамильцев», а не кровных родичей.

Понятно, что ситуация с народами Волго-Уральского региона периода железного века несколько иная, поскольку оседлость была несколько более стабильной, но остается вопрос о статусе тех или иных могильников. Насколько они родовые и насколько близкими родственниками были по-

гребенные рядом умершие. Учитывая же недостаточную изученность поселений ряда культур, вообще непонятна степень их оседлости, характер хозяйства и социально-родовых связей. Например, могильник, состоящий из нескольких десятков погребений, который функционировал в течение 200–300 лет. Что это за община и насколько возможно рассматривать ее совокупно, как некий общий социальный срез. Есть ли уверенность, что эти погребения отражают пропорциональную смертность на протяжении десятков поколений и точно соответствуют статусному составу общества в каждый отдельный момент времени?

У этнографов нет сомнений, что различия в количестве и качестве погребально-поминальных обрядов и ритуалов в доклассовых и раннеклассовых обществах определяются в первую очередь не имущественными различиями, а статусом. Неравенство в инвентаре – это прежде всего показатель неравенства социального «веса» того или иного члена коллектива и/или его фамилии в обществе. Эти качественные различия накладываются на половые и возрастные страты, а также на индивидуальные занятия и успехи каждой отдельной личности. Понятно, что самый простой случай, это когда выявлено погребение авторитетного представителя богатой фамилии, достигшего преклонного возраста с богатым погребальным инвентарем или бедного юноши из нестатусной семьи, почти без инвентаря. Однако этнографические реалии далеки от подобного шаблона. Этнографические описания пестрят сведениями, когда бедные и незнатные совершенно разорялись, устраивая пышные похороны, а богатые семьи

хоронили своих представителей довольно умеренно.

Особый вопрос в том, что на наличие или отсутствие того или иного набора вещей в погребении могли играть роль разные обычаи. Например, у нганасан вещи, принадлежавшие шаману, использовавшиеся в его практике камлания, вывозились и оставлялись отдельно от места погребения. Или традиционность погребения с умершим того или иного вида вещей. У народов севера Европы, уже с XVIII в. в обиход поступают ружья, а в XIX в. они доминируют в промысловом хозяйстве, точно также, как заводские спички, но тем не менее, в погребения к женщинам клали специально изготовленные огнива, а пожилым мужчинам – лук со стрелами.

В отношении одежды, в которую облачался умерший, можно также сказать, что это была праздничная (не обязательно носимая) погребальная одежда. Например, у нганасан эта празднично-погребальная одежда имела у каждой женщины, причем она менялась в жизни три раза, соответствуя трем возрастным категориям – девушки, женщины и старухи. У мужчин различия касались, прежде всего, детей, юношей и мужчин, причем резкое увеличение количества и качества инвентаря знаменует начало взрослой жизни и/или женитьбы, когда в погребениях появляется не просто имитация лука и стрел, но настоящие охотничьи луки со стрелами, а иногда даже ружье в чехле (Грачева, 1975, с. 138–140). Различия по возрасту прослеживаются также в количестве нарт, забитых оленей, а также других обиходных вещей, сопровождавших погребение. Интересно, что часто вместо самих вещей погребенного со-

проводила его часть, вместо ножа – рукоятка, вместо шестов от чума – их имитацию, не клали к погребенному рыболовную сеть, хотя рыболовством активно занимались. Разумеется, это не универсальные данные, которые легко можно было бы обратить в археологические реалии, а общая схема, которая заметно варьировалась от времени, места и других параметров, включая обстоятельства смерти.

В этой связи археологи сталкиваются с серьезными сложностями, пытаясь реконструировать социальный состав населения, используя лишь данные ископаемого погребального обряда и инвентаря. Если ни для кого из археологов нет сомнений в том, что различия в погребальных обрядах и их изменения прямо зависят от пола, возраста и социального положения умершего и его родственников, то конкретные возможности установления реальных различий, стоящих за разными обрядами и вещами, критерии выделения сословных или статусных различий оказались расплывчатыми и смутными. Простые схемы, наподобие примитивного социологизма – «богатый инвентарь – высокий социальный статус, а бедный – низкий», разбился об этнографические данные и повсеместно в среде серьезных и профессиональных специалистов отвергнут. Хотя и сейчас изредка, с некоторыми оговорками, но используется, хотя эвристические возможности подобного метода ничтожны, а подкрепить его ничем, кроме пресловутого здравого смысла.

Долгое время в среде археологов – сторонников «новой археологии» была уверенность в создании методов, которые позволят им выработать принципы социальной интерпретации погребальных данных. Важную

роль они в этом отводили формализованным и математическим методам и графам взаимовстречаемости вещей и элементов погребальных сооружений. В советской археологии, где подобные грубые социологические схемы практиковались еще с 1930-х годов, разработка этих методов была воспринята положительно и нашла довольно много сторонников и последователей. Но схемы, которые с теми или иными оговорками оказывались работающими, когда их удавалось привязать к конкретным этнографическим данным по индейцам Северной Америки, как это удавалось, к примеру, А. Крёберу по культурам индейцев Калифорнии (Kroeber, 1927, p. 308–315.), оказались отнюдь не универсальными для других регионов. Уже попытки Л. Бинфорда в его программной статье «Археология как антропология» (Binford, 1962, p. 217–255) дать обоснование некоторых принципов формализации обряда и их интерпретации при всей их новизне и важности, при попытках применить их к конкретному материалу, в частности, в Европе привели к сползанию к схематизму и произволу в отборе критериев для реконструкции. Ведь, если первые опыты подобного рода сопровождались проверкой и сопоставлением с данными этнографии для традиционных и изолированных сообществ индейцев, то для Европы с ее разнообразием культур и калейдоскопом обрядов, выявить подобные критерии так и не удалось. Достаточно отметить, что, пытаясь придать динамизм всей этой системе, Л. Бинфорд в ряде более поздних трудов попытался внести в систему критерии случайности и системности, попытался сделать поправку на то, что традиционные социальные функции,

исчезая или модифицируясь, продолжали существовать в символической форме в погребальной практике. При этом универсальных критериев, которые бы выяснили четкие параметры именно социального статуса умершего, отделив их от других – половых, возрастных, имущественных, ни ему, ни другим его единомышленникам по «новой археологии» так и не удалось (Binford, 1971, p. 6–20).

Возвращаясь к предметам вооружения как части погребального инвентаря и их возможных интерпретаций, следует иметь в виду вышеуказанную сложность его как части большего и сложного комплекса явлений, который является погребально-поминальной обрядностью и через нее связью с социальной реальностью.

Общим мнением сторонников социоархеологии является представление о том, что в стратифицированных обществах, к которым по сути дела относятся все древние коллективы с эпохи неолита, все предметы индивидуального пользования – украшения, одежда, предметы труда и оружие имели отличительные признаки социального ранга, что отражалось и в погребальном обряде. Вооружение в этих взглядах играет важную роль, поскольку позволяет реконструировать военную организацию, которая по марксистским представлениям в период разложения первобытного строя имела вид «всеобщего вооружения народа». В соответствии с ними каждый свободный член общества занимал в этой системе отношений свою ступень, соответствующую определенному виду оружия.

Существует много примеров подобной иерархии. Например, у туарегов существовала определенная диф-

ференциация во владении оружием. В предписанных традиционным правом запретах мечом или копьем могла пользоваться лишь высшая социальная прослойка – «аххагары», которые также могли владеть верблюдами, тогда как основное податное население «имгад» не владели оружием и разводили только овец (Першиц, 1968, с. 320–355). Точно так же в районе африканского Межозерья скотоводы тутси владели не только стадами коров, но и специализированным оружием – копьями, а земледельцы хуту несли всяческие повинности в пользу своих владык мвами – правителей Бурунди и других вождей тутси (Соколова, 1998, с. 3–5). Иными словами, подобных аналогий довольно много и с чисто формальной стороны дела владение оружием действительно имело кроме всего прочего функцию социальной дифференциации.

Но это только с формальной стороны. На деле чисто теоретическое положение о глубокой связи между социальным статусом и имущественной дифференциацией при всей ее логичности и, вроде бы, доказательности оказывается простой риторикой, поскольку ни степень социального, ни уровень имущественного неравенства для ископаемого общества неизвестен. Его еще только надо выявить, изучить и интерпретировать, а также разграничить. Часто же исследователь попадает в логическую петлю – сначала постулируя это неравенство, а затем его же доказывая, как бы подтверждая. Но одно недоказанное положение не может быть доказательной основой для другого еще менее сомнительного. В советской археологии с ее жесткой псевдомарксистской догматикой было проще, поскольку она

зиждилась на некоторых идеологических постулатах, но для современной науки они уже не являются догмами, а других доказательств пока не представлено. На деле все это просто, когда заранее знаешь, какова была социальная структура общества и всегда можно соотнести те или иные предметы, орудия труда, детали костюма или оружия с тем или иным слоем.

С реальным археологическим материалом гораздо сложнее, поскольку, как было показано выше, дифференциация шла не столько по имущественно-социальному, сколько по половому, возрастному, профессиональному и статусному признакам⁵. Все они как-то взаимодействовали с имущественными отношениями, но конкретный этот механизм не поддается простому постулированию и схематизации. Например, серьезные и кропотливые исследования курганных памятников ранней и средней бронзы (новотиторовской и катакомбной культур, XXVII–XVII вв. до н.э.) показали, что «слабоконтрастная и даже носящая несколько идиллический оттенок схема НТ (новотиторовского. – *И.И.*) общества находится в известном противоречии с целым рядом разработок других авторов, анализировавших аналогичную проблематику по материалам близкого и даже более раннего времени и считавших возможным говорить о сложении вождества, всадничества, о стратификации, о далеко зашедшем социальном и имущественном расслоении» (Гей, 1993, с. 71). При этом подобные вы-

воды основывались на основе ярких находок, в первую очередь, погребений со скипетрами и с привлечением общеисторических параллелей (см.: Даниленко, 1974, с. 94–104; Кореневский, 1988; Бетрозов, 1982, с. 70, 86).

Подобный анализ был проведен и для памятников эпохи средневековья, например, раннесредневековой Швеции, где Г.С. Лебедев провел детальное изучение могильника Бирка эпохи викингов. Он рассмотрел всю совокупность погребений и разбил ее на группы. Общий вывод его таков: «Прямолинейное отождествление структуры ансамбля некрополя со структурой социальной вряд ли оправдано. Погребальный обряд отражает те или иные социальные ситуации лишь опосредовано, переломленными через особого рода идеологические представления. Для этих представлений, как и для многих других сторон духовной жизни первобытного и варварского общества, характерны застойность, консерватизм, длительное переживание традиций. Поэтому необходимое условие социологической интерпретации погребальных памятников – разделение типов ритуала на социологически детерминативные (определимые, отождествляемые с реальными общественными группами) и индефинитивные. Детерминативные типы ритуала появляются только в данном хронологическом пласте, характеризуются высокой степенью сложности и прогрессивной тенденцией развития. Появление таких типов связано с оформлением новых общественных групп, занявших прочное положение в социальной структуре и испытывающих потребность в идеологической фиксации этого положения. Индефинитивны для данного пласта

⁵ Попытки выявить археологические критерии социальной стратификации древних и средневековых обществ см.: Социальная дифференциация общества, 1993.

типы ритуала, детерминированность которых определена для пласта предшествующего, а дальнейшее развитие характеризуется устойчивой тенденцией к деградации, падением степени сложности ритуала. Социальный статус связанных с этими типами общественных групп может по сравнению с предшествующим периодом не измениться, а может и весьма существенно измениться, однако это изменение не сразу отразится в погребальном обряде. Следовательно, опираясь на данные погребальных памятников, можно с наибольшей степенью достоверности выделить лишь ведущие для каждого хронологического этапа общественные группы» (Лебедев, 1976, с. 29; также см.: Лебедев, 1970). Иными словами, в процессе анализа погребального обряда и инвентаря перед исследователем встанут весьма сложные проблемы классификации материала и интерпретации его в плане социальной дифференциации. Искожающее воздействие на наши представления оказывают слишком многие факторы, чтобы их можно было игнорировать для прямой социологической реконструкции.

Ведь в каждом могильнике исследователь сталкивается не с единовременным срезом имущественной, социальной, половой и возрастной дифференциации, копирующей общественное устройство, а с некоей выборкой, еще и протяженной по времени и отражающей как единовременный срез представлений общества о правилах «исключения», умершего, так сказать, «традицию», так и некие социальные (или какие-то другие, нашедшие отражение в идеологии и погребальных ритуалах) сдвиги. Наложение их, особенно в тех случаях,

когда нам не известен «культурный код» ископаемого общества, создает весьма пеструю картину, когда трудно вычленишь традицию и новацию, а их отличить от какой-либо внутриобщественной дифференциации.

Среди многих прочих подобных факторов, следует особо указать на один, подмеченный А.Н. Геем и названный им «ситуационным ранжированием» (Гей, 1993, с. 71). Под ним «следует понимать возможность возникновения определенных ранговых структур и организаций, не свойственных данному обществу и, может быть, даже не соответствующих уровню его развития, но возникающих под влиянием внешних факторов и исчезающих с прекращением их действия, т.е. не являющихся прямым показателем внутреннего развития» (Гей, 1993, с.71). Речь идет о том, что некоторые общества, отнюдь не достигшие высокого хозяйственного и социального уровня развития, могли получать некоторые предметы, в первую очередь, оружия и всаднического (колесничьего) снаряжения из более развитых регионов и даже использовать их в погребальных обрядах. Но стоит этому внешнему импульсу исчезнуть или измениться, как начинает меняться и структура ранжирования в обществе-реципиенте. Например, те же ружья в погребениях нганасан, никоим образом не свидетельствуют об их производстве самими оленеводами, а использование их в погребальном обряде – об их воинственности. В противоположность этому у пуштунов ружье играло огромную роль в воинских обычаях и различных обрядах – свадебных, поминальных и т.д., тогда как в погребениях пуштунов

мусульман никакого оружия быть не могло в принципе.

Особенно это актуально в связи с анализом вооружения как показателя определенной имущественной, социальной и другой дифференциации. Проблема в том, что оружие, особенно престижное, могло играть роль маркера. Проблема состоит в том, что в каждом обществе оно могло и играло свою особую роль, что находило сложное, преломленное отражение в каждом конкретном погребальном обряде, каждого конкретного погребения. И в обществах, которые испытывали внешнее воздействие развитых цивилизаций, оно преломлялось еще более прихотливо. В качестве обсуждения можно привести такой факт. Широко известен факт наличия значительного количества клинкового оружия в погребениях раннесредневековых поволжских финнов. Так, например, в Армиевском могильнике V–VI вв. в 108 погребениях обнаружено 12 мечей (Полесских, 1968, с. 198). Понятно, что все они, судя по аналогиям, были изготовлены на юге или юго-востоке – в степях Северного Причерноморья, Нижнего Поволжья или Заволжья и в Посурье попали в результате торговых контактов. Но поскольку по сравнению с аналогичными погребениями из степной зоны количественный процент погребений с этим престижным оружием весьма высок, то возникает проблема понимания этого феномена.

Это заставляет полагать, что посурские финны получали это оружие в обмен на меха и пушнину, и оно было маркером высокого социального ранга и уважения общества, но при этом оно не играло значительной роли в их военном деле. Обычно в обществах,

где оно имеет утилитарную ценность, его не очень охотно клали в могилу с умершим, а старались передать по наследству, заменяя чем-то другим. Можно даже сказать, что между значением оружия в военном деле (имеется в виду не массовое оружие – луки и стрелы, топоры, некоторые виды копий и дротиков, а качественное профессиональное оружие – мечи, специализированные копья, боевые кинжалы и доспехи) и возможностью его попадания в погребение есть не прямая, а обратная связь – чем важнее оружие, тем реже оно встречается в погребении. В этой связи легкость, с какой качественное оружие, в данном случае – мечи, оказалось в погребениях, свидетельствует о том, что это древнее население регулярно испытывало серьезное военное давление, постоянно теряя молодых воинов, которые не могли передать свое оружие по наследству, либо это был скорее некий маркер высокого статуса в подражании более развитым соседям, но для посурских финнов не играл важной роли, поскольку всегда мог быть заменен на новый клинок. Не исключено, что в этом и других подобных случаях мы имеем дело с социальной имитацией⁶. Суть ее в том, что общество, находящееся на более низком социально-политическом уровне развития, вступая в торговые и полити-

⁶ Весьма интересной в этом смысле является работа американского археолога-слависта Ф. Курты, который, проанализировав целый ряд финно-угорских памятников раннего средневековья, пришел к выводу, что наличие предметов вооружения в целом ряде погребений свидетельствует не о вооруженности населения, а стремления подчеркнуть высокий социальный статус умершего (Курта, 2008, с. 133–153).

ческие контакты, заимствует и/или имитирует социально-властные атрибуты, включая статусные вещи. Предметы вооружения, особенно такие как мечи, сабли и другое профессиональное оружие выполняли подобную социально-престижную роль. При этом их роль в комплексе вооружения могла не соответствовать этому статусу, а способы ведения войны во многом оставаться традиционными, не соответствующими статусу имеющегося оружия. Самый очевидный пример подобного рода – это угры Западной Сибири, которые обладали довольно современным для своего времени оружием и даже имели зачатки дружинной организации, но она была так немногочисленна и непрофессиональна, что проигрывала все войны с южными кочевыми народами, а позднее и с русскими войсками. Просто их военная организация и весь уклад жизни не соответствовал статусу оружия, лишь имитируя более передовые формы ведения войны.

Другая картина вооруженности населения выявляется, когда исследователи обращаются к изучению археологических памятников салтово-маяцкой культуры. Попытки социологического анализа погребений привели археологов к весьма полярным взглядам: от характеристики его как «развитого феодализма» до «раннефеодального общества с патриархальными пережитками», причем иногда эти полярные характеристики сделаны одним и тем же автором в одной и той же работе (Плетнева, 1982, с. 103, 106). Таковы выверты советской социоархеологии. При этом ямные безынвентарные погребения часто трактуются как показатель обнищания населения и его седентаризации. Авторы не

смушает, что количество подобных погребений достигает в некоторых могильниках более 40%, а погребения условно «богатые» с оружием и прочим инвентарем до 20%. Подобные квазисоциологические выводы вызывают справедливую критику, поскольку не учитывают ни общей совокупности всех погребальных обрядов, ни их сравнения, ни их культурно-исторического анализа (Флеров, 1993, с. 119–133).

При этом количество предметов вооружения в салтово-маяцких погребениях сравнительно мало. Так, на Маяцком могильнике из 112 катакомб сабля встречена один раз, а боевые топоры – два (Флеров, 1993, с. 127–128). Примерно такое же распределение оружия в другом хорошо исследованном могильнике – Дмитриевском, в 170 погребениях (152 катакомбы) обнаружено три сабли и один меч, в шести погребениях – обломки сложного лука и в 28 – наконечники стрел, правда, всего найдено 72 топорика, значительная часть из которых может быть отнесена к боевым (Плетнева, 1989, с. 69–76). Примерно такое же распределение предметов вооружения обнаружено в могильниках Среднего Поволжья раннебулгарского времени, где количество клинкового оружия в общем числе погребений крайне мало (Измайлов, 1989, с. 107–121). Например, в Танкеевском могильнике на исследованное количество более 1000 погребений следы сабли известны в шести случаях, а сами клинки встречены всего два раза, в свыше 360 погребениях Большетарханского могильника оружие выявлено в 31 погребении, а сабель всего две. Разительно отличается от этой картины только погребения Большетиганского могильника

ка, где на более чем 150 погребений в 17 обнаружено оружие, но из них в 9 – сабли. Понятно, что это определенный показатель различий разных слоев общества в военной организации, а небольшое количество оружия указывает на серьезную социальную дифференциацию. Но, к сожалению, для прямого сопоставления археологического с комплексом вооружения, военной организацией и социальным слоем этого явно недостаточно.

Разумеется, на все эти социологические подсчеты влияет то, что значительная часть всех этих могильников была разграблена еще в древности (или обряд «обезвреживания», или просто грабительские вкопы). Как бы то ни было, но все это снижает до критического уровня возможность серьезного анализа статистических и сравнительных данных. Но даже не это главная беда прямых социоархеологических сопоставлений. В целом ряде катакомбных и скальных захоронений Предкавказья обнаружены вотивные предметы из недолговечных материалов – дерева, кожи и т.д. Не исключено, что некоторая часть погребений, которые мы считаем безынвентарными в реальном мире имели полный набор предметов, которые в силу особенностей археологизации просто не сохранились. Другой проблемой является то, что мы слабо представляем половозрастную стратификацию обществ. Например, пожилой патриарх большого семейства при погребении мог сопровождаться набором вотивных предметов, поскольку свое оружие и вещи передал своим потомкам, тогда как молодой человек, не оставивший потомства, мог быть погребен со значительным количеством оружия. Очевидно, именно такая кар-

тина наблюдается в Большетиганском могильнике, где несколько богатых погребения с оружием и конским снаряжением принадлежали молодым людям фертильного возраста.

Примерно с такими же проблемами сталкиваются археологи-оружиееды, когда начинают анализировать погребения населения Золотой Орды на предмет выявления статистической закономерности в распределении предметов вооружения, определения комплекса вооружения и выявления структуры военной организации. Так, археолог и военный историк В.А. Иванов, проанализировав 1022 погребения, совершенных по языческому обряду (т.е. сопровождалось погребальным инвентарем и конскими захоронениями), обнаружил, что только 333 (или 32,6%) из них содержат предметы вооружения, а 70,8% из них сопровождалось еще и конским комплексом (целый остов коня, голова и шкура коня и/или всадническое снаряжение). При этом полное вооружение (доспех, сабли) имели около 2% погребенных, луки и сабли – 9%, сабли – 3,6%, копья – 2,4% и просто луки и стрелы – почти 78% погребенных (Иванов, 2011, с. 72–77). Автор, останавливаясь на причинах столь редких находок качественного профессионального вооружения, делает вывод о его значительной ценности, что заставляло родичей класть его в погребение в исключительных случаях, а также о том, что подобное оружие вообще не было характерно для татарского комплекса вооружения (Иванов, 2011, с. 77).

Вывод этот представляется излишне категоричным. Во-первых, с военно-исторической точки зрения. Процент воинов, владевших полным вооружением и/или другим профес-

сиональным оружием – саблями и копьями – довольно высок (17%). Если проецировать эту ситуацию на средневековые страны Востока и Запада, то количество рыцарей в составе их войск не превышает 5–15%. Иными словами, если отвлечься от реалий и оставаться в виртуальном мире математической статистики, то и тогда нет никаких оснований полагать, что уровень вооруженности войск Золотой Орды был крайне низок. Он даже по этим данным был гораздо выше (я не говорю уже об археологических данных, поскольку для средневековой Европы вообще нет сопоставимых комплексов вооружения), чем в ряде средневековых стран. Тем более нет оснований, чтобы использовать эти данные для дискредитации выводов коллег о характере золотоордынского вооружения. Ведь представления о комплексе золотоордынского вооружения и структуре ее военной организации складываются не только из анализа некоего количества предметов вооружения из погребений, сколько из всех находок оружия, включая находки из слоев поселений, анализа изобразительных источников и данных письменных источников. Анализ ограниченного и дискретного материала не может служить серьезным аргументом.

Самое главное, что данная статистика не полна и является слишком общей. Например, судя по анализу вооружения из золотоордынских погребений XIII–XIV вв. из степей Предкавказья, количество погребений с саблями, кинжалами, луком и стрелами и иногда с копьями составляет 30,8%, просто саблями, кинжалами вместе с луком и стрелами – 32%, а только с саблями – 8,5% из общего количества погребений с оружием (см.:

Chkhaidze, Druzhinina, 2011, p. 8–9.). Иными словами, в определенных регионах Улуса Джучи относительная вооруженность населения была намного выше, чем в среднем по всей стране. Из этого можно сделать вывод о концентрации военной аристократии в отдельных регионах, об этнокультурных традициях или некоторых других факторах погребальных ритуалов некоторой части населения Золотой Орды.

Во-вторых, из-за ущербности самого подсчета. С одной стороны, сами эти статистические расчеты весьма относительны, поскольку считать только так называемые «языческие» погребения как источник по изучению вооружения неверно. В то время как они составляют до 40% всех погребений. Во-вторых, с середины XIV в. мусульманские могилы составляют подавляющее количество всех погребений. Следовательно, автор не учитывает всю совокупность материалов, а оперирует некоей искусственно ограниченной совокупностью, которая существовала не весь период существования золотоордынской археологической культуры, а только неким ее отрезком.

Автор вполне очевидно полагает, что оружием владели только язычники, а военное дело Золотой Орды прекратило свое существование в XIV в. Но это не имеет абсолютно никакого отношения к действительности. Татары-мусульмане, судя по письменным источникам, составляли значительную часть войска. Вполне возможно предположить, что они были вооружены и защищены доспехами гораздо лучше других воинов.

Это как раз доказывает, что простая археологическая статистика без

ее сопоставления с другими данными сама по себе ничего не доказывает. Данный пример – хорошая иллюстрация ущербности попыток прямого сопоставления данных археологии с вооружением древнего и средневекового населения.

Еще один аспект социологической интерпретации предметов вооружения связан с анализом места того или иного предмета вооружения в системе культуры. Совершенствование методов социологической интерпретации археологических данных может позволить более системно и последовательно их интерпретировать. Одним из направлений этого анализа является изучение древних и средневековых обществ методами этнологического анализа, выявляя социальные и общественные функции оружия.

Например, известно, что для средневековой Европы важную социальную функцию играл меч, щит, стрелена, копьё со знаменем. Есть целый ряд источников, выделяющих именно эти виды оружия среди других. Но эти данные имеют скорее сословно-социальный характер. Если для средневековых обществ место того или иного оружия в системе комплекса вооружения и классовой структуре более или менее понятно, то для более древних обществ подобная интерпретация менее очевидна.

В более ранних обществах гораздо большую роль играли возрастные и статусные общности. Так, у скотоводческих племен Восточной Африки, где войны играли важную роль в межплеменных взаимоотношениях, а в социальной организации главенствовали возрастные поколения. Каждая такая группа проходила за свою жизнь несколько возрастных стадий,

для которых были характерны особые элементы культуры (одежда, украшения, причёски, символы статуса и др.), а для различных стадий – свои стили их оформления. Важнейшим видом оружия у этих племен были копья, стиль украшения которых отличал одну возрастную когорту от другой. Копья означали силу, военную доблесть, возрастную солидарность и социальный ранг. Характерно, что каждый новый стиль вырабатывался подростками в период инициации или во время проведения инициации, а источником вдохновения служило заимствование стилистических особенностей копий соседних племен, имеющих высокий авторитет. Каждая из них получала свои копья от своих кузнецов или у родственных групп, хотя они нередко бывали сложнее и дороже, чем получать их у неродственных соседей. Однако по стилю копья, сделанные разноплеменными кузнецами, бывали порой практически идентичными, что диктуется модой, ориентирующейся на племенную группу, прославившуюся военными подвигами. Наличие подобных копий противопоставляло этот класс воинов их детям и старикам, имеющим копья менее престижных стилей⁷.

Таким образом, можно сказать, что для создания представления о реальной вооруженности древнего населения на основании данных погребальных комплексов требуется провести целый ряд процедур, суть которых в реконструкции, своего рода обрат-

⁷ Приношу благодарность В.А. Шнирельману, обратившему мое внимание на эту воинскую традицию и литературу о ней. Подробнее см.: Hodder, 1982; Larick, 1985, p. 201–215; Larick, 1991, p. 299–331.

ном воспроизведении всех ритуалов и обрядов, чтобы в конечном итоге получить такую реконструктивную реальность, как комплекс вооружения древнего населения. Необходимость всех этих процедур в том, что поскольку прямое сопоставление ископаемого оружия из погребений с реальным вооружением невозможно, требуется проведение с помощью спе-

циальных методик реконструкцию, как самого комплекса вооружения, так и его социальной интерпретации. Анализ предметов вооружения и критериев его социальной и военно-исторической интерпретации возможен только при учете многих конкретных культурно-исторических и военных факторов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алекшин В.А.* Социальная структура и погребальная обрядность древнеземледельческих обществ. – Л., 1986.
2. *Археология и естественные науки.* – М., 1970.
3. *Бетров Р.Ж.* К древней истории племен Центрального Кавказа. – Нальчик, 1982.
4. *Бунятян Е.П.* Методика социальных реконструкций в археологии. – Киев, 1985.
5. *Гей А.Н.* Проблема социальной дифференциации и эволюции общества степных скотоводов бронзового века (на примере новотиторовской и катакомбной культур Степного Прикубанья) // Социальная дифференциация общества (поиск археологических критериев). – М., 1993.
6. *Генинг В.Ф.* Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры. М., 1988.
7. *Генинг В.Ф.* Структура археологического познания: (Проблема социально-исторического исследования). – Киев, 1989.
8. *Грачева Г.Н.* Отражение хозяйственного и общественного укладов в погребениях народностей Севера Западной Сибири // Социальная история народов Азии. – М., 1975.
9. *Гуляев В.И.* Проблемы интерпретации погребального обряда в археологии // КСИА. – 1990. – Вып. 201.
10. *Гуляев В.И.* Погребальная обрядность: структура, семантика и социальная интерпретация (введение в дискуссию) // РА. – 1993. – № 1.
11. *Гуляев В.И.* Погребальная обрядность: структура, семантика и социальная интерпретация (введение в дискуссию, часть II) // РА. – 1995. – № 2.
12. *Даниленко В.Н.* Энеолит Украины. – Киев, 1974.
13. *Долгих Б.О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. // Тр. ИЭ АН СССР. Новая серия. Т. 55. – М., 1960.
14. *Иванов В.А.* Вооружение золотоордынского войска в историческом и археологическом контекстах: где истина? // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Материалы Круглого стола. – Казань, 2011.
15. *Измайлов И.Л.* Оружие ближнего боя волжских болгар VIII–X вв. // Ранние болгары в Восточной Европе. – Казань, 1989.
16. *Каменецкий И.С., Маршак Б.И., Шер Я.А.* Анализ археологических источников (возможности формализованного подхода). – М., 1975.
17. *Клейн Л.С.* Новая археология (критический анализ теоретического направления в археологии Запада). – Донецк, 2009.

18. *Корневский С.Н.* Археологические признаки социальной дифференциации в погребальном обряде эпохи энеолита, ранней бронзы Центрального Предкавказья // Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. – Орджоникидзе, 1988.
19. *Курта Ф.* Археология идентичностей в Восточной Европе (VI – первая половина VII в.) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. – 2008. – № 2 (4).
20. *Лебедев Г.С.* Погребальный обряд как источник социологической реконструкции (по материалам Скандинавии эпохи викингов) // КСИА. – 1976. – Вып. 148.
21. *Лебедев Г.С.* Разновидности обряда трупосожжения в могильнике Бирка // Статистико-комбинаторные методы в археологии. – М., 1970.
22. *Леонова Н.Б., Смирнов Ю.А.* Погребение как объект формального анализа // КСИА. – 1977. – Вып. 148.
23. *Массон В.М.* Экономика и социальный строй древних обществ. – Л., 1978.
24. Математические методы в исторических исследованиях. – М., 1972.
25. *Ольховский В.С.* Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий // СА. – 1986. – № 1.
26. *Ольховский В.С.* Погребальная обрядность (содержание и структура) // РА. – 1993. – № 1.
27. *Ольховский В.С.* Погребальная обрядность и социологические реконструкции // РА. – 1995. – № 2.
28. *Периц А.И.* Общественный строй туарегов Сахары в XIX в. // Разложение родового строя и формирование классового общества. – М., 1968.
29. *Плетнева С.А.* Кочевники раннего средневековья. Поиски исторических закономерностей. – М., 1982.
30. *Плетнева С.А.* На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). – М., 1989.
31. Погребальный обряд: реконструкция древних идеологических представлений. – М., 1999.
32. *Полесских М.Р.* Боевое оружие и снаряжение из могильников Армиевского типа // СА. – 1968. – № 1.
33. *Смирнов Ю.А., Тендрякова М.В.* О роли обыденного сознания в археологической реконструкции. Погребальный обряд // КСИА. – 1990. – Вып. 201.
34. *Смирнов Ю.А.* Лабиринт: Морфология преднамеренного погребения. Исследование, тексты, словарь. – М., 1997.
35. *Соколова З.П.* Социальная организация у обских угров и селькупов // Общественный строй у народов Сибири. – М., 1970.
36. *Соколова Р.Б.* Эволюция этнического конфликта в Бурунди. – М., 1998.
37. Социальная дифференциация общества (поиск археологических критериев). – М., 1993.
38. Статистико-комбинаторные методы в археологии. – М., 1970.
39. *Флеров В.С.* О социальном строе в Хазарском каганате (на материалах Маяцкого могильника) // Социальная дифференциация общества (поиск археологических критериев). – М., 1993.
40. Формализованно-статистические методы в археологии. – Киев, 1990.
41. *Binford L.R.* Archaeology as Anthropology // *American Antiquity*. – 1962. – Vol. 28. – № 2.
42. *Binford L.R.* Mortuary practices: Their study and their potential // *Memoris of the Society for American Archaeology*. – 1971. – № 25.

43. Chkhaidze V.N., Druzhinina I.A. The military organization of nomads of steppe Cis-caucasia in XII-XIV centuries // *Medieval Nomads/ Fourth International Conference on the Medieval History of the Eurasian Steppe*. – Szeged, 2011.

44. Hodder I. Symbols in action. Ethnoarchaeological studies of material culture. – Cambridge, 1982.

45. Kroeber A.L. Disposal of the Dead // *American Anthropology*. – 1927. – № 29.

46. Larick R. Spears, style, and time among Maa-speaking pastoralists // *Journal of Anthropological Archaeology*. – 1985. – Vol. 4. – № 1.

47. Larick R. Warriors and blacksmiths: mediating ethnicity in East African spears // *Journal of Anthropological Archaeology*. – 1991. – Vol. 10.

Информация об авторе:

Измайлов Искандер Лирунович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань, Россия); ismail@inbox.ru

MORTUARY AND FUNERAL CEREMONIALISM AND A AMOURS COMPLEX OF THE ANCIENT AND MEDIEVAL POPULATION (TO PROBLEM STATEMENT)

I.L. Izmailov

The article is devoted to one of the major aspects of archeology: the reconstruction of social relations on the basis of data on burial and mortuary ceremonialism. Attention is mainly focused on the theoretical problems of the ratio of the “living” reality and its reflection in funeral monuments, especially on the armor as the key material used to determine the social status and restore the armor complex of ancient and medieval societies.

Key words: archaeology, burial ground and burial rite, grave goods, socioarchaeology, method of “ascension”, ethnoarchaeology, reconstruction and socio-cultural interpretation of archaeological material, armor, armor complex.

REFERENCES

1. Alekshin, V. A. 1986. *Sotsial'naia struktura i pogrebal'naia obriadnost' drevnezemel'del'cheskikh obshchestv (Social Structure and Funerary Rite of the Early Agricultural Societies)*. Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).

2. *Arkheologiya i estestvennye nauki (Archaeology and Natural Sciences)*. 1970. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

3. Betzov, R. Zh. 1982. *K drevnei istorii plemen Tsentral'nogo Kavkaza (On the Ancient History of Central Caucasian Tribes)*. Nalchik: “Elbrus” Publ. (in Russian).

4. Bunyatyan, E. P. 1985. *Metodika sotsial'nykh rekonstruktsii v arkhologii. Na materiale ranneskijskikh mogil'nikov (Methodology of Social Reconstructions in Archaeology: on the Materials of Early Scythian Burial Grounds)*. Kiev: “Naukova dumka” Publ. (in Russian).

5. Gei, A. N. 1993. In *Sotsial'naia differentsiatsiia obshchestva (poisk arkhologicheskikh kriteriev) (Social Differentiation of Society: determining archaeological criteria)*. Moscow: “Nauka” Publ., 42-77 (in Russian).

6. Gening, V. F. 1988. *Etnicheskaia istoriia Zapadnogo Priural'ia na rubezhe nashei ery: P'ianoborskaia epokha III v. do n.e. — II v. n.e. (Ethnic History of Western Cis-Urals Area on the Turn of Ages: Pyanyi Bor Culture of 3rd Century BC — 2nd Century AD)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

7. Gening, V. F. 1989. *Struktura arkhеologicheskogo poznaniia (Problema sotsial'no-istoricheskogo issledovaniia) (Structure of Archaeological Knowledge: Problem of the Social-Historical Research)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
8. Gracheva, G. N. 1975. In Reshetov, A. M., Taksami, Ch. M. (eds.). *Sotsial'naia istoriia narodov Azii (Social History of the Peoples of Asia)*. Moscow: "Nauka" Publ., 126-142 (in Russian).
9. Guliaev, V. I. 1990. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkhеologii (Concise Bulletins of the Institute for Archaeology)* 201, 103-109 (in Russian).
10. Guliaev, V. I. 1993. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (1), 76-77 (in Russian).
11. Guliaev, V. I. 1995. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (2), 84-85 (in Russian).
12. Danilenko, V. N. 1974. *Eneolit Ukrainy (The Eneolithic of Ukraine)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
13. Dolgikh, B. O. 1960. *Rodovoi i plemnoi sostav narodov Sibiri v XVII v. (The Kinship and Tribal Composition of the Indigenous Population of Siberia in the 17th Century)*. Series: Proceedings of the Institute for Ethnography, Academy of Sciences of the USSR, New Series, 55. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
14. Ivanov, V. A. 2011. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Voennoe delo Zolotoi Ordy: problemy i perspektivy izucheniia (The Golden Horde Warfare: Issues and the Perspectives of Studying)*. Kazan: "Foliant" Publ., 72-77 (in Russian).
15. Izmailov, I. L. 1989. In *Rannie bolgary v Vostochnoi Evrope (Early Bulgarians in Eastern Europe)*. Kazan: Kazan Branch of the Academy of Sciences of the USSR, 107-121 (in Russian).
16. Kamenetskii, I. S., Marshak, B. I., Sher, Ya. A. 1975. *Analiz arkhеologicheskikh istochnikov (vozmozhnosti formalizovannogo podkhoda) (Analysis of Archaeological Sources: Possibilities of the Formalized Approach)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
17. Klejn, L. S. 2009. *Novaia arkhеologiia (kriticheskii analiz teoreticheskogo napravleniia v arkhеologii Zapada) (The New Archaeology)*. Donetsk: Donetsk National University (in Russian).
18. Korenevskii, S. N. 1988. In *Pogrebal'nyi obriad drevnego i srednevekovogo naseleniia Severnogo Kavkaza (Funerary Rite of Ancient and Medieval Population of Northern Caucasus)*. Ordzhonikidze: Kosta Khetagurov North Ossetian State University, 6-20 (in Russian).
19. Curta, Fl. 2008. In *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* 2 (4), 133-154 (in Russian).
20. Lebedev, G. S. 1977. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkhеologii (Concise Bulletins of the Institute for Archaeology)* 148, 24-30 (in Russian).
21. Lebedev, G. S. 1970. In *Statistiko-kombinatornye metody v arkhеologii (Combinatory-Statistic Methods in Archaeology)*. Moscow: "Nauka" Publ., 180-190 (in Russian).
22. Leonova, N. B., Smirnov, Yu. A. 1977. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkhеologii (Concise Bulletins of the Institute for Archaeology)* 148, 16-23 (in Russian).
23. Masson, V. M. 1976. *Ekonomika i sotsial'nyi stroi drevnikh obshchestv (Economy and Social Structure of Ancient Societies)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
24. Koval'chenko, I. D. (exec. ed.). 1972. *Matematicheskie metody v istoricheskikh issledovaniakh (Mathematic Methods on Historical Studies)*. Moscow: "Nauka" Publ., "Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury" Publ. (in Russian).
25. Ol'khovskii, V. S. 1986. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 65-76 (in Russian).
26. Ol'khovskii, V. S. 1993. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (1), 78-93 (in Russian).
27. Ol'khovskii, V. S. 1995. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (2), 85-98 (in Russian).

28. Pershits, A. I. 1968. In Pershits, A. I. (ed.). *Razlozhenie rodovogo stroia i formirovanie klassovogo obshchestva (Disintegration of Tribal Society and Development of Class Society)*. Moscow: "Nauka" Publ., 320-355 (in Russian).
29. Pletneva, S. A. 1982. *Kochevniki Srednevekov'ia. Poiski istoricheskikh zakonomernostei (Nomads of Middle Ages. Looking for Historical Patterns)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
30. Pletneva, S. A. 1989. *Na slaviano-khazarskom pogranich'e. Dmitrievskii arkhologicheskii kompleks (On the Border Between Slavs and Khazars. Dmitriev Archaeological Complex) (On the Border Between Slavs and Khazars. Dmitriev Archaeological Complex)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
31. Guliaev, V. P. (ed.). 1999. *Pogrebal'nyi obriad: rekonstruktsiia i interpretatsiia drevnikh ideologicheskikh predstavlenii (Funerary Rite: Reconstruction and Interpretation of the Ancient Ideological Representations)*. Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ. (in Russian).
32. Polesskikh, M. R. 1968. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 198-207 (in Russian).
33. Smirnov, Yu. A., Tendriakova, M. V. 1990. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Concise Bulletins of the Institute for Archaeology)* 201, 68-73 (in Russian).
34. Smirnov, Yu. A. 1997. *Labirint: Morfologiia prednamerennogo pogrebeniia. Issledovanie, teksty, slovar' (Labyrinth: Morphology of Intentional Burial. Study, Texts, Dictionary)*. Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ. (in Russian).
35. Sokolova, Z. P. 1970. In Gurvich, I. S., Dolgikh, B. O. (eds.). *Obshchestvennyi stroi u narodov Severnoi Sibiri, XVII — nachalo XX vv. (Social Structure with the Peoples of Northern Siberia: 17th — early 20th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ., 103-153 (in Russian).
36. Sokolova, R. B. 1998. *Evoliutsiia etnicheskogo konflikta v Burundi (Evolution of the Ethnic Conflict in Burundi)*. Moscow: Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (in Russian).
37. Afanas'ev, G. E. (exec. ed.). 1993. *Sotsial'naia differentsiatsiia obshchestva (poisk arkhologicheskikh kriteriev) (Social Differentiation of Society: determining archaeological criteria)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
38. Kolchin B. A., Sher Ya. A. (eds.). 1970. *Statistiko-kombinatornye metody v arkheologii (Combinatory-Statistic Methods in Archaeology)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
39. Flerov, V. S. 1993. In *Sotsial'naia differentsiatsiia obshchestva (poisk arkhologicheskikh kriteriev) (Social Differentiation of Society: determining archaeological criteria)*. Moscow: "Nauka" Publ., 119-133 (in Russian).
40. Gening, V.F., Buniatian, E.P., Pustovalov, S.Zh., Rychkov, N.A. 1990. *Formalizovanno-statisticheskie metody v arkheologii (analiz pogrebal'nykh pamiatnikov) (Formalized-Statistic Methods in Archaeology (Analysis of Funerary Sites))*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
41. Binford, L. R. 1962. Archaeology as Anthropology. In *American Antiquity* 28 (2), 217-225.
42. Binford, L. R. 1971. Mortuary practices: Their study and their potential. In *Memoris of the Society for American Archaeology* 25, 6-29.
43. Chkhaidze, V. N., Druzhinina, I. A. 2011. The military organization of nomads of steppe Ciscaucasia in XII-XIV centuries. In *Medieval Nomads. Fourth International Conference on the Medieval History of the Eurasian Steppe*. Szeged, 8-9.
44. Hodder I. 1982. *Symbols in action. Ethnoarchaeological studies of material culture*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
45. Kroeber, A. L. 1927. Disposal of the Dead. In *American Anthropologist* 29 (3), 308-315.
46. Larick, R. 1985. Spears, style, and time among Maa-speaking pastoralists. In *Journal of Anthropological Archaeology* 4 (1), 206-220.
47. Larick, R. 1991. Warriors and blacksmiths: mediating ethnicity in East African spears. In *Journal of Anthropological Archaeology* 10, 299-331.

About the Authors:

Izmaylov Iskander L. Candidate of Historical Sciences. Institute of History named after Sh. Marjani of Tatarstan Academy of Sciences. Kremlin, 5 entrance, Kazan, 420014, Republic of Tatarstan, Russian Federation; ismail@inbox.ru

КЛИНКОВОЕ ОРУЖИЕ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ

© 2012 г. А.В. Данич

Статья посвящена малоисследованной проблеме — клинковому оружию Пермского Приуралья. В работе впервые обобщен значительный материал VIII–XV вв. из археологических раскопок и музейных коллекций, в том числе и из раскопок последних лет, не введенных в научный оборот. Их комплексный анализ позволил дать подробную типологическую и хронологическую характеристику отдельных категорий и типов клинкового оружия, проследить их эволюцию. Анализируются данные о роли и месте сабли в заупокойном культе.

Ключевые слова: археология, меч, сабля, перекрестие, клинок, корд.

Клинковое оружие является наиболее редкой находкой из всех предметов вооружения на территории Пермского Предуралья. Оно определяет социальное и имущественное положение человека, которому принадлежит.

Клинковое оружие населения Пермского Предуралья на археологических материалах рассматривалось в работах А.М. Белавина, Р.Д. Голдиной, В.А. Оборина, А.Н. Кирпичникова и др. Значительная же часть материалов, несмотря на эти публикации, не подвергалась анализу. Таким образом, актуальность данной темы определяется отсутствием систематизации имеющегося материала и необходимостью комплексно интерпретировать его, тем более что монографического исследования по этой проблематике нет.

В работе подвергнуты анализу остатки клинкового оружия из памятников ломоватовской (VII–XI вв.) и родановской (XII–XIV вв.) археологических культур, т.е. с территории бассейна Верхней Камы и р. Чусовой. Использованы материалы из музеев городов Чердыни, Соликамска, Березников, Кудымкара, Перми, Чёрмоза, коллекции из раскопок ПГУ и ПГПУ,

а также публикации по данной проблематике.

В литературе, посвященной интересующей нас проблеме, существует большая разноречивость в терминологии. Исследователи многократно отмечали отсутствие единообразия в терминологии, недифференцированный подход к различным видам рубяще-колющего вооружения, что препятствует адекватному восприятию материала (Евглевский, Потемкина, 2000, с. 117). В литературе до сих пор можно встретить термины «меч-палаш», «сабля-палаш», «однолезвийный меч», «сабля-меч», «двулезвийный меч-сабля» и пр. В то же время ряд исследователей четко разграничивают понятия «меч», «палаш», «сабля», вкладывая в них свое собственное толкование.

Меч — это рубяще-колющее оружие с двулезвийным клинком. Он является своеобразным символом феодалного строя, неотъемлемой принадлежностью воина-дружинника, могущественным и драгоценным оружием (Кирпичников, 1966, с. 18).

На территории Пермского Предуралья на данный момент известно о находках четырех мечей и одного навершия ножен.

Меч, найденный близ д. Нечаевой Ильинского района (№ 59, здесь и далее номер в тексте соответствует номеру клинка в приложениях) относится к типу Н по типологии А.Н. Кирпичникова. Характерная особенность этого типа мечей – головка в фас и профиль треугольная, неширокое прямое перекрестие не имеет ребра. Они встречены почти во всех районах Руси – от Приладожья до Киева. Популярность мечей этого типа обеспечивала геометрически простая форма рукояти (Кирпичников, 1966, с. 27). Большинство находок данного типа меча относится к X в., но такие мечи существовали и в XI в. Крайней восточной точкой нахождения мечей указанного типа является Волжская Булгария (Кирпичников, 1966, с. 27).

Меч, найденный напротив д. Гавриковой Гайнского района (№ 58) (Белавин, 2000, с. 151), относится к типу Е по типологии А.Н. Кирпичникова. Мечи типа Е были распространены в Норвегии, Финляндии, Швеции и на Руси (Кирпичников, 1966, с. 30–31). Центром производства таких мечей являлись каролингские оружейные мастерские на Рейне. Исследователями замечено, что у каролингских клинков навершие рукояти служило своеобразным противовесом (массивные железные навершия и перекрестия уравнивали длинный клинок, в результате центр тяжести находился примерно в верхней трети меча), поэтому удары можно было наносить с большей частотой и интенсивностью. Такой тип мечей в Северной Европе и Руси очень редко использовался после 900 года, но вполне вероятно, что на нашей территории он просуществовал дольше. В Волжской Булгарии мечи каролингского типа

использовались в X–XI вв. (Измайлов, 1997). Меч с аналогичными размерами и орнаментом на перекрестиях имеется в коллекции из раскопок Киева (Кирпичников, 1966, с. 31, рис. 6, 2).

Меч из Велсинской пещеры в устье р. Велс, левого притока р. Вишеры, левого притока р. Камы был найден в 1890 г. вместе с железным шлемом с кольчужной бармицей и обрывками кольчуги. Где он находится и как он выглядел – на данный момент не известно (ОАК, 1895; 1897, с. 71; Талицкая, 1952, с. 168).

На поле наконечника ножен меча с Городищенского городища (№ 61) присутствует фрагмент изображения какого-то животного.

Наличие малого количества мечей на территории Пермского Предуралья свидетельствует об их высокой стоимости и о том, что приобрести их мог только очень состоятельный человек. Хотя с другой стороны, можно предположить, что они не были популярны на нашей территории, а те единичные экземпляры, которые известны на данный момент принадлежали выходцам с территории Руси или, скорее всего, Волжской Булгарии, пришедшим с торговыми караванами.

Сабля. Как называть ранние формы клинкового оружия с малым изгибом полосы, прямой или слегка наклонной ручкой, из которых в более поздние времена получится классическая сабля? Некоторые исследователи называют их однолезвийными мечами, другие – саблями и палашами. Господствует мнение, что сабля – это однолезвийный изогнутый клинок со скошенной в сторону лезвия рукоятью, а палаш – это прямой однолезвийный клинок с прямой ручкой.

Термин «палаш» в свое время ввел в оборот Б.А. Рыбаков, не задумываясь, насколько корректно именовать однолезвийные раннесредневековые клинки термином, возникшим в XVI в. (Евглевский, Потемкина, 2000, с. 118). Механическое переименование однолезвийных мечей в палаша привело к путанице в терминологии. Остается вопрос, чем отличается однолезвийный меч от сабли? Отличие состоит в принципиальной разнице характера удара сабли и меча: у меча он рубящий, а у сабли режуще-секущий. Особенность удара сабли состоит в том, что позволяет одновременно проводить поражение и извлечение клинка в один прием (Соловьев, 1985, с. 152). Эффективность сабли определяется таким сочетанием кривизны клинка и положением центра тяжести, при которых уменьшается угол резания и увеличивается сила удара. Сабли имели отклоненную к лезвию рукоятку так, чтобы в момент удара сабельная полоса не образовывала тупого угла к оси протянутой руки, а лежала бы в одной с ней горизонтальной плоскости (Кирпичников, 1966, с. 62). Эта особенность устраняла невыгоду нанесения удара под тупым углом, который свойственен мечу, делая руку естественным продолжением клинка, т.е. увеличивая рычаг. Благодаря наклону рукояти в сторону лезвия и выгибу полосы сабля обладает рубяще-режущим действием. Удар имеет круговой характер, он получается скользящим и захватывает большую часть поверхности тела, а угол резания сабли острее, чем угол резания мечом (Кирпичников, 1966, с. 62). Вряд ли прав А.И. Соловьев, отрицающий такое назначение выгиба рукояти (Соловьев, 1985, с. 147–154), по-

скольку даже тогда, когда сабельная полоса получала некоторое искривление, рукоять сохраняла значительное отклонение от оси клинка. Сравнительная легкость сабельной полосы допускает более быстрые движения руки, нежели тяжелый меч. Основным назначением сабли всегда была рубка, но при ее небольшой кривизне и обоюдоостром конце она годилась и для колющего удара.

В данной работе к саблям я отношу клинки с выгнутым (даже незначительно) лезвием и наклоном рукояти в сторону лезвия, или с одним из этих двух признаков, позволяющих наносить секущий удар.

Сабли попадали на территорию Пермского Предуралья, видимо, через Волжскую Булгарию. Известно, что сабли и другие виды клинкового оружия ближнего боя были предметом торговли болгар с вису и другими народами Севера. Так, ал-Мукаддаси, приводя обширный список товаров, вывозимых булгарами в различные страны, упоминает стрелы, мечи и кольчуги. Ал-Гарнати сообщает, что болгары ввозят в Вису сабли, изготовленные в мусульманских странах и не имеющих никаких украшений и рукоятей – «одни клинки, в том виде, в котором они выходят из рук кузнецов» (Белавин, 2000, с. 114–115).

Основной типологии сабель исследователи выбирают, как правило, либо перекрестие и навершие (Кирпичников, 1966, с. 68; Плотников, 1981, с. 165), либо отдельные характеристики клинка (Федоров-Давыдов, 1966, с. 22–23; Плетнева, 1973, с. 17–18; Худяков, 1980, с. 39–41; Циркин, 1987, с. 159, 163–165 и др.).

Из основных признаков клинка в типологии сабель чаще всего учи-

тывались ширина и кривизна (Федоров-Давыдов, 1966, с. 22–23; Циркин, 1987, с. 163–165), кривизна и длина (Плетнева, 1973, с. 17–18), кривизна (Худяков, 1980, с. 39–41; Иванов, 1987, с. 185–186; Хузин, 1985, с. 176–177), кривизна и острие (Мерперт, 1955, с. 134), острие (Соловьев, 1987, с. 73–75).

Более подробную классификацию позднекочевнических сабель предложили А.В. Евглевский и Т.М. Потемкина, которые положили в основу классификации кривизну, участок максимального изгиба клинка, пропорции соотношения длины и ширины клинка, а в качестве дополнительных признаков – перекрестия, навершия, наконечники ножен, наклон стержня рукояти и острие (Евглевский, Потемкина, 2000, с. 117–179).

На данный момент с территории Пермского Предуралья известно о находках 44 сабель и их фрагментов, 11 перекрестий и 3 частей ножен. Только 15 сабель из них дошли до нас в целом состоянии, без повреждений.

К сожалению, незначительная в количественном и качественном отношении источниковая база не позволяет разработать подробную типологию сабель для данной территории.

К основным типобразующим признакам сабли можно отнести следующие признаки: длина клинка, ширина, изгиб полосы, наклон стержня рукояти.

Клинки. Длину клинков удалось проследить у 22 сабель. Она находится в диапазоне от 60,9 до 79,6 см. Все данные клинки можно отнести к коротким.

Ширина клинков у перекрестия прослежена у 33 сабель и составляет от 2,2 см до 4,5 см. Пропорциональное

соотношение длины и ширины клинка также очень близко: 1: 18 – 1: 24.

Изгиб лезвия клинка удалось проследить у 30 экземпляров. Все клинки можно отнести к слабоизогнутым (от 0,2 см до 1,3 см). Клинок из Аверинского II могильника имеет выпуклую спинку и вогнутое лезвие (0,8 см).

Аналогии клинкам с изгибом до 1 см известны в погребениях Больше-Тиганского могильника, датирующегося концом VIII – первой половиной IX в., в Дмитриевском могильнике IX в. (Кочкаров, 2008, с. 26), в могильниках енисейских кыргызов этого же времени (Худяков, 1980). Клинки с изгибом до 2 см встречаются в тюхтятских памятниках IX–X вв. и в венгерских погребениях X в. (Кочкаров, 2008, с. 26).

В подавляющем количестве случаев максимальный изгиб клинка приходится на вторую треть, т.е. на среднюю часть клинка. И только у двух сабель (№ 34, 40) максимальный изгиб приходится на треть, ближнюю к острию клинка.

Дол присутствует на одной сабле (№ 1).

Острие у сабель узкое, острое с односторонней или двусторонней заточкой. Односторонняя заточка присутствует у 4 экз. (№№ 9, 13, 15, 28), двусторонняя – у 23 экз. (№№ 1–8, 11, 25–27, 29, 30, 32, 34–40, 54). Длина двусторонней заточки от 6,5 до 23,7 см.

Экземпляр с Аверинского II могильника (№ 21) имеет двустороннюю заточку на всю длину клинка. На первый взгляд, это признак меча, и во всех публикациях его так и называют. Но никто не обращал внимания на то, что рукоять находится с наклоном 5° к клинку. А это уже признак сабли. Для чего была необходимость делать кли-

нок обоюдоострым на всем продолжении клинка – остается непонятным.

Как можно убедиться из выше сказанного, в основу классификации нельзя положить не один из основных типобразующих признаков, кроме изгиба рукояти. Все сабли относятся к слабоизогнутым (0,2–1,3 см), длина клинков колеблется между 76,5 и 89 см, ширина – между 2,2 и 4,5 см. Разбег величин минимален для детализированной классификации.

Рукояти. Важным элементом является рукоять сабли. Для ранних типов сабель отклонение рукояти к лезвию клинка было одним из главных формообразующих показателей, так как слабо искривленный однолезвийный клинок за счет наклона рукояти получил тот режущий эффект, который характерен для сабли.

Черенки рукоятей, которые можно измерить по длине, сохранились на 23 саблях, угол наклона можно измерить у 35 сабель (разница в количестве состоит в нескольких экземплярах сабель, у которых обломлен небольшой фрагмент черенка и в экземплярах сабель с фото из грабительских раскопок, на которых нет масштаба, см. №№ 48–53). Длина черенка сабли колеблется от 7 до 12,7 см, угол наклона – от 0° до 18°.

По углу наклона рукояти к лезвию все сабли можно разделить на 5 типов:

Тип 1. Без наклона. К этому типу относятся 2 сабли (№№ 11 и 22). К сожалению, с саблей с Агафоновского I могильника лично мне ознакомиться не удалось, а по изображению в публикации небольшой наклон может быть не заметен.

Тип 2. Малый наклон (1–4°). К этому типу относятся 9 рукоятей сабель (№№ 1, 4, 12, 15, 17, 25, 28, 31, 48).

Тип 3. Средний наклон (4–7°). К этому типу относятся 12 рукоятей сабель (№№ 2, 3, 5, 20, 21, 29, 32, 33, 34, 35, 39, 54).

Тип 4. Сильный наклон (8–12°). К этому типу сабель относятся 6 рукоятей сабель (№№ 13, 26, 30, 40, 49, 53).

Тип 5. Очень сильный наклон (>12°). К этому типу относится 3 рукоятей сабель (№№ 36, 37, 52).

К черенку рукояти прикреплялись две деревянные накладки при помощи 1–2 шпеньков. По всей вероятности, сверху деревянные накладки обшивались кожей или, как в погребении 138 Бояновского могильника (№ 39), – тканью. Как показали раскопки Бояновского могильника, накладки имели значительно большую длину и угол наклона, чем сам черенок (сабли № 26, 29). В месте, где черешок уже закончился, а накладки продолжались, они скреплены еще одним шпеньком.

Навершия. В затылочной части некоторые рукояти украшены навершиями. Они носили в первую очередь декоративную функцию и предохраняли деревянные накладки от механических повреждений. Такие навершия были слишком легкие и не выполняли функции противовеса, которую играли тяжелые навершия мечей.

Типология наверший рукоятей была разработана А.Н. Кирпичниковым (Кирпичников, 1966, с. 68). Наш материал практически полностью укладывается в эту типологию.

Тип 1. Навершия уплощенно-цилиндрической формы. Изготовлены из тонких серебряных пластинок (сабли № 25, 29, 33). Истоки таких наверший следует искать среди населения

салтово-маяцкой культуры (Кирпичников, 1966, с. 68).

Тип 2. Навершия грушевидной формы. Имеют в сечении эллипсоидную форму. Снизу от середины отходит один отросток для более прочного крепления с рукоятью. Изготовлены из железа (сабля № 37), серебра (№№ 1, 2) или бронзы (№ 26). Серебряные навершия изготовлены из тонкой серебряной пластины и украшены орнаментом. Для того чтобы навершия меньше подвергались деформации и излому, они были надеты на костяные цилиндрические навершия. Аналогии данному типу можно найти в аланских и венгерских древностях (Кирпичников, 1966, с. 68).

Тип 3. Бронзовая овальная накладка на торцевую часть ручки (сабля № 39). Две рукояти (сабли № 1, 2) в районе перекрестия были украшены серебряными V-образными обоймочками. Прикреплялись они к рукояти при помощи небольшого гвоздика в центральной части обоймочки.

Перекрестия. Клинковое оружие несет в себе сочетание двух функций – поражение противника и отражение ударов. Последнюю функцию выполняет железное или бронзовое перекрестие. Все экземпляры перекрестий имеют достаточную длину и толщину, чтобы обеспечить ее выполнение, что косвенно свидетельствует об определенном развитии фехтовального искусства. Перекрестие выполняло защитную функцию – задерживало скольжение оружия противника по полосе клинка и не давало соскользнуть руке на клинок. Непосредственно защищая руку, оно быстро реагировало на все изменения фехтовальных приемов, поэтому его эволюция может

служить одним из главных показателей развития сабли.

В обработку попало 41 перекрестие и их фрагменты с территории Пермского Предуралья. Большинство из них составные, состоящие из двух половинок. Есть несколько напускных перекрестий, которые одевались на оружие путем продевания стержня рукояти через его срединное отверстие. В горизонтальном положении перекрестие удерживалось за счет плотного насаживания на обкладки рукояти, также, возможно, за счет небольших шипов с внутренней стороны перекрестия, которые втыкались в деревянные обкладки рукояти. Такие шипы прослежены на бронзовом перекрестии из Питерского (Степаново Плотбище) могильника (№ 47).

Типологию перекрестий древнерусских сабель разработал А.Н. Кирпичников (Кирпичников, 1966, с. 68–72). Гарды по форме им были разделены на несколько компактных хронологических групп. В основу нашей типологии легла схема, предложенная А.Н. Кирпичниковым.

Тип 1. Прямые, брусковидные перекрестия с ромбическим расширением в средней части. Это самая ранняя группа перекрестий. Датируется VIII–X вв.

Подтип А. (№ 1, 2, 4, 6, 17, 42, 44). Прямое, брусковидное перекрестие с ромбическим расширением в средней части. Такие перекрестия встречены на Редикорском городище, в могильниках Плёс, Телячий Брод, на селище Володин Камень II. Аналогичные перекрестия найдены в салтово-маяцких могильниках, памятниках Дунайской Болгарии, у венгров времен Арпадов, в погребениях кимаков IX–X вв. (Измайлов, 1997, с. 28).

Подтип Б. (№ 30, 37). Прямое, брусковидное перекрестие с ромбическим расширением в средней части и шарообразными окончаниями. Такие перекрестия встречены на Бояновском могильнике.

Подтип В. (№ 5). Прямое, брусковидное перекрестие с ромбическим расширением в средней части и ромбовидными окончаниями. Обнаружено в единичном экземпляре на Ильинском городище.

Тип 2. Прямые, брусковидные перекрестия. Данный тип датируется IX–X вв.

Подтип А. (№ 15, 21, 26, 33, 34, 35, 41, 43, 48, 49, 50, 52, 54, 56). Прямое, брусковидное перекрестие. Встречены на Аверинском II, Бояновском, Питерском (Степаново Плотбище) могильниках, Рождественском городище. Перекрестия имеют многочисленные аналогии в древностях VIII–IX вв. (Кочкаров, 2008, с. 32; Худяков, 1986, с. 191–195).

Подтип Б. (№ 3, 22, 38, 53). Прямое, брусковидное перекрестие с шарообразными окончаниями. Гарды этой формы восходят к аварскому времени, а в IX–XI вв. были распространены от Северного Предкавказья до Венгрии. А.Н. Кирпичников отмечает, что перекрестия рассматриваемого типа в X в. все настойчивее вытесняются другими формами. Для XI в. они кажутся архаичными (Кирпичников, 1966, с. 68). Такие перекрестия встречены на могильниках Плёс, Агафоновском I и Бояновском.

Подтип В. (№ 13, 46). Прямое, брусковидное перекрестие с ромбовидными окончаниями. Такое перекрестие имеется среди материалов Загарского могильника.

Тип 3. Изогнутые, брусковидные перекрестия. Развитие сабельных перекрестий идет по пути искривления и загиба из концов к низу. Данные изменения были направлены на повышение защиты руки, т.к. различные скосы и вырезы перекрестия улучшают улавливание клинка противника. Данный тип датируется второй половиной X–XI вв.

Подтип А. (№ 25, 29). Изогнутое, брусковидное перекрестие. Встречены на Бояновском могильнике.

Подтип Б. (№ 31, 32, 40, 51). Изогнутое, брусковидное перекрестие с шарообразными окончаниями, опущенными вниз. Подобная защита руки была распространена у венгров времен Арпадов, южно-уральских кочевников (Измайлов, 1997, с. 28), кимаков (Худяков, 1986, с. 166, рис. 2, 3). Встречаются такие перекрестия и в западном Поволжье (Белорыбкин, 2003, с. 124–142) и у северо-кавказских алан (Кирпичников, 1976, с. 110, табл. III. 1, 2), у венгров, русских, мордвы (Кирпичников, 1966, с. 69). На территории Пермского Предуралья такие перекрестия обнаружены на Бояновском и Деменковском могильниках.

Подтип В. (№ 47). Изогнутое, брусковидное перекрестие с ромбовидными окончаниями, опущенными вниз. Известно среди материалов Питерского (Степаново Плотбище) могильника.

Тип 4. (№ 45, 55). Перекрестие с ромбическими расширениями, в центре сужающимися к окончаниям. Считается, что этот тип появился под влиянием почти аналогичных, но более крупных мечевых перекрестий. Хронологически этот этап А.Н. Кирпичников относит к XIII в. (Кирпичников,

1966, с. 71–75). Боковые стороны такой гарды оформлены в виде щиткообразных расширений. Благодаря этой особенности, перекрестие приобретало большую прочность на излом при повреждении, а также более надежно соединялось с рукоятью и плотнее удерживало надетые ножны. Кроме того, боковые мысовидные выступы, выдаваясь несколько над клинком, задерживали неприятельское оружие, падающее вдоль полосы, и не давали ему соскользнуть на рукоять. Такие перекрестия встречены на территории деревни Модороб и раскопе I Рождественского городища.

Тип 5. (№ 57). Напускное перекрестие. Челнокообразное тело перекрестия оснащено овальными углублениями, расположенными с обеих сторон. В горизонтальном положении такое перекрестие удерживалось за счет прижатия деревянными обкладками со стороны рукояти, а с обратной стороны – плечиками клинка. Перекрестие в виде круглого, вытянутого стержня. Соскакивание неприятельского клинка предотвращалось здесь не изгибами или задерживающими окончаниями на концах, а прочностью стержня. Перекрестие этого типа очень сходно с мечевым. Хронологически А.Н. Кирпичников связывает данный тип перекрестий с XIII в. (Кирпичников, 1966, с. 72). Такое перекрестие имеется на Кыласовом (Анюшкар) городище.

Ножны предназначаются для ношения сабли и являются ее неотъемлемой частью. Они изготавливались из двух деревянных, тонких дощечек и обтягивались, по-видимому, кожей. Такой вариант отделки встречен на ножнах сабли из Агафоновского I могильника (№ 22). Основываясь на

результатах раскопок Бояновского могильника, можно с уверенностью сказать, что ножны были длиннее сабли на 10–20 см. Наряду с деревянными существовали ножны, сделанные полностью из железа. Фрагменты таких ножен встречены на Корнинском городище (№ 24). Они свернуты из листа железа, повторяя форму клинка в виде треугольника. Длина фрагмента ножен 41 см, ширина 4,2 см.

Скобы для подвешивания. Сабля подвешивалась к поясу с правой или левой стороны при помощи одного или двух ремешков. При использовании одного ремешка сабля висела вдоль ноги человека, а при использовании двух – наклонно, придавая изогнутой ручке горизонтальное положение. Один ремешок располагался в верхней части ножен, второй примерно на середине длины ножен. Как будет отмечено ниже, ножны с одной петлей, возможно, не свидетельствуют о наличии только одного ремня для подвешивания. Вероятно, второй ремень все же существовал, но была утеряна вторая скоба или она просто отсутствовала. На ножнах имеются имитации обойм и пластин для подвешивания сабли к поясу. Как обоймы, так и пластины изготовлены из серебряной фольги и естественно не могли выдержать положенную нагрузку, так что ремень, скорее всего, крепился непосредственно к деревянному корпусу. Указанные же украшения, вероятно, являлись только подражанием типу ножен с креплением ремня при помощи пластин. Единственное исключение составляет сабля с Бояновского могильника (№ 54), скобы для подвешивания которой сделаны из бронзы и являются достаточно толстыми для того, чтобы выдержать вес

сабли. Скобы крепились к деревянным ножнам сабли при помощи бронзовых гвоздиков, для предотвращения отрывания скоб от ножен они дополнительно были укреплены узкими полосками бронзы, охватывающими деревянные ножны. И при случайном обрыве скобы ножны держались бы при помощи этих бронзовых полосок. Но, несмотря на мощность скоб, кожаные ремни, по-видимому, все равно крепились к ножнам. Об этом свидетельствуют остатки кожаного ремня в арочном отверстии скобы, находящемся между скобой и деревянными ножнами. Об этом говорит также рисунок, нанесенный на внешнюю часть бронзовой скобы. При креплении ремня прямо к скобе его присутствие не имело бы смысла, т.к. ремень перекрывал бы весь рисунок.

В связи с небольшим количеством петель и их разнообразием проводить их классификацию не имеет смысла. Ограничимся их описанием.

Ножны с одной петлей для подвешивания:

1). Плѣс, могильник (№ 2). С-образная скоба изготовлена из тонкого листа серебра. Наружная сторона позолочена. По всему полю расположен выдавленный орнамент в виде «якорьков». Скоба располагалась в 4 см от верхнего окончания ножен. Полную аналогию в отделке скоб, оформлении рукояти и ножен, орнаменте на обкладках имеет сабля из пос. Загребинский Котельничского уезда Вятской губернии (Белавин, 2000, с. 115).

Бояновский могильник (№ 32). В верхней части ножен имеется серебряная обойма шириной 12 мм с выдавленным точечным орнаментом по краям и отверстием в верхней части

для крепления с ремнём. Обойма выполнена из серебряной фольги.

2). Бояновский могильник (№ 37). В 10 см от верхнего окончания ножен располагалась железная обойма шириной 23 мм. В связи с тем, что верхняя часть обоймы не сохранилась, говорить о способе крепления с ремнем не представляется возможным.

3). Деменковский могильник (№ 40). В 10 см от верхнего окончания ножен располагалась небольшая железная петля с плоской основой и ушком, выполненным из круглой проволоки. В связи с тем, что ушко достаточно узкое, ремень крепился не прямо к нему, а через какой-то переходник (застежку).

Ножны с двумя петлями для подвешивания:

1). Плѣс, могильник (№ 1). Ножны украшены двумя фигурными скобами, выполненными из тонких серебряных пластин. Одна скоба располагалась в верхней части ножен, вторая – в средней. В районе второй скобы сохранился небольшой фрагмент ремня шириной 2 см и длиной 5 см, украшенный двумя квадратными накладками. Ремень был двойной, закреплен около ножен медной обоймой со шпеньками. Рядом с ремнем лежала маленькая железная пряжка почти прямоугольной формы с подвижным язычком. Длина ее 2,5 см, ширина от 1,8 до 2,2 см.

2). Агафоновский I могильник (№ 22). На двух фрагментах имеется имитация широких обойм с полукруглыми пластинами, орнаментированных рельефными розетками и украшенных цветочным орнаментом. Как обоймы, так и пластины изготовлены из серебряной фольги.

3). Бояновский могильник (№ 29). Ножны украшены двумя обоймами из тонкой серебряной пластины с отверстиями в верхней части, которые предназначались для крепления с ремнем. Одна обойма располагалась в верхней части ножен, вторая – в средней части.

4). Бояновский могильник (№ 54). Описаны выше.

Наконечники ножен. Обычно в комплект отделки ножен с серебряными петлями и обоймами входит серебряный наконечник, свернутый в трубицу из листового серебра. Длина таких наконечников 12–32 см. В связи с их малочисленностью проводить их типологию смысла нет. Ограничимся только кратким их описанием.

1). Плѣс, могильник (№ 1). На расстоянии 60 см от перекрестия на деревянные ножны был одет наконечник, сделанный из листового серебра. Длина этого наконечника 26 см, ширина 5 см. Снизу и сверху наконечника ножен находились наклонные бортики, шириной 0,8 см. У верхнего бортика имеется полоса кружкового орнамента, чуть ниже на поверхности серебряного наконечника позолотой был нанесен правильный равнобедренный треугольник. Ширина его основания 4,5 см, длина сторон – 6 см.

2). Плѣс, могильник (№ 2). Данный наконечник несколько меньше по размерам, но аналогичен по дизайну. Данный наконечник ножен состоит из двух частей. Общая длина наконечника 12 см, ширина 2,7 см. Выполнен из листового серебра. Верхняя часть представляет собой трубицу с небольшим расширением к краям и небольшим наклонным бортиком в нижней части. Верхний и нижний край трубицы украшен выдавленным кружковым орнаментом. К нижнему

краю присоединена вторая часть наконечника ножен. Она представляет собой продолжение наклонного бортика нижней части большой трубицы. Ширина второй части 1 см.

3). Бояновский могильник (№ 29). Наконечник из листового серебра, свернутый в не завершённую трубицу. Длина 32 см, ширина 4,2 см.

4). Бояновский могильник (№ 32). Небольшой наконечник из тонкого листового серебра. Его размеры 5,3 x 3,4 см. По обоим краям наконечник украшен выдавленным кружковым орнаментом. По линии соединения наконечник был прибит к ножнам тремя гвоздиками.

5). Редикорское городище (№ 18, 19). Два наконечника, выполненные из бронзовой пластины, свернутой в трубицу, соединены по краю бронзовыми заклепками. Возможно, являются наконечниками ножен ножей.

На трех ножнах встречены **дополнительные детали отделки.**

1). Плѣс, могильник (№ 1). Под каждой скобой, в средней ее части, находится небольшая серебряная накладка. Эти накладки, по-видимому, украшали ремень в месте обхвата им ножен.

2). Плѣс, могильник (№ 2). Верхняя часть ножен украшена V-образной обоймочкой с кружковым орнаментом по краям. В средней части ножен находилась небольшая позолоченная серебряная накладка с таким же якорьковым орнаментом, как и на скобе для подвешивания. В 2 см выше наконечника ножен находилась позолоченная серебряная обоймочка шириной 0,8 см, с таким же орнаментом.

3). Демѣнки, могильник (№ 40). В средней части клинка найдена небольшая накладка из белого сплава.

Наличие накладок в средней части ножен в двух последних случаях наводит на мысль о наличии второго ремня, без наличия второй скобы. Эти накладки, скорее всего, украшали ремень в месте обхвата ножен, как в первом случае.

Характеристика обрядовых черт. Погребения с саблями встречены на 8 могильниках Пермского Предуралья (Деменки, Телячий Брод, Редикарский, Бояновский, Плес, Агафоновский I, Аверинский II, Загарский) (рис. 1). На которых изучено 1342 погребения, из которых только в 27 встречены сабли.

Интересно проследить взаимосвязь сабель с другими видами вооружения. В погребениях с саблями чаще всего встречаются топор (63% погребений) и наконечники стрел (в 44% погребений), чуть реже копье (30% погребений). В 15% погребений не встречено другого вида оружия, кроме сабли.

Если проанализировать различные комбинации, при которых отдельные категории вооружения встречаются в одном комплексе, то можно увидеть, что чаще всего сочетается в одном комплексе с топором – 6 раз, с наконечниками стрел и топором – 5 раз, наконечниками стрел – 4 раза, с наконечниками стрел, с копьем и топором – 3 раза, с топором и копьем – 3 раза, с копьем – 2 раза, с наконечниками стрел и копьем – 0 раз.

На принадлежность погребенных с саблями к конным воинам указывают принадлежности конской сбруи – стремяна, удила и подпружные пряжки. Они встречены в 63% погребений. Из них с удилами – 15 раз (56% погребений), со стремянем – 5 раз (19% погребений) причем в одном из них

было 2 стремяна, подпружные пряжки – 4 раза (15% погребений) причем в двух погребениях по 2 шт., со стремянем и удилами – 4 раза (15% погребений), со стремянем и подпружными пряжками – 3 раза (11% погребений), с удилами и подпружной пряжкой – 2 раза (7% погребений).

Для более точной картины был проведен анализ в статистическом пакете SPSS 14.0. В обработку вошло 321 погребение с оружием с 22 могильников Пермского Предуралья. Кластерный анализ меры сходства для переменных был проведен по формулам: Кульчинский 2 и Очия, которые дали одинаковые результаты (рис. 7).

Исходя из полученных результатов, можно выделить два кластера:

1. Стремя, удила, подпружные пряжки.

2. Топор, сабля, наконечники стрел, копье.

Фрагменты кольчуги и колчаные крючки не имеют корреляции ни с одним видом вооружения.

Как мы видим, в первый кластер попали все принадлежности конской упряжи. По всей видимости, она являлась маркером мужчины-всадника, а не мужчины – профессионального воина.

Во второй кластер попали все предметы вооружения: топор, сабля, наконечники стрел и копье. И самые близкие связи сабли, мы наблюдаем с топором. По-видимому, сабля и топор были неотъемлемыми признаками профессионального воина. А копье и лук были дополнениями к комплексу вооружения.

Интерес представляет местоположение сабель в погребении. Из 27 погребений, в которых обнаружены

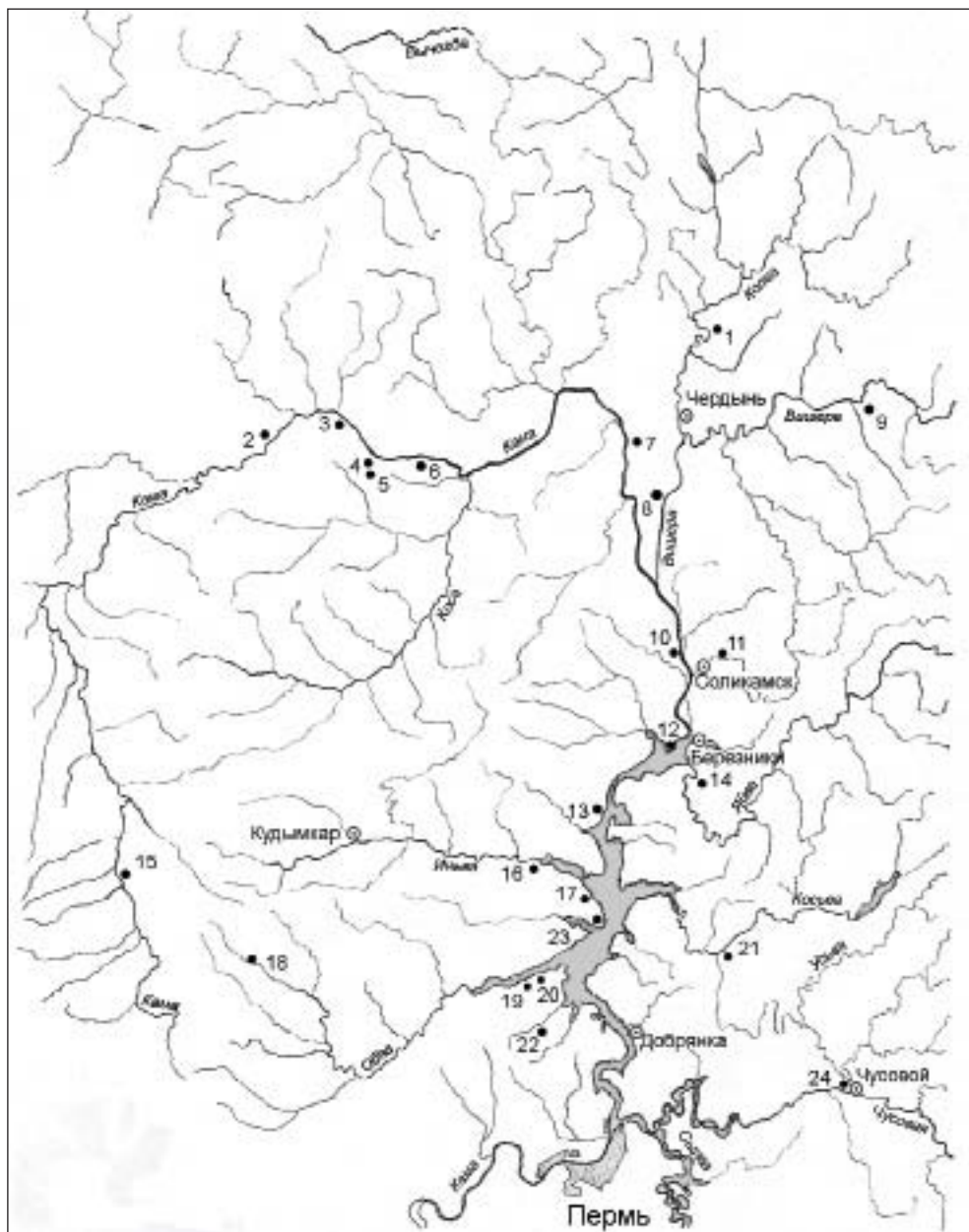

Рис. 1. Карта распространения клинкового оружия в Прикамье.

1 – Искор, городище; 2 – Плёс, могильник; 3 – Пыштайн, могильник; 4 – Агафоновский I, могильник; 5 – Модороб, находки; 6 – Гаврикова, находки; 7 – Корнино, городище; 8 – Редикор, городище; 9 – Велсинская пещера; 10 – Эсперово, городище; 11 – Городищенское городище; 12 – Огурдино, могильник; 13 – Питер (Степаново Плотбище) могильник; 14 – Володин Камень II, поселение; 15 – Аверинский II, могильник; 16 – Загарский могильник; 17 – Кыласово (Анюшкар) городище; 18 – Ново-Михайловский могильник; 19 – Ильинское городище; 20 – Демёнки, могильник; 21 – Бояново, могильник; 22 – Лобановская, находка; 23 – Нечаево, находка; 24 – Телячий Брод, могильник.

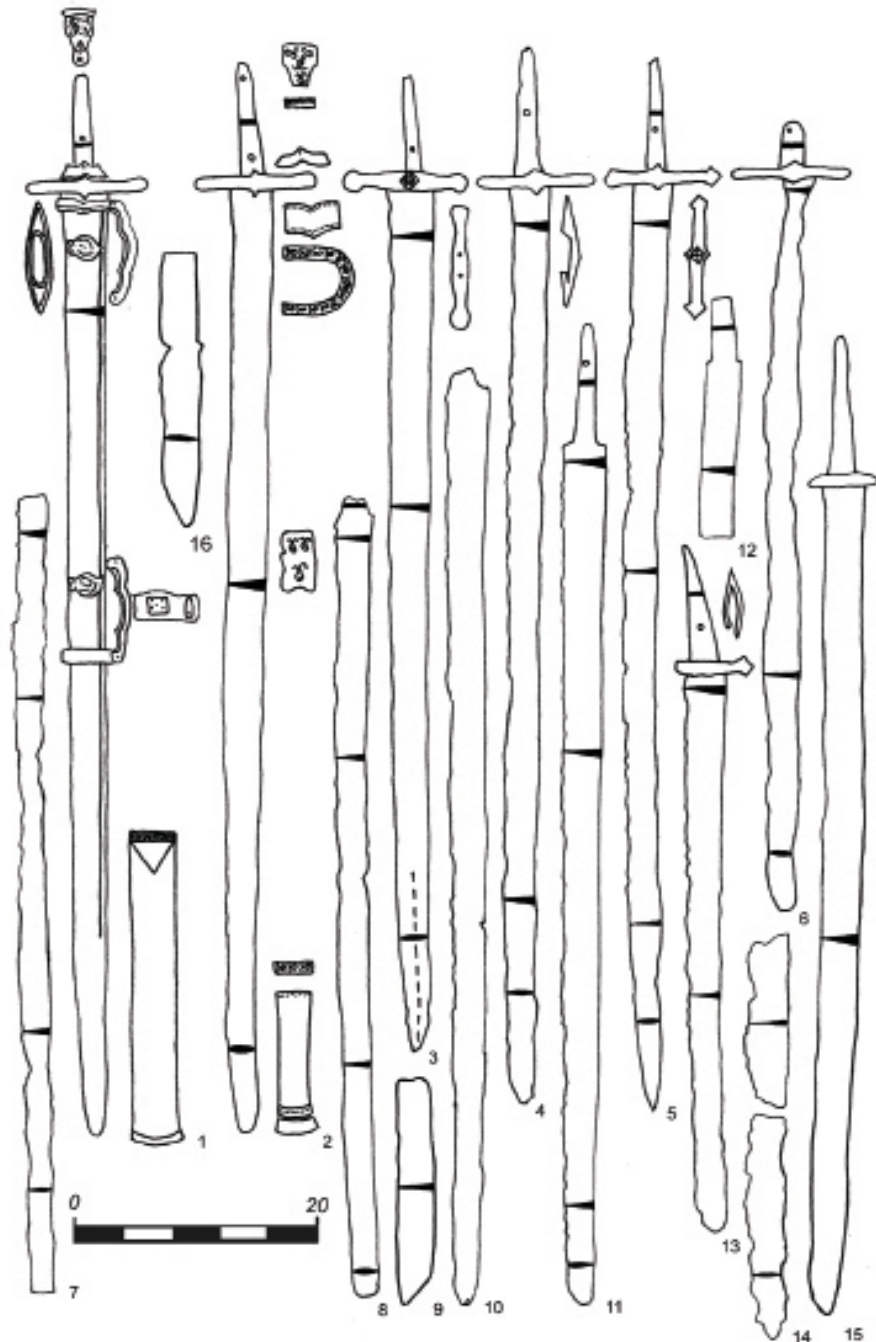

Рис. 2. Сабли. 1–3 – Плѣс, могильник, погр. 5, 26, 19; 4 – Редикорский могильник, погр. 1; 5 – Ильинское городище; 6–7 – местонахождение не известно; 8 – не известно (возможно Деменковский или Агафоновский I могильник); 9 – Эсперово городище; 10 – Агафоновский I могильник, погр. 107; 11 – не известно; 12 – Искорское городище; 13 – Загарский могильник, погр. 1; 14 – Огурдинский могильник; 15 – Аверинский II могильник, погр. 158; 16 – Огурдинский могильник.

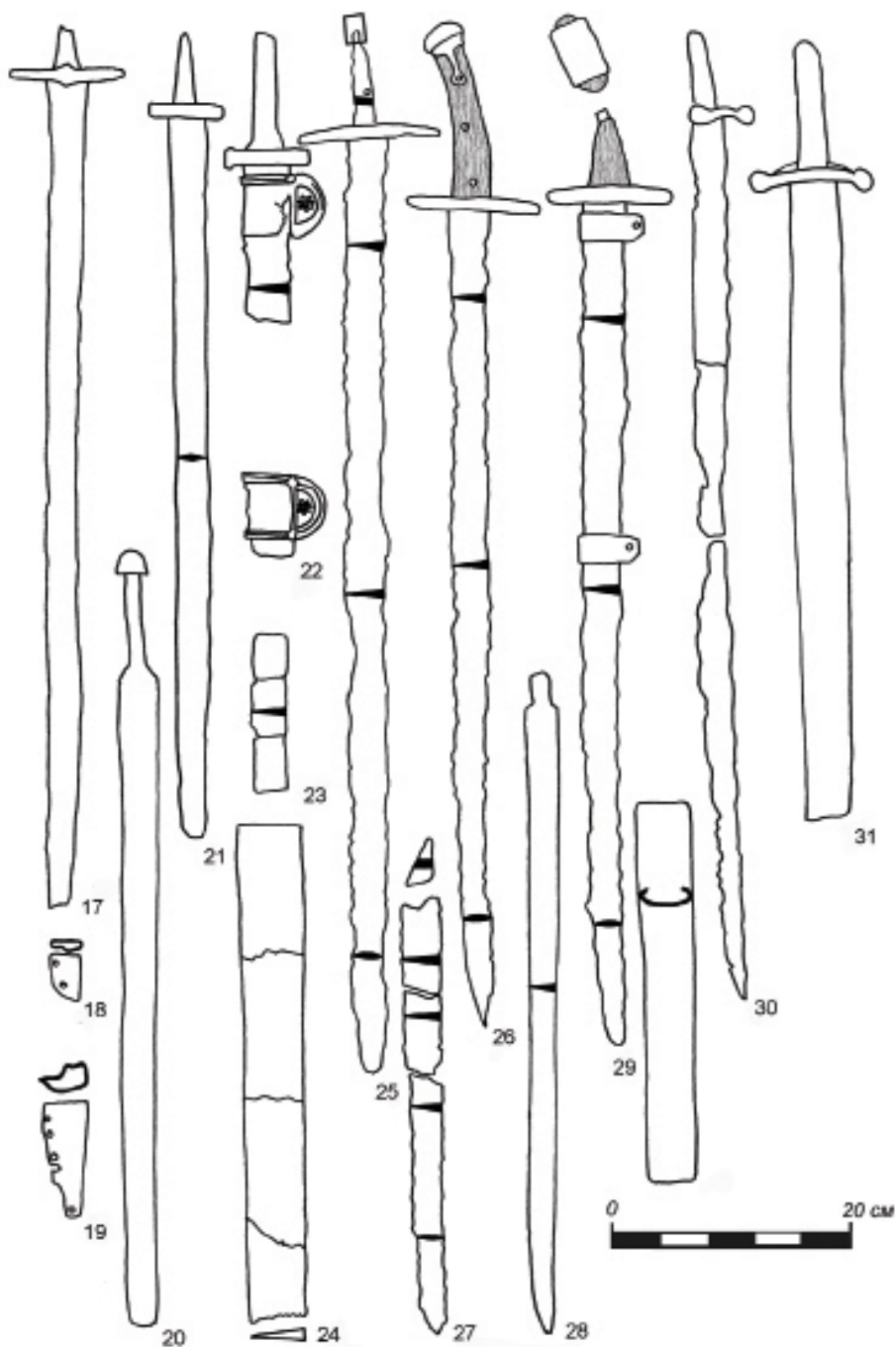

Рис. 3. Сабли. 17 – могильник Телячий Брод, погр. 4; 18–19 – Редикорское городище; 20 – Бояновский могильник, погр. 9; 21 – Аверинский II могильник, погр. 142; 22–23 – Агафоновский I могильник, погр. 92, 191; 24 – Корнинское городище; 25–26 – Бояновский могильник, погр. 58, 61; 27 – Питер (Степаново Плотбище) могильник; 28 – не известно (возможно Деменковский, могильник); 29 – Бояново, могильник, погр. 59; 30 – Бояново, могильник; 31 – Деменковский могильник, погр. 124.

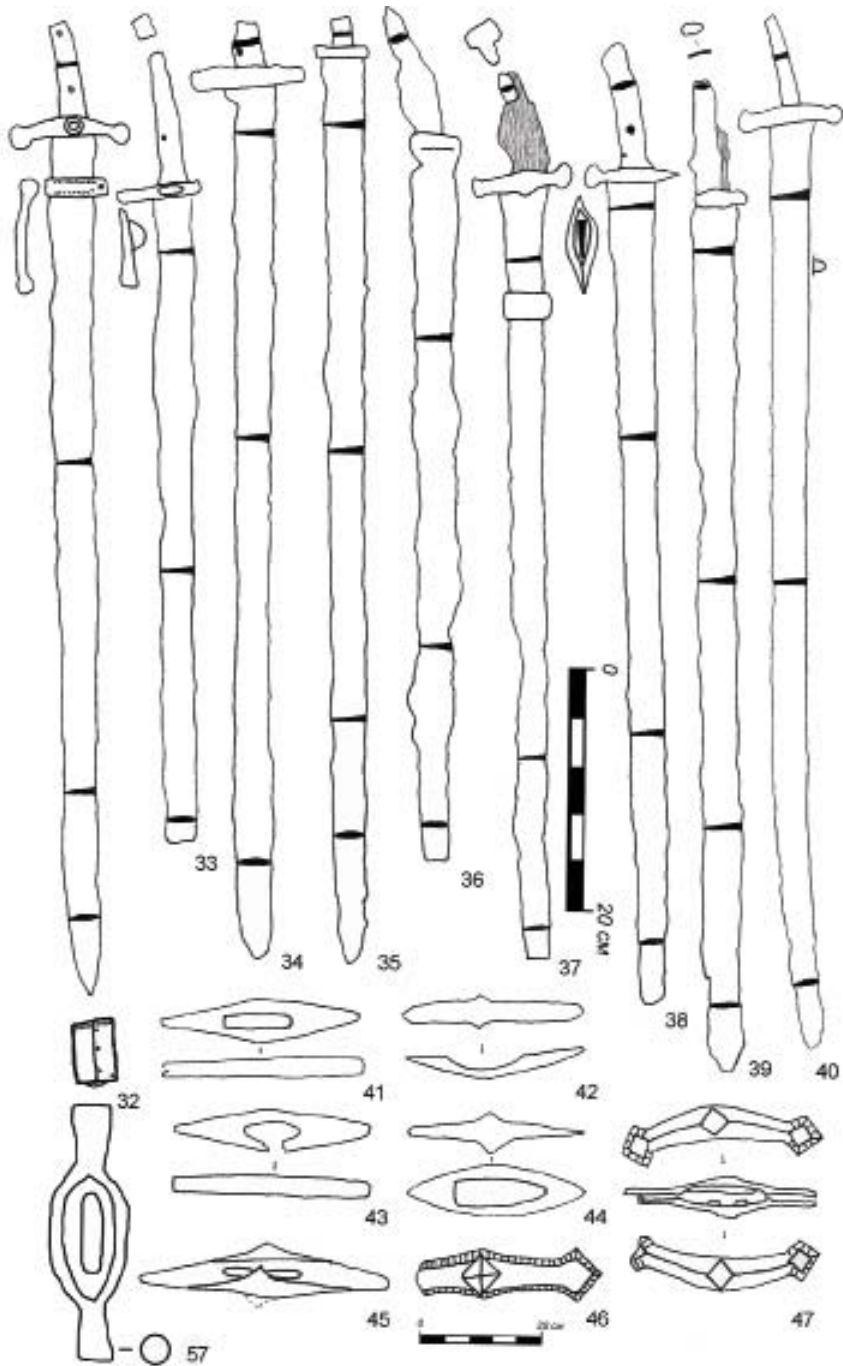

Рис. 4. Сабли и перекрестия. 32–39 – Бояновский могильник, погр. 93, 128, 137, 151, 153, 90, 107, 138; 40 – Деменковский могильник, погр. 196; 41 – Питер (Степаново Плотбище) могильник; 42 – Редикорское городище; 43 – Питер (Степаново Плотбище) могильник; 44 – Володин Камень II селище; 45 – Модороб, деревня; 46 – не известно; 47 – Питер (Степаново Плотбище) могильник; 57 – Кыласово (Анюшкар) городище.

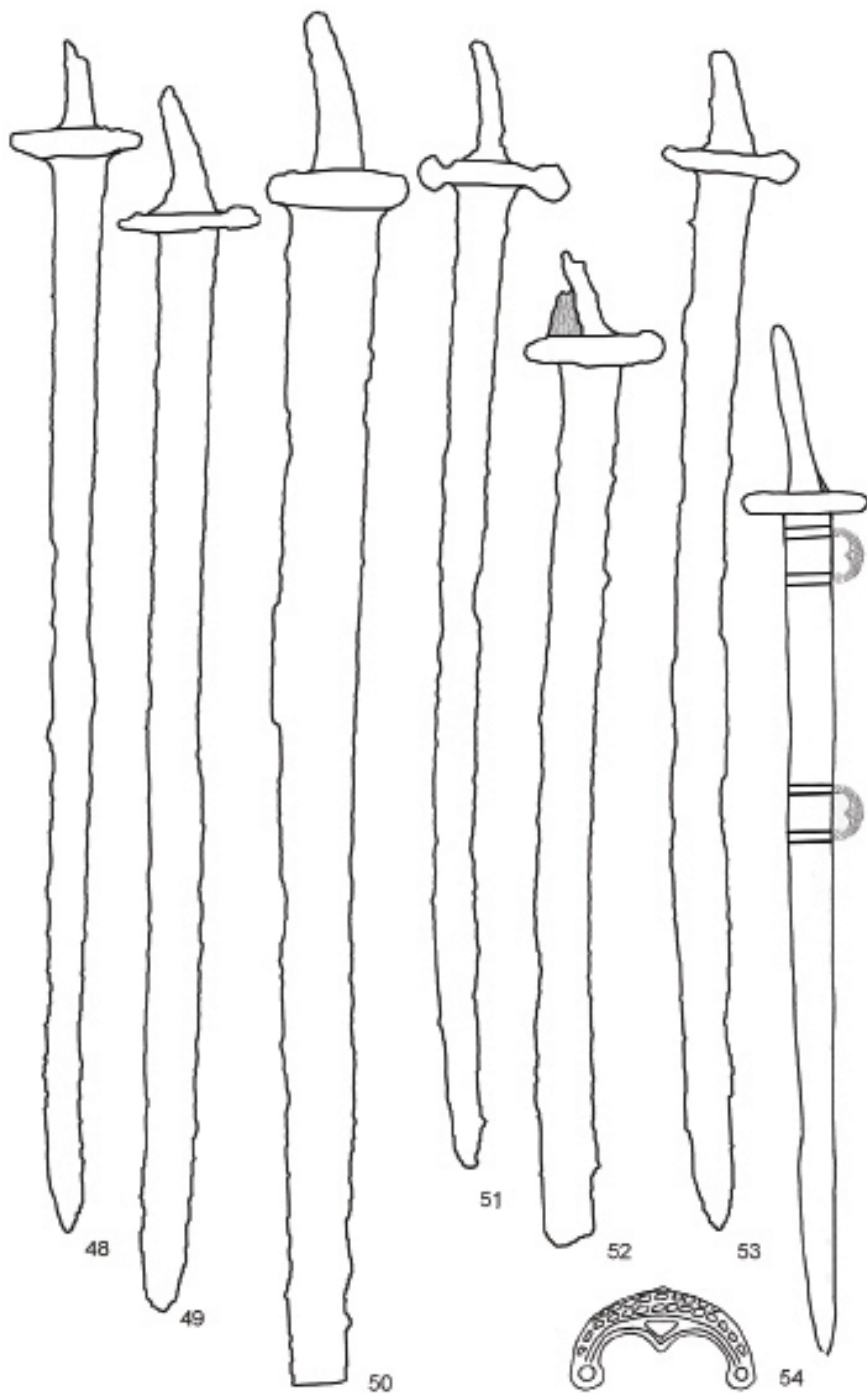

Рис. 5. Сабли. 48–53 – местонахождения не известны;
54 – Бояновский могильник, погр. 242.

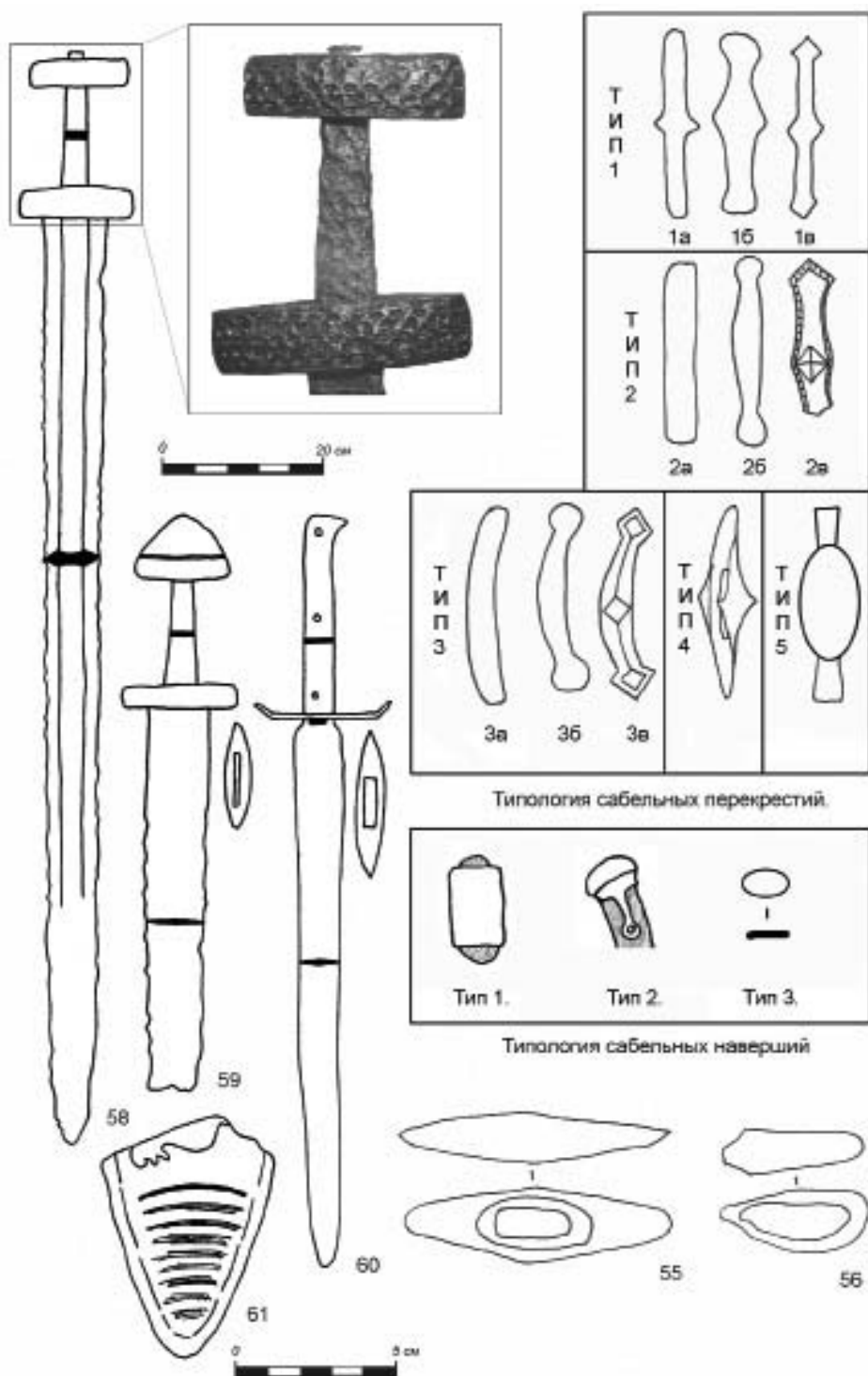

Рис. 6. Мечи. Типология сабельных наконечников и перекрестий.

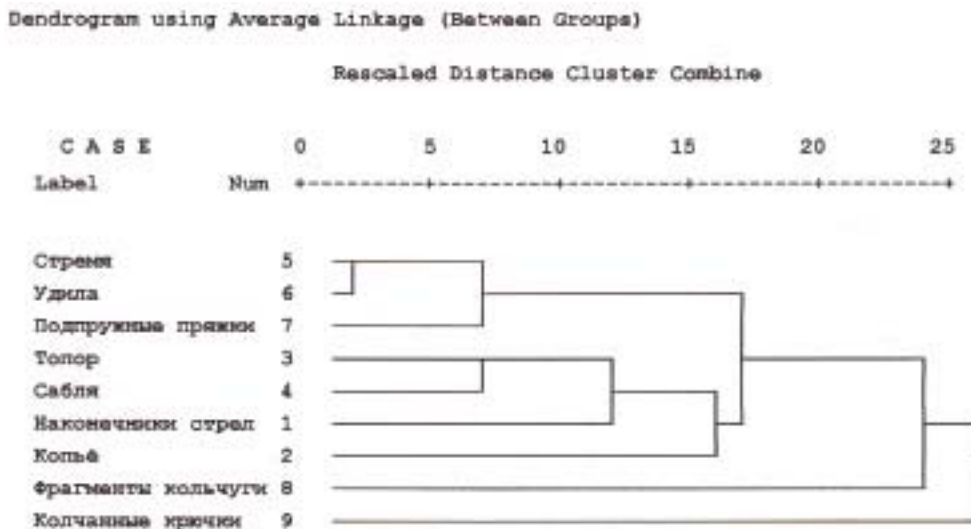

Рис. 7. Кластерный иерархический анализ предметов вооружения Пермского Предуралья по мере сходства Кульчинский 2.

сабли, о конкретном местоположении мне известно в 20 погребениях.

Сабля в большинстве случаев располагалась острием к ногам – 17 случаев и в 3 случаях острием к лицу. В большинстве случаев сабля располагалась слева от погребенного – 11 раз (55% погребений), и в 9 случаях справа (45% погребений).

В расположении сабли вдоль тела, т.е. при нахождении рукояти сабли в отдельных зонах скелета человека удалось проследить в 16 случаях: у черепа – 1 раз, у плечевой кости – 5 раз, у предплечья – 4 раза, у кисти – 6 раз.

При рассмотрении местоположения сабли относительно тела погребенного выделяется 4 зоны: с внутренней стороны руки – 2 раза, с наружной стороны руки – 2 раза, под ногой – 1 раз, с наружной стороны ноги – 1 раз. В тех случаях, когда сабля находилась у ноги, по-видимому, она была в составе костюма и была подвешена на ремнях к поясу. В остальных случаях ее укладывали отдельно, не как де-

таль костюма, а как подтверждение особого статуса владельца.

Сабля, учитывая ее ценность, в большинстве семей передавалась по наследству, и положить ее в погребение могли только богатые, состоятельные родственники. Попасть в могилу она могла и тогда, когда у погибшего отсутствовало мужское потомство (напр., в Большетиганском могильнике 4 сабли из 9 обнаруженных найдены в погребениях юношей фертильного возраста (Измайлов, 1997, с. 19). Следовательно, между значением сабли и числом ее находок, видимо не прямая, а обратная зависимость: именно из-за высокого семантического значения и особого положения в комплексе вооружения она реже встречается в могильниках в качестве заупокойного дара.

Как мы видим, сабля попадает в Пермское Предуралье в VIII–IX вв. и к IX–XI вв. укрепляет свои позиции. В этот период форма клинка не претерпевает никаких изменений, про-

исходит только незначительные изменения перекрестия, в отличие от южных территорий нашей страны, где сабли получают больший изгиб. По-видимому, это подтверждает то, что сабля не являлась значимым видом вооружения на нашей территории в эти века, а скорее являлась подтверждением высокого статуса ее хозяина. Сказать, какое дальнейшее развитие и какой тип господствовал на нашей территории в более поздние времена, затруднительно из-за незначительного количества находок. Но известно, что сабля никуда не делась из арсенала вооружения. Так, в 1472 г. Гаврила Нелидов отобрал у Великопермских князей в числе других вещей «3 пансыри, да шелом, да две сабли булатные» (Талицкий, 1951, с. 63).

Боевые ножи, тесаки. К клинковому оружию относятся так же и боевые ножи. Нож был непременной принадлежностью воина (Кирпичников, 1966, с. 72). Однако до сих пор не совсем ясны критерии, отделяющие боевые ножи от хозяйственных. Некоторые исследователи считают, что боевыми можно считать ножи длиной более 20 см. На мой взгляд, давать им какую-либо подробную характеристику представляется преждевременным.

С территории Чердынского района происходит тесак (№ 60), а точнее корд. Много кордов встречается в Литве, Польше, Чехии. По назначению этот тесак мог быть охотничьим, т.е., по сути, универсальным оружием. Поэтому у него и интересные кон-

структивные особенности – обоюдо-острый клинок и рукоять с «пяткой», приспособленная для хорошего рубящего удара.

Корд, корделяс – хорошо известное на территории Великого Княжества Литовского (далее ВКЛ) оружие. Как отмечает исследователь вооружения ВКЛ Ю. Бохан – термин «корд» появился, по всей вероятности от немецкого определения «кордэляч» или «кордалеч» (Kordelatsch, Kordala:tsch), что, в свою очередь, является искаженным итальянским названием «кортэлас» (cortelas) – «большой нож».

Видимо корд в ВКЛ пришел с запада в свое время (?) и прочно там обосновался, став основным оружием не только простых воинов, но и рыцарства-шляхты. Так, Литовский Статут 1529 г. закрепил корд в качестве нормативного вида вооружения военного сословия. Существовали и очень дорогие, украшенные виды этого оружия. Археологические находки кордов на Руси происходят из Крычова (XV в.) и из Мазыря (конец XIV – начало XVI в.). Также корды с территории ВКЛ находили на могильнике Дзикторай (не позже XV в.?), на могильнике возле Кармелава (Ковно) (первая половина XV в.), на могильнике Якштайчай (захоронение XIV–XVI вв.), и под Лидой (вторая половина XV в.). Перекрестие найденного у нас корда аналогично перекрестию корда из города Крычова (Беларусь). Он датируется XV в. (Гістарычна, 1996).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белавин А.М.* Городищенское городище на р. Усолке // Приуралье в древности и средние века (Межвузовский сборник научных трудов УдГУ). – Ижевск, 1986. – С. 130–142.
2. *Белавин А.М.* Камский торговый путь. – Пермь, 2000. – 200 с.

3. *Белорыбкин Г.Н.* Западное Поволжье в средние века. – Пенза, 2003. – 199 с.
4. *Генинг В.Ф.* Деменковский могильник – памятник ломоватовской культуры // ВАУ. – 1964. – Вып. 6. – С. 94–151.
5. *Голдина Р.Д.* Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. – Иркутск, 1985. – 280 с.
6. *Голдина Р.Д., Королева О.П., Макаров Л.Д.* Агафоновский I могильник – памятник ломоватовской культуры на севере Пермской области // Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье. – Ижевск, 1980. – С. 3–66.
7. *Евглевский А.В., Потемкина Т.М.* Восточноевропейские позднекочевнические сабли // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 1. Донецк, 2000. – С. 117–179.
8. *Иванов В.А.* Вооружение средневековых кочевников Южного Урала и Приуралья (VII–XIV вв.) // Военное дело древнего населения Северной Азии. – Новосибирск, 1987.
9. *Измайлов И.Л.* Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X – начала XIII в. – Казань-Магадан, 1997. – 214 с.
10. *Кирпичников А.Н.* Древнерусское оружие. Мечи и сабли IX–XIII вв. – М.; Л., 1966.
11. *Кирпичников А.Н.* Военное дело на Руси в XIII–XV вв. – Л., 1976. – 136 с.
12. *Кочкаров У.Ю.* Вооружение воинов Северо-Западного Предкавказья VIII–XIV вв. (Оружие ближнего боя). – М., 2008. – 176 с.
13. *Мерперт Н.Я.* Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье // СА. – 1955. – Т. XXIII.
14. ОАК за 1895 г. – СПб., 1897.
15. *Оборин В.А.* Баяновский могильник на реке Косье // Уч. зап. ПГУ. Т. IX, вып. 3. Тр. КАЭ. – Харьков, 1953.
16. *Оборин В.А.* Памятники родановской культуры у села Таборы // КСИИМК. – 1956. – Вып. 65. – С. 107–118.
17. *Оборин В.А.* Раскопки древнего Искора // АО 1975 года. – М., 1976. – С. 191.
18. Памятники истории и культуры Пермской области. Т. I. – Пермь, 1996. – 300 с.
19. *Плетнева С.А.* Древности Черных Клобуков // САИ. – 1973. – Вып. EI-19.
20. *Плотников Ю.А.* Рубящее оружие прииртышских кимаков // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1981.
21. *Соловьев А.И.* О некоторых характеристиках клинкового оружия // Проблемы реконструкции в археологии. – Новосибирск, 1985.
22. *Соловьев А.И.* Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха средневековья. – Новосибирск: Наука, 1987. – 192 с.
23. *Спицин А.А.* Древности Камской Чуди по коллекции Теплоуховых. – СПб., 1902.
24. *Талицкая И.А.* Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья // МИА. – 1952. – № 27. – 226 с.
25. *Талицкий М.В.* Верхнее Прикамье в X–XIV вв. // МИА. – 1951. – № 22. – С. 33–96.
26. *Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. – М., 1966.
27. *Худяков Ю.С.* Вооружение енисейских кыргызов. – Новосибирск, 1980.
28. *Худяков Ю.С.* Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1986. – 268 с.

29. Хузин Ф.Ш. Оружие ближнего боя // Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. – М., 1985. – С. 171–184.
30. Циркин А.В. Материальная культура и быт народов Среднего Поволжья в I тыс. н.э. – Красноярск, 1987.
31. Гістарычна археалагічны зборнік. – Мінск, 1996. – № 11.

Информация об авторе:

Данич Андрей Васильевич, сотрудник Камской археолого-этнографической экспедиции, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь, Россия); adanich@yandex.ru

BLADE WEAPONS OF THE PERMIAN URAL

A.V. Danich

The article is devoted to the understudied problem of bladed weapons of the Perm Cis-Urals region. For the first time the work generalizes significant archaeological and museum material dated back to the 8th-15th centuries, including the recent finds not yet interpreted by scholars. Their comprehensive analysis has made it possible to provide a detailed typological and chronological characteristic of certain types and categories of blade weapons and trace their evolution. The data on the role and place of the saber (cavalry sword) in the mortuary cult are analyzed.

Keywords: archaeology, sword, saber, guard crosshair, blade, cord.

REFERENCES

1. Belavin, A. M. 1986. In Tronin, A. A. (ed.). *Priural'e v drevnosti i srednie veka (Cis-Urals Area in the Antiquity and Middle Ages)*. Izhevsk: Udmurt State University, 130–142 (in Russian).
2. Belavin, A. M. 2000. *Kamskii torgovyi put'. Srednevekovoe Predural'e v ego ekonomicheskikh i etnokul'turnykh svyaziakh (Kama Trade Route: Medieval Cis-Urals in its Economic and Ethno-Cultural Relations)*. Perm: Perm State Pedagogical University
3. Belorybkin, G. N. 2003. *Zapadnoe Povolzh'e v srednie veka (The Western Volga Region in the Middle Ages)*. Penza: Penza State Pedagogical University
4. Gening, V. F. 1964. In *Voprosy arkhologii Urala (Problems of Archaeology of Ural)* 6, 94–151 (in Russian).
5. Goldina, R. D. 1985. *Lomovatovskaia kul'tura v Verkhnem Prikam'e (The Lomovatovo Culture in the Upper Kama Region)*. Irkutsk: Irkutsk State University
6. Goldina, R. D., Koroleva, O. P., Makarov, L. D. 1980. In *Pamiatniki epokhi srednevekov'ia v Verkhnem Prikam'e (Medieval Sites in the Upper Kama Area)*. Izhevsk: Udmurt State University, 3–66 (in Russian).
7. Evglevskii, A. V., Potemkina, T. M. 2000. In *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 1. Donetsk: Donetsk National University, 117–179 (in Russian).
8. Ivanov, V. A. 1987. In Medvedev, V. E., Khudyakov Yu. S. (eds.). *Voennoe delo drevnego naseleniia Severnoi Azii (Warfare of the Ancient Population of Northern Asia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 172-188 (in Russian).
9. Izmailov, I. L. 1997. *Vooruzhenie i voennoe delo naseleniia Volzhskoi Bulgarii X — nachala XIII v. (Armament and Warfare of the Population of Volga Bulgaria in 10th — Early 13th Century)*. Kazan; Magadan: Kazan State University
10. Kirpichnikov, A. N. 1966. *Drevnerusskoe oruzhie. Mechi i sabli IX–XIII vv. (Early Russian Weapons 1. Swords and Sabers of 9th–13th Centuries)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1—36. Moscow; Leningrad (in Russian).

11. Kirpichnikov, A. N. 1976. *Voennoe delo na Rusi v XIII–XV vv. (Russian Warfare in 13th–15th Centuries)*. Leningrad: “Nauka” Publ.
12. Kochkarov, U. Yu. 2008. *Vooruzhenie voinov Severo-Zapadnogo Predkavkaz’ia VIII–XIV vv. (Oruzhie blizhnego boia) (Warrior Weapons from Northwestern Ciscaucasia of the 8th–14th Centuries (Close Combat Weapons))*. Moscow: “Taus” Publ.
13. Merpert, N. Ya. 1955. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* XXIII, 131-168 (in Russian).
14. *Otchety Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii za 1895 g. (Reports of the Imperial Archaeological Commission for 1895) 1897*. Saint Petersburg (in Russian).
15. Oborin, V. A. 1953. In *Trudy Kamskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological Expedition)*. Series: Uchenye zapiski Permskogo gosudarstvennogo universiteta (Scientific Bulletin of the Perm State University) IX (3). Kharkov: Kharkov State University, 145-161 (in Russian).
16. Oborin, V. A. 1956. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material’noi kul’tury (Concise Bulletins of the Institute for the History of Material Culture)* 65, 107–118 (in Russian).
17. Oborin, V. A. 1976. In *Arkheologicheskie otkrytiia 1975 goda (Archaeological Discoveries in 1975)*. Moscow, 191 (in Russian).
18. *Pamiatniki istorii i kul’tury Permskoi oblasti (Resources of the History and Culture in the Perm Region) I*. 1996. Perm: “Arabesk” Publ. (in Russian).
19. Pletneva, S. A. 1973. *Drevnosti Chernykh Klobukov (Antiquities of the Chorni Klobuky)*. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1-19 (in Russian).
20. Plotnikov, Yu. A. 1981. In Khudiakov, Yu. S. (ed.). *Voennoe delo drevnykh plemen Sibiri i Tsentral’noi Azii (Warfare of Ancient Tribes of Siberia and Central Asia)*. Novosibirsk: “Nauka” Publ., 162-167 (in Russian).
21. Solov’ev, A. I. 1985. In Vasilevskii, R. S., Kholyushkin Yu. P. (eds.). *Problemy rekonstruktsii v arkheologii (Problems of Reconstruction in Archaeology)*. Novosibirsk: “Nauka” Publ., 147-154 (in Russian).
22. Solov’ev, A. I. 1987. *Voennoe delo korenного naseleniia Zapadnoi Sibiri. Epokha srednevekov’ia (Warfare of the West Siberia Aboriginal Population: Middle Ages)*. Novosibirsk: “Nauka” Publ. (in Russian).
23. Spitsyn, A. A. 1902. *Drevnosti Kamskoi Chudi po kollektzii Teploukhovykh (Kama Chud’ Antiquities in Teploukhovs’ Collection. An Album of Drawings with a Foreword by A.A. Spitsyn)*. Saint Petersburg: Typography of the Chief Department of Appanages (in Russian).
24. Talitskaia, I. A. 1952. *Materialy i issledovaniia po arkheologii Urala i Priural’ia (Materials and Studies on the Archaeology of Ural and Cis-Urals)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Research in Archaeology of the USSR) 27. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
25. Talitskii, M. V. 1951. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Research in Archaeology)* 22, 33–96 (in Russian).
26. Fedorov-Davydov, G. A. 1966. *Kochevniky Vostochnoi Evropy pod vlast’iu zolotoordynskikh khanov: Arkheologicheskie pamiatniki (East-European Nomads under the Golden Horde’s Khans: Archaeological Sites)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
27. Khudiakov, Yu. S. 1980. *Vooruzhenie eniseiskikh kyrgyzov (Armament of Yenisei Kyrgyzs)*. Novosibirsk: “Nauka” Publ. (in Russian).
28. Khudiakov, Yu. S. 1986. *Vooruzhenie srednevekovykh kochevnikov Iuzhnoi Sibiri i Tsentral’noi Azii (Arms of the Medieval Nomads of the Southern Siberia and Central Asia)*. Novosibirsk: “Nauka” Publ.

29. Khuzin, F. Sh. 1985. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Kul'tura Biliara. Bulgarskie orudiia truda i oruzhie X — XIII vv. (Bilyar Culture. Bulgar Tools and Weapons in 10th – 13th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ., 171–184 (in Russian).

30. Tsirkin, A. V. 1987. *Material'naia kul'tura i byt narodov Srednego Povolzh'ia v I tys. n. e. (Material Culture and Everyday Life of the Middle Volga Area Peoples in I Millennium AD)*. Krasnoyarsk (in Russian).

31. *Histarychna-arkhealahichny zbornik (Historical-Archaeological Collected Works)* 11. 1996. Minsk: National Academy of sciences of Belarus, History Institute (in Belorussian).

About the Author:

Danich Andrei V. Perm State Humanitarian Pedagogical University. Sibirskaia St., 24, Perm, 614990, Russian Federation; adanich@yandex.ru

**КОМПЛЕКСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РАЗРУШАЕМЫХ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ НА УЧАСТКЕ
БЕРЕГОВОЙ ЛИНИИ КУЙБЫШЕВСКОГО ВОДОХРАНИЛИЩА
У с. ИЗМЕРИ (СПАССКИЙ РАЙОН РТ)**

© 2012 г. И.И. Гайнуллин, О.П. Ермолаев,
А.Г. Ситдилов, Б.М. Усманов

В статье приводятся результаты исследований, проведенных в 2012 г. на размываемом участке берега Куйбышевского водохранилища близ с. Измери Спасского района Республики Татарстан. Представлен комплексный подход к изучению памятников археологии, разрушающихся под воздействием негативных экзогенных процессов. Он включает как ландшафтные, так и археологические методы исследования, использование данных полевых наблюдений прошлых лет, дистанционного зондирования и геоинформационных систем. В результате была собрана наиболее полная информация о ситуации, сложившейся на данной территории, с момента создания Куйбышевского водохранилища. Были организованы наблюдательные участки для проведения ежегодных мониторинговых исследований, что позволит спрогнозировать течение опасных экзогенных процессов и выявить приоритеты для проведения срочных охранно-спасательных археологических работ.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, Куйбышевское водохранилище, разрушающиеся памятники археологии, геоморфология, геоинформационные системы, дистанционное зондирование, исторические карты, прогнозирование, охранно-спасательные раскопки.

Куйбышевское водохранилище (КВ) является крупнейшим в системе Волжско-Камского каскада и третьим по площади водохранилищем мира (Ступишин, Трофимов, 1981, с. 19). Согласно административно-территориальному делению, акватория водоема располагается в пределах пяти субъектов Российской Федерации: Республики Татарстан (50,7% площади акватории), Самарской (14,7%) и Ульяновской (30,9%) областей, Чувашской Республики и Республики Марий Эл (3,7% площади акватории). Географические координаты крайних точек водохранилища: $56^{\circ}10' - 53^{\circ}30'$ с.ш., $47^{\circ}30' - 49^{\circ}30'$ в.д. Оно образовано в результате перекрытия р. Волги 31 октября 1955 г. плотиной Куйбышевского гидроузла в районе Самар-

ской Луки. Нормального подпорного уровня (НПУ) 53 м водохранилище достигло в половодье 1957 г., и Куйбышевская ГЭС начала функционировать на полную проектную мощность. При данном НПУ его общая емкость составляет $57,3 \text{ км}^3$, площадь водного зеркала – 6150 км^2 , длина по р. Волге от плотины Волжской ГЭС им. В. И. Ленина до плотины Чебоксарской ГЭС – 510 км, по р. Каме от Камского Устья до плотины Нижнекамской ГЭС – 280 км, средняя глубина при НПУ – 9,4 м, максимальная глубина – 41 м (у плотины), около Ульяновска – 31 м, у Казани – 16–18 м. Прибрежная зона, ограниченная глубиной разрушения волн максимальной высоты, занимает в КВ около трети всей акватории. В этой полосе кроме волнения на-

блюдаются значительные сезонные колебания уровня воды и поэтому идет интенсивная переработка берегов. Протяженность береговой линии – 2604 км, минимальный навигационный уровень – 49,00 м.

Ввод в эксплуатацию КВ не только привел к радикальному изменению ландшафта Республики Татарстан (Динамика ландшафтов, 1991), но и открыл новую страницу в изучении прошлого нашего региона. Одним из результатов создания водохранилища стало ежегодное разрушение берегов и необратимое изъятие из землепользования прибрежных территорий, что повлекло за собой интенсивное уничтожение памятников археологии, оказавшихся в зоне активных береговых процессов. При создании водохранилища было затоплено место слияния Волги и Камы в пределах 1–2 террас и расчлененные балками террасы малых рек, образующие естественные укрепления, которые издавна привлекали внимание человека (рис. 1). В сложившихся условиях возникла необходимость в постоянных исследованиях экзогенных геодинамических процессов (ЭГП) в зоне водохранилища в аспекте сохранения исторического наследия и проведения регулярных обследований и археологических охранно-спасательных работ.

После разлива водохранилища, в период с 1957 по 1961 гг. включительно, геологическим факультетом МГУ было организовано 23 наблюдательных участка, на которых выполнена инженерно-геологическая съемка в масштабе 1: 500 и 1: 10000 и начаты наблюдения по 55 створам. В результате этих исследований были выявлены основные факторы переработки берегов водохранилища и не-

которые его закономерности в первые годы эксплуатации. По результатам наблюдений первых шести лет была выполнена предварительная проверка 10-летних прогнозов переработки берегов по 30 створам.

За период с 1973 по 1978 гг. Центральной инженерно-геологической и гидрогеологической экспедицией (ЦИГГЭ) при Мингео РСФСР проведено инженерно-геологическое обследование 48 населенных пунктов, выполнены наземные и подводные промеры по створам и инженерно-геологическое обследование по периметру водохранилища в масштабе 1: 100000. В результате выполненных работ составлены прогнозы переработки берегов по 35 населенным пунктам и по береговой линии водохранилища протяженностью 1500 км на сроки 1985 и 1995 гг.

С 1979 г. ЦИГГЭ Мингео РСФСР начала стационарные исследования ЭГП в прибрежной полосе водохранилища и, в первую очередь, процессов формирования новых берегов, которые продолжают и в настоящее время.

В дальнейшем наблюдательная сеть, по которой ведутся наблюдения за процессом переработки берегов водохранилища, была организована ТРГПП «Татарстангеология». Она включает 19 стационарных участков, привязка которых дается по расположенным вблизи них населенным пунктам – сс. Атабаево, Именьково, Лаишево и др. Нам в данной связи важно то, что практически у каждого пункта находятся объекты культурного наследия (памятники археологии).

Отдельные работы по изучению береговых процессов были также выполнены на географическом факультете

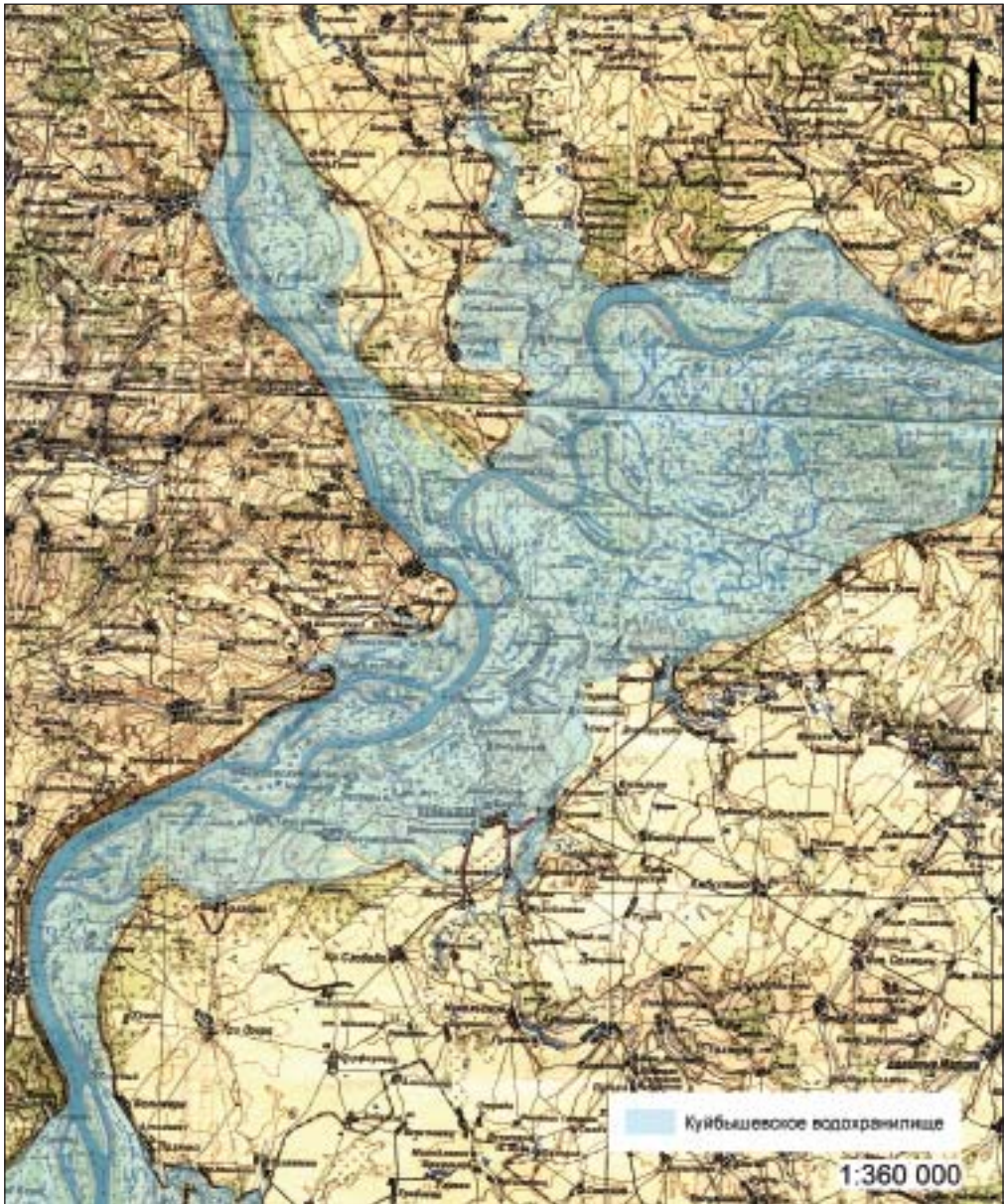

Рис. 1. Затопленное место слияния Волги и Камы и современные границы Куйбышевского водохранилища.

КГУ в 1980-х годах под руководством А.П. Дедкова и В.И. Мозжерина. Проводилось картографирование и типизация береговых процессов на основе дешифрирования АФС. Однако все эти материалы рукописные и, к сожалению, не доступны для анализа.

В 2003, 2005 и 2006 годах обследование береговой полосы КВ проводилось кафедрой ландшафтной экологии КГУ по заказу ФГУ «Средволгаводхоз» (Мониторинг переработки, 2003; Обследование береговой полосы, 2005; 2006). В результате организована наблюдательная сеть, которая включает 13 участков, расположенных в районе населенных пунктов Тетюши, Затон им. Куйбышева, Камское Устье, Кызыл-Байрак, Печищи, Макарьевский монастырь, Макаровка, Лаишево, Лебяжье, Измери. Эта сеть станций практически охватывает все разнообразие ландшафтных условий и типы берегов, в пределах которых развивается весьма специфический спектр экзогенных геологических процессов (ЭГП). Данные работы предназначены для информационного обеспечения органов администрации районов Республики Татарстан, прилегающих к береговой полосе, и заинтересованных организаций, данными о состоянии и тенденциях развития (ЭГП), представляющих реальную опасность, а также для обоснования мероприятий по предотвращению или снижению их вредного воздействия на населенные пункты и хозяйственные объекты. Результаты проведенных работ являются основанием для разработки рекомендаций по выбору участков для строительства новых берегоукрепительных сооружений, которые позволят предотвратить ущерб от постоянного разрушения береговой

полосы КВ у населенных пунктов, народно-хозяйственных объектов, историко-архитектурных сооружений.

В 2003 г. территориальным центром мониторинга геологической среды РТ (ГУП «НПО Геоцентр РТ») была проведена ревизия существующей на то время наблюдательной сети. В результате были подготовлены паспорта на все участки наблюдений и составлены рекомендации по оптимизации и совершенствованию наблюдательной сети за ЭГП в РТ. Дальнейшая работа по оптимизации сети и проведению наблюдений была остановлена ввиду прекращения в 2004 г. финансирования мониторинга ЭГП из республиканского бюджета по территориальной программе геологического изучения недр РТ. Работы возобновились в рамках «Ведение государственного мониторинга состояния недр в Приволжском федеральном округе (Республика Татарстан)» в 2008–2010 гг. на отдельных участках территории РТ.

Как видно, исследования процессов переработки берегов носят эпизодический характер. Проведение региональных исследований в режиме мониторинга ЭГП и детальное геологическое изучение опасных участков не проводилось и в ближайшее время не предвидится.

Поскольку в результате создания Куйбышевского водохранилища большинство выявленных памятников археологии, находящихся в зоне затопления, были утрачены или находятся под угрозой уничтожения в результате активизации процессов переформирования берегов, параллельно с инженерно-геологическими изысканиями в 1961 г. археологи ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН

СССР под руководством А.Х. Халикова приступили к проведению ежегодных систематических наблюдений за береговой зоной и образовавшимся абразионным уступом КВ. В результате удалось выявить более 500 размытых и полуразмытых водохранилищем археологических памятников, датируемых от эпохи палеолита до позднего средневековья. На некоторых были произведены охранные раскопки. Изучались комплексы разновременных археологических памятников в районе бывшего города Спасска, сел Измери, Маклашеевка, Рождествено, Карташиха и др. (Археологическая карта, 1986, с. 6–7).

Семидесятые годы XX в. связаны с проведением широких охранных археологических работ в зоне КВ и Куйбышевской ГЭС. В результате этих работ коллективу исследователей (А.Х. Халиков, Е.А. Халикова, Р.С. Габяшев, П.Н. Старостин, Е.П. Казаков) удалось собрать сведения о более 600 разрушаемых памятниках археологии, что нашло отражение в изданной в 1986 г. «Археологической карте ТАССР. Западное Закамье». Была создана надежная источниковая база для написания обобщающих работ по ряду проблем археологии.

На сегодняшний день в пределах Республики Татарстан в результате воздействия КВ, судя по данным продолжающихся исследований, ежегодно подвержены разрушению около 800 памятников археологии. По данным мониторинга экзогенных процессов, абразионные и оползневые явления широко распространены на 8 участках береговой линии КВ (Государственный доклад, 2012, с. 35). Особенно активно эти процессы раз-

виваются в месте слияния Волги и Камы, где была затоплена обширная территория в пределах 1–2 надпойменных террас – в районах Лаишево и Атабаево, на участках Коминтерн – Измери и Балымеры – Полянки. Всего активным абразионным и оползневым процессам подвержены берега КВ на протяжении 210 км. На этих участках расположены 117 объектов археологии, состоящих на государственном учете (Изучение, охрана, реставрация, 2004) (табл. 1).

Особый интерес представляет для нас участок берега КВ протяженностью 18 км в районе с. Измери, наиболее плотно насыщенный разновременными археологическими объектами и характеризующийся высокой интенсивностью абразионных процессов.

Археологические обследования рассматриваемого участка начались еще в середине XIX в. с момента обнаружения близ с. Измери городища Девичий городок, однако интенсивные археологические исследования данной территории связаны с широкомасштабными охранно-спасательными работами в зоне будущего КВ, начатыми здесь в 1946 г. экспедицией КФАН СССР под руководством Н.Ф. Калинина. Кроме осмотра уже известного городища Девичий городок, его фотофиксации, съемки плана и шурфовки, были выявлены три селища и могильник периода средневековья (Калинин, Халиков, 1954, с. 46).

Летом 1961 г. обследование разрушающейся береговой линии у с. Измери провел Е.П. Казаков, впервые зафиксировав техническое состояние уже разрушающихся водохранилищем археологических объектов и выявив несколько новых памятников.

Таблица 1

Участки с наибольшей опасностью разрушения памятников археологии.

№ №	Наименование участка	Протяженность, км	Количество объектов археологии
01	с. Нижний Услон – с. Нариман	17	4
02	с. Красновидово – с. Камское Устье – с. Сюкеевский Взвоз	50	20
03	г. Тетюши	3	5
04	Рыбная Слобода – Масловка	13	9
05	г. Лаишево – с. Атабаево	54	40
06	с. Речное – г. Чистополь	23	14
07	пос. Коминтерн – с. Измери	18	55
08	с. Бальмеры – с. Полянки	12	10
	ИТОГО	311	117

В 1981–1982 гг. на изучаемом участке Е.П. Казаков открыл интенсивно разрушающуюся Измерскую палеолитическую стоянку, исследования которой проводила в 1990-х годах М.Ш. Галимова (2001, с. 8). Чрезвычайно интересным оказался открытый в 1995 г. Е.П. Казаковым древнеугорский Измерский могильник XII (Казаков, 2007, с. 11).

Мониторинг и охранно-спасательные работы на указанном отрезке береговой линии продолжают и по сегодняшний день силами НЦАИ Института истории им. Ш. Марджани АН РТ в рамках федеральной целевой программы «Культура России».

В 2003–2006 гг. у с. Измери на левом берегу подтопленного водохранилищем устья р. Актай сотрудниками кафедры ландшафтной экологии Казанского университета был организован наблюдательный участок для изучения активности абразионных процессов и оценки опасности разрушения близлежащих жилых построек.

Исследования показали, что в целом наблюдательный участок малоактивен относительно склоновых и береговых процессов (Мониторинг переработки, 2003; Обследование береговой полосы, 2005). Максимальная скорость разрушения характерна для расположенного к северо-западу от с. Измери участка берега. Поэтому в 2006 г. в 1,5 км к северо-западу от села был заложен новый наблюдательный участок. Здесь на протяжении почти 6 км сформировался берег абразионно-обвального типа. Интенсивность береговых процессов чрезвычайно высока, подмыв берега на данном участке разрушает могильник болгарского времени Девиный городок I. На этом же участке зафиксирован интересный механизм формирования волнобойных ниш с последующей активизацией абразии.

Анализ данных дистанционного зондирования для участка берега у с. Измери показал, что берег на данном участке интенсивно разрушается с момента создания водохранилища.

Так, с 1958 г. по 1987 гг. безвозвратно потеряно 1,36 га земли, что составляет 469 м²/год, скорость отступления 1,7 м/год. (Обследование береговой полосы, 2006) Полевые исследования показали, что скорости отступления за период 2003–2005 гг. увеличились. За период с 1958 г. по 2005 г. было потеряно около 22510 м² почво-грунтов. Интенсивность береговых процессов чрезвычайно высока – отступление бровки берега 2–2,5 м/год (Ермолаев и др., 2008, с. 58).

На сегодняшний день данные о состоянии береговой линии, местоположении и степени сохранности сопряженных памятников археологии в значительной мере устарели, нуждаются в существенной корректировке и обновлении, назрела необходимость в регулярном получении актуальной информации о происходящих в этом районе процессах.

В 2012 г. авторами были проведены комплексные исследования береговой линии у с. Измери с целью получения оперативных данных о современном состоянии археологических памятников в зонах интенсивных берегоформирующих процессов, определении точного местоположения археологических объектов и пр. Длина наблюдательного участка по фронту берегового уступа составляет 135 м. Поверхность участка в местах установки реперов задернована. Проективное покрытие луговой растительности составляет 90,0–95,0%. Берег на изучаемом участке абразионно-обвального типа, сложен толщей лессовидных суглинков глыбистой структуры, с многочисленными вертикальными трещинами, возникающими в процессе набухания и усадки суглинков. Сильно изрезан, имеет характерный клифовый уступ

крутизной до 90° и высотой до 7–9 м (рис. 2).

Исследования включали: 1) подготовку и анализ исторических и картографических материалов; 2) анализ разновременных данных дистанционного зондирования; 3) натурную съемку береговой линии; 4) камеральную обработку и подготовку ГИС.

Для получения достоверной информации о территории с расположенными близ с. Измери памятниками археологии до ее затопления водами КВ был проведен анализ карт второй половины XIX – первой половины XX вв. В ходе исследования осуществлялась географическая привязка карт в требуемой проекции, что позволило совместить их с современными цифровыми топографическими картами указанной местности и локализовать памятники археологии в историческом ландшафте. Особо актуальны полученные данные для уже уничтоженных памятников археологии, как, например, городище Девичий городок, которое к 1986 г. уже было полностью разрушено (Археологическая карта, 1986, с. 63–64).

Уникальный памятник археологии, первоначально отнесенный к болгарской культуре, был описан в С.М. Шпилевским еще в 1877 г.: «Городище в 6 верстах от с. Пичкасы на речке Грязнуха. Городище четырехугольное, на низменном ровном месте, в окружности до 240 саженей (512,16 м), окружено валом и рвом с насыпями по углам в виде курганов. Длина валов и рвов 250 саж., а ширина их 2 саж.» (Шпилевский, 1877, с. 325). Первым картографическим материалом, на котором можно четко идентифицировать городище Девичий городок, является карта Спасского уезда

XIX в. На ней обозначены угловые насыпи, и в целом описание соответствует рисунку на карте (рис. 3).

В 1946 г. городище обследовалось экспедицией КФАН СССР под руководством Н.Ф. Калинина. Оно было отнесено к т.н. «восточной буртаской» культуре. Был снят план памятника, который нами был масштабирован и использован в дальнейшем исследовании (рис. 4).

После наполнения водохранилища памятник стал интенсивно разрушаться. В 1961 г. он был обследован Е.П. Казаковым. Судя по плану, снятому им, подчетыреугольная в плане площадка городища (80–90 x 100 м) была ограничена валом и полукольцевым рвом. План городища нами масштабировался и использовался при анализе данных дистанционного зондирования (рис. 5) В последующее время почти ежегодно в осыпях над памятником собирался большой подъемный материал, включающий предметы эпохи камня, бронзы и средневековья. В 1977 и 1978 гг. под руководством П.Н. Старостина на городище проводились значительные раскопки, позволившие отнести его к именьковской культуре (IV–VI вв.); позднее эта территория использовалась волжскими булгарами (X–XIII вв.). Под культурным слоем памятника вскрыты погребения срубной культуры (Археологическая карта, 1986, с. 63–64).

Разрушительному действию Куйбышевского водохранилища подвергаются многие другие памятники, расположенные на исследуемом участке береговой линии. Часть из них безвозвратно утрачена в результате затопления, часть продолжает интенсивно разрушаться. Многие памятники были описаны до создания водохранилища

и населенные пункты, к которым они привязывались на момент обнаружения, уничтожены. Таким образом, существует проблема определения точного местоположения памятников, которая может быть решена путем привязки карт до 1957 г. Нами была привязана и включена в ГИС карта Генштаба 1946 г., М 1: 300 000, что позволяет геопозиционировать утраченные и разрушаемые памятники и включить их в план полевых обследований (рис. 1).

Анализ разновременных данных дистанционного зондирования. Для проведения ретроспективного анализа интенсивности переработки берега в районе размещения Девичьего городка после создания КВ мы использовали материалы дистанционного зондирования. Были координатно привязаны и совмещены аэрофотоснимки 1958 г. (масштаб 1: 17000) и 1980 г. (масштаб 1: 35000) из спецфонда КГУ и космический снимок 2010 г., взятого из геопортала Роскосмоса. Анализ материалов разновременной съемки позволил определить точное местоположение памятника и выявить динамику отступления береговой линии в месте его нахождения. Результаты дешифрирования показали, что положение городища на мысообразном выступе обусловило большую скорость разрушения береговой линии (7 м/год по снимкам 1958–1980 гг.) по сравнению с остальным берегом. За это время памятник был разрушен практически полностью. В период 1980–2010 гг. скорость переформирования берега снижается до 5 м/год, оставаясь, однако, очень высокой.

За период с 1958 по 2010 гг. берег отступил на большое расстояние. Максимальное отступление берега за

Рис. 2. Фотография берега на изучаемом участке по состоянию на 2012 г.

Рис. 3. Фрагмент карты Спасского уезда XIX в. с обозначением городища «Девичий городок».

Рис. 4. План городища
«Девичий городок»
Н.Ф. Калинина, 1946 г.

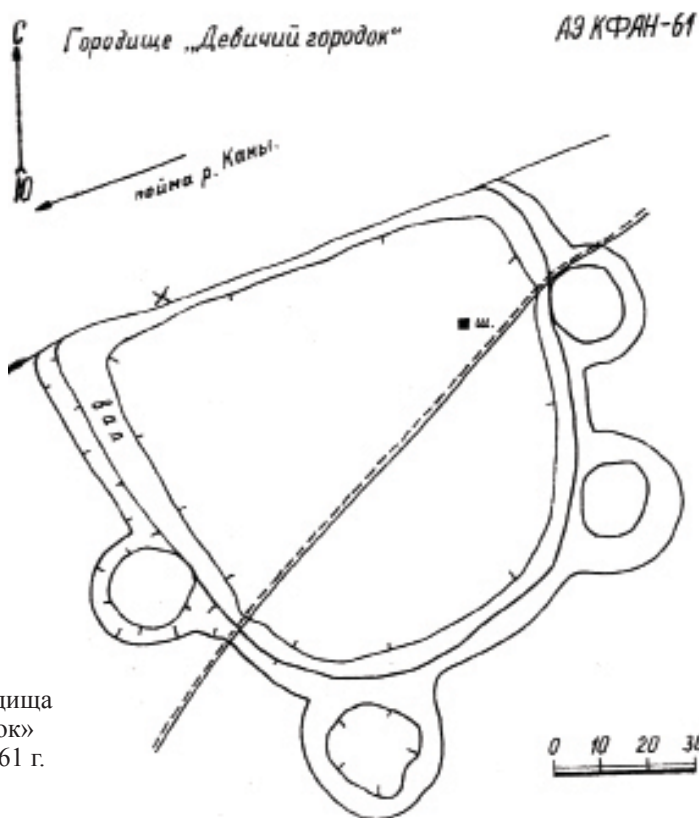
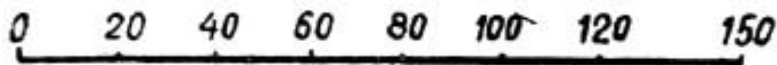

Рис. 5. План городища
«Девичий городок»
Е.П. Казакова, 1961 г.

Рис. 6. Результаты дешифрирования данных дистанционного зондирования за период 1958–2010 гг.

этот период достигло 318 м. На этом участке был размыт большой по площади (10,3 га) выступающий мыс, на котором находился памятник археологии Девичий городок, занимавший площадь 1,06 га (рис. 6).

Была осуществлена координатная привязка наиболее точного глазомерного плана всей площади памятника, произведенного до его уничтожения (см. отчет об археологическом обследовании памятника в 1961 г.: Казаков, 1962). Проведено совмещение его с данными дистанционного зондирования. Это позволило точно воссоздать форму уничтоженного городища и получить достоверные данные по площади памятника, форме и его ориентировке по сторонам света (рис. 7).

Натурная съемка береговой линии. В целях получения достоверной морфометрической информации о динамике берега, механизме его фор-

мирования и методах снижения негативного воздействия был проведен следующий комплекс работ: 1) закладка 8 грунтовых реперов на двух фрагментах береговой линии, где интенсивно идет разрушение памятников археологии; 2) топографическая съемка ситуации. Репера представляют вбитый кольшечек; проведена окопка репера в виде квадрата со стороной 0,5 м и глубиной 0,1 м. Координаты реперов фиксировались тахеометром в условной системе координат, а также с помощью GNSS приемника Trimble Geospatial Explorer 6000 XH в системе координат WGS84 с точностью в плане 20 см для последующего пересчета результатов тахеометрической съемки.

Основным методом организации наблюдательных участков за мониторингом береговых процессов являлись топографо-геодезические работы, выполненные с помощью тахеометра

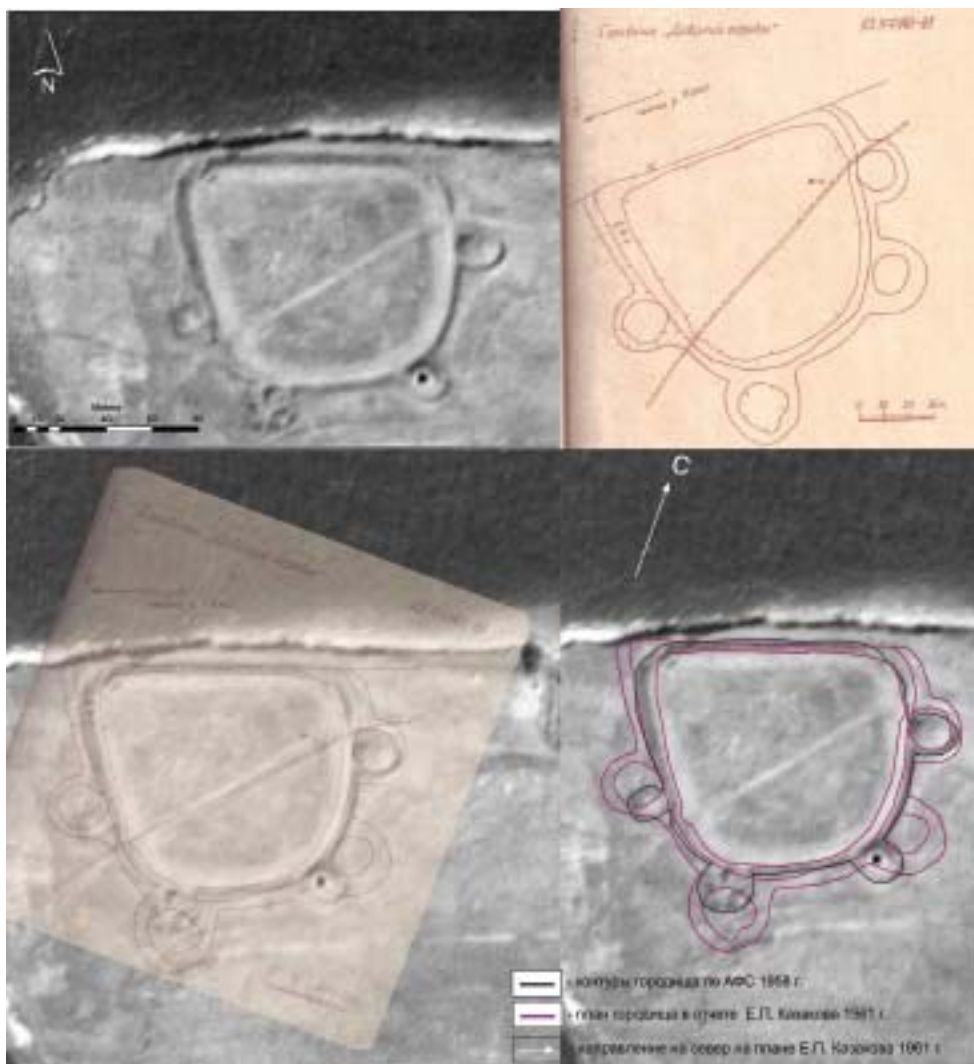
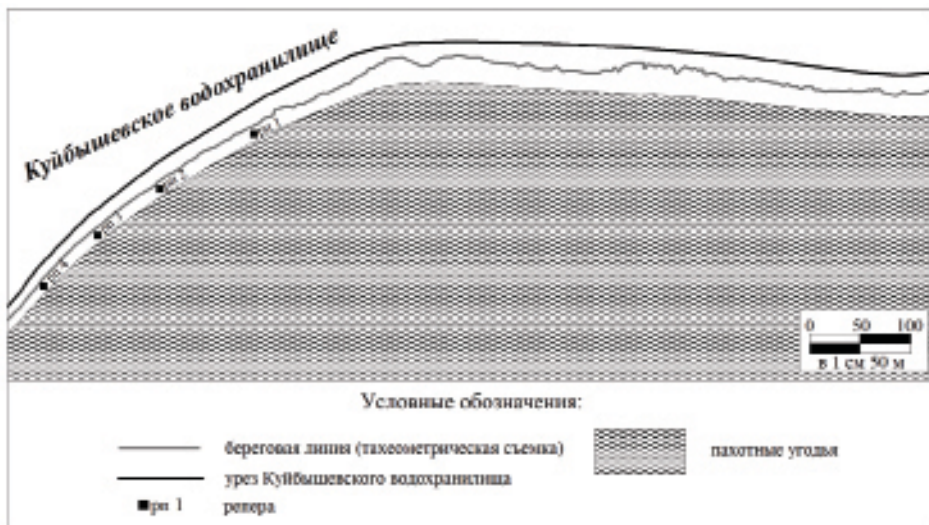

Рис. 7. Совмещение данных дистанционного зондирования с планом городища «Девичий городок» Е.П. Казакова при воссоздании точной формы памятника.

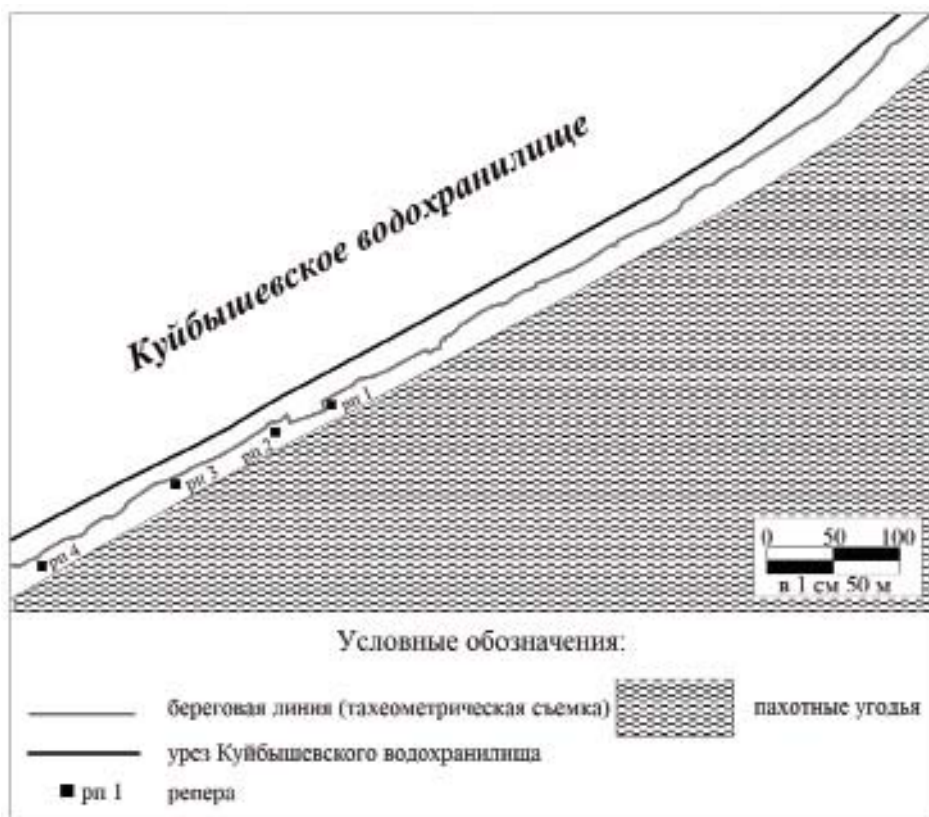
Trimble M3 и вежи с призмой, в результате был получен план местности с изображением ситуации. Записи результатов измерений производились в электронный носитель информации тахеометра с последующей обработкой в ГИС «MapInfo Professional». Абрисы съемки выполнены с нумерацией пикетов.

Преимущества тахеометрической съемки по сравнению с другими видами топографических съемок за-

ключаются, прежде всего, в высокой скорости и точности съемки, а также записи результатов в память тахеометра. Быстрота измерения достигается тем, что положение снимаемой точки в плане и по высоте определяют при одном наведении трубы тахеометра на вешку с призмой, получая расстояние, горизонтальный угол, вертикальный угол или превышение. По сути, мы автоматически получаем план местности в виде точек с координатами X, Y,

а

б

Рис. 8. Карты-схемы исследуемых участков по результатам тахеометрической съемки.

Z, дальнейшая обработка заключается лишь в переводе точечных объектов в линейные или площадные. Съёмка тахеометром может выполняться при неблагоприятных погодных условиях, камеральные работы могут выполняться другим исполнителем вслед за производством полевых измерений, что позволяет сократить сроки составления плана снимаемой местности.

Зафиксировав положение реперов, мы сможем при повторной съёмке привязаться к системе координат исследуемого участка методом обратной засечки и оценить смещение береговой линии, с миллиметровой точностью.

Камеральная обработка и подготовка ГИС. При помощи программы Nureg Terminal все данные с электронного тахеометра сохранены в виде текстовых документов. Далее была удалена ненужная информация и координаты X, Y, Z были сгруппированы в отдельные колонки. Затем формировался *.mif файл, в котором для точек, относящихся к береговой линии, указывались параметры, необходимые для построения линейного объекта в MapInfo. Таким образом, открывая итоговый файл в ГИС, мы получали изображение береговой линии исследуемого участка и 4-х реперов. Далее с использованием координат реперов, полученных с помощью GNSS приемника Geoexplorer 6000

XН, схема переводилась в системе координат WGS84. Точность пересчета составила 10 см.

По результатам тахеометрической съёмки составлялись карты-схемы исследуемых участков (рис. 8а, б).

Комплексный подход, включающий в себя как ландшафтные, так и археологические методы исследования, а также использование данных полевых наблюдений прошлых лет, материалов дистанционного зондирования и возможностей геоинформационных систем, позволил собрать наиболее полную информацию о ситуации, сложившейся на участке берега у с. Измери с момента создания Куйбышевского водохранилища.

В результате проведенных исследований были получены данные об интенсивности разрушения берега, следовательно, и приуроченных к нему памятников археологии на различных стадиях формирования водохранилища. Организованы наблюдательные участки для проведения ежегодных мониторинговых исследований с применением высокоточной инструментальной съёмки, что позволит спрогнозировать течение опасных экзогенных процессов, выявить приоритетные участки для более детального изучения и проведения срочных охранно-спасательных археологических работ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Археологическая карта Татарской АССР. Западное Закамье. – Казань, 1986.
2. Галимова М.Ш. Памятники позднего палеолита и мезолита в устье реки Камы. – М.; Казань, 2001.
3. Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Республики Татарстан в 2011 году». – Казань, 2012.
4. Динамика ландшафтов в зоне влияния Куйбышевского водохранилища / под ред. В.Г. Беспалого, В.М. Фирсенкова. – СПб., 1991.
5. Ермолаев О.П., Бубнов А.Ю., Мальцев К.А., Усманов Б.М. Мониторинговые наблюдения за переработкой берегов Куйбышевского водохранилища (в пределах терри-

тории Татарстана) // Инженерная геология, гидрогеология и геодинамика прибрежных территорий и ложа водохранилищ: Изучение динамики перестроения берегов и ложа водохранилищ. Обеспечение устойчивого сбалансированного развития прибрежных зон водохранилищ: Материалы Международ. науч.-практ. конф. – Пермь, 2008.

6. Изучение, охрана, реставрация и использование недвижимых памятников истории и культуры в Республике Татарстан. Вып. № 4. Археологическое наследие // под ред. И.И. Гайнуллина, И.М. Нестеренко. – Казань, 2004.

7. Казаков Е.П. Отчет о разведочных работах IV отряда Татарской археологической экспедиции в 1961 г. // Архив ИА РАН. 1961. № 2394.

8. Казаков Е.П. Волжские болгары, угры и финны в IX–XIV вв.: Проблемы взаимодействия. – Казань, 2007.

9. Калинин Н.Ф. Халиков А.Х. Итоги археологических работ за 1945–1952 гг. – Казань, 1954.

10. Мониторинг переработки береговой линии Куйбышевского водохранилища. Отчет о научно-исследовательской работе по договору № 02/23 от 01.07.2003 г. // Фонды кафедры Ландшафтной экологии Института географии и экологии К(П)ФУ.

11. Обследование береговой полосы Куйбышевского водохранилища. Отчет о научно-исследовательской работе по договору № М-11 от 06.06.2005 г. // Фонды кафедры Ландшафтной экологии Института географии и экологии К(П)ФУ.

12. Обследование береговой полосы Куйбышевского водохранилища. Отчет о научно-исследовательской работе по договору ГК-6м от 18 мая 2006 г. // Фонды Института географии и экологии К(П)ФУ.

13. Ступишин А.В., Трофимов А.М. Географические особенности формирования берегов и ложа Куйбышевского водохранилища. – Казань, 1981.

14. Шпилевский С.М. Древние города и другие булгарско-татарские памятники в Казанской губернии. – Казань, 1877.

Информация об авторах:

Гайнуллин Искандер Ильгизович, научный сотрудник, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань, Россия); ncai@mail.ru

Ермолаев Олег Петрович, доктор географических наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); oyermol@kpfu.ru

Ситдииков Айрат Габитович, кандидат исторических наук, зав. НЦАИ, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, (г. Казань, Россия); sitdikov_a@mail.ru

Усманов Булат Мансурович, ассистент, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); BUsmanof@kpfu.ru

COMPLEX RESEARCH OF DESTROYED ARCHAEOLOGICAL MONUMENTS ON A DISTRICT OF THE COASTLINE OF THE KUYBYSHEV RESERVOIR NEAR IZMÉRY VILLAGE (THE SPASSKY REGION OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN)

I.I. Gaynullin, O.P. Ermolayev, A.G. Sitdikov, B.M. Usmanov

The article presents the results of studies conducted in 2012 on the eroded area of the shore of the Kuybyshev water reservoir near Izmeri village in Spassky district, the Republic of Tatarstan. The integrated approach to the study of archaeological sites collapsing under the impact of negative exogenous processes is characterized. It includes landscape and archaeological research methods, the use of field data of the past years, remote sensing and GIS technologies. As a result, the most complete information about the situation in the

territory since the creation of the Kuybyshev water reservoir has been collected. Observation sites for annual monitoring studies have been established, which would make it possible to predict the evolution of the hazardous exogenous processes and identify priorities for urgent conservation and rescue archaeological works.

Keywords: archaeology, the Middle Volga river region, the Kuybyshev water reservoir, collapsing archeological sites, geomorphology, GIS technologies, remote sensing, historical maps, forecasting, conservation and rescue excavations.

REFERENCES

1. Starostin, P. N. (ed.). 1986. *Arkheologicheskaja karta Tatarskoj ASSR. Zapadnoe Zakam'e (Archaeological Map of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic. Western Trans-Kama Region)*. Kazan: G. Ibragimov Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).
2. Galimova, M. Sh. 2001. *Pamiatniki pozdnego paleolita i mezolita v ust'e reki Kamy (Late Palaeolithic and Mesolithic Sites near the Mouth of Kama River)*. Moscow; Kazan: "Ianus-K" Publ. (in Russian).
3. *Gosudarstvennyi doklad «O sostoianii i ob okhrane okruzhaiushchei sredy Respubliki Tatarstan v 2011 godu» (State Report "On State and Protection of Environment in the Republic of Tatarstan in 2011")*. 2012. Kazan (in Russian).
4. Bespalyi, V. G., Firsenkov, V. M. (eds.). 1991. *Dinamika landshaftov v zone vlianiia Kuibyshevskogo vodokhranilishcha (Dynamics of Landscapes in the Kuybyshev Water Reservoir Impact Area)*. Saint Petersburg: "Nauka" Publ. (in Russian).
5. Ermolaev, O. P., Bubnov, A. Yu., Mal'tsev, K. A., Usmanov, B. M. 2008. In *Inzhenernaia geologija, gidrogeologija i geodinamika pribrezhnykh territorii i lozha vodokhranilishch: Izuchenie dinamiki pereformirovaniia beregov i lozha vodokhranilishch. Obespechenie ustoičivogo sbalansirovannogo razvitiia pribrezhnykh zon vodokhranilishch (Geologic Engineering, Hydrogeology and Geodynamics of Coastal Territories and Water Reservoir Beds: a study of dynamic reshaping of banks and beds of water reservoirs. Enabling sustainable and balanced development of coastal areas around water reservoirs)*. Perm: Perm State University, 51-58 (in Russian).
6. Gainullin, I. I., Nesterenko, I. M. (eds.). 2004. *Izuchenie, okhrana, restavratsiia i ispol'zovanie nedvizhimykh pamiatnikov istorii i kul'tury v Respublike Tatarstan (Study, Protection, Restoration and Use of Immobile Artefacts of History and Culture in the Republic of Tatarstan) 4. Arkheologicheskoe nasledie (Archaeological Heritage)*. Kazan (in Russian).
7. Kazakov, E. P. 1961. *Otchet o razvedochnykh rabotakh IV otriada Tatarskoj arkheologicheskoi ekspeditsii v 1961 g. (Report on the Field Surveys of the 4th Team, Tatar Archaeological Expedition, in 1961)*. Archive of the Institute for Archaeology of the Russian Academy of Sciences, no. 2394 (in Russian).
8. Kazakov, E. P. 2007. *Volzhskie bolgary, ugry i finny v IX—XIV vv.: problemy vzaimodejstviia (Volga Bulgarians, Ugrians and Finns in 9th – 14th Centuries: Problems of Interaction)*. Kazan: History Institute, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).
9. Kalinin, N. F. Khalikov, A. Kh. 1954. *Itogi arkheologicheskikh rabot za 1945–1952 gg. (Results of Archaeological Works in 1945–1952)*. Kazan: "Tatknigoizdat" Publ. (in Russian).
10. *Monitoring pererabotki beregovoi linii Kuibyshevskogo vodokhranilishcha. Otchet o nauchno-issledovatel'skoi rabote po dogovoru № 02/23 ot 01.07.2003 g. (Monitoring of the Changes in the Coastal Line of Kuybyshev Water Reservoir. Report on Research Project under Contract no. 02/23 of 01.07.2003)*. Funds of the Department for Landscapes Ecology, Institute for Geography and Ecology, Kazan (Volga Area) Federal University (in Russian).
11. *Obsledovanie beregovoi polosy Kuibyshevskogo vodokhranilishcha. Otchet o nauchno-issledovatel'skoi rabote po dogovoru № M-11 ot 06.06.2005 g. (Survey of Kuybyshev Water Reservoir Coast. Report on Research Project under Contract no. M-11 of 06.06.2005)*. Funds

of the Department for Landscapes Ecology, Institute for Geography and Ecology, Kazan (Volga Area) Federal University (in Russian).

12. *Obsledovanie beregovoi polosy Kuibyshevskogo vodokhranilishcha. Otchet o nauchno-issledovatel'skoi rabote po dogovoru GK-6 ot 18 maia 2006 g. (Survey of Kuybyshev Water Reservoir Coast. Report on Research Project under Contract no. GK-6 of 18 May 2006).* Funds of the Institute for Geography and Ecology, Kazan (Volga Area) Federal University (in Russian).

13. Stupishin, A. V., Trofimov, A. M. 1981. *Geograficheskie osobennosti formirovaniia beregov i lozha Kuibyshevskogo vodokhranilishcha (Geographic Features of Development of Kuybyshev Water Reservoir Coast and Bed).* Kazan: Kazan State University (in Russian).

14. Shpilevskii, S. M. 1877. *Drevnie goroda i drugie bolgarsko-tatarskie pamiatniki v Kazanskoi gubernii (Ancient Towns and Other Bulgar-Tatar Sites in the Kazan Province).* Kazan: Typography of the Kazan University (in Russian).

About the Authors:

Gainullin Iskander I. Institute of History named after Sh. Marjani of Tatarstan Academy of Sciences. Kremlin, 5 entrance, Kazan, 420014, Republic of Tatarstan, Russian Federation; ncai@mail.ru

Yermolaev Oleg P. Doctor of Geographical Sciences. Kazan (Volga region) Federal University, Institute of Geography and Ecology. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420008, Republic of Tatarstan, Russian Federation; oyermol@kpfu.ru

Sitdikov Ayrat G. Candidate of Historical Sciences. Institute of History named after Sh. Marjani of Tatarstan Academy of Sciences. Kremlin, 5 entrance, Kazan, 420014, Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

Usmanov Bulat M. Kazan (Volga region) Federal University, Institute of Geography and Ecology. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420008, Republic of Tatarstan, Russian Federation; BUzmanof@kpfu.ru

О НЕКОТОРЫХ ИТОГАХ ИССЛЕДОВАНИЯ ОСТОЛОПОВСКОГО СЕЛИЩА В АЛЕКСЕЕВСКОМ РАЙОНЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

© 2012 г. К.А. Руденко

Статья посвящена изучению Остолоповского селища в Алексеевском районе Республики Татарстан. Оно датируется XI — первой половиной XII века. На селище найдены дорогие импортные изделия, предметы из драгоценных металлов и детали от оружия и доспехов. Население жило в деревянных домах с печами одинаковой конструкции. На поселении не обнаружено следов занятий сельским хозяйством и промыслами. Коллекция керамики, изделий из железа, цветных металлов, дерева, найденных на селище, представляет большой интерес для изучения древностей первой половины домонгольского периода Волжской Булгарии.

Ключевые слова: археология, Республика Татарстан, археология, селище, Волжская Булгария, булгары, средневековье, реконструкция по черепу.

Остолоповское селище расположено к юго-востоку от с. Речное (бывшее с. Остолопово) Алексеевского района РТ в левобережье р. Кама, на берегу Куйбышевского водохранилища. До создания водохранилища это поселение находилось в 6 км от Камы, у небольшого озера и нескольких глубоких стариц р. Шенталки, левого притока Камы. Подступы к нему со стороны Камы контролировались с Остолоповского городища¹ расположенного в 3,5 км к северо-западу от селища на мысу коренного берега.

Селище занимает останец коренной террасы, вытянутый в направлении северо-северо-восток – юго-юго-запад (190–120 х 25–80 м). С юга оно отделено от берега глубоким оврагом; с запада, северо-запада и северо-востока окружено затопленной поймой р. Шенталки (рис. 1). Поверхность его ровная, задернованная².

Останец активно разрушается водохранилищем: с 1997 по 2011 г. только на западном побережье разрушено не менее 30 м берега. Прибрежная часть с восточной и южной стороны заросла ивняком и камышом, которые, впрочем, не препятствуют размыву. Здесь очень рыхлый грунт, изрытый гнездами ласточек-береговушек и стрижей. Весной при оттаивании промерзшей земли вместе с дерном обрушиваются целые пласты почвы³.

В этом отношении прогноз на будущее не очень утешительный: в течение ближайших двух лет начнется разрушение всей северной части памятника, практически не изученной, а при большом подъеме воды в водохранилище и резкими сезонными колебаниями ее уровня интенсивность разрушения увеличится во много раз и памятник полностью может ис-

¹ Культурный слой на городище отсутствует.

² Площадка памятника используется как место отдыха жителей близлежащих

населенных пунктов и района, а так же для выпаса скота.

³ Ежегодно на памятнике в зоне размыва обрушивается от 1 до 3 м береговой полосы.

чезнуть за 7–8 лет (а может быть и быстрее)⁴.

Кроме этого, в течение последних лет селище стало объектом пристального интереса «черных копателей» и просто любителей из числа многочисленных отдыхающих, которые не только собирают подъемный материал, но и активно разрывают разрушающиеся объекты, а также осуществляют металлопоиск на задернованной части поселения.

Эта ситуация по сути трагична, так как Остолоповское селище стало для болгарской археологии эталонным памятником первой половины домонгольского периода. Известное с XIX в., оно было археологически описано и зафиксировано в 1965 г. Т.А. Хлебниковой. Стационарные исследования его были проведены исследовательницей в 1969 г. (Хлебникова, 1969). Ей был изучен небольшой участок в юго-западной части остана⁵, причем в раскоп попало жилище

⁴ Отсутствие в последние годы какого-либо финансирования исследований на селище не позволяет проводить даже минимальные охранные работы, и то, что удалось нам сделать ранее по сути это «булавочные укольы» на фоне масштабных природных разрушений, а в последнее время и человеческих действий. Приходится только сожалеть, что уникальный археологический объект исчезает прямо на глазах.

⁵ «Раскоп заложен в средней части юго-юго-западного края острова [в 1969 г селище находилось на острове и добираться туда приходилось на лодке, как исследователям, так и рабочим – школьникам, живших в с. Речное. – К.Р.] у обрыва к реке, где прослеживался довольно мощный культурный слой и яма» (Хлебникова, 1969, с. 5–6). Конфигурация береговой полосы за 30 лет существенно изменилась, и точно определить местоположение

и несколько хозяйственных ям⁶. В небольшой статье Т.А. Хлебникова⁷ охарактеризовала стратиграфию отложений культурного слоя селища, и описала керамический материал, считая его наиболее показательным для X – начала XI в., с возможностью конца IX – начала X в. (Хлебникова, 1974, с. 60). Эти данные были использованы ей для характеристики болгарской керамики X–XI вв. (Хлебникова, 1984, с. 74–173).

Селище неоднократно обследовалось в 1970–90-е годы казанскими археологами: Е.П. Казаковым, Е.А. Беговатым, М.М. Кавеевым⁸. К сожалению, собранный ими материал в большинстве своем не опубликован⁹.

С 1997 г. стационарные исследования на селище проводит К.А. Руденко (Руденко, 1999, с. 229–231; 2000, с. 253–254; 2001, с. 203–204; 2001а, с. 77–82; 2002, с. 105–109; 2004, с. 96–104). За период 1997–2009 гг. было вскрыто свыше 900 кв. м. площади па-

раскопа Т.А. Хлебниковой не представляется возможным.

⁶ На раскопе Т.А. Хлебниковой в 1969 г. с 3 по 18 июля было изучено 64 кв. м. площади (16 участков) (Хлебникова, 1969, с. 6; 1974, с. 59).

⁷ Не могу не выразить глубокую благодарность Тамаре Александровне Хлебниковой, которая поддержала меня в начале охранных работ на этом памятнике и постоянно оказывала помощь и консультировала при работе с материалом.

⁸ Коллекции с этого памятника, собранные в эти годы, разрознены – часть из них хранится в фондах музея археологии Института истории АН РТ; часть – в фондах Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника.

⁹ Отдельные находки с Остолоповского селища опубликованы Е.П. Казаковым (Казаков, 1997, рис. 7: 2, 3, 6–8).

мятника. В первый год раскопок было заложено два раскопа в западной части и один в южной. До 2006 г. основной фронт работ был сосредоточен на западном побережье, где разрушение шло катастрофическими темпами и в обрыве были зафиксированы многочисленные объекты – остатки котлованов жилищ и хозяйственных построек. За 8 лет раскопок сплошной площадью удалось исследовать наиболее проблемный участок, где было выявлено несколько частично размытых жилищ-полуземлянок и крупные ямы-хранилища, относившиеся к одной крупной усадьбе¹⁰.

С 2006 г. охранные работы были продолжены на южной части побережья останца¹¹, там, где проводились раскопки в 1997 г.¹² Один стратиграфический раскоп был заложен между раскопами на западной и южной сторонах памятника (рис. 1).

За более чем 10 лет раскопок были исследованы четыре полуземляночных жилища XI–XII в.¹³, зафиксированы следы еще двух таких построек практически полностью разрушенных¹⁴, выявлено одно наземное жи-

¹⁰ В этой части вскрыто 452 кв. м площади.

¹¹ В этот период разрушение береговой полосы на западном побережье после охранных раскопок несколько приостановилось.

¹² Вскрыто 304 кв. м.

¹³ Нами была выработана методика исследования таких сооружений, включавшая две стратиграфические бровки – продольную и поперечную или только продольную, позволяющую выявить историю заполнения котлована объекта и наличие наземных конструкций.

¹⁴ Всего, включая исследования Т.А. Хлебниковой на Остолоповском селище было изучено 6 жилищных комплексов. Наиболее хорошо сохранились

лище и несколько остатков печей от аналогичных сооружений. Кроме жилых, исследовано свыше 40 объектов хозяйственного назначения – остатки сараев, погребов, зернохранилищ (табл. 1).

Благодаря четкой стратиграфической картине на большинстве раскопов, удалось в значительной части случаев увязать дневные уровни выявленных сооружений с датированными слоями. Это особенно хорошо видно по сопоставлению стратиграфии культурного слоя и заполнения котлованов жилищ и хозяйственных объектов (рис. 2: 3, 4). Изучение истории культурного слоя раскопов II–VIII показало специфику накопления культурных остатков на различных участках западного побережья останца (Руденко, 2003а, с. 132–136). Это стало основой методики дальнейших исследований полевых материалов.

В культурном слое и в объектах селища найдены многочисленные фрагменты керамики (более 60 000 экз.), в том числе поливной (рис. 6; 7: 18–21), шиферные (рис. 7: 16, 17) и глиняные прясла, ножи, железные накладки на конскую уздечку, наконечники стрел, части железных замков и ключи к ним (Руденко, 2000а, рис. 45–47), а также изделия из стекла, поделочных камней, лазурита, янтаря, цветных металлов (рис. 7: 1–15; 8: 3–13) и т.д.

В 2008 г. И.В. Журбиным в центральной части селища были проведены геофизические исследования¹⁵, с помощью которых было выявлено

два дома с углубленным в землю котлованом.

¹⁵ Исполнители: И.В. Журбин – руководитель работ, зав. лабораторией, д.и.н.; В.П. Зверев – ведущий инженер (Журбин, 2008).

Таблица 1

Сводная таблица датировки сооружений и слоев
Остолоповского селища по раскопкам 1997–2009 гг.

Объект	Дневной уровень	Период функционирования	Период заполнения котлована	Плоскости	Слой
	0–10 см		XIX–XX вв.	1	Слой I (дерн)
Р. II – очаг № 1, 3; Р. XII – яма 3, 6* Р. XVII – яма 3; Р. XX – ямы 1, 2, 3, 4.	10–33 см	Нач. XII в.	Сер. – третья четв. XII в.	1	Слой II (темно-серая супесь) Слой III (серая супесь): верхний горизонт Прослойка III-а (светло-серая рыхлая золистая супесь)
Р. I – постр. 1, яма 1 Р. II – очаг 2, ямы 1–3, 5–7, 9 Р. IV – ямы 1, 3, 4–6 Р. VI – яма 1 Р. VII – яма 2 Р. VIII – яма 1 Р. XII – ямы 1, 2 Р. XVI – ямы 1, 2, 3, 4 Р. XVIII – яма 4 Р. XXI – яма 2	33–47 см	Вт. пол. XI – нач. XII в.	Рубеж XI–XII – пер. пол. XII в. (70-е гг. XI – 40-е гг. XII в.)	2	Слой III (серая супесь): верхний горизонт Прослойка III-а (светло-серая рыхлая супесь)
Р. II – яма 4, 8 Р. IV – яма 2 Р. VI – яма 4 Р. VII – ямы 4, 5, 6 Р. VIII – яма 3 Р. XII – яма 4, 5; Р. XVII – яма 1**; 2а, 6*** Р. XVIII – ямы 1, 2, 3, 5, 6 Р. XIX – ямы 1, 2, 3, 4, 5 Р. XXI – яма 1	47–65 см	XI в.	XI в.	3	Слой III (серая супесь): нижний горизонт Слой IV (светло-серая или серо-буроватая супесь) Слой V (темно-серая супесь): погребенная почва
Р. VI – яма 1б.	85 см	Рубеж X – XI в.	Пер. пол. XI в.		
Р. VI – яма 1а, 3 Р. XIV – яма №1	48–76 см	Кон. X – нач. XI в.	Сер. – вт. пол. XI в.		

1. *Примечания:* объектов не было на раскопах V, XII*, XV.
2. * яма XII-б, частично вошла в раскоп X, но по Отчету проходит как относящаяся к раскопу XII.
3. ** яма 1 раскопа XVII является продолжением ямы № 4, раскопа II 1997 г.
4. *** яма 1 XVIII является продолжением ямы 2 раскопа XVII (2006 г.).

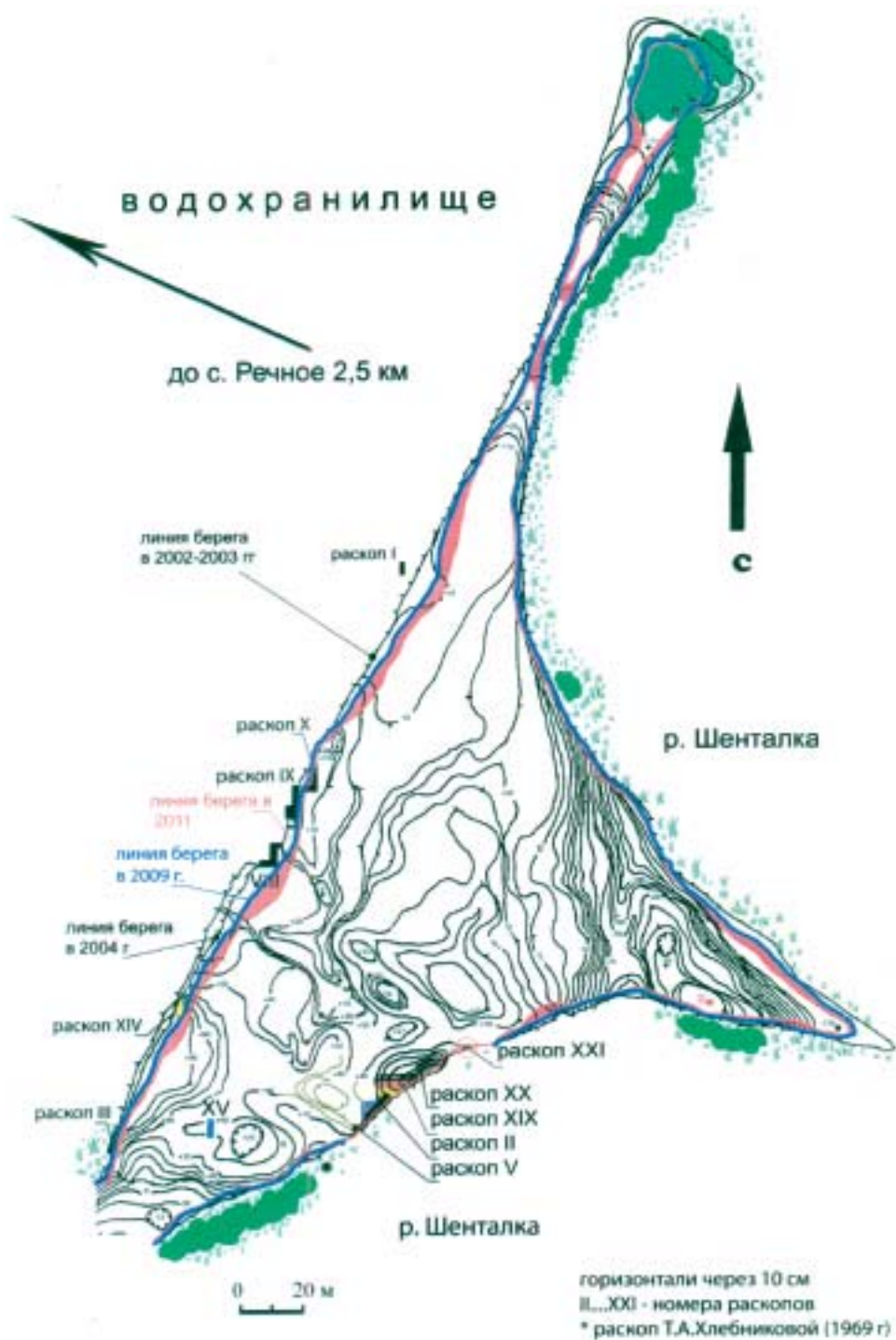

Рис. 1. Общий план Остолоповского селища.

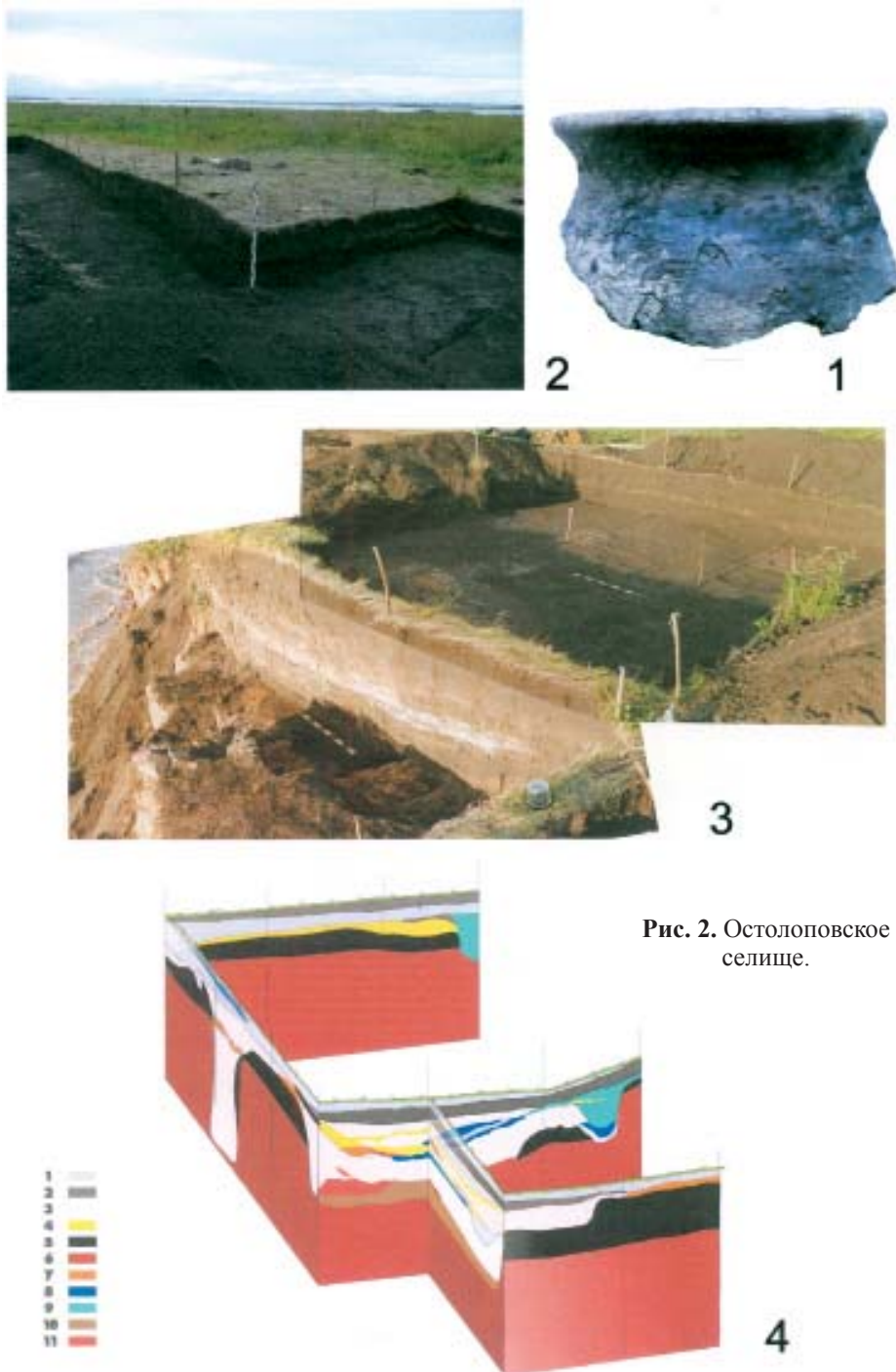

Рис. 2. Остолоповское селище.

1 – фрагмент лепного сосуда с руническими знаками (р. XVIII); 2 – общий вид раскопа XX; 3 – исследование жилой постройки на раскопах VI–VIII; 4 – стратиграфия раскопов VI–VIII (условные обозначения: 1 – серая супесь; 2 – темно-серая супесь; 3 – серый пестроцвет – серая супесь с пестроцветными включениями); 4 – суглинок; 5 – погребенная почва; 6 – материк; 7 – суглинистый пестроцвет; 8 – рыхлая серо-бурая супесь; 9 – светло-серая супесь; 10 – рыхлая буро-коричневая супесь; 11 – обожженная глина).

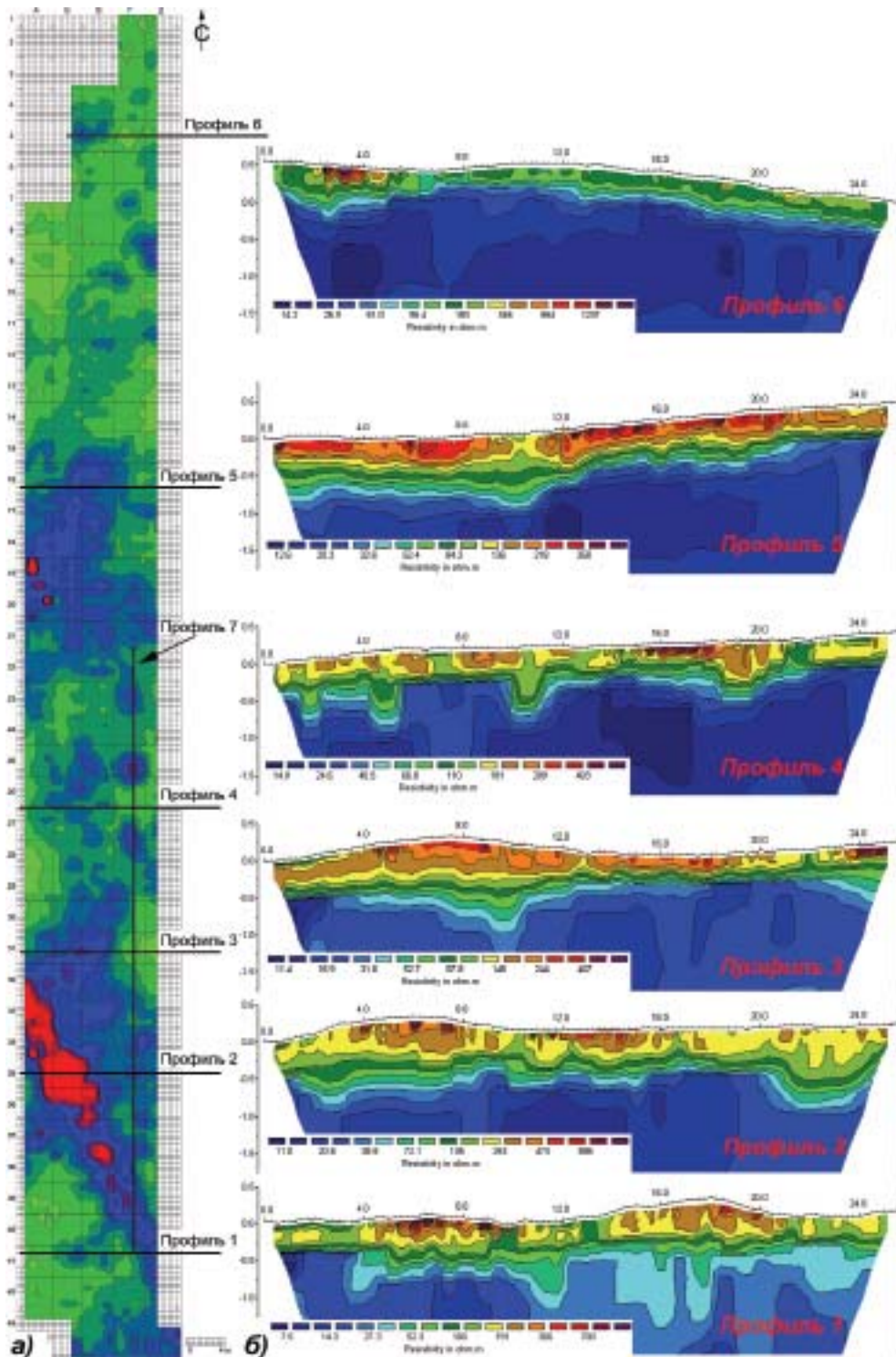

Рис. 3. Геофизическая съемка центральной части Остолоповского селища (по И.В. Журбину).

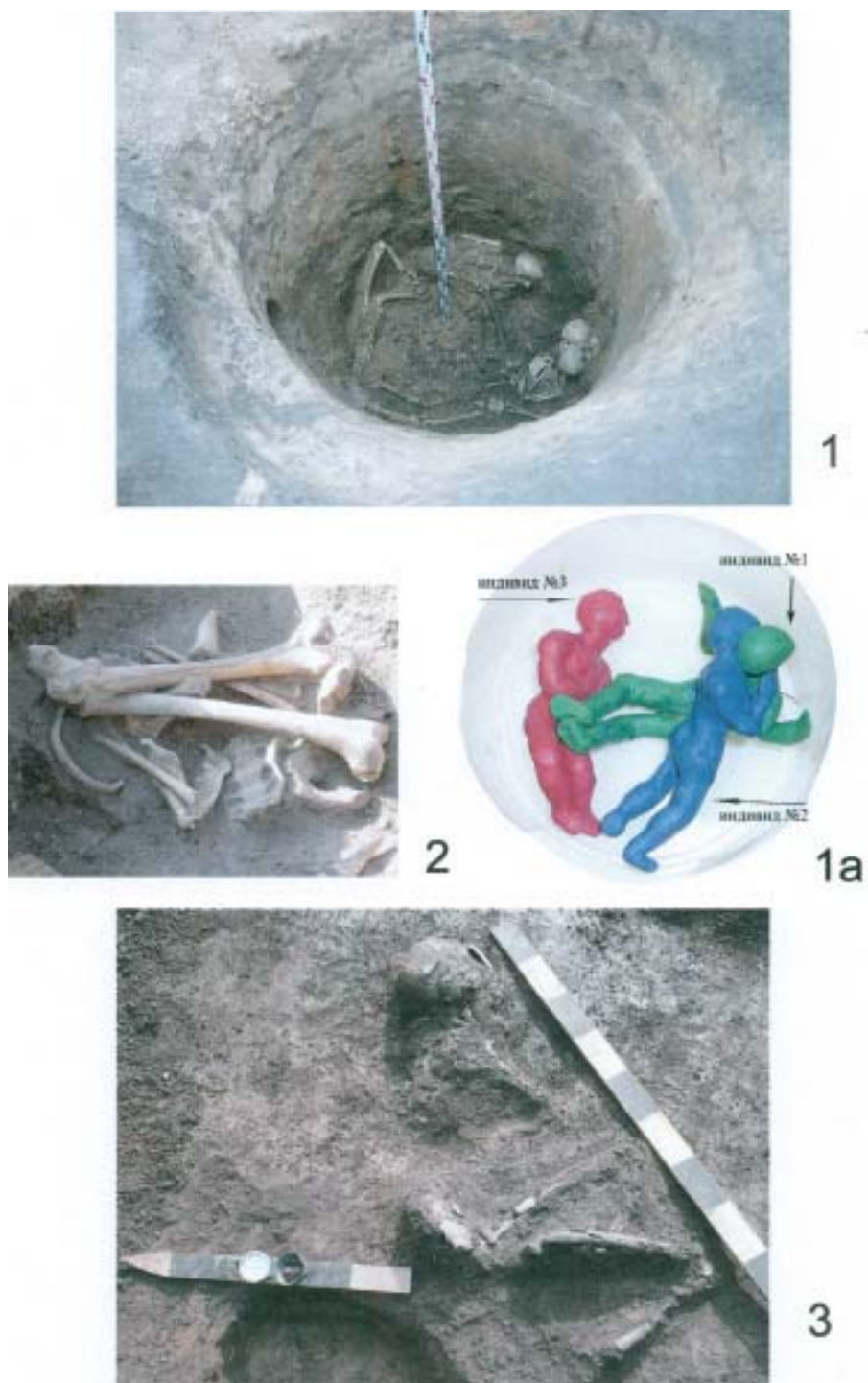

Рис. 4. Останки людей из Остолоповского селища.

1 – скелеты людей, засыпанных заживо в яме № 5 р. XVIII; 1а – реконструкция расположения погибших людей в яме № 5 р. XVIII; 2 – расчлененные скелетизированные останки мужчины в яме № 6 р. X; 3 – скелет подростка, р. XX.

Рис. 5. Пластическая (1) и графическая (2) реконструкции внешнего облика девушки из Остолоповского селища.
Автор – С.А. Никитин (бюро судебно-медицинской экспертизы, г. Москва).

Рис. 6. Поливная керамика из раскопов II–XVIII Остолоповского селища.

Рис. 7. Остолоповское селище. Глазурованная керамика (18–21), изделия из стекла (1–9), лазурита (12), сердолика (13), янтаря (10–11), гешира (14), агата (15), шифера (16,17).
 1 – дно сосуда; 2–7, 13–15 – бусы; 8 – перстень; 9 – браслет; 10 – янтарь-сырец;
 11 – вставка перстня; 12 – пронизка-разделитель бус; 16, 17 – прясла;
 18 – донце кружечки (?); 19, 20 – стенка светильника; 21 – стенка кувшина (?).

Рис. 8. Остолоповское селище. Изделия из железа (1, 2) и цветных металлов: бронзы (3, 6–9), свинца (11–13), серебра (4, 5, 10).

1, 2 – пластины от доспеха; 3 – фрагмент сосуда; 4 – каст со вставкой от перстня;
 5 – кусочек серебра; 6 – грузик-пломба; 7 – украшение с подвесками; 8 – гирька для мелких взвешиваний; 9 – монета; 10 – украшение; 11 – обрубленный кусочек свинца; 12 – пластина-заготовка; 13 – конус.

значительное число предполагаемых крупных объектов (рис. 3)¹⁶.

В настоящее время введены в научный оборот материалы 1997–2007 гг. по жилым постройкам Остолоповского селища (Руденко, 2006, с. 238–262; 2008, с. 291–300; 2009а, с. 309–352; 2011а, с. 184–202) и отопительным устройствам в них (Руденко, 2011, с. 226–228). Эти данные были использованы для создания натурной реконструкции интерьера болгарского дома XI–XII вв. (Руденко, 2003, с. 52–57; 2004а, с. 164–167; 2006а, с. 42–50; 2007, с. 124–127) в стационарной экспозиции Национального музея РТ¹⁷. Эта реконструкция позволила проверить правильность сделанных выводов по конструкции постройки.

Обзор некоторых категорий находок из подъемного материала и раскопок (например, железные пластины от доспеха и импортные изделия) был сделан в нескольких статьях (Руденко, 2002а, с. 31–52; 2002б, с. 59–64; 2008а, с. 23–30). Часть данных по бытовой глиняной посуде с Остолоповского селища (раскопки 1997–2001 гг.) была включена в разработанную нами общую систематику керамики селищ низовий Камы (Руденко, 2002в, с. 64–93, табл. О, табл. 1: 12). Несколько фрагментов из разных групп керамики с этого поселения были подвергнуты петрографическому анализу (Месхи, Руденко, 1995, с. 56; Руденко,

2002а, с. 38). Ранее технико-технологический анализ керамической коллекции Остолоповского селища из раскопок Т.А. Хлебниковой был проведен И.Н. Васильевой (Васильева, 1993, с. 65–69).

В 2008 г. были выполнены графические (компьютерные)¹⁸ и одна скульптурная¹⁹ реконструкции по черепу (рис. 5) внешнего облика трех обитателей этого поселения²⁰, трагически погибших в начале XII в. Их останки были обнаружены при раскопках в одной из хозяйственных ям (рис. 4: 1, 1а) (Руденко, 2010, с. 202–224). Дальнейшие исследования показали, что это был не единичный случай, а результат жестокого разгрома всего древнего селения. Об этом свидетельствовали следы пожара и разрушений почти всех жилищ, а также рассеянные по селищу и найденные даже в заполнении котлованов построек детали пластинчатых доспехов, конского снаряжения, железные наконечники стрел и дротиков, костяные петли от колчанов и налучий.

Однако весомее всего о трагедии говорили обнаруженные при раскопках расчлененные части человеческих

¹⁸ Графические реконструкции были опубликованы в популярном краеведческом издании по Алексеевскому району (Руденко, 2011б, с. 39–41).

¹⁹ Скульптурный портрет экспонируется в Музее родного края в с. Алексеевском – районном центре Алексеевского района РТ в разделе экспозиции по древней и средневековой истории.

²⁰ Была сделана скульптурная и компьютерная реконструкция одного индивида (подростка) и только компьютерная реконструкция второго (мужчина). Череп третьего индивида был сильно поврежден и для реконструкции без дополнительной реставрации был непригоден.

¹⁶ Отсутствие финансирования не позволило завершить эту работу для всей площади памятника, а также осуществить раскопки там, где проводилось геомагнитное обследование.

¹⁷ Автор концепции – К.А. Руденко; художественный проект – С.И. Матвеев. Монтаж реконструкции был завершён в 2006 г. и тогда же она была открыта для осмотра.

скелетов²¹, находившиеся в хозяйственных ямах (рис. 4: 2) и жилых постройках²², а также рядом с ними, как, например, скелет погибшего подростка (рис. 4: 3) (Руденко, 2011в, с. 12–15).

Изучение разных категорий артефактов из раскопок выявило специфику материальной культуры этого поселения в период его расцвета – XI в.²³ Это отражено в публикациях Ю.А. Семькина, Е.К. Столяровой по железным и стеклянным изделиям (Семькин, 2000, с. 204–207; Столярова, 2005, с. 43–66; 2008, с. 272–277), Г.Ш. Асылгараевой, И.В. Аськеева и Д.Н. Галимовой по остеологическому материалу (Асылгараева, 2004, с. 158–161; Аськеев, 2004, с. 73–77; Галимова, Аськеев, 2011, с. 71–84). Также были опубликованы результаты комплексного антропологического исследования скелетов трех индивидуумов, обнаруженных в хозяйственной яме начала XII в (Бужилова и др., 2009; Гатауллина, 2010, с. 225–230).

Особое внимание было уделено датировке селища. Кроме вещевого материала, стратиграфия²⁴ стала осно-

²¹ В одном случае это был скелет мужчины без головы и части конечностей. По определению А.П. Бужиловой ему было 40–49 лет (Бужилова и др., 2009, с. 16).

²² Человеческие кости от одного скелета были обнаружены в котловане разрушенного жилища начала XII в. на раскопе I (Руденко, 2002а, с. 36).

²³ Отметим, что на селище найден фрагмент кругового сосуда с процарапанной арабской буквой и фрагмент верхней части лепного горшка с несколькими руническими знаками (рис. 2: 1); неожиданной находкой было донце импортного стеклянного сосуда в сооружении XI–XII вв. (рис. 7: 1) (см. статью Е.К. Столяровой, 2008).

²⁴ Мощность культурных отложений вне сооружений на селище не превышает

вой для обоснования времени его существования и особенно ранней даты этого поселения, которое, по мнению Т.А. Хлебниковой, возникло на рубеже IX–X в. (Хлебникова, 1974, с. 60; Хлебникова, Казаков, 1976, с. 126; Хлебникова, 1984, с. 82). Ей было выделено четыре стратиграфических слоя, отличавшихся по цвету и плотности²⁵. Нами в отдельный V слой была выделена погребенная почва²⁶, поскольку нередко в верхнем горизонте ее также обнаруживаются артефакты. В целом стратиграфическая картина на раскопах в разных частях селища оказалась несколько сложнее, чем это представлялось изначально, прежде всего, за счет многочисленных прослоек и линз, особенно на тех участках, где отложились выбросы золы, кухонных остатков и т.п.

Стратиграфия, зафиксированная на раскопах 1997–2009 гг. следующая: первый слой – дерн 5–7 см.; второй слой – темно-серая супесь 12–27 см.; третий слой – серая рыхлая супесь 12–

70 см.

²⁵ Стратиграфия раскопа Т.А. Хлебниковой по большей степени отражает структуру культурных отложений в районе функционирования жилой постройки и расположенных рядом хозяйственных построек, однако ее основные выводы и наблюдения подтвердились последующими исследованиями. Отметим только, что слой светло-серой рыхлой супеси (Хлебникова, 1984, с. 82, табл. 6) это сброс золы и кухонных остатков и он не отражает естественный процесс накопления отложений. Это учитывала и сама Тамара Александровна, сделав акцент на донное заполнение стратиграфически самой ранней ямы и на IV слое – переработанной почвы (Хлебникова, 1974, с. 59–60).

²⁶ На раскопе Т.А. Хлебниковой он был переработан и фактически не фиксировался.

40 см.; четвертый слой – светло-серая с буроватым оттенком²⁷ или серо-буроватая супесь 10–20 см.; пятый слой – темно-серая с коричневатым оттенком суглинисто-супесчаная почва – погребенный чернозем до 60 см.

Отложения культурного слоя датированы по многочисленным находкам, в том числе наконечникам стрел, бронзовым и стеклянными украшениями и т.п. рубежом X–XI вв. – серединой XII в. У Т.А. Хлебниковой второй слой датировался железным наконечником стрелы и частью медного сосуда; третий (к которому относился дневной уровень почти всех сооружений) – ключом от навесного замка, бусами, бронзовыми украшениями (пластина); нижний горизонт этого же слоя – шиферными пряслами, железным наконечником стрелы. Четвертый слой датирующих находок практически не дал.

На дне ямы 1, которую Т.А. Хлебникова считала самой ранней, было найдено проволочное серебряное височное кольцо в полтора оборота (Хлебникова, 1969, с. 15). В целом заполнение этой ямы, как и других объектов, на 2/3 состояло из светло-серой супеси (Хлебникова, 1969, с. 7), судя по аналогичному заполнению на раскопе II 1997 г., это зола и кухонные остатки. Датировка слоев Т.А. Хлебниковой определялась в целом X–XI вв., а дневной уровень ямы 1 – началом X в. (Хлебникова, 1974, с. 60). Более детальное хронологическое деление вытекало из стратиграфической ситуации на этом раскопе.

²⁷ Светло-серая с буроватым оттенком супесь фиксируется, как правило, в местах выброса кухонных остатков и присутствует чаще всего в раскопах западного побережья.

Ранняя датировка IX – начала X в. селища в дальнейшем не подтвердилась, хотя в подъемном материале имеются артефакты (рис. 7: 13), бытовавшие в широком диапазоне VIII–X в. (Руденко, 2002а, с. 41). Полученный при раскопках 2000-х годов вещевой материал показал, что ранее последней четверти X в., а в большинстве случаев начала – середины XI в. культурный слой на селище не формировался. Это было подтверждено найденной при раскопках бронзовой монеты конца X в.²⁸ с отверстием для подвешивания (рис. 8: 9), а также результатами анализов по C_{14} , показавшими дату XI – первая половина XII в. (Руденко, 2009, с. 321, приложение 1).

Интересной особенностью топографии поселения является небольшой вал (ширина до 2,5 м, высота от 0,35 до 0,6 м), проходящий в направлении север–северо-запад – юг–юго-восток через всю площадь сохранившейся части поселения (рис.

²⁸ Династия Бувейхидов, эмир Абу Талиб (387–391 / 997–1001), халиф ат-Та'и (363–381 / 973–991). Город и дата на этом экземпляре не видны – они на почти не сохранившейся круговой легенде, но по типу, содержанию легенд это г. Кумм 387 / 997 г. (определение В.П. Лебедева).

Серебряных монет X – начала XI в., как целых, так и в обломках (кроме еще одного медного фельса, определенного Г.А. Федоровым-Давыдовым) на селище не обнаружено. Бронзовые монетовидные отливки вероятно конца X в., на Остолоповском селище встречались и ранее, например, в сборах Е.П. Казакова. Одна сильно потертая и не читаемая бронзовая монета находится в частном владении. Вместе с тем, на селище встречаются литые обрубленные серебряные слитки (например, из раскопа XVIII – см.: рис. 8: 5), что маркирует начальный этап существования селища – первая половина XI в.

1). Наблюдения в обнажениях культурного слоя показали, что в этих местах насыпь не содержит находок и практически стерильна. Более того, не было ясности, откуда собственно взялась земля для этой насыпи – рва или другого какого-либо источника для этого не было. Западины, ложбинки и овражки на сохранившейся части останца имеют естественную природу. Не понятно, для чего нужен этот вал посередине поселения, если у него не было защитных функций.

Решить эту проблему удалось после исследований на раскопе ХХ. Был изучен участок этой насыпи и прилегающей к нему территории (рис. 2: 2). Вал начинался на участке 10 раскопа и прослеживался до участка 13, то есть на протяжении почти 8 м. Наибольшая мощность насыпи (на участке 12) составляла 60 см. Средняя высота вала над поверхностью – около 35–40 см.

После раскопок выяснилось, что к востоку от вала были расположены внушительные ямы цилиндрической формы диаметром свыше 3 м и глубиной около 4 м²⁹. Очевидно, что из земли, полученной при выкапывании этих ям, и образовался вал. Насыпь на изученном участке состояла преимущественно из погребенной почвы, поэтому не содержала находок³⁰. На

²⁹ Одна из таких ям, выявленная в обрыве берега, вскрыта на глубину 3,5 м, но из-за появления воды исследовать ее до дна не удалось. Еще одна яма такого размера зафиксирована в стенке раскопа ХХI, она не вскрывалась. Судя по данным геофизики, севернее их должна быть еще как минимум одна группа таких внушительных сооружений.

³⁰ Площадь у некоторых ям была использована под какие-то наземные постройки, при этом природный чернозем

раскопе ХХ она перекрывала отложения XI в., датированные железными изделиями, бронзовыми накладками и стеклянными бусами (рис. 7: 5, 6, 7). Показательна в этом отношении статистика находок из раскопа ХХ, представленная в виде диаграмм. На них хорошо видно, как на культурный слой³¹ (диаграмма 3, уч. 9–13), перекрытый прослойкой темно-серой супеси (период пожара и запустения), накладывается насыпь почти без находок (диаграмма 2), причем на прилегающей территории (уч. 13–16) активно накапливаются культурные отложения, при этом «замусоривается» и предвальная часть. Эта тенденция сохранилась и в последний период существования селища (диаграмма 1). Характерно, что и сам вал в этот период уже «обживается» и частично нивелируется в процессе хозяйственного использования.

Полученные данные позволили установить дату возведения вала – начало XII в. При этом стало очевидным, что разгром поселения и гибель его жителей произошли до сооружения вала. Жизнь на нем возобновилась спустя какое-то время после трагедии (под насыпью на погребенном культурном слое зафиксирована прослойка темной супеси – следы запустения). Вал был своего рода границей между пустошью и новой жилой застройкой. Пустошь же превратилась в место сброса мусора и площадку для детских

был срезан до материковой глины. Скорее всего, она также использовалась для сооружения насыпи. Интересно, что на такой площадке, попавшей в раскоп ХХ, было найдено значительное количество железных швейных игл и глиняные прясла.

³¹ На диаграмме № 4 зафиксировано скопление находок на месте ям.

Диаграмма №1. Статистика находок с первого пласта раскопа XX.

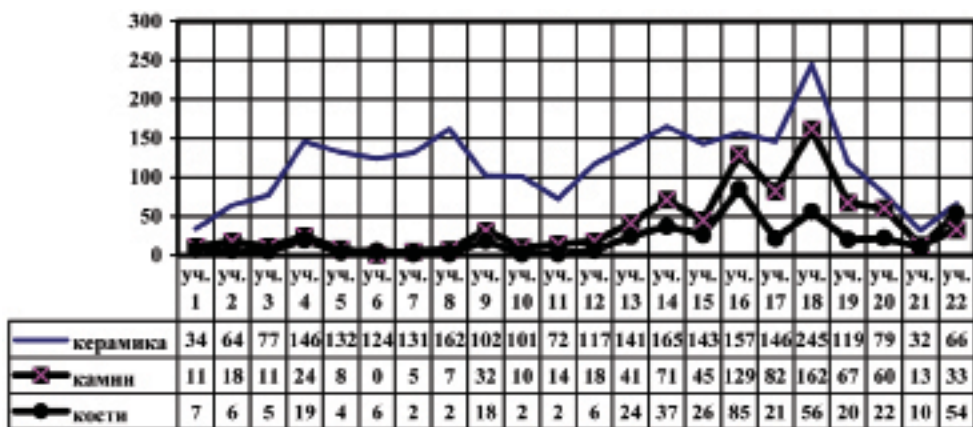

Диаграмма №2. Статистика находок со второго пласта раскопа XX.

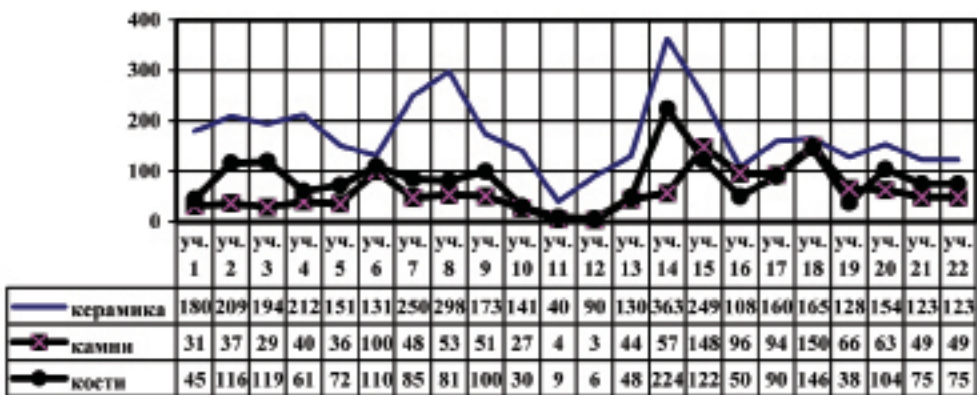

Диаграмма №3. Статистика находок с третьего пласта раскопа XX.

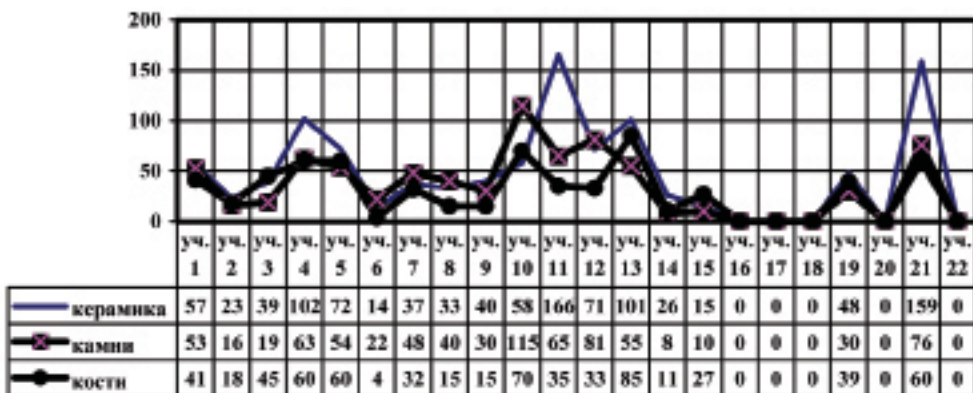
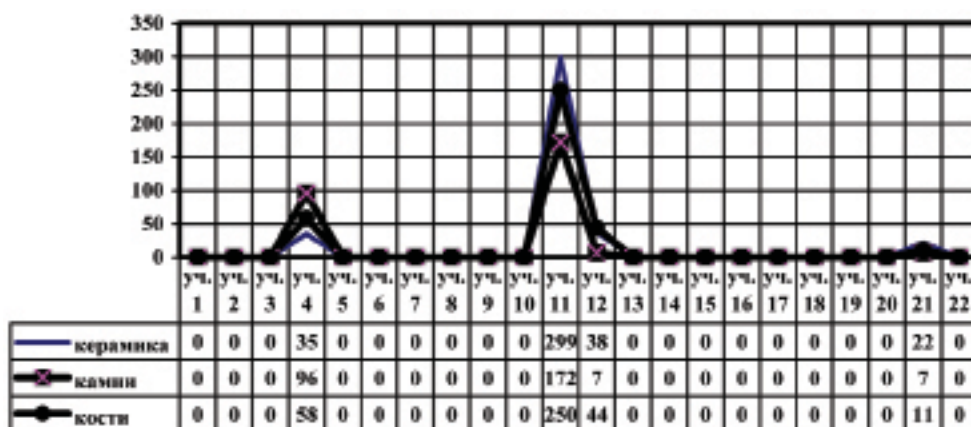

Диаграмма №4. статистика находок с четвертого пласта раскопа XX.

игр. Не исключено, что она использовалась и для выпаса домашнего скота³².

Можно предположить, что западная часть селища была обитаема в большей мере в XI в., а восточная – в первой половине XII в. Насколько это характерно для всей северо-восточной и восточной части селища, еще предстоит выяснить, но в целом эта тенденция прослеживается достаточно явно.

Обнаружился и ряд интересных закономерностей в этих частях поселения. Так, заметна существенная разница в мощности культурного слоя – в западной части он достигает 70 см, в восточной редко превышает 45 см. В западной части зафиксированы полуземляночные жилища с каменными печами типа чувалов: очень стандартные по размерам и конструктивным деталям. На восточной части кроме них встречаются остатки наземных деревянных построек с каменными «фундаментами»³³ с глинобитными печами или очагами-каменками.

³² Но полностью исключать возможность того, что частично была заново освоена и западная часть, будет неправильно.

³³ Такой фундамент зафиксирован к западу от вала в верхнем горизонте культур-

ного слоя (слой 2). В западной части в культурном слое и объектах найдены стеклянные глазчатые бусы, бронзовые накладки, кресало с бронзовой рукоятью, свинцовые конусы и просто кусочки свинца, а также рубленое серебро, утилизированные серебряные и бронзовые украшения. На восточной стороне таких находок нет. Из железных изделий на западной половине селища обнаружены одноцилиндровые замки т.н. «болгарского типа», на восточной – преимущественно двухцилиндровые замки типов Б по Б.А. Колчину, а также овальные кресала, появляющиеся в XII в.³⁴

Таким образом, можно утверждать, что планиграфические особенности

ного слоя (слой 2).

³⁴ Конечно, это не является абсолютным утверждением. В восточной части также были постройки XI в., они были либо разобраны, либо засыпаны. Следы таких нивелировок и чисток прослеживаются на западной части в виде мощных слоев золы (иногда до 70 см), перемешанных с мусором – костями животных иногда кальцинированных или со следами огня, реже сломанными бытовыми железными изделиями ножами, гвоздями, скобами и т.п.

селища имеют хронологическую природу и в совокупности со стратиграфическим анализом могут дать более подробную хронологию в рамках XI – начала XII в. (западная часть) и первой – второй трети XII в. (восточная часть).

Синхронизация слоев Остолоповского селища со стратиграфией других памятников показала, что второй – третий слои селища можно сопоставить с первым и вторым горизонтом культурного слоя VI Алексеевского селища, вторым – третьим слоями Мурзахинского селища, а также V слоем стратиграфии Болгарского городища (Руденко, 2000а, с. 72–73; 2002в, с. 66, табл. Л).

Можно констатировать, что Остолоповское селище это не рядовое сельское поселение. Прежде всего, здесь не обнаружено явных следов занятий сельским хозяйством, скотоводством и промыслами. На исследованных участках не выявлены признаки гончарного или металлургического производства³⁵. Вместе с тем, среди находок имеются свидетельства занятий ювелирным делом, изготовлением или ремонтом предметов вооружения и конского снаряжения.

Ассортимент предметов иноземного происхождения также достаточно показателен. Поливная керамика восточного происхождения (рис. 6; 7: 18–21) имеет аналогии в материалах XI–XII вв. II Билярского селища и Билярского городища. Оригинален фрагмент орнаментированного бронзового сосуда XI–XII в., вероятно, иранского производства (рис. 8: 3),

анalogии которому нет на болгарских памятниках. То же можно сказать и о металлической круглой орнаментированной подвеске (?) (рис. 8: 10).

Не типичны для негородских поселений стеклянный сосуд, а также ближневосточные стеклянные бусы, византийские браслет и перстень (рис. 7: 1–9). К этому списку можно добавить изделия из янтаря, лазурита и сердолика. Нечасто встречаются на селищах бусы из агата и сердолика, а также украшения из веточки розового коралла, найденные на Остолоповском селище. Более распространены на болгарских памятниках, в том числе и селищах, шиферные прясла (рис. 7: 16, 17).

Даже предметы местного производства, обнаруженные на Остолоповском селище, отличаются изысканностью и связаны с внешней и внутренней торговлей. Так, например, в материалах Билярского городища и Измерского селища имеются изделия, подобные бронзовому грузику-пломбе (рис. 8: 6), а также железной гирьке в бронзовой оболочке³⁶ (рис. 8: 8), обломкам железного коромысла весов для мелких взвешиваний и медных чашечек от них. Клад свинцовых конусовидных изделий, обрубленных свинцовых кусочков, а также слитков³⁷ – всего около 14 изделий (рис. 8: 11–13) найден между двумя разрушенными жилищами. Помимо этого, на селище встречаются небольшие кусочки весового се-

³⁵ Даже в подъемном материале с селища керамические или железные шлаки очень редки. Возможно, что эти производства располагались ближе к воде и к настоящему времени полностью размыты.

³⁶ Помимо таких гирек, встречаются и небольшие по размеру и весу призматические и кубические железные гирьки.

³⁷ По свидетельству ал-Гарнати, путешественника, побывавшего в Булгарии в XII в., свинец выступал в Поволжье в качестве денег.

ребра (рис. 8: 5), а также бронзовые монеты (рис. 8: 9).

В подъемном материале обнаружены украшения поволжских финнов, в частности – шумящая подвеска (рис. 8: 7) и проволочная бронзовая сьюльгама. Отметим, что многие ювелирные изделия, обнаруженные на памятнике, использовались уже не в качестве украшений, а как сырье – то есть были утилизированы и приготовлены для переплавки. Это относится к мелким украшениям – серебряным перстням (рис. 8: 4), а также к бронзовым штампованным нашивкам и ряду других изделий.

К этому стоит добавить, что удивительно стандартны изученные на селище заглубленные в землю срубные дома с печным отоплением типа чувала. Такие постройки встречаются и на других болгарских памятниках, но столь единообразной застройки такими домами ни на одном из селищ, да и городищ, пока не зафиксировано.

Остолоповское селище один из немногих памятников средневековой археологии Татарстана, гибель которого будет невосполнимой потерей для науки и культурно-исторического наследия народов Республики.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аськеев И.В.* Остеологические материалы из раскопок Остолоповского селища 2003 г. (птицы, рыбы и мелкие млекопитающие) // Материалы краеведческих чтений, посвященных 135-летию Общества естествоиспытателей при КГУ, 110-летию со дня рождения М.Г. Худякова. – Казань, 2004.
2. *Асылгараева Г.Ш.* Исследование остеологических материалов из археологических раскопок селищ Волжской Булгарии (к истории сельскохозяйственной деятельности средневекового населения Волго-Камья) // Археология и естественные науки Татарстана. Кн. 2. – Казань, 2004.
3. *Бужилова А.П., Гатауллина Д.И., Никитин С.А., Руденко К.А., Шамова С.Г.* Палеоантропологические исследования материалов Остолоповского селища. – Казань: Школа, 2009.
4. *Васильева И.Н.* Гончарство Волжской Болгарии в X–XIV вв. – Екатеринбург: УИФ «Наука», 1993.
5. *Галимова Д.Н., Аськеев И.В.* Изучение скелетов *Felis Catus* и *Canis familiaris* из средневековых археологических памятников с территории Республики Татарстан // Современная палеонтология: классические и новейшие методы. – М., 2011.
6. *Гатауллина Д.И.* Антропологическая характеристика останков людей из раскопа XVIII (2007 г.) Остолоповского селища // Русь и Восток в IX–XVI веках: новые археологические исследования. – М., 2010.
7. *Журбин И.В.* Отчет по научно-исследовательской работе по теме: «Разработка методики электрометрических исследований болгарских археологических памятников». – Ижевск, 2008 (рукопись).
8. *Казаков Е.П.* Об этнокультурных компонентах народов юго-восточной Европы в Волжской Болгарии (по археологическим материалам) // ТА. – 1997. – № 1.
9. *Месхи А.М., Руденко К.А.* К характеристике керамики Нижнего Прикамья в XI–XIV вв. (по данным петрографического анализа) // Узловые проблемы современного финно-угроведения. Материалы I Всерос. науч. конф. финно-угроведов. – Йошкар-Ола, 1995.
10. *Руденко К.А.* Археологические исследования в Татарстане // АО 1997 года. – М., 1999.

11. Руденко К.А. Работы в Татарстане // АО 1998 года. – М., 2000.
12. Руденко К.А. Датировка находок «аскизского» круга из Волжской Булгарии // Аскизские древности в средневековой истории Евразии. Сб. материалов Всерос. науч.-практич. конф. – Казань, 2000а.
13. Руденко К.А. Исследования в Татарстане // АО 1999 года. – М., 2001.
14. Руденко К.А. Новые исследования Остолоповского (Речного) селища // АОТ: 2000 год. – Казань, 2001а.
15. Руденко К.А. Исследования археологических памятников в Тюлячинском, Лаишевском и Алексеевском районах Республики Татарстан // АОТ: 2001 год. – Казань, 2002.
16. Руденко К.А. Волжская Булгария в системе торговых путей средневековья (по материалам раскопок Речного (Остолоповского) селища в Алексеевском районе Татарстана) // Великий Волжский путь: история формирования и развития. Материалы Круглого стола «Великий Волжский путь и Волжская Булгария» и Международ. науч.-практич. конф. «Великий Волжский путь. – Казань, 2002а. – Часть II.
17. Руденко К.А. Новые находки деталей пластинчатого доспеха из Волжской Булгарии // Военное дело кочевников Северной и Центральной Азии. – Новосибирск, 2002б.
18. Руденко К.А. Остров «Мурзиха» и его окрестности. Хронологический атлас археологических коллекций НМ РТ (1991–1999 гг.) Опыт микрорегионального исследования. Каталог археологических коллекций НМ РТ. – Казань: Школа, 2002в.
19. Руденко К.А. Методические и практические вопросы натурной реконструкции в музейной экспозиции (на примере реконструкции жилища XI в. по археологическим материалам) // Уваровские чтения – V. Материалы науч. конф., посвящ. 1140-летию г. Мурома. – Муром, 2003.
20. Руденко К.А. Железные наконечники стрел VIII–XV вв. из Волжской Булгарии. Исследование и каталог. – Казань: Заман, 2003а.
21. Руденко К.А. Раскопки Речного (Остолоповского) селища // АО в Татарстане: 2002 г. – Казань, 2004.
22. Руденко К.А. К вопросу об исследованиях болгарских домов домонгольского времени // Древность и средневековье Волго-Камья. Материалы Третьих Халиковских чтений. – Казань; Болгар, 2004а.
23. Руденко К.А. Три жилища с Остолоповского селища XI–XII вв. // Историко-археологические исследования Поволжья и Урала. Материалы III Халиковских чтений. – Казань, 2006.
24. Руденко К.А. Вопросы методики реконструкции жилища XI–XII вв. в музейной экспозиции по археологическим данным // Научные реконструкции в современной экспозиционной и образовательной деятельности музеев. Тр. ГИМ. Вып. 160. – М., 2006а.
25. Руденко К.А. Возможности археолого-этнографических реконструкций сельских жилых построек и интерьера эпохи средневековья (XI–XII вв.) // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Одесса; Омск, 2007.
26. Руденко К.А. Некоторые вопросы использования археологических материалов в музейной экспозиции // Археологическая экспедиция: новейшие достижения в изучении историко-культурного наследия Евразии: Материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 35-летию со времени образования Камско-Вятской археол. эксп. – Ижевск, 2008.
27. Руденко К.А. К вопросу о торговле на Нижней Каме в XI–XII вв. (по материалам Остолоповского селища) // Камский торговый путь. Материалы Всерос. науч.-практич. конф. – Елабуга, 2008а.
28. Руденко К.А. К вопросу о болгарских жилищах домонгольского времени (по материалам Остолоповского селища в Алексеевском районе РТ) // Среднее Поволжье

и Южный Урал: человек и природа в древности. Сб. науч. ст., посвящ. 75-летию Е.П. Казакова. – Казань, 2009.

29. Руденко К.А. О необычных захоронениях на Остолоповском селище X–XII вв. в Татарстане // Русь и Восток в IX–XVI веках: новые археологические исследования. – М., 2010.

30. Руденко К.А. Печи-чувалы в Волжской Булгарии (XI–XII вв.) // Экология древних и традиционных обществ. Вып. 4. – Тюмень, 2011.

31. Руденко К.А. Исследования жилища на раскопе XIV Остолоповского селища // Урало-Поволжье в древности и средневековье. Материалы международ. науч. конф. V Халиковские чтения. Серия «Археология Евразийских степей». Вып. 11. – Казань, 2011а.

32. Руденко К.А. Тайна селища у села Речное // На камских берегах. – Казань, 2011б.

33. Руденко К.А. Атрибуция погребения на Остолоповском селище XI–XII вв. в Татарстане // Поволжские финны и их соседи в древности и средние века. Материалы III Всерос. науч. конф. – Саранск, 2011в.

34. Семькин Ю.А. Технология изготовления кузнечной продукции с Остолоповского I селища // Музей в системе ценностей Евразийской культуры. Материалы Всерос. науч.-практич. конф. – Казань, 2000.

35. Столярова Е.К. Стекланные украшения болгарских селищ низовий Камы // Древности Поволжья: эпоха средневековья (исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды). Материалы Всерос. конф. – Казань, 2005.

36. Столярова Е.К. Стекланный сосуд из раскопок Остолоповского селища // Материалы Лихачевских чтений. – Казань, 2008.

37. Хлебникова Т.А. Отчет о работах отряда археологической экспедиции ИЯЛИ им Г. Ибрагимова по исследованиям болгарских поселений зоны Куйбышевского водохранилища в 1969 г. // Архив ИА РАН, 1969. – Р-1, № 3919.

38. Хлебникова Т.А. Некоторые итоги исследования болгарских памятников Нижнего Прикамья // СА. – 1974. – № 1.

39. Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. – М.: Наука, 1984.

40. Хлебникова Т.А., Казаков Е.П. К археологической карте ранней Волжской Болгарии на территории ТАССР // Из археологии Волго-Камья. – Казань, 1976.

Информация об авторе:

Руденко Константин Александрович, доктор исторических наук, профессор, Казанский государственный университет культуры и искусств (г. Казань, Россия); murziha@mail.ru

SOME RESULTS OF RESEARCHES OF THE OSTOLOPOVO SETTLEMENT IN AREA ALEKSEEVSKOE OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN

K.A. Rudenko

The article is devoted to the study of Ostolopovo unfortified settlement site (Alekseyevsky district, Tatarstan). It dates back to the 11th – first half of the 12th century. Expensive imported products, items made of precious metals, and weapons and armor fragments have been found on the site. The population lived in wooden houses with stoves of identical design. No traces of occupation in agriculture and handicrafts have been discovered on the settlement site. The collection of ceramics, articles made of iron, non-ferrous metals, and wood, found on the

settlement site, is of great interest for the study of antiquities referring to Volga Bulgaria in the first half of the pre-Mongol period.

Keywords: archaeology, the Republic of Tatarstan, archeology, unfortified settlement site, Volga Bulgaria, the Bulgars, the Middle Ages, skull-based reconstruction

REFERENCES

1. As'keev, I. V. 2004. In Mukhanov, G. S. (ed.). *Materialy kraevedcheskikh chtenii, posviashchennykh 135-letiiu Obshchestva estestvoispytatelei pri KGU, 110-letiiu so dnia rozhdeniia M. G. Khudiakova, 2—25 marta 2004 g. (Proceedings of Regional History Readings on the Occasion of 135th Anniversary of the Natural Society of the Kazan State University and 110th Anniversary since M.G. Khudyakov's Birth, 2—25 March 2004)*. Kazan: "Shkola" Publ. (in Russian).
2. Asylgaraeva, G. Sh. 2004. In *Arkheologiya i estestvennye nauki Tatarstana (Archaeology and Natural Sciences of Tatarstan)* 2. Kazan, 63-134 (in Russian).
3. Buzhilova, A. P., Gataullina, D. I., Nikitin, S. A., Rudenko, K. A., Shamova, S. G. 2009. *Paleoantropologicheskie issledovaniia materialov Ostolopovskogo selishcha (Paleoanthropological Studies of the Ostolopovo Settlement Materials)*. Kazan: "Shkola" Publ. (in Russian).
4. Vasil'eva, I. N. 1993. *Goncharstvo Volzhskoi Bolgarii v X—XIV vv. (Pottery of Volga Bulgaria in 10th—14th Centuries)*. Yekaterinburg: "Nauka" Publ. (in Russian).
5. Galimova, D. N., As'keev, I. V. 2011. In *Sovremennaia paleontologiya: klassicheskie i noveishie metody (Present-Day Paleontology: Classic and Modern Methods)*. Moscow (in Russian).
6. Gataullina, D. I. 2010. In Makarov, N. A., Koval, V. Yu. (eds.). *Rus' i Vostok v IX—XVI vekakh: Novye arkheologicheskie issledovaniia (Rus' and the Orient in 9th — 16th Centuries: New Archaeological Studies)*. Moscow: "Nauka" Publ., 225-230 (in Russian).
7. Zhurbin, I. V. 2008. *Otchet po nauchno-issledovatel'skoi rabote po teme: «Razrabotka metodiki elektrometricheskikh issledovaniu bulgarskikh arkheologicheskikh pamiatnikov» (Scientific Progress Report on: "Development of the Methodology of Electrometric Studies on Volga Bulgarian Archaeological Sites")*. Izhevsk (manuscript) (in Russian).
8. Kazakov, E. P. 1997. In *Tatarskaia arkheologiya (Tatar Archaeology)* 1, 61-77 (in Russian).
9. Meskhi, A. M., Rudenko, K. A. 1995. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Uzlovye problemy sovremennogo finno-ugrovedeniia. Materialy I Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii finno-ugrovedov (Key Problems of the Modern Finno-Ugric Studies. Proceedings of 1st All-Russian Conference of Finno-Ugric Researchers)*. Yoshkar-Ola, 54-56 (in Russian).
10. Rudenko, K. A. 1999. In *Arkheologicheskie otkrytiia 1997 goda (Archaeological Discoveries in 1997)*. Moscow, 229-231 (in Russian).
11. Rudenko, K. A. 2000. In *Arkheologicheskie otkrytiia 1998 goda (Archaeological Discoveries in 1998)*. Moscow, 253-254 (in Russian).
12. Rudenko, K. A. 2000. In *Askizskie drevnosti v srednevekovoi istorii Evrazii (Antiquities of the Askiz in the Medieval History of Eurasia)*. Kazan: State United Museum of the Republic of Tatarstan, 48-125 (in Russian).
13. Rudenko, K. A. 2001. In *Arkheologicheskie otkrytiia 1999 goda (Archaeological Discoveries in 1999)*. Moscow, 203-204 (in Russian).
14. Rudenko, K. A. 2001. In *Arkheologicheskie otkrytiia v Tatarstane: 2000 god (Archaeological Discoveries in Tatarstan: 2000)*. Kazan: "Master-Line" Publ., 77-82 (in Russian).

15. Rudenko, K. A. 2002. In *Arkheologicheskie otkrytiia v Tatarstane: 2001 god (Archaeological Discoveries in Tatarstan: 2001)*. Kazan: "Shkola" Publ., 105-109 (in Russian).
16. Rudenko, K. A. 2002. In Usmanov, M. A. (ed.). *Velikii Volzhskii put': istoriia formirovaniia i razvitiia (Great Volga Way: History of Development)* II. Kazan: "Zaman" Publ., 31-52 (in Russian).
17. Rudenko, K. A. 2002. In *Voennoe delo nomadov Severnoi i Tsentral'noi Azii (Warfare of the Nomads of Northern and Central Asia)*. Novosibirsk: Novosibirsk State University, 59-61 (in Russian).
18. Rudenko, K. A. 2002. *Ostrov «Murzikha» i ego okrestnosti. Khronologicheskii atlas arkheologicheskikh kollektsii NM Respubliki Tatarstan (1991—1999 gg.) Opyt mikroregional'nogo issledovaniia. Katalog arkheologicheskikh kollektsii NM Respubliki Tatarstan (Murzikha Island and Its Environs. Chronological Atlas of Archaeological Collections of Tatarstan National Museum (1991—1999). An Experience of Microregional Research. Catalog of Archaeological Collections of Tatarstan National Museum)*. Kazan: "Shkola" Publ. (in Russian).
19. Rudenko, K. A. 2003. In *Uvarovskie chteniia (Uvarovs Readings)* V. Murom: Murom History and Art Nuseum, 52-57 (in Russian).
20. Rudenko, K. A. 2003. *Zheleznye nakonechniki strel VIII—XV vv. iz Volzhskoi Bulgarii. Issledovanie i katalog (Iron Arrowheads of the 8th—15th Centuries from Volga Bulgaria. Studies and Catalogue)*. Kazan: "Zaman" Publ. (in Russian).
21. Rudenko, K. A. 2004. In *Arkheologicheskie otkrytiia v Tatarstane: 2002 g. (Archaeological Discoveries in Tatarstan: 2002)*. Kazan (in Russian).
22. Rudenko, K. A. 2004. In Sitdikov, A. G. (ed.). *Drevnosti i srednevekov'e Volgo-Kam'ia. Materialy III Khalikovskikh chtenii (Antiquity and Early Middle Ages of the Volga-Kama Region. Proceedings of the III Khalikov Readings)*. Kazan; Bolgar: History Institute, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).
23. Rudenko, K. A. 2006. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia Povolzh'ia i Urala: materialy III Khalikovskikh chtenii (Historical and Archaeological Studies in the Volga Region and Urals: Proceedings of III Khalikov Readings)*. Kazan: History Institute, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).
24. Rudenko, K. A. 2006. In *Nauchnye rekonstruktsii v sovremennoi ekspozitsionnoi i obrazovatel'noi deiatel'nosti muzeev (Scientific Reconstructions in Present-Day Expository and Educational Activity of Museums)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 160. Moscow, 42-50 (in Russian).
25. Rudenko, K. A. 2007. In *Integratsiia arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniia (Integration of Archaeological and Ethnographic Studies)*. Odessa; Omsk: Omsk State University; "Nauka" Publ., 124-127 (in Russian).
26. Rudenko, K. A. 2008. In Goldina, R. D. (ed.-in-chief). *Arkheologicheskaiia ekspeditsiia: noveishie dostizheniia v izuchenii istoriko-kul'turnogo nasledii Evrazii (Archaeological Expedition: Recent Achievements in the Eurasian Cultural and Historical Heritage Studies)*. Izhevsk (in Russian).
27. Rudenko, K. A. 2008. In *Kamskii torgovyi put' (Kama Trade Route)*. Yelabuga: Yelabuga State Pedagogical University, 23-30 (in Russian).
28. Rudenko, K. A. 2009. In *Srednee Povolzh'e i Iuzhnyi Ural: chelovek i priroda v drevnosti (Middle Volga Area and Southern Ural: Human and Nature in Antiquity)*. Kazan: "Fän" Publ. (in Russian).
29. Rudenko, K. A. 2010. In Makarov, N. A., Koval', V. Yu. (eds.). *Rus' i Vostok v IX—XVI vekakh: novye arkheologicheskie issledovaniia (Rus' and the Orient in 9th — 16th Centuries: Recent Archaeological Studies)*. Moscow: "Nauka" Publ., 202-224 (in Russian).

30. Rudenko, K. A. 2011. In Matveeva, N. P., Bagashev, A. N. (eds.). *Ekologiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv 4. Metodika issledovaniia arkheologicheskogo tekstilia (Ecology of Ancient and Modern Societies 4. Methods of Archaeological Textile Research)*. Tyumen: Institute for Problems Development of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 226-228 (in Russian).

31. Rudenko, K. A. 2011. In *Uralo-Povolzh'e v drevnosti i srednevekov'e. V Khalikovskie chteniia (Ural and Volga Area in Antiquity and Middle Ages: 5th Khalikov Readings)*. Series: *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 11. Kazan: "Foliant" Publ., 184-202 (in Russian).

32. Rudenko, K. A. 2011. In *Na kamskikh beregakh (On the Kama Shores)*. Kazan: "Po gorodam i vesiam" Publ. (in Russian).

33. Rudenko, K. A. 2011. In *Povolzhskie finny i ikh sosedi v drevnosti i srednie veka (Volga Finns and Their Neighbours in Antiquity and Middle Ages)*. Saransk (in Russian).

34. Semykin, Yu. A. 2000. In Mukhanov, G. S. (ed.). *Muzei v sisteme tsennostei evraziiskoi kul'tury (Museum in the System of Values of Eurasian Culture)*. Kazan: "Shkola" Publ., 204-207 (in Russian).

35. Stoliarova, E. K. 2005. In Rudenko, K. A. (ed.). *Drevnosti Povolzh'ia: epokha srednevekov'ia (Issledovaniia kul'turnogo nasledii Volzhskoi Bulgarii i Zolotoi Ordy) (Antiquities of Volga Region: the Middle Ages (Research of the Cultural Heritage of Volga Bulgaria and Golden Horde))*. Kazan: "Shkola" Publ., 43-66 (in Russian).

36. Stoliarova, E. K. 2008. In *Materialy Likhachevskikh chtenii (Proceedings of the Likhachev Readings)*. Kazan (in Russian).

37. Khlebnikova, T. A. 1969. *Otchet o rabotakh otriada arkheologicheskoi ekspeditsii IlaLI im G. Ibragimova po issledovaniiam bulgarskikh poselenii zony Kuibyshevskogo vodokhranilishcha v 1969 g. (Report on the Fieldworks of the Team of G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, on the Research of the Volga Bulgarian Settlements in the Kuybyshev Reservoir Area, 1969)*. Archive of the Institute for Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 1969. R-1, no. 3919 (in Russian).

38. Khlebnikova, T. A. 1974. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 58-68 (in Russian).

39. Khlebnikova, T. A. 1984. *Keramika pamiatnikov Volzhskoi Bolgarii: (K voprosu ob etnokul'turnom sostave naseleniia) (Ceramic Ware of the Volga Bulgaria Sites. On the Question of Ethnocultural Composition of Population)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

40. Khlebnikova, T. A., Kazakov, E. P. 1976. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Iz arkheologii Volgo-Kam'ia (From the Volga-Kama Archaeology)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 109-137 (in Russian).

About the Author:

Rudenko Konstantin A. Doctor of Historical Sciences, Professor. Kazan State University of Culture and Arts. Orenburgsky Trakt St., 3, Kazan, 420059, Russian Federation; murziha@mail.ru

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД КОМПЛЕКСОВ С ЛИТЕЙНЫМИ ПРИНАДЛЕЖНОСТЯМИ ИЗ СРЕДНЕВЕКОВЫХ МОГИЛЬНИКОВ IX–XII вв. ВЕТЛУЖСКО-ВЯТСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ¹

© 2012 г. Т.Б. Никитина, Д.Ю. Ефремова

Статья посвящена погребальному обряду женских захоронений с литейными принадлежностями из могильников Ветлужско-Вятского междуречья IX–XIII вв. В основу работы положены 25 захоронений из марийских памятников, для сравнительного анализа использованы аналогичные захоронения из могильников мордвы и муромы. Захоронения женщин с литейными принадлежностями рассмотрены на фоне погребального обряда мари в эпоху средневековья. Отдельные особенности объяснены с помощью данных этнографии и фольклора. Комплексный подход к анализу погребального обряда позволил сделать выводы, что женщины, захороненные с литейными принадлежностями, являлись не только литейщицами, но выполняли определенные обряды, связанные с охраной семьи и рода.

Ключевые слова: археология, Ветлужско-Вятское междуречье, Среднее Поволжье, марийцы, мордва, мурома, металлообработка, погребальный обряд, культовая практика, датировка/

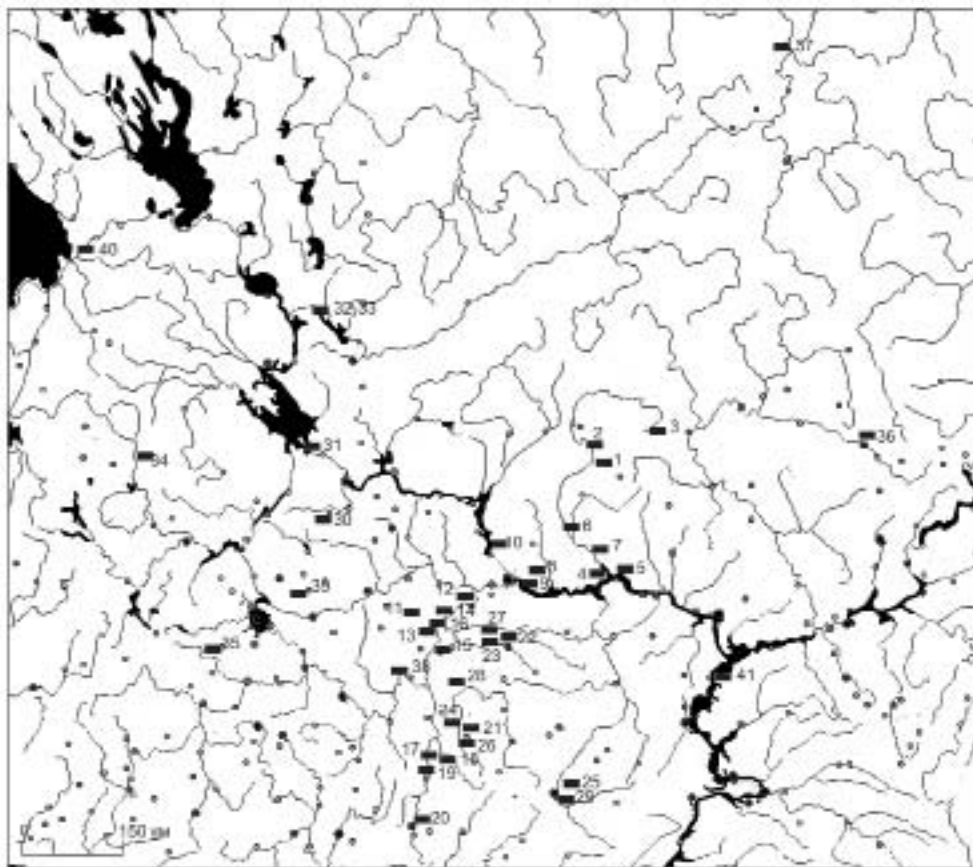
На территории Ветлужско-Вятского междуречья располагается 13 могильников IX–XII вв., которые большинством исследователей связываются с древнемарийской культурой. Могильники небольшие, общее количество раскопанных погребений 320, но они имеют ярко выраженный погребальный обряд и многочисленный погребальный инвентарь. Особым своеобразием отличаются комплексы с литейными принадлежностями (ляльки, литейные формы, кусочки олова).

В известной статье Л.А. Голубевой «Женщины-литейщицы...» на территории Ветлужско-Вятского междуречья отмечено 8 погребений с ляльками. Ввиду их малочисленности на количественном фоне захоронений с орудия-

ми литья других поволжских финнов (мурома – 23 погребения, мордва – 66 погребений²) исследовательница не уделила марийским захоронениям особого внимания, ограничившись их перечнем с указанием местоположения лялек и наблюдением, что у мари, как и у мордвы, встречаются единичные погребения с ляльками и в XII–XIII вв. (Голубева, 1984, с. 79–81). В настоящее время источниковая база существенно расширилась, в памятниках указанной территории известно 28 комплексов с предметами, которые возможно отнести к литейным принадлежностям. Значительно увеличилось количество захоронений с аналогичными находками на могильниках муромы и мордвы (см. табл. 1). В указанной таблице учтены материалы

¹ Работа выполнена по гранту РГНФ №11-11120001а/В «Место и роль женщин-литейщиц поволжских финнов в социальной структуре, хозяйственной деятельности и культовой практике средневекового общества».

² Впоследствии эта цифра была увеличена до 71 захоронения (Голубева, 1987, с. 107).

1 – Веселовский могильник	22 – Заречное II
2 – могильник «Черемисское кладбище»	23 – Стексово II
3 – Юмский могильник	24 – Журавкинский
4 – могильник «Нижняя стрелка»	25 – Степановский
5 – Дубовский могильник	26 – Старобадиковский
6 – Русенихинский могильник	27 – Пятницы VII
7 – Выжумский III могильник	28 – Шокшинский
8 – Починковский могильник	29 – Усть-Узинский
9 – Безводнинский могильник	30 – Петровский курганный могильник
10 – Желтухинский	31 – Михайловский курганный могильник
11 – Мальшевский	32 – Владышевский могильник
12 – Чулковский	33 – Мининский могильник
13 – Подболотьевский	34 – Березовецкий курганный могильник
14 – Корниловский	35 – Митяевские курганы
15 – Нижне-Верейский	36 – могильник Мыдланьшай
16 – Пятницкий	37 – Кичильковский могильник
17 – Елизавет-Михайловский	38 – Курманский могильник
18 – Пановский	39 – Ратьковское городище
19 – Крюково-Кужновский	40 – могильник Никольское XVI–XVII, XIII
20 – Лядинский	41 – Танкеевский могильник
21 – Кельгининский	

Рис. 1. Карта распространения погребений с литейными принадлежностями.

41 погребения из муромских и 103 погребений из мордовских могильников. Фактическое количество проанализированных захоронений значительно больше, но они не введены в таблицу из-за отсутствия полной информации (материалы Максимовского могильника, пп. 23, 25, Кельгининского могильника 1963 г., пп. 3, 4, 8 раскопок 1966 г. и т.д.). На первый взгляд очевидно количественное преобладание захоронений с литейными принадлежностями в могильниках муромы и мордвы. Сравнительный анализ этих комплексов по отношению к общему количеству раскопанных погребений показывает, что на муромских и мордовских могильниках они составляют от 2 до 9%. Следует сделать оговорку, что в муромских захоронениях процент был выше, так как в общем числе раскопанных могил учтены захоронения коней. В марийских захоронениях этот процент неоднороден: на Волге – от 1,2 до 5,7%, а в ветлужских памятниках значительно выше – от 14,7% (Веселовский могильник) до 22,2% от общего количества раскопанных комплексов. В Русенихинском могильнике все комплексы, связанные с женской субкультурой, имеют признаки или один из признаков, по которым их условно можно отнести к этой категории.

Захоронения, содержащие литейные принадлежности, выделяются на фоне остальных комплексов по ряду признаков (богатству, наличию этномаркеров в материальной культуре и т.д.), что уже неоднократно отмечали авторы данной статьи (Никитина, Ефремова, 2011, 2011а).

Особого внимания заслуживает погребальный обряд.

При анализе погребального обряда за основу взяты захоронения из могильников марийской культуры, в качестве дополнительной иллюстрации привлечены материалы муромских и мордовских могильников. Из 28 комплексов с литейными принадлежностями 25 содержат инвентарь, характерный для женских захоронений, а 3 – для мужских. В данной статье будут рассмотрены женские захоронения, из которых 15 погребений совершены по обряду труположения, 4 содержат кремированные кости и 3 относятся к жертвенным комплексам в межмогильном пространстве, в 4-х случаях информация утеряна. Соотношение комплексов по способу совершения обряда в целом совпадает с общей картиной соотношения различных способов захоронения на могильниках.

К сожалению, данные об этих комплексах не всегда полные, в 7 комплексах информация полностью или частично утеряна, 18 представлены достаточно полно. Погребения отнесены к периоду X–XII вв.

Могильные ямы имели простую конструкцию, подпрямоугольную со слегка скругленными углами форму. При ингумации костяки лежат в обычном вытянутом положении. На погребенных надеты рубахи из ткани или тонкой кожи и меховые кафтаны. Среди погребений с кремацией непогребенными поздними перекопами оказались только п. 14 могильника «Черемисское кладбище» и п. 7 Юмского могильника, в которых кремация имитирует ингумацию. Женские кости завернуты в одежду из ткани и меховой кафтан, перевязанный ремнем; вещи разложены в том же по-

Таблица 1

Находки литейных принадлежностей в могильниках волжских финнов

Могильник	Культурная принадлежность	Дата могильника	Кол-во проанализированных погребений	Номера комплексов с признаками литья	Процентное содержание комплексов с орудиями литья
Могильник на Чортовом городище	марийская	к. VII – н. VIII вв.	6	3	16,7
Веселовский	марийская	X–XI вв.	34	2, 6, 12, 20, 34	14,7
«Черемисское кладбище»	марийская	IX–XI вв.	32	VI, VIII, IX–X, XV–XVI, жк2, пп. 11, 14	21,9
Юмский (Загребинский)	марийская	IX–XI вв.	9	7, 9	22,2
Русенихинский	марийская	IX–XI вв.	27	2, 6, 8, 11, 14, жк 5	22,2
«Нижняя стрелка»	марийская	IX – н. XII вв.	53	5, 11а, 32	5,7
Дубовский	марийская	X – н. XII вв.	84	36	1,2
Выжумский III	марийская	XII–XIII вв.	24	11, 13, 24	12,5
Починковский	марийская	XII–XIII вв.	15	7	6,7
Безводнинский	муромская (?)	V–VII вв.	148	134	0,7
Желтухинский	муромская (9?)	VI–VII вв.	24	9, 12	8,3
Малышевский	муромская	VII–XI вв.	216	5, 17, 33, 61, 72, 76, 86, 93, 100, 107, 127, 136, 143, 145, 167, 176, 193, 197, 216,	8,8
Чулковский	муромская	VIII–X вв.	81	24, 29, 30, 35, 50, 53, 62	8,6
Подболотьевский		VII–XI вв.	258	2, 48, 69, 95, 99, 103, 124, 129, 143, 149, 260	4,3
Корниловский	муромская	VIII–X вв.	11	9	9,1
Нижневерейский	муромская	VIII–XI вв.	11	9	9,1
Пятницкий	муромская	VIII–XI вв.	14	7	7,1
Елизавет-Михайловский	мордовская	IX–XI вв.	136	2, 33, 71, 76, 81, 90, 97, 106, 116, 120	7,4
Пановский	мордовская	IX–XI вв.	144	8, 16, 21, 25, 33, 50, 94, 96, 99,	6,25
Крюково-Кужновский	мордовская	VIII–XI вв.	586	7, 58, 68, 73, 83, 127, 163, 183, 193, 204, 216, 241, 249, 252, 378, 388, 395, 413, 421, 442, 479, 449, 468, 507, 508, 527, 550, 566, 569, 571,	5,1

Лядинский	мордов- ская	X–XI вв.	220	9, 34, 62, 64, 73, 101, 116, 124, 134, 163, 182, 183	5,5
Кельгинин- ский*	мордов- ская	X–XIII вв.	118	1, 4, 84, 140, 156, 166, 168, 189, 196, 213, 228	9,2
Заречное II	мордов- ская	X–XI вв.	150	19, 43, 92, 150(?)	2
Стексово II*	мордов- ская	X–XI вв.	236	21, 28, 51, 100, 179, 203, 238	3,0
Журавкинский	мордов- ская	X–XI вв.	76	16, 32, 71	3,9
Степановский	мордов- ская	н. VIII – н. XI вв.	75	72, 75	2,7
Старобадик- ковский	мордов- ская	вторая пол. VII – X вв.	366	203	0,3
Пятницы VII	мордов- ская		17	12, 17	11,8
Шокшинский*	мордов- ская		514	227, 234, 42, 310, 432, 572, 596, 600, 604, 616	1,9
Усть-Узинский	мордов- ская		85	55	
Старший Ку- жендеевский	мордов- ская	к. VI – VII вв.	21	6	2,9
Хотильмский	Меря-(?)		17	9	5,9
Сарский	Меря-	VII–XI вв.	17	9, 10, 15 (?)	17,6

1. * *Стексово 2*: в обработку не вошли пп. 183–194, 212–221; *Шокша*: в обработку вошли материалы раскопок 1967–1969, 1983, 1985, 1986 гг.; *Кельгининский могильник*: в обработку взяты только результаты раскопок 1990-х гг.

рядке, что и в погребениях с труположением. Среди жженых костей читаются кости черепа, которые находятся совместно с украшениями головного убора.

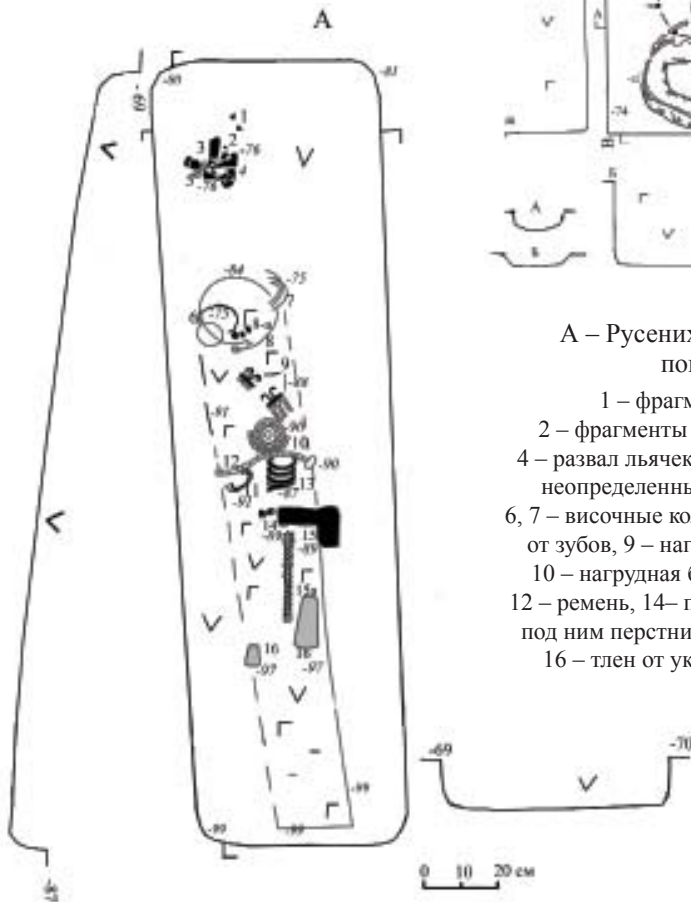
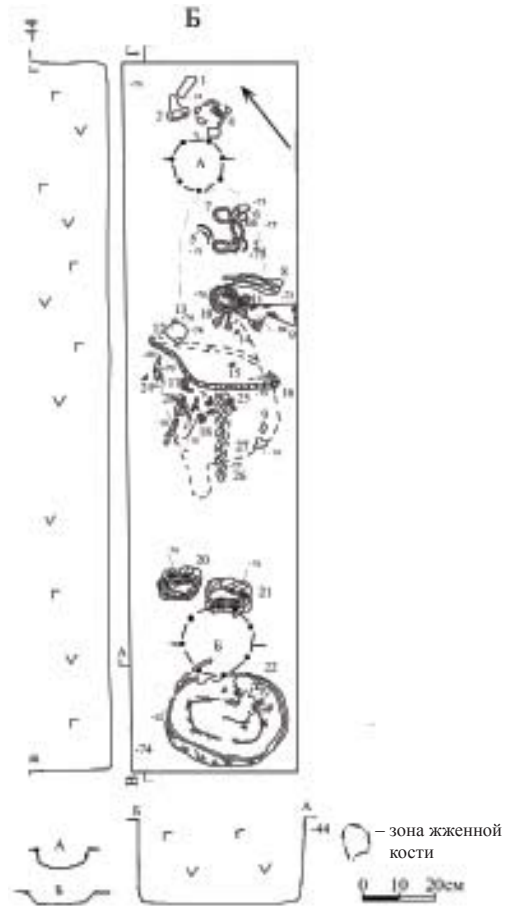
В большинстве погребений сохранились фрагменты дерева или луба от погребальной конструкции. Погребенные ориентированы головой на СЗ, ЮЗ, СВ. Ориентировка соответствует ориентировке остальных захоронений на том или ином могильнике. В погребениях обнаружены льячки (от 1 до 3 экземпляров), литейные формы, иногда кусочки олова или свинца. Предметы помещены в дополнительные комплексы вещей в изголовье (8 экз.) или в ногах (5 экз.).

Первый вариант характерен для более ранних погребений, а второй встречается в комплексах, начиная с конца XI в. Кроме указанных выше изделий, в дополнительные комплексы входили орудия труда: шилья, ножи, топоры, тесла и оселки, ножницы (1 экз.), иногда украшения, копоушки, фрагменты зубов или когтей животных, бусы, бисер и иные предметы. В п. 5 могильника «Нижняя стрелка» в составе дополнительного комплекса найдены два белемнита.

Жертвенные комплексы совершенны в неглубоких ямах округлой формы и состоят из украшений и фрагментов одежды, начиная от убранства головы завершая обувью. Одежда имеет сле-

Б – могильник
«Черемисское кладбище»,
погребение 14.

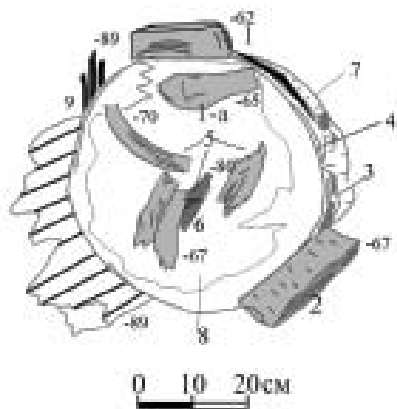
1 – льячка, 2 – льячка, 3 – развал льячки,
4 – литейная форма, 5 – височное кольцо во
фрагментах, 6 – фрагменты черепа (обожжен-
ные), 6а – бубенчик с пронизкой, 7 – цепочка,
8 – тесьма, 9 – топор, 10 – подвеска круг-
лая, 11а, б – подвески (3 шт.), 12 – браслет,
13 – фрагмент перстня, 14 – копоушки (под
кальцинированными костями), 15 – пронизки
(среди костей), 16 – пояс с накладками,
17 – бубенчик с пронизкой, 18 – подвеска,
19 – кремь, 20, 21 – фрагменты обуви,
22 – котел, 23 – скопление спекшихся желе-
зных предметов, 24 – фрагменты деревянной
чаши, 25 – бубенчик, 26 – окалина от крупно-
го железного предмета (возможно кинжал),
27 – бубенчики, 28 – крупные фрагменты
костей.

А – Русенихинский могильник,
погребение 2.

1 – фрагменты бубенчиков,
2 – фрагменты бубенчиков, 3 – дирхем,
4 – развал льячек (от 2 экз.), 5 – фрагменты
неопределенных железных предметов,
6, 7 – височные кольца, 8 – гривна, 8а – эмаль
от зубов, 9 – нагрудные подвески (2 экз.),
10 – нагрудная бляха, 11, 13 – браслеты,
12 – ремень, 14 – перстни (2 экз.), 15 – топор,
под ним перстни, 15а – рукоятка от топора,
16 – тлен от украшений или вышивки.

Рис. 2. Типы комплексов с литейными принадлежностями.

В – могильник «Черемисское кладбище», жертвенный комплекс 2.

- 1, 1а – льячки, 2 – литейная форма,
- 3 – край деревянной чаши,
- 4 – край железного котла,
- 5 – обрывки ремешков,
- 6 – копоушки (2 экз.), 7 – береста,
- 8 – подстилка, 9 – ветви дерева.

Рис. 2 (окончание). Типы комплексов с литейными принадлежностями.

ды обильной вышивки металлической нитью. Они помещены в сосуд (котел) (жк 2 Чер.кл.) или закрыты сосудом (чашей) сверху (жк 5 Рус.; 20 Вес.). Сосуды обложены берестой. На дне комплексов фиксируются ветви дерева. В двух комплексах литейные принадлежности представлены только литейными формами, завернутыми в бересту, а в одном комплексе двумя льячками и литейной формой.

Таким образом, комплексы с литейными принадлежностями по основным признакам соответствуют сложившемуся в средневековом марийском обществе погребальному обряду, который характеризуется следующими маркирующими чертами: при труположении заворачивание умершего в бересту или положение в берестяную или лубяную колоду; при трупосожжении заворачивание костей в меховую или кожаную одежду, опоясанную ремнем (т.е. имитация труположения); наличие скоплений вещей, связанных с производственной или социальной деятельностью погребенного, в изголовье или в ногах; жертвенные комплексы украшений, завернутые в одежду в межмогильном пространстве; медные котлы, обернутые в бересту, с деревянной чашей внутри в дополнительных комплексах

вещей в могилах, а также в составе жертвенных комплексов в межмогильном пространстве. При этом в комплексах с литейными принадлежностями эти черты наиболее выразительны и сконцентрированы.

Мы неоднократно писали о том, что комплексы, содержащие литейные принадлежности, содержат все категории этноопределяющих изделий, начиная с головного убора и завершая обувью. Украшения обычно были надеты на женщину в момент ее погребения, а не положены в дар. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что это были ее личные украшения и они отражали реальное положение женщины в обществе на момент смерти. Как носительницы этнической традиции они должны были достичь репродуктивного возраста и занять определенный статус, что подтверждается антропологическими данными. Анализ костей из 10 погребений литейщиц (марийские: Русенихинский могильник – 3, «Черемисское кладбище» – 1; Нижняя стрелка – 2; муромский Чулковский могильник – 6)³ показывает, что женщины захоронены в возрасте от 16 до 55 лет. Сложные головные уборы и парные

³ Анализ произведен к.б.н. Е.А. Пузаткиной.

нагрудные украшения позволяют предположить, что это были замужние женщины. По этнографическим данным известно, что вышивка на груди по сторонам грудного разреза под названием «чызе орол» («сторож грудей») у мари и «кеске» у чуваш, характерна только для рубах замужних женщин (Гаген-Торн, 1960, с. 213).

Эти наблюдения вступают в противоречие с утверждением Л.А. Голубевой о том, что «литейщиц» начинали готовить с детского возраста (Голубева, 1988) и часть захоронений в могильниках волжских финнов принадлежат девочкам. Подобное заключение исследовательницей сделано на основании анализа пп. 17, 72, 76, 193 Малышевского, п.п. 69, 149 Подболотьевского муромских могильников, п. 35 Мари-Луговского могильника азелинской культуры, п. 7 Крюково-Кужновского мордовского могильника. Нужно признать, что большинство погребений из приведенных в качестве примеров отнесены к погребениям девочек очень условно. В описании п. 17 Малышевского могильника (Дубынин, Малышевский могильник, с. 339–340) указано, что длина от костей черепа до украшений ног составляет 165 см, что вполне соответствует росту взрослой женщины (антропологический анализ не проводился). Набор украшений: головные жгуты и венчик, 6 височных колец, гривна, нагрудная бляха, наосник и наборный ремень также соответствующим женскому костюмному комплексу. Погребения 72 и 76 определены автором раскопок как коллективные. В п. 72 литейные принадлежности найдены совместно с украшениями под серебряной чашей в лубяной обкладке (или сосуде) (Дубынин, 1947, с. 7, 8) и, скорее

всего, являются комплексом вещей в погребении, чем детским захоронением. Нет четкого обоснования принадлежности к детскому захоронению и п. 7 Крюково-Кужновского могильника, не считая заметок автора раскопок, что кости слева по размерам принадлежали ребенку (Материалы по истории мордвы, 1952, с. 13, 14). Учитывая, что погребение является трупосожжением, делать выводы без дополнительных анализов не совсем корректно. Из описания следует, что в ногах основного захоронения слева найдены ожерелье, тигель, литейная форма, пряжка и подвеска, а слиток олова лежал в головах. Нельзя исключить, что кости так называемого детского погребения и литейные принадлежности принадлежали основному погребенному и образовывали с ним единый комплекс.

Детские костяки в коллективных захоронениях вполне могли сопровождать погребения взрослых женщин с особым статусом и литейные принадлежности в таком случае принадлежали взрослой женщине. Случаи коллективных захоронений с литейщицами фиксировались неоднократно. Находки олова в единичных детских погребениях могли выполнять роль оберега.

В п. 32 могильника Нижняя Стрелка захоронена женщина в возрасте 45–50 лет с литейными принадлежностями, в ногах которой обнаружен череп. Рядом с черепом на дереве лежали два височных кольца, три очковидных подвески, два бронзовых браслета. Вещи и череп сверху также имели следы древесного покрытия. Аналогичный обряд захоронения зафиксирован на Малышевском могильнике. В одной могильной яме значительных

размеров были обнаружены женское захоронение с льячкой (№ 76), мужское труположение (№ 77), и справа от мужского захоронения в ногах у края могильной ямы найден человеческий череп с украшениями, поставленный затылочным отверстием вниз (№ 77-а).

Погребения IX–X и XV–XVI могильника «Черемисское кладбище» характеризуются как парные: мужчина и женщина. К сожалению, информация о погребальном обряде не сохранилась.

Таким образом, сложность обряда (коллективное захоронение), безусловно, свидетельствует от особом статусе погребенных.

Анализ погребального инвентаря позволяет выявить ряд особенностей в расположении отдельных категорий вещей, которые свидетельствуют о своеобразии захоронений с литейными принадлежностями.

Все погребенные с орудиями литья были захоронены в меховых одеждах. В п. 6 Русенихинского могильника обнаружены фрагменты от двух кафтанов: один сшит мехом внутрь, второй наружу. Кафтаны сшиты из шкуры бобра. В процессе реконструкции костюмов была замечена одна интересная деталь. Замкнутые пояса на «литейщиках» имели пряжку повернутую лицевой стороной вниз (п. 14 Черемисского кладбища) и п. 6 Русенихинского могильника). В п. 6 Русенихинского могильника было обнаружено 2 пояса: тканый на платье и наборный на кафтане и в обоих случаях пряжка была повернута лицевой стороной вниз. К сожалению, количество погребений, где возможно проследить отдельные детали расположения вещей, невелико (чуть

более десятка), но в погребениях, не содержащих предметов, связанных с литьем, пряжки лежат лицевой стороной вверх. Известно, что переворачивание предметов традиционно использовалось в погребальной похоронной практике многих народов с целью «отвернуть» смерть (Толстой, 1990; Левкиевская, 2002, с. 126–127) и, вероятно, по отношению к соплеменникам, обладающим сверхъестественной, часто непонятной и пугающей силой.

Женские погребения с литейными принадлежностями часто содержат, на первый взгляд, утилитарные предметы: ножи (95,4%)⁴, топоры (81,8%), шилья (60,9%), наконечники стрел и оселки. Ножи действительно являются достаточно частой находкой в марийских женских захоронениях, но присутствие в погребении двух ножей, иногда трех, является необычным явлением (50%). В женских захоронениях средневековых мари фиксировались отдельные случаи нахождения наконечников стрел и топоров, но они были скорее исключением из правил, чем закономерностью.

Традиционно перечисленные выше категории вещей являются принадлежностью мужчин. Например, символика стрел очевидна для мужских захоронений – как символ власти, мужского начала (Худяков, 2004, с. 102–111) и как орудие охоты, которой занимались мужчины. На наш взгляд, нахождение подобных предметов в таком количестве в женских погребениях с литейными принадлежностями не может быть случайностью. Во-первых, топоры, ножи и

⁴ Подсчеты произведены от количества женских захоронений без учета полностью разрушенных.

наконечники стрел выполняли охранительную функцию, связанную с их первоначальным назначением. В 4-х случаях топоры воткнуты острием в землю (п. 6 Вес., п. 7 Юм, п. 6 Рус., п. 11 Выж.). Наконечники стрел и шилья, как любые острия, являлись защитой от злых сил. Эти предметы широко использовались и используются до настоящего времени марийскими знахарками при лечении заговором. При совершении процедуры «знахарки сидят или стоят, наступив обеими ногами на острый железный предмет (нож, косарь, ножницы, топор, пилу и т.д.), в руке держат острый нож или ножницы (или, за неимением таковых, заостренную палочку). Острие ножа направляют на воду (Петров, 1993, с. 102). Эти предметы не случайно образуют достаточно устойчивые пары или группы инвентаря, дополняя друг друга. Символично сочетание «топор+нож», которое встречается в 81,8%. Именно в такой комбинации железные предметы используются при молениях для охраны от злых сил. Во время праздника «Сүрем» карт с помощником обходят вокруг жертвы по солнцу три раза с молитвой «... Звук железного вашего добрых приворачивайте сюда (к нам), а злых отгоняйте вместе с дымом вашим»..., при этом помощник постукивает ножом по топору (Яковлев, 1887, с. 37). Обращает на себя внимание сочетание «шило+стрела». Они взаимозаменяют друг друга, при этом, как острия, выполняют одну функцию, связанную с охраной. Поэтому не случайно в марийском фольклоре отражена семантическая связь шила и серебра, как священного металла. Марийская загадка о шиле: «на овце и быке бегает сереброносая свинья» (Китиков,

1967, с. 110). Представляет интерес сочетание «шило+пряслице», которые обнаружены в п. 6 Русенихинского могильника и, вероятно, может быть связано с проницательной символикой (пряслице как женский бытовой предмет с отверстием), направленной на укрепление рода. Пряслица в сочетании с острыми предметами часто встречаются в захоронениях с литейными принадлежностями на мордовских могильниках (Пановский, пп. 94, 99; Елизавет-Михайловский, пп. 2, 90, 106, 116; Крюково-Кужновский, пп. 73, 193, 216, 421, 449) (Материальная культура среднепеченской мордвы, 1969, с. 33, 34, 45, 65, 68, 70; Материалы по истории мордвы VIII–XI вв., 1952, с. 33, 67, 76, 135, 143). С проницательной символикой можно связать и очень интересную находку из п. 2 Русенихинского могильника. С левой стороны погребенной в районе бедра были обнаружены кремь и 2 кремь-сала (железное калачевидной формы и с бронзовой рукояткой, изображающей двух всадников), железный нож и тесло. Рукоятка ножа воткнута в отверстие для рукоятки тесла. Следов рукоятки у тесла нет, т.е. в данном случае тесло выступает как полый проем для ножа. Общепризнано, что символы проемов (бытовые предметы полые или с отверстием – горшки, миски; челноки, иглы и т.д.) и пронимания (протаскивания, продевания, погружения в проем) были так или иначе связаны с символикой материнства (родов) (Щепанская, 1999, с. 149–190). В этой связи хочется отметить, что в погребениях с литейными принадлежностями сосуды встречаются в 15 случаях (68%), при этом в 8 погребениях их зафиксировано по 2, что составляет 36%. В большинстве слу-

чаев сосуды располагались в ногах. Вероятно, что женщины, обладающие подобными символами, сами занимались проницательной магией.

Значительный интерес представляют находки кресал, особенно с биметаллическим навершием. Из 243 раскопанных погребальных комплексов марийской культуры X–XI вв.⁵ в 87 обнаружены кресала (35,8%), из них биметаллические составляют 12,3%. Среди общего числа женских захоронений на марийских могильниках, так называемые «литейщицы» с кресалами встречаются в два раза чаще (70,6%). В погребениях, где отсутствует кресало, всегда имеется кремь, как замещающий его символ. Биметаллические кресала всегда, судя по инвентарю, сопровождают членов рода, имеющих высокое социальное положение. В костюме почти всех женщин с биметаллическими кресалами имелись серебряные гривны, иногда по 2 (пп. 3, 4, 15, 22 Веселовского; п. 30, жк 4 НС; пп. 2, 6 Рус.), от 8 до 16 браслетов на обеих руках. Среди кресал преобладают биметаллические изделия с навершием из цветного металла, выполненные в виде реальных и мифических птиц и животных в реалистическом или схематическом изображении. Общеизвестным является утверждение, что кресала с изображением зооморфных и фантастических существ на рукоятках имели также, а возможно и в первую очередь, магическое охранительное назначение.

В захоронениях с литейными принадлежностями обнаружено значительное количество амулетов в виде копоушек, когтей жищников, рако-

вин-каури, резных коньков и разнообразных охранительных элементов в многочисленных украшениях в виде схематических изображений водоплавающей птицы, коней, змеи (табл. 2). К амулетам-оберегам можно также отнести бусины и бубенчики, не входящие в состав украшений, но обнаруженные в необычном месте: в засыпи могильной ямы, в составе дополнительных комплексов и т.д.

Особый интерес представляют находки кусочков и слитков белого металла, который по результатам металлографического анализа в большинстве случаев является оловом или свинцом. Они могли быть использованы в различных целях: в качестве сырья при изготовлении украшений или при совершении определенных ритуалов. Ряд свидетельств (отсутствие, кроме льячек, другого производственного инвентаря, связанного с литейным производством и ювелирным делом, несоответствие состава металла на стенках льячек металлу украшений, обнаруженных в погребениях и др.) позволяют считать, что литье не было основной или единственной сферой деятельности женщин, захороненных в рассматриваемых погребениях. Этот вопрос уже отражен в ряде публикаций (Никитина, Ефремова, 2011). В качестве дополнения к ранее высказанному обращаем внимание, что химический анализ костной ткани по методу атомной абсорбции также не показал каких-либо отличий в составе микроэлементов, связанных с профессиональной деятельностью⁶.

Возможность использования оловянных или свинцовых слитков в культовой практике подтверждается

⁵ В XII в. кресала с биметаллической рукоятью не встречаются.

⁶ Анализы проведены к.б.н. Е.А.Пузаткиной.

Таблица 2

Характеристика погребений с литейными принадлежностями в марийских могильниках X–XII вв.

№ п/п	местонахождение	тип комплекса			дата	пол		подвиды деформации		лягушки		литейные формы		олово метал		шпиль		кресло		
		литургия	кресло	жиз.		жен	муж	жен	муж	в ящиках	в котлах	в ящиках	в котлах	в ящиках	в котлах	в ящиках	в котлах	в ящиках	в котлах	в ящиках
1	Веселово, п.2	+				+														
2	Веселово, п.6	+					+													
3	Веселово, п.12	+					+													
4	Веселово, жк.20	+																		
5	Веселово, п.34		разрушено																	
6	ЧК, п. VI	+			X–XI															
7	ЧК, п. VIII	+			X															
8	ЧК, п. IX–X	+			X															
9	ЧК, п. XV–XVI	+																		
10	ЧК, п. 11	+																		
11	ЧК, п. 14	+																		
12	ЧК, жк. 2			+																
13	КЮ, п.7	+																		
14	ЮС, п.9		разрушено																	
15	НС, п. 5	+																		
16	НС, п. 11			+																
17	НС, п. 32	+																		
18	Дуб, п. 36	+																		
19	Русеница, п. 2	+																		
20	Русеница, п. 6	+																		
21	Русеница, п. 8	+																		
22	Русеница, п. 11	+																		
23	Русеница, п. 14	+																		
24	Русеница, жк.5			+																
25	Выжур, п. 11	+																		
26	Выжур, п. 13	+																		
27	Выжур, п. 24	+																		
28	Пестинка, п.7	+																		

№№	местонахождение	кронь		фесок				шаж			тепор				након. стрелы			скость		конт. чед.			сосуд			иные			
		у покла	не ограда	нотая	в нотая	нотая	нотая	нотая	нотая	нотая	нотая	нотая	нотая	нотая	нотая	нотая	нотая	нотая	нотая	нотая	нотая	нотая	нотая	нотая	нотая		нотая	нотая	
1	Веселово, п.2	+		+				2		+								+									++		
2	Веселово, п.6	+						2		+v																			
3	Веселово, п.12	2		+				+																					
4	Веселово, жк.20		+																										
5	Веселово, п. 34							разрушено																					
6	ЧК, п.У1																												
7	ЧК, п.У1П																												
8	ЧК, п. IX-X																												
9	ЧК, п. XU-XVI																												
10	ЧК, п. 11																												
11	ЧК, п. 14							2																					+
12	ЧК, жк. 2																												+
13	Юм, п. 7																												?
14	Юм, п. 9																												+
15	НС, п. 5																												+
16	НС, п. 11																												+
17	НС, п. 32																												+
18	Дуб, п. 36																												+
19	Русенка, п. 2																												+
20	Русенка, п. 6																												+
21	Русенка, п. 8																												+
22	Русенка, п. 11																												+
23	Русенка, п. 14																												+
24	Русенка, жк 5																												+
25	Выкум, п. 11																												+
26	Выкум, п. 13																												++
27	Выкум, п. 24																												++
28	Лощок, п. 7																												+

* V – означает, что тепор вбит в землю.

№№	местонахождение	ковчужки			бусы, бубенчики				амулеты кости, раковины				Украшения в деп.			монета	тотем			нижняя	предела	шнурок женский	шнурок мужской			
		в погреб.	на груду	в погреб.	в погреб.	на груду	в погреб.	в погреб.	в погреб.	в погреб.	в погреб.	в погреб.	в погреб.	в погреб.	в погреб.		в погреб.	в погреб.	в погреб.					в погреб.	в погреб.	
1	Веселово, п.2																									
2	Веселово, п.6																									
3	Веселово, п.12																									
4	Веселово, зак20			+																						
5	Веселово, п.34																									
6	ЧК, п.VI			+																						
7	ЧК, п.VIII																									
8	ЧК, п. IX-X																									
9	ЧК, п. XV-XVI																									
10	ЧК, п.11																									
11	ЧК, п.14			+																						
12	ЧК, зак2																									
13	Юр, п.7																									
14	Юр, п.9																									
15	ИС, п.5																									
16	ИС, п.11																									
17	ИС, п.32																									
18	Дуб, п.36																									
19	Русенки п.2																									
20	Русенки п.6																									
21	Русенки п.8																									
22	Русенки п.11																									
23	Русенки п.14																									
24	Русенки зак5																									
25	Выезы, п.11																									
26	Выезы, п.13																									
27	Выезы, п.24																									
28	Голытов, п.7																									

археологическими находками и этнографическими материалами.

Практически на всех марийских средневековых святилищах обнаружены продырявленные литые пластинки олова (Никитина, Ефремова, 2007, с. 327, 330). Марийцы активно использовали олово на марийских молениях при совершении жертвоприношения и в гаданиях. Перед началом моления или в процессе моления каждому богу производилась отливка металла. Металл капали в сковородку или в воду, проверяя, угодна ли жертва богам. Голова лошади или коровы считалась добрым знаком. Если выливался слиток наподобие хвоста, то процедуру повторяли (Яковлев, 1887, с. 33; Кузнецов, 1879, с. 105). Олово довольно часто упоминается в марийских заговорах (Глухова, 1996, с. 57, 62) и молитвах (Яковлев, 1887, с. 36).

По-видимому, олово или свинец растапливали не обязательно в льячках, в отдельных случаях могли использовать другую керамическую или металлическую посуду или иную емкость. Именно этим можно объяснить, что в погребениях не всегда обнаружены льячки и литейные формы, а иногда зафиксированы только слитки олова (п. 11 Русенихинского, п. 6 Веселовского, п. 7 Юмского могильников). Кусочки или слитки олова или свинца без льячек часто встречаются в мордовских захоронениях (пп. 572, 616 Шокшинского, пп. 183, 204, 216, 395, 507 Крюково-Кужновского могильника; п. 34 Лядинского могильника и т.д.). В п. 7 Юмского могильника обнаружены фрагменты ошлакованных сосудов. Этнографические источники содержат информацию, что олово капали в жидкое масло или в воду. Так, среди чуваш сохранился

обычай, в соответствии с которым при испуге грудного ребенка расплавленное олово капали в воду и по образовавшейся форме определяли источник сглаза (Егорова, 2006, с. 71). Затем образовавшуюся форму клали в марлю и подвешивали на шею или через правое плечо к подмышке до тех пор, пока она не терялась (Уляшев, 2011, с. 140). На связь олова/свинца с водой указывают и собственно марийские названия металлов – «вулно» (олово) и «вүдвулно» (свинец), последнее переводится как «водяное олово».

Имеются также и другие свидетельства, позволяющие предполагать, что женщины-«литейщицы» занимались врачеванием или знахарством. В п. 5 могильника Нижняя Стрелка обнаружены белемниты. Они имеют народное название «чертовы пальцы» и используются в народной медицине (Никонова, Кандрина, 2005, с. 120). Горные марийцы использовали порошок из белемнитов для присыпки ран (Бирючев, 1934, с. 38). Среди русского населения Вятского края был распространен обычай, по которому в начале родов при прочтении первого заговора женщина сжимала рукой так называемый «чертов камень» (Золотова, Иванова, 2004, с. 19). В мордовских и муромских захоронениях с льячками обнаружены кусочки глины: п. 33 Малышевского, п. 94 Пановского, п. 58 Крюково-Кужновского, п. 90 Елизавет-Михайловского могильников. Распаренная красная глина применялась мордвой для вытяжки гноя. Башкиры при ожогах использовали сухую глину, а подогретую глину – при абсцессах, чуваш глину использовали при ожогах (Никонова, Кандрина, 2005, с. 121). На семантическую связь глины с продуцирующей силой огня

(печи) указывают и широко распространённые сюжеты сказок, где старухи формируют детей из глины и выдерживают их на печке (Уляшев, 2011, с. 109). В марийской сказке богатырь Ненчык-патыр по сюжету вылеплен из теста, но в переводе с марийского языка слово «ненчык» означает липкую глину, а жизненную силу обретает на печи (Марийские народные сказки, 1984, с. 23–24, 153–154).

Таким образом, возможно предположить, что женщины, захороненные с льячками, кусочками олова являлись не только «литейщицами» (а может и не столько), но и выполняли определенные ритуальные функции, связанные с культово-бытовой практикой. Обереги в виде костей и зубов животных, белемниты, кресала с биметаллическими кресалами и другие амулеты, обладающие определенными охранительными функциями, обилие колюще-режущих металлических предметов вполне соответствуют этой роли женщин. Обряд запираания костюма и земли способствовал, с одной стороны, сохранению их силы (а значит, и силы их рода) в потустороннем мире, с другой стороны, объяснялся священным страхом живых перед женщинами, обладающими способностью общаться с миром духов.

В женских погребениях Чулковского и Малышевского могильников В.В. Гришаковым выделены алтари в виде полукруглой ямы, отделенной от основного погребения вылепленной из глины перегородкой. В п. 72 Степановского мордовского могильника льячка найдена совместно с ритуальным сосудом, на котором по кругу изображены животные (Петербургский, Аксенов, 2008, с. 159). В ряде захоронений фиксируются следы

охры (Желтухинский, Безводнинский, Чулковский могильники), которая, как правило, исследователями отождествляется с охранительными обрядами (Косарев, 2008, с. 110).

Вероятно, традиция занятий женщинами-«литейщицами» врачеванием или знахарством зародилась в эпоху средневековья и первоначально была связана с совершением определенных обрядов в рамках семьи. В таком случае место для проведения обряда должно было располагаться в пределах дома или недалеко от него, а его исполнителем являлась женщина, занимающая особое положение, которая является хранительницей семейной традиции. В жилищном комплексе марийцев таким местом, вероятно, являлось «кудо». Использование надворной постройки «кудо» – летней кухни для совершения семейных ритуально-священных действий отмечают многие этнографы (Моляров, 1873, с. 256–257; Козлова, 1964, с. 52 и др.). Во многих «кудо», у стены, противоположной входу, отделялось «изи кудо» (малое кудо), где под потолком хранились все принадлежности домашних языческих молений и жертвоприношений (Крюкова, 1956, с. 115; Козлова, 1964, с. 53; Сепеев, 1975, с. 129). При этом «малое кудо» характеризуется как священное место обитания семейно-родового духа Кудоводыжа, куда посторонним был запрещен вход. Для приношений ему делали сумочку «кудо-водыж калта»⁷ (кошелек кудо-водыжа) или «куд-эртньэ»⁸ (берестяной короб летней кухни), четырехугольной формы или

⁷ Калта – кошелек (Васильев, Саваткова, Учаев, 1991, с. 101).

⁸ Эртне – берестяной короб (Васильев, Саваткова, Учаев, 1991, с. 454).

в форме воронки и ставили в углу «кудо» (Васильев, 1927, с. 20). Широкий спектр ритуалов, связанных с «кудо», подчеркивает традиция захоронения в нем останков лошади, которая участвовала в празднике поминовения хозяина «Съѣсьѣ войзымаш» (Васильев, 1927, с. 103–104). Здесь же подвешивался посул – обещание принести жертву с определенным набором вещей (Васильев, 1927, с. 44). Археологически «кудо» выделяется уже в I тысячелетии н.э. На синхронных нашим могильникам памятниках: Еманаевском, Малахайском городищах и селище Галанкина Гора в заполнении построек, наряду с развалами сосудов и костями, обнаружены глиняные грузила, пряслица, шлаки, льячки, фрагменты тиглей, куски бронзы и медной проволоки. Следовательно, мы с уверенностью можем соотносить функциональную особенность данной постройки с культовой деятельностью женщин-«литейщиц». На поселениях II тысячелетия н.э. в

«кудо» предметы, связанные с литьем, отсутствуют.

В заключение хочется еще раз вернуться к тезису Л.А. Голубевой–Б.А. Рыбакова о женщинах, занимающихся домашним ремесленным литьем женских украшений, которые получили в литературе название «женщины-литейщицы». Исходя из полученного материала, можно сделать вывод, что наряду с производственной они выполняли не менее ответственную функцию сохранения и умножения рода, связанную с культовой и продуцирующей магией. Эти обряды совершались с использованием глины, огня и металла. Семантическую связь меди с огнем, красной глины (в данном случае льячки) и меди с рождением, плодородием, родом и кровью подчеркивают ряд исследователей (Павлинская, 1989, с. 72–85; Уляшев, 2011, с. 139) и указывает созвучие в названии меди («вүргене») и крови «вүр» (кровь) в марийском языке, при этом слово «вүр» применяется и в значении родня.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алихова А.Е., Воронина Р.Ф., Циркин А.В. Кельгининский могильник (предварительное сообщение) // Тр. МордНИИЯЛИЭ, вып. XXVII. Серия историческая. – Саранск, 1964. – С. 185–205.
2. Архипов Г.А. Марийцы XII–XIII вв. (к этнокультурной истории Поветлужья). – Йошкар-Ола, 1986.
3. Бейлеккчи В.В. Древности летописной муромы. Погребальный обряд и поселения. – Муром, 2005.
4. Бирючев В.Г. Народная медицина горных мари. – Йошкар-Ола, 1954.
5. Васильев В.М. Материалы для изучения верований и обрядов народа мари. – Краснококшайск, 1927.
6. Васильев В.М., Саваткова А.А., Учаев З.В. Марла-рушла мутер. Марийско-русский словарь. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1991. – 512 с.
7. Гаген-Торн Н. Женская одежда народов Поволжья. – Чебоксары, 1960.
8. Глухова Н.Н. Структура и стиль текстов марийских заговоров. – Йошкар-Ола, 1996.
9. Голубева Л.А. Женщины-литейщицы. (К истории женского ремесленного литья у финно-угров) // СА. – 1984. – № 4. – С. 75–89.

10. Голубева Л.А. Девочки-литейщицы // Древности Славян и Руси. – М. 1988.
11. Голубева Л.А. Мордва // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. – М., 1987.
12. Городцов В.А. Археологические исследования в окрестностях г. Мурома // Древности. – М., 1914. – Т. XXIV.
13. Гришаков В.В. Отчет о работе Нижнеокской археологической экспедиции в Горьковской области и Мордовской АССР в 1988 году // Архив ИА РАН. – Р-1. № 3681.
14. Гришаков В.В., Зеленева Ю.А. Мурوما VII–XI вв. – Йошкар-Ола, 1990.
15. Дубынин А.Ф. Малышевский могильник. Рукопись дисс. на соискание уч. степени к.и.н. // Архив ИА РАН. – Оп. 1. № 362.
16. Егорова О.В. Обычаи и обряды, связанные с родами, уходом за новорожденными и лечением детских болезней в среде закамских чувашей // Чувашский гуманитарный вестник. – Чебоксары, 2005. – № 1 (июль-декабрь). С. 62–74.
17. Жиганов М.Ф. Новые археологические памятники в долинах рек Вад и Теша // Алихова А.Е., Жиганов М.Ф., Степанов П.Д. Из древней и средневековой истории Мордовского народа. (Археологический сборник, т. II). – Саранск, 1959.
18. Золотова Т.А., Иванова Е.С. Вятский родильный обряд: модели описания. – Йошкар-Ола, 2004.
19. Китиков А.Е. Марийские народные загадки. – Йошкар-Ола, 1967.
20. Краснов Ю.А. Безводнинский могильник. (К истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья). – М., 1980.
21. Кузнецов С.К. Четыре дня у черемис во время Сюрема. Этнографический очерк. – СПб., 1879.
22. Левкиевская Е.Е. Славянский оберег. Семантика и структура. – М.: «Индрик», 2002.
23. Леонтьев А.Е. Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси. – М., 1996.
24. Мальм В.А. Орудия труда // Ярославское Поволжье X–XI вв. по материалам Тимиревского, Михайловского и Петровского могильников. – М., 1963.
25. Марийские народные сказки. – Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1984.
26. Мартянов В.Н. Арзамасская мордва в I – начале II тысячелетия. – Арзамас; М., 2001.
27. Материалы по истории мордвы VIII–XI вв. Дневник археологических раскопок П.П. Иванова. – Моршанск, 1952.
28. Материальная культура средне-цинской мордвы VIII–XI вв. (по материалам раскопок П.П. Иванова за 1927–1928 годы). – Саранск, 1969.
29. Никитина Т.Б., Ефремова Д.Ю. Захоронения с орудиями литья («литейщиц») в марийских могильниках IX–XI вв. // Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда. Великий Новгород – Старая Русса. – СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. – С. 77–79
30. Никитина Т.Б., Ефремова Д.Ю. Особенности погребений с орудиями литья в марийских могильниках IX–XII вв. // ФУ. – 2011. – № 2. – С. 12–24.
31. Никитина Т.Б., Ефремова Д.Ю. Святилище на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище // Влияние природной среды на развитие древних сообществ. IV Халиковские чтения. Материалы науч. конф., посвящ. 50-летию Марийской археол. эксп. – Йошкар-Ола, 2007.
32. Никонова Л.И., Кандрина И.А. Как лечились народы Поволжья и Приуралья. – Саранск, 2005.

33. *Отчет А. Дубынина об археологических исследованиях в 1947 г. Малышевского могильника Селивановского района Владимирской области // Архив ИА РАН. – Р-1. № 135.*
34. *Отчет об археологических исследованиях Хотильмского могильника, производившихся Ивановским Областным Краеведческим музеем в 1947 году // Архив ИА РАН. – Оп. 1. № 134.*
35. *Отчет по археологическим исследованиям в Ивановской области, проводившимся Ивановским областным краеведческим музеем под руководством А.Ф. Дубынина в 1945 году // Архив ИА РАН. – Р-1. № 40.*
36. *Павлинская Л.Р. Некоторые вопросы техники и технологии художественной обработки металлов // Материальная и духовная культура народов Сибири: Сб. МАЭ. Т. XLII. – Л., 1988. – С. 72–85.*
37. *Петербургский И.М. Второй Старобадиковский могильник // Вопросы древней истории мордовского народа. – Саранск, 1987.*
38. *Петербургский И.М., Аксенов В.Н. Древние памятники на реке Ляча. – Саранск, 2008.*
39. *Петербургский И.М., Вихляев В.И., Святкин С.В. Второй Журавкинский могильник. – Саранск, 2010.*
40. *Петров В.Н. Биоэнергетические методы народной медицины марийцев // Полевые материалы Марийской этнографической экспедиции 80-х годов. АЭМК. – Вып. 22. – Йошкар-Ола, 1993.*
41. *Рыков П.С. Культура древних финнов в районе р. Узы. – Саратов, 1930.*
42. *Толстой Н.И. Переворачивание предметов в славянском погребальном обряде // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. – М., 1990.*
43. *Уляшев О.И. Хроматизм в фольклоре и мифологических представлениях пермских и обскоугорских народов. – Екатеринбург: УрО РАН, 2011.*
44. *Уткин А.В., Ю Черников В.Ф. Желтухинский могильник // Проблемы средневековой археологии волжских финнов. – АЭМК. – Вып. 23. – Йошкар-Ола, 1994. – С. 41–66.*
45. *Худяков Ю.С. О символике стрел древних и средневековых кочевников Центральной Азии // Этнографическое обозрение. – 2004. – № 1. – С. 102–111.*
46. *Циркин А.В. Кельгинский могильник (раскопки 1966) // Тр. МордНИИЯЛИЭ. – Вып. XXXIV. Серия историческая. – Саранск, 1963. – С. 247–262.*
47. *Шитов В.Н. Отчет Шокшинской археологической экспедиции в Мордовской АССР и Рязанской области в 1985 г. // Архив ИА РАН. – Р-1. № 11103.*
48. *Шитов В.Н. Отчет Шокшинской археологической экспедиции в Мордовской АССР и Рязанской области в 1986 г. // Архив ИА РАН. – Р-1. № 11381.*
49. *Шитов В.Н. Отчет Шокшинской археологической экспедиции в Мордовской АССР и Рязанской области в 1987 г. // Архив ИА РАН. – Р-1. № 12118.*
50. *Щепанская Т.Б. Женщина и вещественный мир культуры у народов России и Европы // Сб. МАЭ. Т. XLVII. – СПб., 1999. – С. 149–190.*
51. *Яковлев Г. Религиозные обряды черемис. – Казань, 1887.*
52. *Ястребов В.Н. Лядинский и Томниковский могильники // МАР. – 1893. – № 10.*

Информация об авторах:

Никитина Татьяна Багишевна, доктор исторических наук, зам. директора, МарНИИЯЛИ (г. Йошкар-Ола, Россия); tshikaeva@yandex.ru

Ефремова Диана Юрьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, МарНИИЯЛИ (г. Йошкар-Ола, Россия); diana-efremva@gambler.ru

**THE FUNERAL RITE OF COMPLEXES WITH MOULDED TOOLS
FROM MEDIEVAL SEPULCHERS OF IX–XII CENTURIES
OF THE VETLUGA-VYATKA INTERFLUVE**

T.B. Nikitina, D.Yu. Efremova

The article is devoted to the burial rite of female burials with casting accessories from the 9–12th -century burial grounds of the Vetluga-Vyatka interfluve area. The study is based on 25 burials from the Mari sites, similar graves from the Mordva and the Muroma burials have been used for comparative analysis. The female burials with casting tools have been considered against the background of the Mari funeral rite in the Middle Ages. Individual peculiarities have been explained using the data of ethnography and folklore. An integrated approach to the analysis of the funeral rite made it possible to conclude that the women buried with casting accessories were not only engaged in foundry, but used to perform certain rites associated with protection of the family and kindred.

Keywords: archaeology, the Vetluga-Vyatka river interfluve, the Middle Volga region, the Mari, the Mordva, the Muroma, metalworking, funeral rite, cult practice, dating

REFERENCES

1. Alikhova, A. E., Voronina, R. F., Tsirkin, A. V. 1964. In *Trudy Mordovskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta iazyka, literatury, istorii i ekonomiki (Proceedings of the Mordovia Language, Literature, History, and Economy Institute) XXVII. Seriya istoricheskaya (History Series)*. Saransk, 185–205 (in Russian).
2. Arkhipov, G. A. 1986. *Mariitsy XII–XIII vv. (k etnokul'turnoi istorii Povetluzh'ia) (Mari People in 12th — 13th Centuries: on the Ethno-Cultural History of the Vetluga River Basin)*. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
3. Beilekchi, V. V. 2005. *Drevnosti Nizhnego Pooch'ia (pogrebal'nyi obriad i poseleniia letopisnoi muromy) (Antiquities of the Lower Oka Basin: Funerary Rite and Settlements of the Muroma People Known by Chronicles)*. Moscow: Moscow Psychological and Social Institute (in Russian).
4. Biriuchev, V. G. 1954. *Narodnaia meditsina gornykh mari (Folk Medicine of the Volga Right-Bank Mari)*. Yoshkar-Ola: "Margosizdat" Publ. (in Russian).
5. Vasil'ev, V. M. 1927. *Materialy dlia izucheniia verovaniy i obriadov naroda mari (Materials for Study of the Beliefs and Rites of the Mari People)*. Series: *Trudy Tsentral'nogo Mariiskogo Obshchestva Kraevedeniia (Proceedings of the Central Mari Society of Local Lore)*. Krasnokokshaisk (= Yoshkar-Ola) (in Russian).
6. Vasil'ev, V. M., Savatkova, A. A., Uchaev, Z. V. 1991. *Marla-rushla muter = Mariiskorusskii slovar' (Mari-Russian Dictionary)*. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Mari and Russian).
7. Gagen-Torn N. 1960. *Zhenskaya odezhda narodov Povolzh'ia (Women Dress of Peoples of the Volga Region)*. Cheboksary: "Chuvashskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
8. Glukhova, N. N. 1996. *Struktura i stil' tekstov mariiskikh zagovorov (Structure and Style of Mari Incantations Texts)*. Yoshkar-Ola: Mari State University (in Russian).
9. Golubeva, L. A. 1984. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology) 4*, 75–89 (in Russian).
10. Golubeva, L. A. 1988. In *Drevnosti slavian i Rusi (Antiquities of Slavs and Rus)*. Moscow: "Nauka" Publ., 31-33 (in Russian).

11. Golubeva, L. A. 1987. In Sedov, V. V. (ed.). *Finno-ugry i balty v epokhu Srednevekov'ia (The Finno-Ugrians and Balts in the Middle Ages)*. Series: Arkheologiya SSSR (Archaeology of the USSR) 17. Moscow: "Nauka" Publ., 97-107 (in Russian).
12. Gorodtsov, V. A. 1914. In *Trudy Imperatorskogo Moskovskogo Arkheologicheskogo Obshchestva (Proceedings of the Imperial Moscow Archaeological Society) XXIV*. Moscow, 40-216 (in Russian).
13. Grishakov, V. V. 1988. *Otchet o rabote Nizhneokskoi arkheologicheskoi ekspeditsii v Gor'kovskoi oblasti i Mordovskoi ASSR v 1988 godu (Report on the Fieldworks of the Lower Oka River Archaeological Expedition in the Gorky Region and Mordovian Autonomous Republic in 1988)*. Archive of the Institute for Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, no. 3681 (in Russian).
14. Grishakov, V. V., Zelenev, Yu. A. 1990. *Muroma VII–XI vv. (Muroma People in 7th–11th Centuries)*. Yoshkar-Ola: Mari State University (in Russian).
15. Dubynin, A. F. 1949. *Malyshevskii mogil'nik (K istorii Nizhnei Oki v I tysiacheletii n.e.) (Malyshevo Burial Ground: on the History of the Lower Oka Basin in I Millennium AD)*. PhD Diss. (manuscript). Archive of the Institute for Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Inv. 1, no. 362 (in Russian).
16. Egorova, O. V. 2005. In *Chuvashskii gumanitarnyi vestnik (Chuvash Bulletin for Humanities)* 1 (July-December). Cheboksary, 62–74 (in Russian).
17. Zhiganov, M. F. 1959. In Alikhova, A. E., Zhiganov, M. F., Stepanov, P. D. *Iz drevnei i srednevekovoi istorii mordovskogo naroda (From the Ancient and Medieval History of Mordovian People)*. Series: Arkheologicheskii sbornik (Archaeological Collected Papers) II. Saransk: Mordovia Language, Literature, History, and Economy Institute, 55-88 (in Russian).
18. Zolotova, T. A., Ivanova, E. S. 2004. *Viatskii rodil'nyi obriad: modeli opisaniia (Vyatka Tribes Rite of Birth: Descriptive Models)*. Yoshkar-Ola: Mari State University (in Russian).
19. Kitikov, A. E. (comp.). 1967. *Mariiskie narodnye zagadki (Mari People Folk Riddles)*. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
20. Krasnov, Yu. A. 1980. *Bezvodninskii mogil'nik: k istorii Gor'kovskogo Povolzh'ia v epokhu rannego srednevekov'ia (Bezvodnoye Burial Ground: on History of Gorki Volga Area in the Early Middle Age)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
21. Kuznetsov, S. K. 1879. *Chetyre dnia u cheremis vo vremia Siurema. Etnograficheskii ocherk (Four Days with the Cheremissians (Mari) at the Time of Syurem: Ethnographical Essay)*. Saint Petersburg: Imperial Russian Geographical Society (in Russian).
22. Levkivskaia, E. E. 2002. *Slavianskii obereg. Semantika i struktura (Slavic Averter. Semantics and Structure)*. Moscow: "Indrik" Publ. (in Russian).
23. Leont'ev, A. E. 1996. *Arkheologiya meri. K predistorii Severo-Vostochnoi Rusi (Merya Archaeology. Towards Pre-History of North-Eastern Rus')*. Moscow: "Geoeco" Publ. (in Russian).
24. Mal'm, V. A. 1963. In Smirnov, A. P. (ed.). *Iaroslavskoe Povolzh'e X–XI vv. Po materialam Timerevskogo, Mikhailovskogo i Petrovskogo mogil'nikov (Yaroslavl Volga Region in 10th–11th Centuries By Materials of Timeryovo, Mikhailovsky and Petrovsky Graveyards)*. Moscow: State Historical Museum; Yaroslavl Museum-Reserve, 32-35 (in Russian).
25. *Mariiskie narodnye skazki (Mari People Folk Tales)*. 1984. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
26. Mart'ianov, V. N. 2001. *Arzamasskaia mordva v I — nachale II tysiacheletii (Arzamas Mordvians in the I — Beginning of the II Millenium AD)*. Arzamas; Moscow: Arzamas State Pedagogical Institute (in Russian).
27. Smirnov, A. P. (ed.). 1952. *Materialy po istorii mordvy VIII–XI vv. (Dnevnik arkheologicheskikh raskopok P. P. Ivanova) (Materials on the History of Mordva People in 8th–11th Centuries (Field Notebook by P. P. Ivanov))*. Morshansk: Morshansk Museum of Local Lore (in Russian).
28. Alikhova, A. E. (ed.). 1969. *Material'naiia kul'tura Sredne-Tsninskoi mordvy VIII – XI vv. (po materialam raskopok P. P. Ivanova za 1927–1928 gody) (Material Culture of the Mordva People of*

the Middle Tsna Area: Based on the Materials from P. P. Ivanov's Excavations in 1927-1928). Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

29. Nikitina, T. B., Efremova, D. Yu. 2011. In Makarov, N. A., Nosov, E. I. (eds.). *Trudy III (XIX) Vserossiiskogo arkhologicheskogo s"ezda. Velikii Novgorod — Staraiia Russa (Proceedings of the 3rd (19th) All-Russian Archaeological Congress. Veliky Novgorod — Staraya Russa)* Saint Petersburg; Moscow; Velikiy Novgorod: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 77–79 (in Russian).

30. Nikitina, T. B., Efremova, D. Yu. 2011. In *Finno-ugrovedenie (Finno-Ugric Studies)* 2, 12–24 (in Russian).

31. Nikitina, T. B., Efremova, D. Yu. 2007. In Nikitin, V. V. (ed.). *Vliianie prirodnoi sredy na razvitiie drevnikh soobshchestv. IV Khalikovskie chteniia (Influence of the Natural Environment on the Evolution of Ancient Communities: 4th Khalikov Readings)*. Yoshkar-Ola: V. M. Vasil'ev Mari Research Institute for Language, Literature, and History (in Russian).

32. Nikonova, L. I., Kandrina, I. A. 2005. *Kak lechilis' narody Povolzh'ia i Priural'ia (Healing Practices among the Volga and Cis-Ural Peoples)*. Saransk (in Russian).

33. Dubynin, A. 1947. *Otchet ob arkhologicheskikh issledovaniiax v 1947 g. Malyshevskogo mogil'nika Selivanovskogo raiona Vladimirskoi oblasti (Report on the Archaeological Research of the Malyshevo Burial Ground, Selivanovo District, Vladimir Region, in 1947)*. Archive of the Institute for Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, no. 135 (in Russian).

34. *Otchet ob arkhologicheskikh issledovaniiax Khotil'mskogo mogil'nika, proizvodivshikhsia Ivanovskim Oblastnym Kraevedcheskim muzeem v 1947 godu (Report on the Archaeological Research of Khotilm Burial Ground by the Ivanovo Regional Museum of Local Lore, 1947)*. Archive of the Institute for Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Inv. 1, no. 134 (in Russian).

35. *Otchet po arkhologicheskim issledovaniiam v Ivanovskoi oblasti, provodivshimsia Ivanovskim oblastnym kraevedcheskim muzeem pod rukovodstvom A. F. Dubynina v 1945 godu (Report on the Archaeological Research in the Ivanovo Region by the Ivanovo Regional Museum of Local Lore Led by A. F. Dubynin, 1945)*. Archive of the Institute for Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, no. 40 (in Russian).

36. Pavlinskaia, L. R. 1988. In *Material'naia i dukhovnaia kul'tura narodov Sibiri (Material and Spiritual Culture of the Peoples of Siberia)*. Series: Collected Papers of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences XLII. Leningrad, 72–85 (in Russian).

37. Peterburgskii, I. M. 1987. In *Voprosy drevnei istorii mordovskogo naroda (Issues of the Mordovian People's Ancient History)*. Series: Trudy Mordovskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta iazyka, literatury, istorii i ekonomiki (Proceedings of the Mordovia Language, Literature, History, and Economy Institute) 80. Saransk, 50–78 (in Russian).

38. Peterburgskii, I. M., Aksenov, V. N. 2008. *Drevnie pamiatniki na reke Liacha (Ancient Sites on the Lyacha River)*. Saransk: "Krasnyi Oktiabr" Publ. (in Russian).

39. Peterburgskii, I. M., Vikhliaev, V. I., Sviatkin, S. V. 2010. *Vtoroi Zhuravkinskii mogil'nik (Second Zhuravka Burial Ground)*. Saransk: "Krasnyi Oktiabr" Publ. (in Russian).

40. Petrov, V. N. 1993. In *Polevye materialy Mariiskoi etnograficheskoi ekspeditsii 80-kh godov (Field Materials of the Mari Archaeological Expedition from 1980s)*. Series: Arkheologiia i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land) 22. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature, and History Institute (in Russian).

41. Rykov, P. S. 1930. *Kul'tura drevnikh finnov v raione r. Uzy (Culture of Ancient Finnic Peoples in the Uza River Basin)*. Saratov: Lower Volga Institute of Local Studies (in Russian).

42. Tolstoi, N. I. 1990. In Ivanov, Viach. Vs., Nevskaiia, L. G. (eds.). *Issledovaniia v oblasti balto-slavianskoi dukhovnoi kul'tury. Pogrebal'nyi obriad (Studies into the Baltic-Slavic Spiritual Culture: Funerary Rite)*. Moscow: "Nauka" Publ., 119–128 (in Russian).

43. Uliashev, O. I. 2011. *Khromatizm v fol'klore i mifologicheskikh predstavleniiakh permskikh i obskougorskikh narodov (Chromatism in the Folklore and Mythological Representations of the Perm and Ob'-Ugra Peoples)*. Yekaterinburg: Russian Academy of Sciences, Ural Branch (in Russian).
44. Utkin, A. V., Chernikov, V. F. 1994. In Arkhipov, G. A., Nikitina, T. B. (eds.). *Problemy srednevekovoi arkhologii volzhskikh finnov (Issues of the Medieval Archaeology of Finno-Ugrians)*. Series: Arkheologiya i etnografiya Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land) 23. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature and History Institute, 41–66 (in Russian).
45. Khudiakov, Yu. S. 2004. In *Etnograficheskoe obozrenie (Ethnographic Review)* 1, 102–111 (in Russian).
46. Tsirkin, A. V. 1968. In *Trudy Mordovskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta iazyka, literatury, istorii i ekonomiki (Proceedings of the Mordovia Language, Literature, History, and Economy Institute) XXXIV. Seriya istoricheskaya (History Series)*. Saransk, 247–262 (in Russian).
47. Shitov, V. N. 1985. *Otchet Shokshinskoi arkhologicheskoi ekspeditsii v Mordovskoi ASSR i Riazanskoi oblasti v 1985 g. (Report of the Shoksha Archaeological Expedition in the Mordovia Autonomous Republic and Ryazan Region in 1985)*. Archive of the Institute for Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, no. 11103 (in Russian).
48. Shitov, V. N. 1986. *Otchet Shokshinskoi arkhologicheskoi ekspeditsii v Mordovskoi ASSR i Riazanskoi oblasti v 1986 g. (Report of the Shoksha Archaeological Expedition in the Mordovia Autonomous Republic and Ryazan Region in 1986)*. Archive of the Institute for Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, no. 11381 (in Russian).
49. Shitov, V. N. 1987. *Otchet Shokshinskoi arkhologicheskoi ekspeditsii v Mordovskoi ASSR i Riazanskoi oblasti v 1987 g. (Report of the Shoksha Archaeological Expedition in the Mordovia Autonomous Republic and Ryazan Region in 1987)*. Archive of the Institute for Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, no. 12118 (in Russian).
50. Shchepanskaia, T. B. 1999. In *Sbornik Muzeia antropologii i etnografii im. Petra Velikogo «Kunstkamera» RAN (Collected Papers of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences) XLVII*. Saint Petersburg, 149–190 (in Russian).
51. Yakovlev, G. 1887. *Religioznye obriady cheremis (Religious Rites of Cheremissians (Mari))*. Kazan: Kazan Missionary Society (in Russian).
52. Yastrebov, V. N. 1893. *Liadinskii i Tomnikovskii mogil'niki Tambovskoi gubernii (Lyada and Tomnikovo Burial Grounds in the Tambov Province)*. Series: Materialy po arkheologii Rossii (Proceedings for the Archaeology of Russia) 10 (in Russian).

About the Authors:

Nikitina Tatyana B. Doctor of Historical Sciences. V. M. Vasilyev Scientific Research Institute of Language, Literature and History in Mari. Krasnoarmeyskaya St., 44, Yoshkar-Ola, 424036, the Mari El Republic, Russian Federation; tshikaeva@yandex.ru

Efremova Diana Yu. Candidate of Historical Sciences. V. M. Vasilyev Scientific Research Institute of Language, Literature and History in Mari. Krasnoarmeyskaya St., 44, Yoshkar-Ola, 424036, the Mari El Republic, Russian Federation; diana-efremva@rambler.ru

ПОЖАР ТОРГОВОЙ СТОРОНЫ НОВГОРОДА 1508 ГОДА

© 2012 г. Г.Е. Дубровин

В статье представлен анализ летописных сообщений о пожаре, случившемся в августе 1508 г. и уничтожившем почти всю Торговую сторону Великого Новгорода. В огне погибло не менее 2000 человек, что вместе с жертвами предшествующего пожара мора, уменьшило население города более чем наполовину (?). Согласно памятнику новгородской книжности нач. XVI в. «Видение хутынского пономаря Тарасия», все эти бедствия были насланы за «умножение грехов людских», но по молитве прп. Варлаама Хутынского Новгород был избавлен от потопа, который доложен был его окончательно уничтожить. В летописных сообщениях содержится интересная информация о топографии Торговой стороны, в частности, упоминаются т.н. Арзубьевские сады на Никитиной улице, владельцы которых, известные деятели последнего этапа независимой истории Новгорода, были репрессированы Иваном III. Сопоставление информации более ранних и более поздних летописных текстов показывает, что и в последних содержатся оригинальные сведения об этом событии, которые попали в них, по-видимому, из каких-то независимых источников.

Ключевые слова: археология, Великий Новгород, Торговая сторона, Плотницкий конец, пожар, мор, погибшие, сады, летописи.

Очень крупный по своим масштабам пожар, уничтоживший почти всю Торговую сторону Новгорода, произошел в 1508 (7016) г. Пожару предшествовал трехлетний мор: «В лето 7015. Бысть мор в Великом Новѣгородѣ желѣзоу велик, паде же люди безчисленно; и тои бысть мор по 3 лѣта; в последнюю же осень, в лѣто 7016, помре люди мужска полу и женска тма и 5000 душ и 400 без четырех человекъ» (ПСРЛ, 2004, XLIII, с. 213). Для прекращения мора 15 октября 7016 (1507) г. новгородцы срубили «на площади у святѣи Софеи» обыденную церковь «во имя пречистойя владычица Богородица приснодевы Мариа честные ея Похвалы... а того дни служил архиепископ Семион¹ в тои церкви» (там же).

Следует отметить, что в год пожара наблюдались весьма неблагоприятные погодные условия. По со-

общению Никоновской летописи: «Того же лѣта бысть засуха велика, и много городовъ выгорѣ, такоже и сель, и лѣсовъ, и хлѣба, и травы много выгорѣ» (ПСРЛ, 1862, XIII, с. 9).

Итак, как свидетельствует Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского: «В то же лѣто (7016 – Г.Д.) месяца августа 20 день на память святого пророка Семиона («в день неделный» – ПСРЛ, 2000, IV–I, с. 460 – ОГСНІVЛ) загорѣлося въ Великом Новѣгородѣ Торговая сторона въ 11 нощи» (ПСРЛ, 2004, XLIII, с. 213). Однако в этом сообщении допущена неточность: 20 августа празднуется не день памяти пророка Симеона, а день пророка Самуила. Это уточнение дает Голицынский список Новгородской четвертой летописи (ПСРЛ, 2004, XLIII, с. 460)².

² Ошибка объясняется тем, что в Новгородской летописи по списку П.П. Дубровского во фразе, предшествующей

¹ См. примечание 2.

По поводу времени начала пожара также существуют разночтения. Так, в отличие от летописи Дубровского и Голицынского списка Новгородской четвертой летописи, Новгородская вторая летопись (НПЛ) свидетельствует, что загорелось в 1 час дня «на заутрени» (Новгородские летописи, 2002, с. 64); а Новгородская третья (НПЛ) – в 2 часа дня (там же, с. 312). Но здесь, безусловно, надо принять во внимание то, что указанные два источника являются сравнительно поздними (Бобров, 2007, с. 265; Азбелев, 2007, с. 266–267).

О месте возникновения пожара в Новгородской летописи по списку П.П. Дубровского говорится просто «на Коржеве улицы» (ПСРЛ, 2004, XLIII, с. 213), а в Сокращенном новгородском летописце по списку Н.К. Никольского (СНЛН) – «загорѣлося на Коржевѣ улицы в полѣ» (ПСРЛ, 2000, IV–I, с. 612). Здесь перед нами предстают самые ранние летописные упоминания плотницкой Коржевой улицы Новгорода.

Однако Новгородские вторая и третья летописи переносят место возгорания на соседнюю улицу и конкретизируют его причину: «...загорѣлось на Славкове улицы, в Окулове двори

сообщению о пожаре, упоминается архиепископ Симеон. По-видимому, составитель свода далее просто механически повторил еще раз это имя. Следует отметить, что и имя архиепископа он тоже перепутал. В это время в Новгороде архиепископом был не Симеон, а Серапион, бывший игумен Троице-Сергиева монастыря, поставленный в 1506 (7014) г. после владыки Геннадия. Симеоном же вместо Серапиона архиепископ мог быть назван потому, что здесь же на предыдущем листе рукописи упоминался митрополит Симон (ПСРЛ, 2004, XLIII, с. 213 / Л. 395об.–396).

Хмелникове, у Логинове жены у Катерины, (с поля – Новгородские летописи, 2002, с. 312 /НПЛ/) в клети, отъ свечи...» (Там же, с. 64 /НПЛ/).

Не вдаваясь в анализ достоверности той или иной версии, отметим лишь, что: 1) пожар начался на одной из двух соседних улиц Плотницкого конца – Коржевой или Славковой, располагавшихся поблизости от южного берега Федоровского ручья; 2) несмотря на то, что Новгородские вторая и третья летописи являются более поздними по сравнению с Новгородской летописью по списку П.П. Дубровского или Сокращенным новгородским летописцем по списку Н.К. Никольского (Бобров, 2007, с. 265), тем не менее, анализ описаний в них новгородского пожара 1508 г. позволяет сделать вывод о том, что при составлении указанных статей Новгородских второй и третьей летописей, наряду с источниками, общими для всего круга перечисленных документов, использовались и какие-то независимые и оригинальные сведения, степень достоверности которых пока что оценке не поддается.

Говоря о территории, охваченной пожаром, все летописи в основном сходятся в том, что он распространился на всю Торговую сторону. Несколько конкретизирует это Сокращенный новгородский летописец по списку Н.К. Никольского: «...и поиде огонь вельми грозно въ оба конца: въ Плотинский до святыхъ страсторьпець Бориса и Глѣба, а в Славенский до святого пророка Ильѣ» (ПСРЛ, 2000, IV–I, с. 612).

«...И згорѣ вся страна (Торговая. – Г.Д.), мала же некоторая часть стены градные осталося; мнози же и каменные полаты от великаго пожа-

ра развалишася, и животы людцкия погорѣша...» (ПСРЛ, 2004, XLIII, с. 213 /НЛД/); «...и погорѣ стѣна городная от Славна до Щитной оулицы» (ПСРЛ, 2000, IV–I, с. 612 /СНЛН/)³.

В представленном в Сокращенном новгородском летописце по списку Н.К. Никольского наиболее подробном перечне храмов, пострадавших от пожара, вызывает недоумение небольшое их количество, явно не соответствующее масштабу бедствия: «И выгорѣша двѣ церквѣ каменныхъ: святыи Андрѣи на Щитной оулице и святый Дмитриеи на Торгу на Буянѣ оулицы; и двѣ церкве деревяны: святии Мироносици да святыи Прокофеи» (там же)⁴. К этому Новгородская ле-

³ Здесь имеется в виду деревянная оборонительная стена, поставленная на валу Окольного города в 1502 (7010) г.: «Повелением великого князя... поставленъ бысть деревяны Велики Новѣградъ по старому спу, и стрелници деревяны, а старыя каменные розбили» (ПСРЛ, 2000, IV–I, с. 460 /ОГСНУЛ/).

⁴ Обращает на себя внимание еще один неясный фрагмент данного сообщения: указанные здесь деревянные церкви, стоявшие на Ярославовом дворище, на самом деле, если верить более ранним летописным источникам, на момент пожара должны были быть каменными. Храм Жен Мироносиц был возведен в 1445 г. на месте более древней церкви: «...поставиша княжанци церковь камену святыхъ Мироносицъ на старой основе» (Новгородская первая..., с. 425), а церковь Прокопия – в 1359 г.: «Постави владыка Моиси святого Прокопя церковь камену на Княжи дворе» (там же, с. 354). Впрочем, не исключено, что во время сильного пожара на Дворище в 1477 г., когда «выгорѣша 4 церкве: святии Мироносицы и святыи Прокофеи да Екатерина да Алексѣи...» (ПСРЛ, IV–I, с. 460 /СНЛН/), эти церкви пострадали до такой степени, что были возобновлены в дереве.

топись по списку П.П. Дубровского и Академический список Новгородской четвертой добавляют, что в церкви св. Дмитрия на Торгу сгорело два сторожа «и вси церкви огорѣша»⁵ (ПСРЛ, 2004, XLIII, с. 213; ПСРЛ, 2000, IV–I, с. 469), а в Голицынском списке уточняется, что церковь св. Дмитрия «завалися» (ПСРЛ, 2000, IV–I, с. 460).

Новгородская третья летопись: «...и николиже в Великомъ Новѣградѣ таковыи пожаръ не бываль, ни в прежнихъ лѣтѣхъ, но вельми страшень, ни в лѣтописцахъ такового пожару не обрѣтохомъ толь злаго. Яко облаци дождевнии того дни не быша, и за многое число днеи быша, и бысть ведро велие: и в то время бысть гремения страшна на небеси, на земли, страшнѣе же и небеснаго труса; и наиде на люди страхъ и бѣда велия, и другъ другу не можаху пособити, ни помощи подати» (Новгородские летописи, 2002, с. 313).

Страшная трагедия разыгралась в Арзубьевском (Арбузьевском) саду на Никитиной улице, находившемся в ее восточной части поблизости от Молоткова⁶. Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского сооб-

⁵ Т.е. здесь, по-видимому, надо понимать, что сгорели все церкви Торговой стороны.

⁶ Судя по всему, этот сад во времена новгородской независимости принадлежал известному роду житых Арзубьевых, живших на Никитиной улице и принимавших активное участие в событиях второй половины XV в. Первое упоминание о Киприане Сергееве Арзубьеве относится к 1459 г., когда он был послом от житых в составе новгородской делегации на поставлении владыки Ионы в Москве (ПСРЛ, 2000, XVI, стб. 198). В 1471 г. Кирпиан был захвачен в плен после Шелонской битвы и в числе непримиримых противников великого князя каз-

щает об этом достаточно кратко: «а иные людие в садѣх изгорѣша на Никитцкой улици» (ПСРЛ, 2004, XLIII, с. 213). Сокращенный новгородский летописец и Голицынский список Новгородской четвертой летописи несколько расширяют эту информацию: «А на Никитинѣ оулицы в берегу и на Молотковѣ в саду сгорѣло людие и въ водахъ истопшихъ 2000 и съ животы своими» (ПСРЛ, 2000, IV–I, с. 612 / СНЛН/); «...овии же людие...и з животы в сады великия бѣгоша, чаяху тоя великия бѣды избыти; наиде же

нен (ПСРЛ, 2004, XXV, с. 289–290; ПСРЛ, 2004, XLIII, с. 447).

Сын Киприана, Григорий Арзубьев, впервые упоминается в качестве старосты Никитиной улицы, подавшем 24 ноября в 1475 г. на Городище вместе с другим старостой той же улицы Василием Фоминым и со старостами Славковой улицы жалобу великому князю Ивану Васильевичу на группу новгородских бояр, которые, «...наехав...со многими людьми на тѣ двѣ улици, людие переграбили и перебили, животов людских на тысячу рублей взяли, а людие многих до смерти перебили» (ПСРЛ, 2001, VI–2, стб. 246). В конце 1477 г. во время осады Новгорода Григорий Арзубьев входил, как представитель житейных, в состав новгородской делегации на переговорах с Иваном III. В процессе переговоров, когда зашла речь о боярах, «поиманных» в 1475 г. за налет на Славкову и Никитину улицы, великий князь указал лично Григорию Арзубьеву, что тот раньше был истцом по этому делу, а теперь пытается защитить своих прежних обидчиков (там же, стб. 261, 266). Судя по всему, замечание это было сделано неспроста и 6 февраля 1478 г. Григорий был «поиман», а 7 февраля вместе с основными фигурами антимосковского сопротивления Марфой (Посадницей) Борецкой, Иваном Кузьминым Савелковым, Юрием Репеховым и др. был отправлен в Москву, а его имущество описано на великого князя (там же, стб. 284).

на нихъ вихрь съ огнемъ, и вси садове вилици погорѣша, и людие в нихъ вси изгорѣша...» (там же, с. 461/ОГСНІVЛ/).

Однако самая подробная версия очень эмоционально изложена в Новгородских второй и третьей летописях, более поздних и, увы, соответственно, менее достоверных: «...и мнози же челоуѣци, з женами и з дѣтми и з животы своими збегоша в садъ в Варбузьевской иже бысть на Никитине улици, а чаяху великия тоа беды избыти, и не избыша. И прииде на них вихрь великъ, и вси людие изгорѣша, и садъ весь ис корения изгорѣша вырываа; и никтоже остаха в саду томъ людей бывших и всѣ лежать яко свинии огорѣша: овому тима погорѣша, а иному чрѣво погорѣша, а иныхъ руки и ноги огорѣша; и никто же можетъ познати своего мертвеца, ни отецъ сына, ни мати дщери, ни сынъ отца, ни дщи матери, ни братъ брата. Стояху же людие над мертвыми, глаголаху с плачемъ: послѣ, Господи, на насъ горы, да насъ покрываютъ, или иноплеменники, да насъ пленять, дабы сихъ не видехомъ...И быша кладезь много в саду томъ, и всѣ выгорѣша; и собрашася тогда нѣкиихъ 12 челоуѣкъ, и едва обретоша тѣ челоуѣци кладезь великъ зѣло, и тамо те челоуѣци в томъ кладезе избыша от огня⁷; и тии здрави быша, и из сада изыдоша ни-

⁷ По-видимому, колодцы в Арзубьевском саду использовались для полива и напоминали известные из археологических источников т.н. «поглотительные» колодцы дренажных систем. Площадь таких колодцев была до 6 кв. м (т.е. ок. 2,5 x 2,5 м), а по глубине они доходили до материка и заглаблялись в него, достигая водоносных материковых грунтов (Сорокин, 1995, с. 58). В таком колодце вполне могли укрыться 12 человек.

Летописи	Списки	Кол-во погибших при пожаре
Новгородская по списку П.П. Дубровского (ПСРЛ, 2004, XLIII, с. 213)		5314
Сокращенный новгородский летописец по списку Н.К. Никольского (ПСРЛ, 2000, IV–I, с. 612)		2000
Новгородская четвертая (ПСРЛ, 2000, IV–I, с. 469)	Окончание списка Академического	2314
Новгородская четвертая (ПСРЛ, 2000, IV–I, с. 461)	Окончание списка Голицынского	2314
Никоновская (ПСРЛ, 1862, XIII, с. 10)		2700
Софийская первая (ПСРЛ, 2001, VI–2, с. 53)		2700
Постниковский летописец (ПСРЛ, 1978, XXXIV, с. 9)		2700
Новгородская вторая (Новгородские летописи, 2002, с. 65)		3315
Новгородская третья (Новгородские летописи, 2002, с. 314)		3315

чим же невредими»⁸ (Новгородские летописи, 2002, с. 65) (НПЛ) (близко по тексту – там же, с. 313 /НПЛ/).

Нельзя было спастись от пожара и на Волхове, сообщает Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского: «И бысть тогда вихрь велии, и в вихрь гремяща страшна, и вихромъ суды великия с реки с Волхова с людьми и з животы во огонь приношаше, и инии же вихромъ в водѣ истопшаша» (ПСРЛ, 2004, XLIII, с.213).

⁸ Судя по всему, после пожара сады в восточной части Никитинской улицы у Молоткова на месте бывших Арзубьевских были возобновлены. По крайней мере, об этом, похоже, свидетельствуют источники начала 80-х годов XVI в.: «От Никитины улицы до Молоткове улицы огород с садом Ереминской и Дегтерева...» (Лавочные книги, 1930, с. 114); «На Никитине улице. Место пусто гостиное Иванка да Ондрейка Боравитиновых, а на нем сад; длина 36 сажен, поперег 19 сжен» (Майков, 1911, с. 220). Следует отметить, что во втором случае площадь сада составляла ок. 3000 кв. м, а сам он принадлежал представителям известного купеческого рода (Варенцов, 2007, с. 100–101; Дубровин, 2010, с. 11).

«А горѣло день и ночь да на затрее до полднии» (Там же, С.213). Новгородские вторая и третья летописи уточняют: «...начаша горѣти в недѣлю в 1-й часъ дни, и преста горѣти в понедѣльникъ в 7-й часъ дни...» (Новгородские летописи, 2002, с.65 /НПЛ⁹; аналогично – там же, с. 314 /НПЛ/).

Несколько расходятся разные летописные источники относительно числа погибших¹⁰ (см. таблицу выше).

Несмотря на указанные разночтения, можно предположить, что во время этого страшного пожара погибло, по-видимому, не менее 2000 человек¹¹.

⁹ Здесь Новгородская вторая летопись противоречит сама себе, т.к. в начале сообщения о пожаре говорилось, что он начался в 2 часа дня (см. выше).

¹⁰ Практически во всех летописях отмечается, что сюда не входит число утонувших в Волхове, которых, вероятно, тоже было немало. Любопытно, что в дающем наименьшее число погибших (2000) СНЛН говорится и о сгоревших, и о «въ водахъ истопшихъ» (ПСРЛ, 2000, IV–I, с.612).

¹¹ Если верить сообщению о том, что в «последнюю осень» мора умерло около

Некоторые дополнительные подробности сообщает Новгородская третья летопись. Например, только в ней говорится о мародерах: «А инии человекы злии и немилостивии тогда мертвых огорѣлыхъ многихъ ограбиша, ищуще злата и сребра, а иныхъ живыхъ еще дышущихъ грабляху, а у женъ мониста и серги из ушей вынимаху и богатяхуся – и бысть тогда бѣда велми велика» (Новгородские летописи, 2002, с. 314).

Весьма активная роль отводится Новгородской третьей летописью архиепископу Серапиону: он выходит с крестами и иконами и со всем освященным собором на Великий мост и служит молебны перед Чудным крестом («прежде нарицаемомъ Чернымъ») об избавлении города от пожара. Затем он распоряжается о захоронении погибших «пѣвше надгробная имъ, повелѣ ихъ посыпати перстию». И, «соборъ совокупивъ», проклинает мародеров, грабивших мертвых и «славяще Христа Бога нашего, избавльшаго град свои от великого пожара и прещения, молитвами пресвятыя Богородицы и всѣхъ святыхъ умолениемъ» (там же, с. 314–316).

В конце повествования о пожаре составитель Новгородской третьей летописи резюмирует: «Сей моръ и пожаръ былъ вмѣсто потопа, по явлению и умолению и по пророчеству преподобнаго отца нашего Варлаама Хутын-

ского, что явился пономарю Тарасию в лѣто 7013 (1505)» (там же, с. 316).

Согласно «Видению хутынского пономаря», памятнику новгородской книжности начала XVI в., Тарасию трижды ночью являлся прп. Варлаам Хутынский и с крыши монастырского собора показывал ему грозящие Новгороду бедствия «за умножение грѣховъ людскихъ всенароднаго множества и за беззаконие и неправды...»: опрокидывающееся на город озеро Ильмень (потоп), ангелов, стреляющих огненными стрелами (мор) и огненную тучу (пожар). Однако после долгой молитвы прп. Варлаам возвестил Тарасию: «Пощадил Господь Богъ люди своихъ, еже не погубилъ потопомъ града, но посылаетъ Господь Богъ на люди моръ, но с милостию казнь, сирѣчь с покаяниемъ... По трѣхъ лѣтѣхъ послѣ мору будетъ пожаръ силенъ в Великомъ Новѣградѣ, Торговая сторона вся погорить и множество людей згорит: понеже, брате пономарю Тарасие, Пречистая Богородица, со всѣми святыми, умоли Сына своего и Бога нашего Иисуса Христа, и избавила градъ отъ потопа...» (там же, с. 316–319).

Остается только добавить, что, по всей вероятности, именно в результате необходимости восстановления городской застройки Торговой стороны после этого грандиозного пожара «тое же осенѣ присла князь великий Василю Ивановичъ в Новѣгородъ Василю Бобра оулицъ мѣрити, болши старого оучиниша: 4 сажени ширина («улицы розмѣрити по московский» – ПСРЛ, 2004, XLIII, с. 213); и дворы велики давати людемъ, и ряды торговые переведе по своему обычаю, не яко преже было, а от стѣны не быти дворомъ 40 сажень» (ПСРЛ, 2000, IV–I, с. 612 / СНЛН/).

15400 человек (см. выше), то вместе с, как минимум, двумя тысячами, погибшими от пожара, мы получим цифру убыли населения 17400 чел. Сопоставляя эти данные с предполагаемым числом жителей Новгорода – 27000 чел. (по А.П. Пронштейну для середины XVI в.: 1957, с. 31), получаем, что во время последнего года мора и пожара Новгород лишился более 60% своих жителей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Азбелев С.Н.* Летописи новгородские XVII в. // Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков. – СПб., 2007.
2. *Бобров А.Г.* Летописание новгородское // Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков. – СПб., 2007.
3. *Варенцов В.А.* Боровитиновы // Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков. – СПб., 2007.
4. *Дубровин Г.Е.* Никитинский раскоп в Новгороде. – М., 2010.
5. Лавочные книги Новгорода Великого 1583 г. – М., 1930.
6. *Майков В.В.* Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. – СПб., 1911.
7. Новгородские летописи. – Рязань, 2002.
8. *Прошштейн А.П.* Великий Новгород в XVI веке. – Харьков, 1957.
9. ПСРЛ. Т. IV, ч. 1. Новгородская четвертая летопись. – 2000.
10. ПСРЛ. Т. VI. Софийские летописи. – 1853.
11. ПСРЛ. Т. VI, вып. 2. Софийская вторая летопись. – 2001.
12. ПСРЛ. Т. XIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью (продолжение). – 1862.
13. ПСРЛ. Т. XVI. Летопись Авраамки. – 2000.
14. ПСРЛ. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV века. – 2004.
15. ПСРЛ. Т. XXXIV. Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. – 1978.
16. ПСРЛ. Т. XLIII. Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского. – 2004.
17. *Сорокин А.Н.* Благоустройство древнего Новгорода. – М., 1995.

Информация об авторе:

Дубровин Геннадий Евгеньевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); gendub@mail.ru

A FIRE OF THE TRADE SIDE OF NOVGOROD IN 1508

G.E. Dubrovin

Chronicle evidence of a fire that had happened in August 1508 and destroyed almost the entire Trade Quarters (Torgovaya storona) of Novgorod the Great is analyzed in the article. The fire killed at least 2,000 people; with the victims of the preceding plague added, the loss had reduced the population of the city by more than a half (?). According to “The Vision of Tharasy, the Sexton of Khutyn Monastery,” a literary monument of the early 16th century, all these disasters had been inflicted as punishment for “multiplication of the human sins,” but owing to the prayer of Reverend Varlaam of Khutyn Novgorod had been spared from the flood, which would completely destroy the city. Chronicle reports contain interesting information about the topography of the Trade Quarters. Thus, the so-called Arzubyev gardens in Nikitin Street are mentioned; their owners, prominent figures of the last stage of the independent history of Novgorod, were repressed by Tsar Ivan the 3rd. A comparison of information from the earlier and the later chronicle texts shows that the latter contain original information about this fire, which had apparently been borrowed from some independent sources.

Keywords: archaeology, Novgorod the Great, Trade Quarters (Torgovaya storona), Carpenter End (Plotnitsky konets), fire, plague, human victims, gardens, chronicles.

REFERENCES

1. Azbelev, S. N. 2007. In *Velikii Novgorod. Istoriia i kul'tura IX–XVII vekov (Great Novgorod: History and Culture, 9th — 17th Centuries)*. Saint Petersburg: "Istoriia" Publ. (in Russian).
2. Bobrov, A. G. 2007. In *Velikii Novgorod. Istoriia i kul'tura IX–XVII vekov (Great Novgorod: History and Culture, 9th — 17th Centuries)*. Saint Petersburg: "Istoriia" Publ. (in Russian).
3. Varentsov, V. A. 2007. In *Velikii Novgorod. Istoriia i kul'tura IX–XVII vekov (Great Novgorod: History and Culture, 9th — 17th Centuries)*. Saint Petersburg: "Istoriia" Publ. (in Russian).
4. Dubrovin, G. E. 2010. *Nikitinskii raskop v Novgorode (Nikitinsky Excavation Area in Novgorod)*. Moscow: "Pamiatniki istoricheskoi mysli" Publ. (in Russian).
5. Bakhrushin, S. V. (ed.). 1930. *Lavochnye knigi Novgoroda Velikogo 1583 g. (Merchant Books of Great Novgorod in 1583)*. Moscow: Russian Association of Institutes for Research in Social Sciences (in Russian).
6. Maikov, V. V. 1911. *Kniga pistsovaia po Novgorodu Velikomu kontsa XVI v. (Cadaster Book of Great Novgorod, late 16th century)*. Saint Petersburg: "M.A. Aleksandrov" Publ. (in Russian).
7. *Novgorodskie letopisi (Novgorod Chronicles)*. 2002. Ryazan: "Aleksandriia" Publ. (in Russian).
8. Pronshtein, A. P. 1957. *Velikii Novgorod v XVI veke. Ocherk sotsial'no-ekonomicheskoi i politicheskoi istorii russkogo goroda (Great Novgorod in 16th Century: Essay of the Social-Economic and Political History of the Russian City)*. Kharkov: Kharkov State University (in Russian).
9. *Novgorodskaiia chetvertaia letopis' (Novgorod Fourth Chronicle)*. 2000. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) IV (1). (in Russian).
10. *Sofiiskie letopisi (Sophia Chronicles)*. 1853. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) VI. (in Russian).
11. *Sofiiskaia vtoraia letopis' (Sophia Second Chronicle)*. 2001. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) VI (2). (in Russian).
12. *Letopisnyi sbornik, imenuemyi Patriarshei ili Nikonovskoi letopis'iu (prodolzhenie) (Collection of Chronicles, named Patriarch's or Nikon Chronicle (continuation))*. 1862. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) XIII. Saint Petersburg (in Russian).
13. *Letopis' Avraamki (Avraamka's Chronicle)*. 2000. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) XVI (in Russian).
14. *Moskovskii letopisnyi svod kontsa XV v. (Moscow Chronicle of Late 15th Century)*. 2004. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) XXV (in Russian).
15. *Postnikovskii, Piskarevskii, Moskovskii i Bel'skii letopistsy (Postnikov, Piskarev, Moscow and Belsk Chronicles)*. 1978. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) XXXIV (in Russian).
16. *Novgorodskaiia letopis' po spisku P. P. Dubrovskogo (Novgorod Chronicle after P. P. Dubrovski' Copy)*. 2004. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) XLIII. (in Russian).
17. Sorokin, A. N. 1995. *Blagoustroistvo drevnego Novgoroda (Urban Development of Ancient Novgorod)*. Moscow: Society of Historians of Architecture (in Russian).

About the Author:

Dubrovin Gennady E. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; gendub@mail.ru

Публикации

ПОГРЕБЕНИЕ № 67 КЕЛИЙСКОГО МОГИЛЬНИКА (ГОРНАЯ ИНГУШЕТИЯ)

© 2012 г. В.Е. Нарожный, Е.И. Нарожный

В публикации вводится в научный оборот воинское погребение № 67 из раскопок Келийского могильника в высокогорной Ингушетии. Погребальный инвентарь, содержащийся в захоронении вполне традиционен – нож, наконечники стрел, поясные пряжки, датирующиеся эпохой Золотой Орды. Особо выделяется железный шлем с козырьком. Подобные шлемы имеют аналогии не только в погребальных памятниках Ингушетии, но и в захоронениях кочевников Золотой Орды, что дает основание для сопоставления его с кругом боевых наголовий монгольского происхождения. Захоронение № 67 еще раз дает повод для утверждений о доминирующем влиянии военного дела Золотой Орды на военное дело горцев Северного Кавказа.

Ключевые слова: археология, Северный Кавказ, горцы, кочевники, Золотая Орда, вооружение, военное дело.

Келийский могильник XIII–XIV вв., хорошо и надежно датированный монетными находками (Виноградов, Нарожный, 1988, с. 44–46; Нарожный, Нарожная, 2011, с. 190–196), был открыт в 1987 г. при прокладке подъездной автодороги к подножию Главного Кавказского хребта, сквозь который был спроектирован тоннель под железнодорожный путь г. Владикавказ – г. Тбилиси¹. Могильник,

частично задетый землеройной техникой, занимает крутой склон подножия хребта горы Цей-Лам, выделяясь на окружающем фоне подреугольной площадкой, расчищенной от валунов. С двух сторон некрополя находились полуподземные склепы; в центральной, наиболее возвышенной части могильника находился каменный крест высотой около 2 м со сбитой верхушкой. Ниже могильника, поперек его площади, хорошо просматривались остатки древней благоустроенной дороги, вдоль которой находились остатки жилых (?) строений из крупных каменных блоков. Охранно-спасательными работами, проводившимися силами археологов сектора археологии и этнографии Чечено-Ингушского НИИИЯЛ² и археологической лабора-

¹ Данный проект был задуман еще в XIX столетии, получив хорошую рекламу в СМИ не только России, но и далеко за ее пределами. Хотя проект так и не был осуществлен, информацию о нем использовал известный французский фантаст и романист – Ж.Верн, в одном из своих произведений он описывает своих героев в вагоне поезда «Владикавказ-Тифлис» (Голованова, Нарожный, 1995, с. 41–42). Однако ни тогда, ни в 1987–1988 годах тоннель, как и железная дорога, так и не были построены.

² Начальник отряда – д.и.н. М.Б. Мужухоев.

тории ЧИГУ им. Л.Н. Толстого³, под полотном автодороги было исследовано в общей сложности почти 500 захоронений. Некрополь состоял из каменных ящиков, сверху перекрытых грунтовыми ямами с коллективным характером захоронений, полуподземными склепами и одним, т.н. «пещерным» (скальным) захоронением. Все исследованные погребальные комплексы содержали останки более 1 тысячи погребенных (Нарожный, 2004, с. 358–359). Сегодня в научный оборот введена лишь небольшая часть из раскопанных в 1987–1988 гг. погребальных комплексов могильника (Нарожный, 1991, с. 50–54; Нарожный, Мамаев, Чахкиев, Даутова, 1990, с. 49–79; Виноградов, Нарожный, 1994, с. 68–91; Нарожный, 1996, с. 32–35; Нарожный В.Е., Нарожный Е.И., Чахкиев, 2005, с. 291–304 и др.). Дальнейшая их публикация имеет значение не только для реконструкции динамики местного исторического процесса, но и истории всей Золотой Орды и понимания системы взаимоотношений горцев Восточного Придарьяля с населением золотоордынских владений Северного Кавказа.

Среди уже опубликованных материалов присутствует заметное количество захоронений горских воинов. Актуальность дальнейшего наращивания именно этой части источниковой базы мотивировано несколькими причинами, в том числе и стремлением к сопоставлению основных характеристик военной организации горноингушского общества XIII–XIV вв., предложенных задолго до раскопок Келийского могильника (Чахкиев, 1987), в том числе проверка реальности существо-

вания в нем самых разнообразных «воинских подразделений» или даже целой «армии», «кавалерии» и пр. Келийские материалы дают веские основания для более сдержанных характеристик подобного рода (Нарожный В.Е., 2012, с. 15).

Публикуемое захоронение воина было совершено в каменном ящике⁴ (рис. 1), плотно закрытом массивными сланцевыми плитами. Под плитами перекрытия открыт сам ящик, устроенный из песчаниковых и сланцевых плит, установленных «на ребро». По всему периметру погребального сооружения, верхние края плит плотно выложены мелкими камнями, обеспечивавшими горизонтальный характер завершения всей конструкции и ровную укладку плит перекрытия. Внутри конструкции – захоронение взрослого мужчины 30–35 лет⁵, уложенного вытянуто на спине, головой на запад с небольшим (сезонным) отклонением к северу. Скелет удовлетворительной сохранности. Череп сохранился полностью: лицевая часть его вместе с верхней челюстью истлела. Грудная клетка в положении «на спине»; левая рука вытянута вдоль туловища (между ним и стенкой ящика). Кисть уложена плашмя («ладонью» вниз), частично заходя под скелет. Правая рука согнута в локтевом суставе кистью («ладонью» вниз), поверх паха. Кости ниж-

⁴ В литературе уже предлагался иной вариант обозначения данного погребального сооружения – «плиточное захоронение», не соответствующее реалиям. Мы используем сочетание «каменный ящик», введенное в оборот еще в XIX в. и используемое абсолютным большинством кавказоведов.

⁵ Поло-возрастная характеристика проводилась в поле выпускником медицинского вуза В.А. Фоменко.

³ Начальники отрядов: в 1987 г. – Е.И. Нарожный, в 1988 г. С.Н. Савенко.

них конечностей и ступни вытянуты, пяточные кости соприкасаются.

Захоронение сопровождал погребальный инвентарь – железный шлем, колчаный набор из 11 наконечников стрел и колчанного крюка, древесный тлен от лука, железный нож, железные кольца, пряжка, бронзовый распределитель ремней уздечного набора и кольчужное колечко.

Железный шлем (рис. 2) находился в северо-восточном углу каменного ящика (рис. 1: 1); шлем отличной сохранности, массивный, сфероконической формы с вытянутым куполом. Его высота – 23 см, диаметр нижнего края корпуса – 20 см. В центральной части нижнего края – фигурный козырек, край которого загибается вниз почти на 2 см, выступая за его край. Шлем изготовлен из двух частей. Верхняя коническая часть свернута из листа, завершается невысокой трубкой со сквозным отверстием для султана (?). Нижняя половина шлема тоже свернута из железного листа. В месте соединения обеих частей прослеживается прокованный шов соединения. По краям козырька, выше него на 1 см сохранились сквозные отверстия диаметром 0,2 см. По два таких же отверстия находятся по обеим боковым поверхностям шлема; еще два отверстия, расположены на тыльной стороне на такой же высоте от нижнего края боевого наголовья. В одном из отверстий сохранилась часть железной заклепки. Учитывая значительный разрыв между отверстиями, они предназначались для крепления к нижней части корпуса шлема ободка для крепления к нему кольчужной бармицы⁶.

⁶ К сожалению, остатков самого ободка в погребении не встречено, что, впрочем,

публикуемый нами шлем ныне не единственный, второй такой же образец происходит с территории могильника «Мохде» в Ингушетии⁷. Третий экземпляр этого вида выявлен в «склепе XIV в. у с. Оздик» (Чахкиев, 2009, рис. 13: 1). Помимо высокогорной Ингушетии, подобные шлемы известны и в кочевнических захоронениях эпохи Золотой Орды. Ближайшая (территориально) аналогия им – шлем из погребения 1 кургана 10 Калиновского 2-го могильника на Ставрополье (Чхаидзе, Дружинина, 2008, с.83, рис. 3: 6)⁸, а также в других

характерно и для других захоронений могильника за исключением нескольких захоронений. В погребении № 15 (Нарожный В.Е., Нарожный Е.И., Чахкиев, 2005, с. 303, рис. 4, 8) Келийского могильника, а также и на шлеме из полуподземного в «склепе XIV в. у с. Оздик» (Чахкиев, 2009, рис. 13, 1) и среди случайных находок на территории Алхан-Калинского городища в Чечне (Нарожный, 2008а, с. 540, рис. 6, 11–12). Такой ободок из плоской пластины П-образной формы. Края пластины охватывают нижний край шлема и скреплены при помощи заклепок. В горизонтально согнутой части пластины – мелкие вырезы, в которые вставляются кольца бармицы. Между краем шлема и «дном» ободка вставлялась железная проволока, проходившая сквозь зубцы ободка и кольца бармицы. Подобный ободок и система соединения бармицы прослежены и на шлеме из захоронения кочевника у сел. Новотерское в Чечне (Чахкиев, 1984, с. 134, рис. 6, 1 и ср.: Нарожный, 2008, с. 50, рис. 1, 2). У других шлемов (Чахкиев, 2009, рис. 13, 4), ободок и система крепления бармицы со шлемом иные.

⁷ Данный образец пока не опубликован.

⁸ Следует указать и наличие некоторых отличий у этого шлема: в первую очередь, козырек у него не опущен вниз, а немного приподнят над нижним краем наголовья.

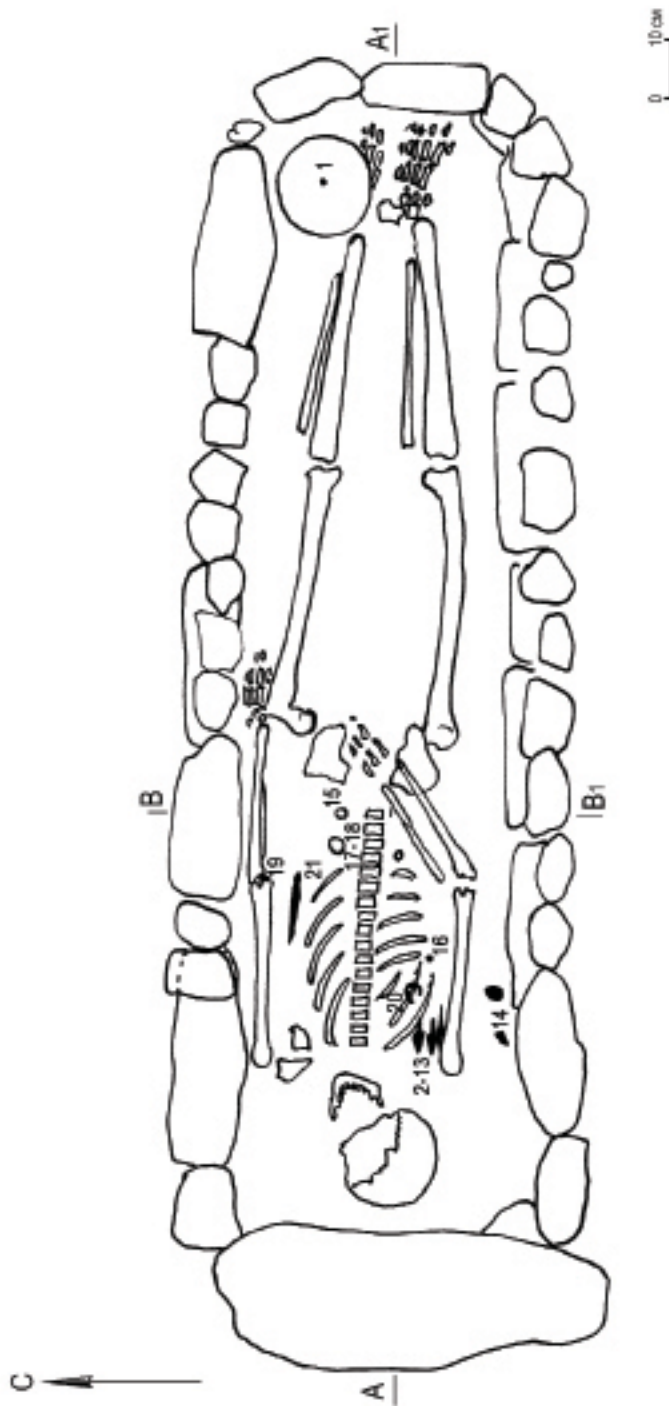

Рис. 1. План погребения № 67.

1 – шлем; 2 – колчаный крюк; 3–13 – наконечники стрел; 14 – распределитель для ремней; 15 – пряжка с язычком; 16 – кольчужное колечко; 17–18, 20 – кольца; 19 – обойма; 21 – нож. 1–13, 16–21 – железо; 14 – бронза; 15 – бронза, железо.

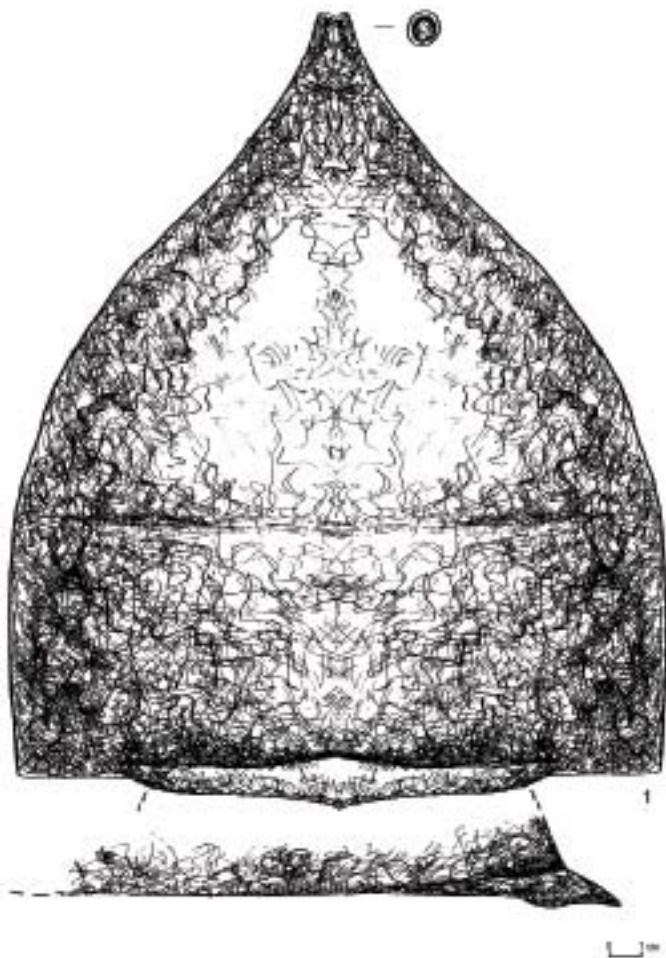

Рис. 2 Шлем
из погребения № 67.

курганых захоронениях – могильник Коллекторский – 2/14 (Чхаидзе, Дружинина, 2010, с. 120–123, рис. 6: 3), погребение 1 кургана 13 могильника в Калининском районе Краснодарского края (Нарожный, Чхаидзе, 2013, рис. 1: 3). Такой же шлем происходит из захоронения в кургане 7 могильника

«Олень-Колодезь» на Среднем Дону (Ефимов, 1989, с. 93, рис. 2, 2)⁹.

Существование аналогий шлему из погребения 67 не только в других погребальных комплексах высокогорной Ингушетии, но и в кочевнических материалах с территории золотоордынских владений заставляет нас считать, что распространение данного типа боевых наголовий в высокогорье шло с золотоордынской равнины. Между

Кроме того, на его корпусе виден не один, а два шва соединения. Один шов вертикальный, осевой; второй шов горизонтальный (как и на шлеме из погребения 67), а по нему нанесены чередующиеся заклепки.

⁹ И в этом случае, в качестве отличительного признака данного шлема от публикуемого, мы укажем на иной характер оформления верха конической трубки, венчающей боевое наголовье.

тем, данная разновидность шлемов тяготеет к «монгольским» (центральноазиатским) шлемам, поскольку М.В. Горелик, характеризуя основные их признаки, указывал на наличие у них козырьков и шарообразных утолщений с подвижным металлическим кольцом (Горелик, 1987). Сегодня и этот тип шлемов хорошо известен археологически – шлем из полуподземного склепа у горноингушского села Верхний Лейми (Чахкиев, 1985, с. 62, рис. 1: 2), а также и из кочевнических захоронений эпохи Золотой Орды. Среди них – шлемы из погребения Малаи – 3/1 (Анфимов, Зеленский, 2002, с. 70, рис. 1), Дмитриевская–1 – 4/20 (Блохин, Дьяченко, Скрипкин, 2003, с. 205, рис. 6: 2), Останий 2/8 (Дружинина, Чхайдзе, Нарожный, 2011, с. 91–92, рис. 38: 2) на территории Кубани. Остальные шлемы происходят с территории Среднего Дона (Кравец, Березуцкий, Войтов, 2000, с. 120–121, рис. 1: 12; Кравец, 2005, с. 37, 113, рис. 28: 1) и Южного Буга – погребение Ковалевка IV – 6/1 (Горелик, Ковпаненко, 2001, с. 155, рис. 1: 3).

Сегодня есть все основания полагать, что оба варианта шлемов составляют единый эволюционный ряд, вероятно, не ограничивающийся только указанными образцами. Ряд может быть расширен за счет других вариантов шлемов с козырьками (Горелик, Дорофеев, 1990, с. 130, 132, рис. 2: 1; 4). В любом случае для высокогорной зоны Северного Кавказа оба варианта шлемов (с козырьком и трубкой для плюмажа, или с шарообразным утолщением и подвижным кольцом в верхней части) – золотоордынские инновации, распространявшиеся здесь различными путями.

Помимо шлема, погребенного в каменном ящике № 67 сопровождали и другие предметы. Под левым плечом погребенного находились остатки берестяного колчана плохой сохранности, в верхней части которого находился колчаный крюк (рис. 1: 2, 3: 3) и 11 разнотипных наконечников стрел (рис. 1: 3–13, 3: 3–13). Этот тип колчаных крюков можно считать характерным для захоронений на Келийском могильнике (Виноградов, Нарожный, 1994, с. 81, 85, рис. 7: 25, 11: 9 и сл.).

Все 11 экземпляров – черешковые, они были уложены плашмя, впритык друг к другу, остриями к западу¹⁰. Наконечники стрел¹¹ разнотипные – 6 из них с плоским или сильно уплощенным пером, другие 5 экземпляров – граненые. Плоские наконечники стрел (6 экз., рис. 3: 3, 7–8, 11–13) также различаются между собой. Два из них (рис. 3: 8, 13) с пером удлинненно-ромбовидной формы, причем верхние боковые грани более длинные, нежели короткие. Длина удлинненных граней – 3 и 5 см, коротких – 2 и 3,5 см. Перо отделено от черешка округлым валиком. Черешки округлой формы в сечении. Еще два наконечника пера с укороченными верхними и длинными нижними сторонами (рис. 3: 3, 11). Их размеры – длина коротких сторон

¹⁰ Сам колчан не сохранился; судя по мелким фрагментам бересты под правой стороной погребенного, колчан мог быть берестяным. Судить о его форме, к сожалению, не представлялось возможным.

¹¹ При наличии сегодня различных классификационных систем для наконечников стрел здесь будет целесообразным рассматривать их в классификационной системе, в свое время разработанной для высокогорной части Чечни и Ингушетии (Даутова, Мамаев, Чахкиев, 1983, с. 60–71).

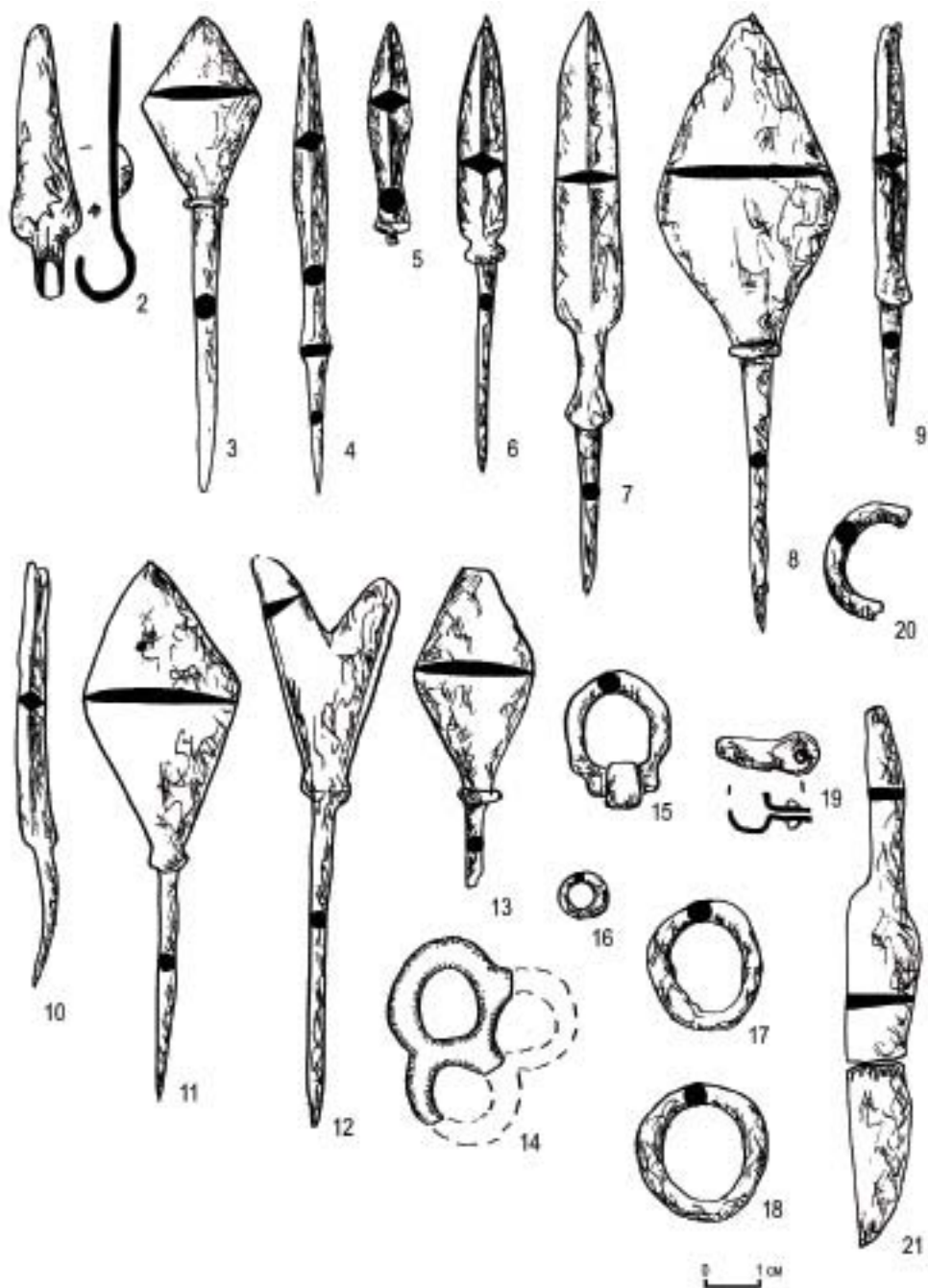

Рис. 3. Погребальный инвентарь из погребения № 67.

2,2 см и 3,5 см, длинных сторон – 3 и 3,7 см. Обе группы наконечников стрел имеют аналогии (Даутова, Мамаев, Чахкиев, 1983, с. 81, 82, рис. 9, 10). Один наконечник стрелы с пером «кинжаловидной» формы, нижняя часть пера переходит в удлиненную «юбку» округлой формы в сечении, отделенной от черешка округлым валиком (рис. 3: 7). Все наконечники стрел датируются XIII–XIV вв. Еще один наконечник стрелы (рис. 3,12), «двурогий», характерен для северокавказских древностей конца раннего средневековья – эпохи Золотой Орды и встречается не только в высокогорной местности (Даутова, Мамаев, Чахкиев, 1983, с. 81, рис. 9: 4–5; Чахкиев, 1998, с. 26, рис. 2: 7).¹² Оставшиеся пять наконечников стрел (рис. 3: 4–6, 9–10) – граненные, также находят аналогии среди наконечников стрел высокогорья Северного Кавказа эпохи Золотой Орды (Даутова, Мамаев, Чахкиев, 1983, с. 82–83).

После снятия костей скелета, севернее остатков колчана прослежены скопления древесного тлена. Длина скопления около 1 м, ширина 1–4 см. Скорее всего, это тлен от деревянного лука.

Железный нож (рис. 3: 21) находился между локтевым сгибом левой руки и нижней частью левой стороны грудной клетки, острием к западу (рис. 1: 21). Длина ножа 11,5 см. Спинка слегка возвышается над черешком. Лезвие фрагментировано, режущая часть

¹² В некоторых случаях подобные наконечники стрел происходят из погребений, датированных золотоордынскими монетами (Чахкиев, 1998, с. 15–21).

вогнута в средней части. Нож относится к числу типичных предметов погребального инвентаря Келийского могильника (Виноградов, Нарожный, 1994, с. 77, 82, 84 и сл.).

Железные кольца (рис. 3: 17–18, 20) – два целых и одно фрагментированное. Целые кольца изготовлены из тонкого железного прута, концы которого сомкнуты и сварены; находились по разные стороны низа позвоночного столба погребенного (рис. 1: 17–18). Фрагментированное кольцо находилось под скелетом, в районе верхней части несохранившегося колчана (рис. 1: 20).

Бронзовый распределитель от уздечного набора (рис. 1: 15, 3: 14) – литой, фрагментированный, в виде трех соединенных между собой колец. Внешняя поверхность округло-выпуклая, оборотная сторона плоская. В материалах из горной Ингушетии, включая Келийский могильник, такие предметы хорошо известны (Крупнов, 1971, с. 87, рис. 23: 19; Виноградов, Нарожный, 1994, с. 85, рис. 11: 2;). Как правило, в одном погребальном комплексе их по 2 экземпляра. Подобные «тройники», как считается, могли являться распределителями для ремней, использовавшихся в уздечном наборе.

Бронзовая литая пряжка с железным «язычком» (рис. 3: 15) находилась в нижней части живота (рис. 1: 15). Аналогии этому типу пряжек хорошо известны из материалов XIII–XIV вв. горной Ингушетии (Чахкиев, Нарожный, 1984, с. 103, рис. 1: 14).

Железная обойма (рис. 3: 19) находилась у локтевого сгиба левой руки (рис. 1: 19). Изготовлена из двух же-

лезных плоских полосок, один край которых изогнут в полукольцо. Расположенные симметрично, обе полоски скреплялись между собой при помощи заклепки.

Кольчужное колечко (рис. 3: 16) обнаружено сверху грудной клетки погребенного напротив локтевого сгиба правой руки (рис. 1: 16). Кольцо диаметром 1,5 см изготовлено из железной тонкой и вытянутой проволоки диаметром около 0,2 см. Концы проволоки, свернутой в кольцо, расплющены и заходят друг за друга. В центре

расплющенных концов – сквозные отверстия, в которые вставлен стержень, расплющенный с двух сторон; неясно, принадлежало это кольцо к бармице, или же оно от кольчуги¹³.

Таким образом, публикуемое погребение № 67 Келийского могильника, относящееся к золотоордынскому времени, позволяет констатировать, что здесь похоронен горец, который, скорее всего, являлся конным лучником.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Анфимов И.Н., Зеленский Ю.В.* Половецкие погребения из Восточного Приазовья // ИАА. Вып. 8. – Армавир; М., 2002.
2. *Блохин А.Г., Дьяченко А.Н., Скрипкин А.С.* Средневековые рыцари Кубани // МИАК. – 2003. – Вып. 3.
3. *Виноградов В.Б., Нарожный Е.И.* Монетные чеканы закавказских городов в северокавказских древностях XIII–XIV вв. // Научная конференция: «Средневековые города и городская жизнь Кавказа (в свете археологических данных). Аннотации. – Тбилиси, 1988.
4. *Виноградов В.Б., Нарожный Е.И.* Погребения Келийского могильника // Археологические и этнографические исследования Северного Кавказа. – Краснодар, 1994.
5. *Голованова С. А., Нарожный Е.И.* Жюль Верн о Кавказе // Проблемы всеобщей истории. Материалы научно-практической преподавательско-студенческой конференции. Вып. 1. – Армавир, 1995.
6. *Горелик М.В.* Ранний монгольский доспех // Археология, этнография и антропология Монголии. – Новосибирск, 1987.
7. *Горелик М.В., Дорофеев В.В.* Погребение золотоордынского воина у с. Таборовка // Проблемы военной истории народов Востока. Вып. 2. – Л., 1990.
8. *Горелик М.В., Ковпаненко Г.Т.* Погребение знатного латника у западных границ Золотой Орды // Археология Поволжья. – Пенза, 2001.

¹³ В материалах Келийского могильника погребений с защитным доспехом немного (Нарожный, 2012, с. 15.); в научный оборот введен пока один такой комплекс (Нарожный В.Е., Нарожный Е.И., Чахкиев, 2005, с. 302, 304, рис. 3: 17–22; 5). Во втором случае были опубликованы остатки железного панциря (Нарожный, 2011, с. 82–85). Вместе с тем, заметно бросается в глаза то, что в абсолютном количестве случаев, включая и публикуемое

захоронение, вместо полного защитного доспеха в захоронениях присутствуют отдельные мелкие фрагменты кольчужных сеток, пластины или же отдельные кольца кольчужного плетения. Явно символический характер подобной детали погребального обряда, характерного не только для интересующего нас времени, но и для периода раннего средневековья, продолжает оставаться труднообъяснимой.

9. Даутова Р.А., Мамаев Х.М., Чахкиев Д.Ю. Лук и стрелы у позднесредневековых вайнахов // Новые археологические материалы по средневековой истории Чечено-Ингушетии. – Грозный, 1983.
10. Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н., Нарожный Е.И. Средневековые кочевники в Восточном Приазовье. – Армавир; М., 2011.
11. Ефимов К.Ю. Золотоордынские погребения из могильника «Олень-Колодезь» // ДА. – 1998. – № 3–4.
12. Кравец В.В. Кочевники Среднего Дона в эпоху Золотой Орды. – Воронеж, 2005.
13. Кравец В.В., Березуцкий В.Д., Войтов А.А. Погребения кочевой знати золотоордынского времени в курганной группе «Высокая гора» на юге Воронежской области // ДА. – 2000. – № 3–4.
14. Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. – М., 1971.
15. Нарожный Е.И. Два погребения с древнерусскими предметами мелкой христианской пластики с территории Келийского могильника // Археология на новостройках Северного Кавказа. – Грозный, 1991.
16. Нарожный Е.И. «Пещеры» Бамутского и Келийского могильников. Чечня и Ингушетия // Из практики кавказоведческих изысканий. Опыт вузовской лаборатории (1986–1996 гг.). – Армавир; Грозный, 1996.
17. Нарожный В.Е. Келийские склепы горной Ингушетии: некоторые аспекты изучения (по материалам раскопок 1987–1988 гг.) // МИАСК. – 2004. – Вып. 4.
18. Нарожный Е.И. О находках золотоордынского времени с территории Алхан-Калинского городища (Чечня) // Древности Юга России. Сб. памяти А.Г. Атавина. – М., 2008а.
19. Нарожный Е.И. О некоторых типах средневековых шлемов с территории Северного Кавказа // Военная археология. Сб. материалов семинара при ГИМ. Вып. 1. – М., 2008б.
20. Нарожный Е.И. Пластины доспеха из полуподземного склепа № 10 Келийского могильника (горная Ингушетия) // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Материалы круглого стола, проведенного в рамках международного золотоордынского форума. – Казань, 2011.
21. Нарожный В.Е. Население высокогорной Ингушетии в XIII–XV веках. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Владикавказ, 2012.
22. Нарожный В.Е., Нарожный Е.И. Захоронение № 84 Келийского могильника (высокогорная Ингушетия) // Вестник археологического центра. Вып. IV. – Назрань, 2013 (в печати).
23. Нарожный В.Е., Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю. Погребение № 15 Келийского могильника (горная Ингушетия) // МИАСК. – 2005. – Вып. 5.
24. Нарожный Е.И., Мамаев Х.М., Чахкиев Д.Ю., Даутова Р.А. Полуподземные склепы Келийского могильника (по материалам охранных археологических исследований 1987 года в горной Ингушетии) // Археологические открытия на новостройках Чечено-Ингушетии. – Грозный, 1990.
25. Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б. Средневековые монеты из высокогорной Ингушетии // Проблемы археологии Кавказа. Материалы Международ. науч. конф., посвящ. 70-летию Б.Н. Воронова. – Сухум, 2011.
26. Чахкиев Д.Ю. Новые воинские захоронения золотоордынского времени Паметского могильника горной Ингушетии // Новое в археологии и этнографии Ингушетии. – Нальчик, 1998.
27. Чахкиев Д.Ю. Полуподземный склеп у сел. Верхний Лейми (Горная Ингушетия) // Средневековые погребальные памятники Чечено-Ингушетии. – Грозный, 1985.

28. Чахкиев Д.Ю. Древности горной Ингушетии. Т. 2. – Нальчик, 2009.
29. Чахкиев Д.Ю., Нарожный Е.И. Детское погребение золотоордынского времени из горной Ингушетии // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. – Краснодар, 1984.
30. Чахкиев Д.Ю. Оружие и вопросы военного искусства позднесредневековых вайнахов (XIII–XVIII вв.). Археолого-этнографическое исследование. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1987.
31. Чахидзе В.Н., Дружинина И.А. Средневековое кочевническое погребение из Калиновского курганного могильника на Ставрополье // Археологический журнал. – II. – Армавир, 2008.
32. Чахидзе В.Н., Дружинина И.А. Тяжеловооруженные золотоордынские воины Восточного Приазовья // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. № 1. – М., 2010.

Информация об авторах:

Нарожный Виталий Евгеньевич, кандидат исторических наук, ведущий специалист ОАО «Наследие Кубани» (г. Краснодар, Россия); zai_ein@mail.ru

Нарожный Евгений Иванович, доктор исторических наук, зав. сектором системного изучения историко-археологических древностей ОАО «Наследие Кубани» (г. Краснодар, Россия); zai_ein@mail.ru

BURIAL № 67 OF KELIYSKIY BURIAL (MOUNTAINOUS INGUSHETIA)

V.E. Narozhnyi, E.I. Narozhnyi

Martial burial No, 67 from excavations of Keliyskiy burial ground in Ingushetia highlands is introduced into scientific use. The grave goods contained in the burial are quite traditional: a knife, arrowheads, belt buckles dating from the Golden Horde epoch. An iron helmet with a visor is a find standing apart. Helmets of the kind are similar not only to those found in burial sites of Ingushetia, but also to the helmets discovered in the burials of the Golden Horde nomads, which makes it possible to match the item with the circle of combat helmets of Mongol origin. Burial No. 67 repeatedly gives reason for claiming a dominant warfare influence of the Golden Horde on the warfare of the North Caucasus mountaineers.

Keywords: archaeology, North Caucasus, mountaineers, nomads, the Golden Horde, weapons, warfare.

REFERENCES

1. Anfimov, I. N., Zelenskii, Yu. V. 2002. In *Istoriko-arkheologicheskii al'manakh (Historical-Archaeological Almanac)* 8. Armavir; Moscow, 68-71 (in Russian).
2. Blokhin, A. G., D'iachenko, A. N., Skripkin, A. S. 2003. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii Kubani (Materials and Research on the Archaeology of Kuban)* 3, 184-208 (in Russian).
3. Vinogradov, V. B., Narozhnyi, E. I. 1988. In *Nauchnaia konferentsiia: «Srednevekovye goroda i gorodskaiia zhizn' Kavkaza (v svete arkheologicheskikh dannykh). Annotatsii (Scientific Conference "Medieval Towns and Town Life of Caucasus (in the Light of Archaeological Data)": Abstracts)*. Tbilisi: "Metsniereba" Publ., 44-46 (in Russian).
4. Vinogradov, V. B., Narozhnyi, E. I. 1994. In Kirei, N. I. (ed.). *Arkheologicheskie i etnograficheskie issledovaniia Severnogo Kavkaza (Archaeological and Ethnographical Research in the Northern Caucasus)*. Krasnodar: Kuban State University, 68-78 (in Russian).
5. Golovanova S. A., Narozhnyi, E. I. 1995. In *Problemy vseobshchei istorii (Issues of the Universal History)*. 1. Armavir (in Russian).

6. Gorelik, M. V. 1987. In Derevianko, A. P., Natsagdorzh, Sh. (eds.). *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Mongolii (Archaeology, Ethnography and Anthropology of Mongolia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 163-208 (in Russian).
7. Gorelik, M. V., Dorofeev, V. V. 1990. In *Problemy voennoi istorii narodov Vostoka. Biulleten' komissii po voennoi istorii narodov Vostoka (Issues of Military History of the Oriental Peoples. Bulletin of the Commission for the Military History of the Oriental Peoples)* 2. Leningrad, 119-132 (in Russian).
8. Gorelik, M. V., Kovpanenko, G. T. 2001. In *Arkheologiya Povolzh'ia (Archaeology of the Volga Area)*. Penza: Penza State Pedagogical University (in Russian).
9. Dautova, R. A., Mamaev, Kh. M., Chakhkiev, D. Yu. 1983. In *Novye arkheologicheskie materialy po srednevekovoi istorii Checheno-Ingushetii (Recent Archaeological Studies on the Medieval History of Chechenia-Ingushetia Peoples)*. Grozny: Chechenia-Ingushetia Research Institute for Physics of Civil Engineering, 44-80 (in Russian).
10. Druzhinina, I. A., Chkhaidze, V. N., Narozhnyi, E. I. 2011. *Srednevekovye kochevniki v Vostochnom Priazov'e (Medieval Nomads on the Eastern Azov Sea Shore)*. Armavir; Moscow: Armavir State Pedagogical Academy, Center for Archaeological Research (in Russian).
11. Efimov, K. Yu. 1998. In *Donskaia arkheologiya (Archaeology of Don)* (3–4), 167-182 (in Russian).
12. Kravets, V. V. 2005. *Kochevniki Srednego Dona v epokhu Zolotoi Ordy (Middle Don Nomads in the Golden Horde Time)*. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University (in Russian).
13. Kravets, V. V., Berezutskii, V. D., Voitov, A. A. 2000. In *Donskaia arkheologiya (Archaeology of Don)* (3–4) (in Russian).
14. Krupnov, E. I. 1971. *Srednevekovaia Ingushetiia (Medieval Ingushetia)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
15. Narozhnyi, E. I. 1991. In Vinogradov, V. B. (ed.). *Arkheologiya na novostroikakh Severnogo Kavkaza (Archaeology on Construction Sites in the Northern Caucasus)*. Grozny: Checheno-Ingushetian State University, 50-54 (in Russian).
16. Narozhnyi, E. I. 1996. In Vinogradov, V. B. (ed.). *Iz praktiki kavkazovedcheskikh izyskani. Opyt vuzovskoi laboratorii (1986–1996 gg.) (From the Practice of Caucasian Studies: Experience of the University Laboratory, 1986–1996)*. Armavir; Grozny: Armavir State Pedagogical University, 32-35 (in Russian).
17. Narozhnyi, V. E. 2004. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii Severnogo Kavkaza (Materials and Research on the Archaeology of North Caucasus)* 4, 358-359 (in Russian).
18. Narozhnyi, E. I. 2008. In Afanas'yev, G. E. (ed.). *Drevnosti Iuga Rossii: pamiati A. G. Atavina (Antiquities of the South of Russia: in Memory of A. G. Atavin)*. Moscow: "Taus" Publ., 525-542 (in Russian).
19. Narozhnyi, E. I. 2008. In *Voennaia arkheologiya (Military Archaeology)* 1. Moscow: "Kvadriga" Publ., 42-54 (in Russian).
20. Narozhnyi, E. I. 2011. In *Voennoe delo Zolotoi Ordy: problemy i perspektivy izucheniia (Warfare of the Golden Horde: Issues and Future Studies)*. Series: Istorii i kul'tura Zolotoi Ordy (History and Culture of the Golden Horde) 15. Kazan: "Foliant" Publ., 82-85 (in Russian).
21. Narozhnyi, V. E. 2012. *Naselenie vysokogornoi Ingushetii v XIII–XV vekakh (Population of the Ingushetia Highlands in 13th — 15th Centuries)*. PhD Thesis. Vladikavkaz (in Russian).
22. Narozhnyi, V. E., Narozhnyi, E. I. 2013. In *Vestnik Arkheologicheskogo tsentra (Bulletin of the Archaeological Center)* IV. Nazran (in print) (in Russian).
23. Narozhnyi, V. E., Narozhnyi, E. I., Chakhkiev, D. Yu. 2005. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii Severnogo Kavkaza (Materials and Research on the Archaeology of North Caucasus)* 5, 291-305 (in Russian).
24. Narozhnyi, E. I., Mamaev, Kh. M., Chakhkiev, D. Yu., Dautova, R. A. 1990. In Mamaev, Kh. M. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia na novostroikakh Checheno-Ingushetii (Archaeological*

Discoveries on Construction Sites in Checheno-Ingushetia). Grozny: Checheno-Ingushetian Research Institute for History, Economics, Social Sciences and Philology, 49-79 (in Russian).

25. Narozhnyi, E. I., Narozhnaia, F. B. 2011. In Skakov, A. Yu. (ed.). *Problemy arkheologii Kavkaza (k 70-letiiu Yu. N. Voronova)* (*Issues of the Archaeology of the Caucasus: in Honor of the 70th Anniversary of Yu. N. Voronov*). Sukhum: The Abkhazian Academy of Sciences, the D. I. Gulia Abkhazian Institute for Research in the Humanities (in Russian).

26. Chakhkiev, D. Yu. 1998. In *Novoe v arkheologii i etnografii Ingushetii (Recent Developments in Archaeology and Ethnography of Ingushetia)*. Nalchik: "El'-Fa" Publ., 15-27 (in Russian).

27. Chakhkiev, D. Yu. 1985. In *Srednevekoveye pogrebal'nye pamiatniki Checheno-Ingushetii (Medieval Funerary Sites in Chechenia-Ingushetia)*. Grozny: "Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 60-68 (in Russian).

28. Chakhkiev, D. Yu. 2009. *Drevnosti gornoj Ingushetii (Antiquities of Mountaneous Ingushetia)* 2. Nalchik: "El'-Fa" Publ. (in Russian).

29. Chakhkiev, D. Yu., Narozhnyi, E. I. 1984. In *Arkheologo-etnograficheskie issledovaniia Severnogo Kavkaza (Archaeological and Ethnographical Research in the Northern Caucasus)*. Krasnodar: Kuban State University, 101-107 (in Russian).

30. Chakhkiev, D. Yu. 1987. *Oruzhie i voprosy voennogo iskusstva pozdnesrednekovykh vainakhov (XIII–XVIII vv.). Arkheologo-etnograficheskoe issledovanie (Weaponry and Issues of Warfare of Late Medieval Vainakhs (13th — 18th Centuries): Archaeological and Ethnographical Study)*. PhD Thesis. Moscow (in Russian).

31. Chkhaidze, V. N., Druzhinina, I. A. 2008. In *Arkheologicheskii zhurnal (Archaeological Magazine)* II. Armavir (in Russian).

32. Chkhaidze, V. N., Druzhinina, I. A. 2010. In *Batyr: Traditsionnaia voennaia kul'tura narodov Evrazii (Batyr: Traditional Military Culture of the Eurasian People)* 1. Moscow: "Marjani" Publ., 110-125 (in Russian).

About the Authors:

Narozhny Evgeniy I. Doctor of Historical Sciences. Nonpublic Joint-stock Company "Nasledie Kubani" ("Kuban Heritage"). Krasnoarmeyskaya St., 16, Krasnodar, 350063, Russian Federation; zai_ein@mail.ru

Narozhny Vitaliy E. Candidate of Historical Sciences. Nonpublic Joint-stock Company "Nasledie Kubani" ("Kuban Heritage"). Krasnoarmeyskaya St., 16, Krasnodar, 350063, Russian Federation; zai_ein@mail.ru

О ЗАСТРОЙКЕ ПОСАДСКОЙ ЧАСТИ СВЯЖСКА (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2008 г.)

© 2012 г. З.Г. Шакиров, Р.Р. Валиев, А.Г. Ситдиков

Статья посвящена результатам археологических исследований 2008 года, которые позволили получить и уточнить важные сведения о характере культурного слоя топографии в районе размываемого берега, где располагался посад бывшего посада второй половины XVI – начала XX вв. Выделены и описаны конструктивные особенности деревянной застройки изученной в раскопе.

Ключевые слова: археология, средневековье, новое время, Свяжск, посад, «морский» слой, жилые и хозяйственные постройки.

Остров Свяжск является уникальным объектом археологического наследия, формирование историко-культурного ландшафта которого шло непрерывно с глубокой древности. Интенсивное заселение района было обусловлено уникальными речными системами, привлекавшими человека своими биоресурсами. В пойме реки известны многочисленные археологические памятники, наиболее ранние из которых датируются каменным веком.

Активное заселение этих мест связано со средневековьем. Об этом свидетельствуют и болгарские поселения, появившиеся рядом со Свяжском еще X–XI вв. Об активном освоении территории устья Свяги во второй половине XIII – первой половине XVI вв. говорят материальные остатки золотоордынского периода и времени Казанского ханства, когда эта территория являлась приграничной зоной черемис. Находки и селения болгаро-татарского времени встречены к северо-востоку от с. Исаково (Археологическая карта, 1985, с. 15), к востоку от д. Гаврилково, к юго-западу от д. Медведково (Археологиче-

ская карта, 1985, с. 15, 72, 73), к востоку–юго-востоку от села Мизиново (Галимова, 2006, с. 37). Е.И. Чернышевым по русским писцовым книгам XVI–XVII вв. в устье Свяги выделяются следующие селения времен Казанского ханства: деревни Агишево на р. Берли, Кушман Малый на двух рч. Берли и Кушмане, Нуратбаш, Шигалеево–Сулемене (близ Свяжского городка) и напротив устья на левом берегу р. Волги марийская волость и деревня Кебечи (Чернышев, 1971, с. 272–292).

Возникновение самого города Свяжска связано с внешнеполитическими событиями середины XVI в. в период завоевания Казанского ханства. Во второй половине XVI–XVII вв. город быстро растет, интенсивно формируется культурный слой памятника.

На сегодняшний день история Свяжска плохо изучена. Малочисленны опубликованные письменные источники, касающиеся истории города. Системное изучение прошлого Свяжска предполагает проведение обследования архивов и подготовки публикаций выявленных материалов.

Это позволит по-новому подойти ко многим спорным моментам и создать более объективную историю города.

Большое значение в изучении прошлого Свияжска представляют археологические исследования, проводимые в нижней части посада. Интенсивное освоение этой части города обеспечило формирование уникального влажного культурного слоя, сохраняющего без доступа кислорода органические предметы (сохранившиеся конструкции деревянных домов, хозяйственных построек, бытовые предметы, изделия из кожи, ткани и пр.). Охранно-спасательные работы на участке вдоль разрушаемой береговой линии выявили многочисленные постройки XVI–XVIII вв. Имеется возможность реконструировать топографию средневекового города с остатками улиц и усадеб (Шакиров, Валиев, 2009, с. 107–108; Шакиров, 2010, с. 23–24).

Впервые культурные напластования Свияжска были исследованы в ходе планомерных археологических исследований 1978–1981 гг. Л.А. Беляевым и Л.С. Шавохиным (Проект, 1979; 1980; 1980а; 1981; 1982). Еще тогда было обращено внимание на наличие «влажного» культурного слоя в нижней части посада.

К сожалению, специальных работ по изучению этой части памятника не проводились. В 2006 г. Главным управлением государственного контроля и охраны памятников истории и культуры Министерства культуры РТ были выделены Институту истории АН РТ целевые средства на ведение охранных исследований в северо-восточной, нижней части острова Свияжск, где фиксировались значительные разрушения вдоль берега культурного

слоя водами Куйбышевского водохранилища (Шакиров, 2009, с. 499).

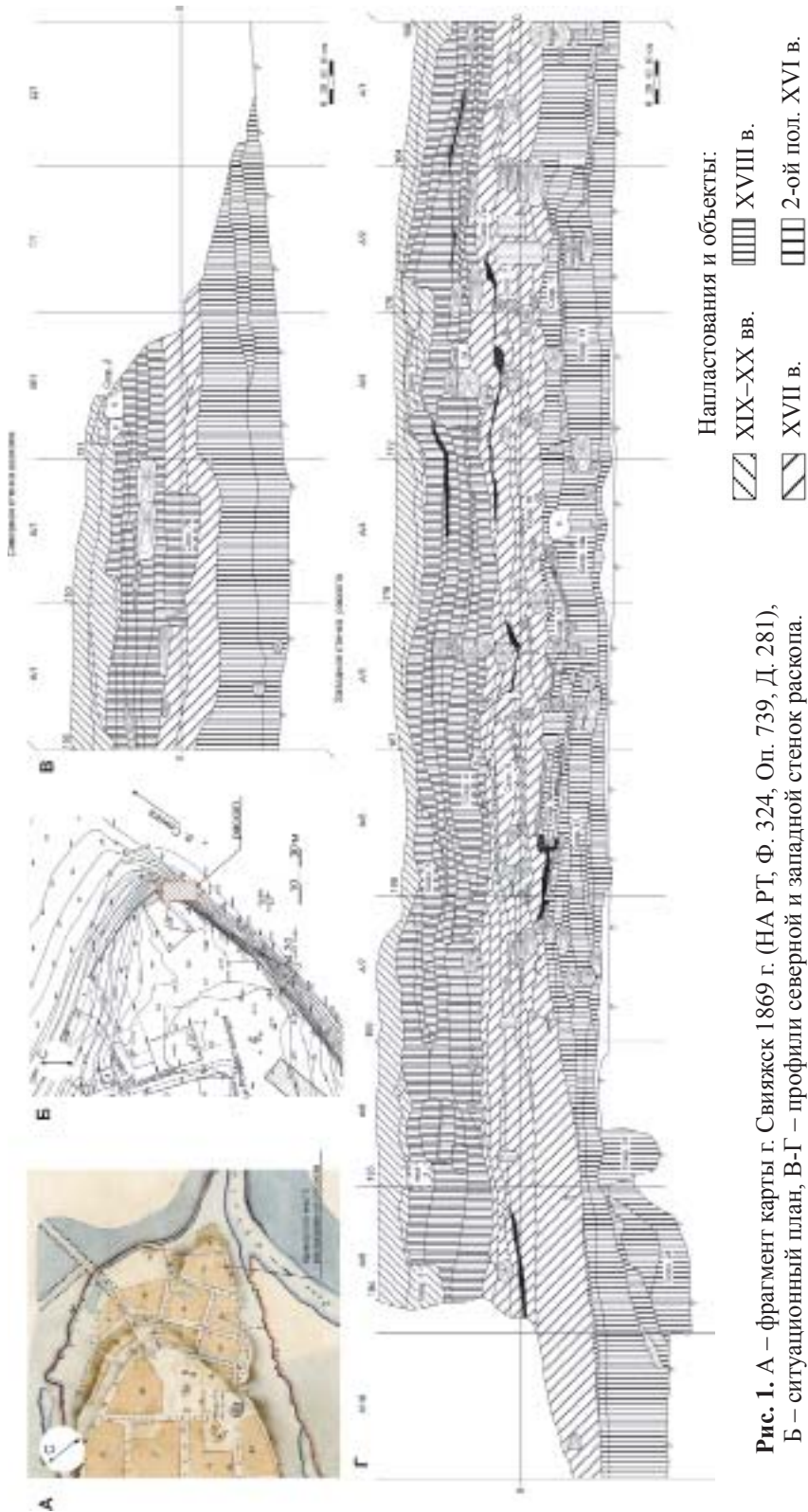
Раскоп 2008 г. был заложен на площади 157 кв. м (рис. 1 А, Б). К моменту закладки раскопа на данной территории жилая застройка отсутствовала. Площадка мыса использовалась населением Свияжска под огороды.

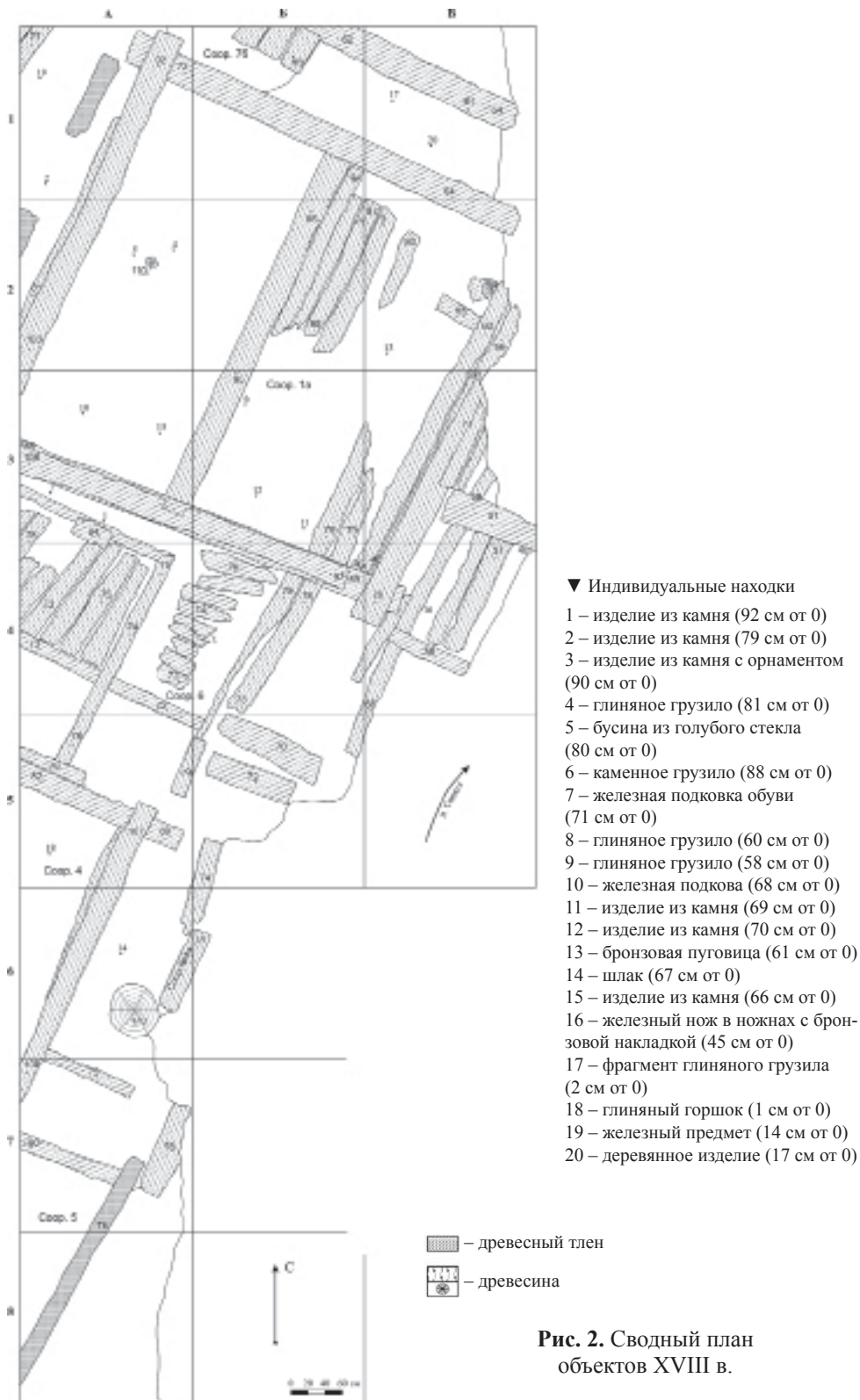
Судя по письменным источникам, здесь располагались Рождественская, Кузнечная, Татарская, Болотная улицы с плотной деревянной застройкой. В XVI–XVII вв. они находились за пределами укрепленного посада города (Свод, 2011, с. 35, № 7; Список, 1909, с. 36–58). Улицы фиксируются и в более поздних источниках и планах Свияжска (НА РТ, ф. 324) (рис. 1 А). Застройка сохранялась до середины XX в.

Стратиграфия культурных напластований в раскопе отражала разнообразные по мощности и насыщенности отложения, сформировавшиеся за длительный период хозяйственного освоения этой территории. Средняя мощность культурного слоя вне ям и сооружений составляла около 3 м (рис. 1 В, Г).

Верхние прослойки XIX–XX вв. мощностью 90–120 см на протяжении всего профиля представлены задернованными рыхлыми супесями с вариациями серого (светлого и темного оттенков), коричневого и серо-коричневого цветов с обилием строительного мусора в виде кирпичного и известкового крошева, щебня, песка, угля, золы и древесного тлена (рис. 2: В, Г).

Находки из слоя представлены современным мусором, стеклянной посудой и оконным стеклом, фаянсовой посудой и фрагментами керамики XIX–XX вв., грузилами от сетей, деталями кожаной обуви. Кроме того,

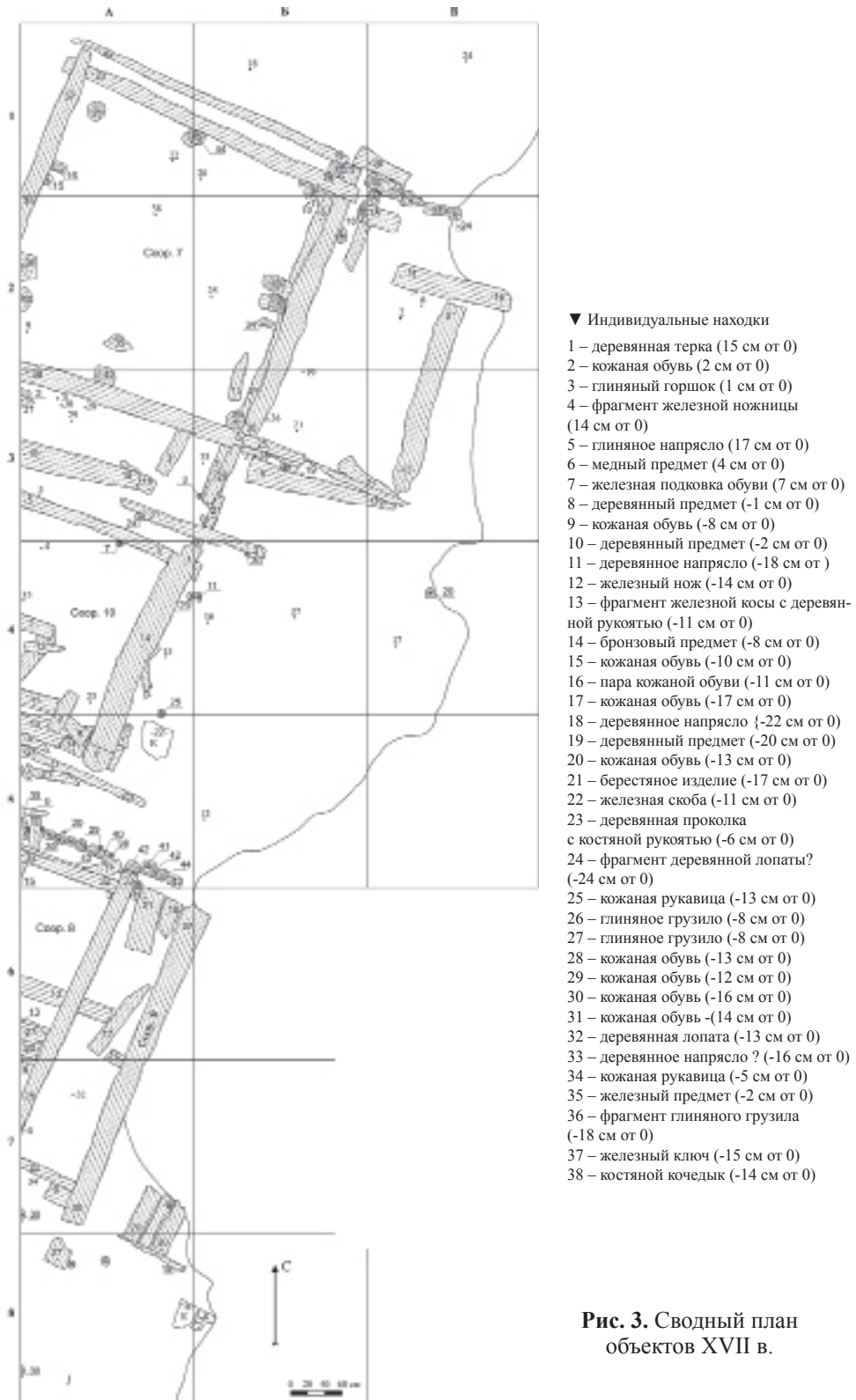

Рис. 3. Сводный план объектов XVII в.

Рис. 4. Сводный план объектов конца XVI в.

▼ Индивидуальные находки

- 1 – железный нож (-31 см от 0)
- 2 – железное шило (-34 см от 0)
- 3 – ткань (-32 см от 0)
- 4 – железный гвоздь (-30 см от 0)
- 5 – железный гвоздь (-32 см от 0)
- 6 – железная подковка обуви (-41 см от 0)
- 7 – деревянная миска (-29 см от 0)
- 8 – кожаный кошелек (-33 см от 0)
- 9 – кожаная обувь (-33 см от 0)
- 10 – железный пробой (-38 см от 0)
- 11 – кожаная обувь (-34 см от 0)
- 12 – деревянное весло (-36 см от 0)
- 13 – железные штыри (-18 см от 0)
- 14 – фрагмент железной скобы (-35 см от 0)
- 15 – железная пряжка (-34 см от 0)
- 16 – кожаный кошелек (-35 см от 0)
- 17 – железная подковка обуви (-36 см от 0)
- 18 – изделие из лыка (-33 см от 0)
- 19 – деревянный предмет (-32 см от 0)
- 20 – деревянное навершие (-55 см от 0)
- 21 – железная ручка (-56 см от 0)
- 22 – железный предмет (-57 см от 0)
- 23 – половина деревянной колотушки (-50 см от 0)
- 24 – деревянный черенок (-54 см от 0)
- 25 – половина деревянной колотушки (-53 см от 0)
- 26 – деревянный половник (-56 см от 0)
- 27 – деревянный ковш (-57 см от 0)
- 28 – разделочная доска (-48 см от 0)
- 29 – железная подковка обуви (-49 см от 0)
- 30 – деревянный предмет (-46 см от 0)
- 31 – деревянный предмет (-48 см от 0)
- 32 – кожаная обувь (-54 см от 0)
- 33 – деревянный предмет (-55 см от 0)
- 34 – деревянный предмет (-58 см от 0)
- 35 – деревянное напрясло? (-57 см от 0)
- 36 – деревянный черенок? (-53 см от 0)
- 37 – кожаная детская обувь (-52 см от 0)
- 38 – железная подковка обуви (-51 см от 0)
- 39 – железный предмет (-54 см от 0)
- 40 – костяная свистулька (-53 см от 0)
- 41 – железный предмет (-51 см от 0)
- 42 – деревянный предмет (-58 см от 0)
- 43 – кожаная обувь (-56 см от 0)
- 44 – глиняное грузило (-52 см от 0)
- 45 – глиняное грузило (-55 см от 0)
- 46 – кожаное изделие (-56 см от 0)
- 47 – деревянное весло (-53 см от 0)
- 48 – деревянное изделие (-51 см от 0)
- 49 – кожаная обувь (-59 см от 0)
- 50 – железная подковка (-60 см от 0)
- 51 – железная пряжка (-62 см от 0)
- 52 – деревянная игрушка-сабля (-73 см от 0)
- 53 – фрагмент чугунного котла (-76 см от 0)
- 54 – железная скоба (-64 см от 0)
- 55 – кожаный сапог (-86 см от 0)
- 56 – деревянный молоток (-88 см от 0)
- 57 – деревянный поплавок (-83 см от 0)
- 58 – железный предмет (-83 см от 0)
- 59 – железная подковка обуви (-59 см от 0)
- 60 – железный нож с деревянной рукояткой (-58 см от 0)
- 61 – фрагмент деревянного колеса (-62 см от 0)
- 62 – кожаная обувь (-61 см от 0)
- 63 – деревянная заготовка рукоятки (-63 см от 0)
- 64 – железный предмет (-70 см от 0)
- 65 – железная соха (-84 см от 0)
- 66 – глиняное грузило (-62 см от 0)
- 67 – железная подковка обуви (-60 см от 0)
- 68 – деревянный поплавок (-79 см от 0)
- 69 – деревянный поплавок (-84 см от 0)
- 70 – деревянный поплавок (-75 см от 0)
- 71 – деревянный поплавок (-74 см от 0)
- 72 – скопление деревянных поплавков (25 шт.) (-65 см от 0)
- 73 – деревянный поплавок (-80 см от 0)
- 74 – железный нож (-64 см от 0)
- 75 – кожаная обувь (-72 см от 0)
- 76 – кожаная рукавица (-67 см от 0)
- 77 – глиняное напрясло (-56 см от 0)
- 78 – деревянный поплавок (-83 см от 0)
- 79 – глиняное грузило (-66 см от 0)
- 80 – деревянный предмет (-85 см от 0)
- 81 – кожаный колчан (-71 см от 0)
- 82 – деревянный предмет (-68 см от 0)
- 83 – железный нож (-70 см от 0)
- 84 – деревянный предмет (-69 см от 0)

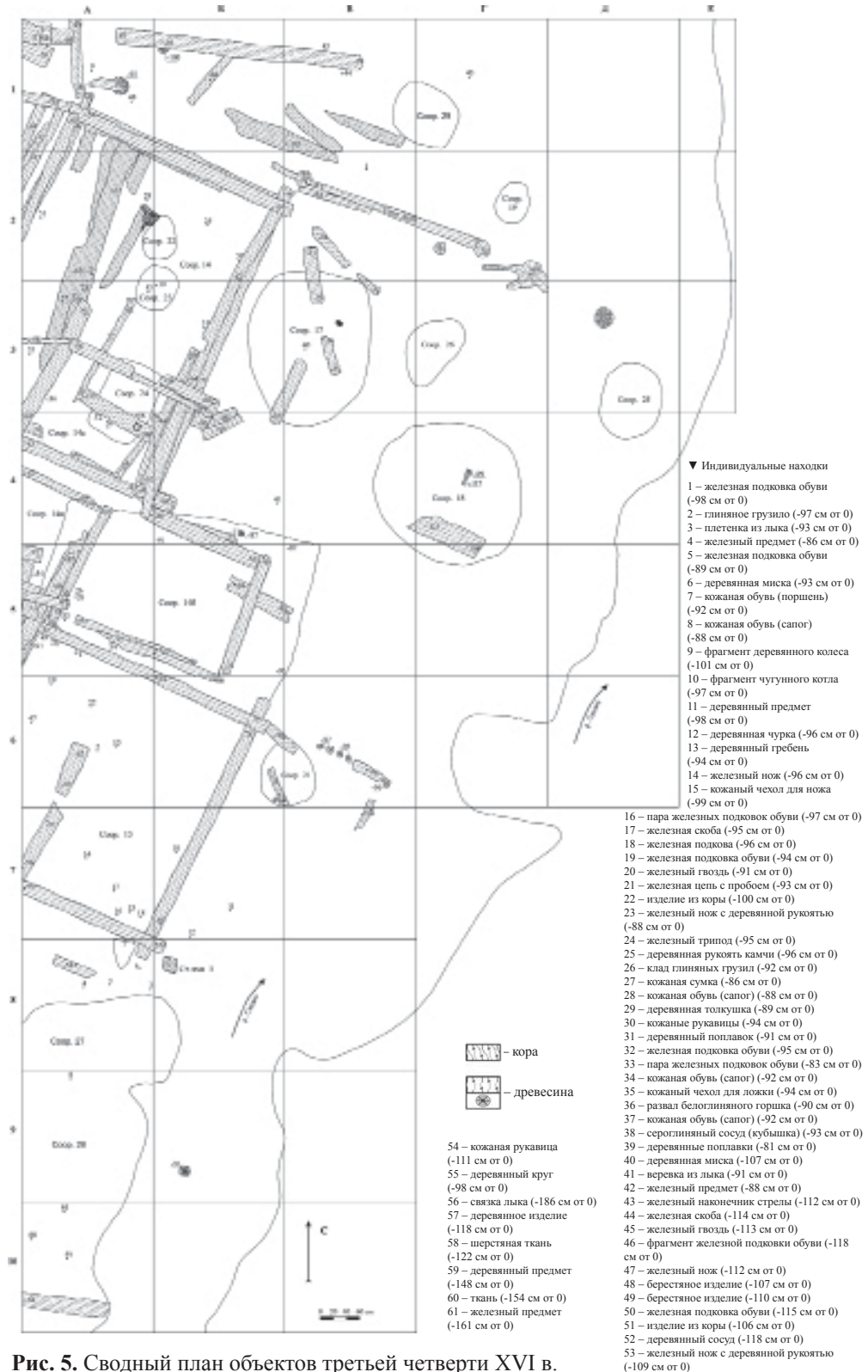

Рис. 5. Сводный план объектов третьей четверти XVI в.

в переотложенном виде встречаются фрагменты керамики, характерные для XVII–XVIII вв., и керамика в болгарских традициях (рис. 6: 1, 20). С описанным слоем увязываются пять объектов.

Самая поздняя срубная постройка в раскопе на уч. А-В/1-4 – *сооружение 1*. Сруб размером 570 x 450 см углами ориентирован по сторонам света с некоторым отклонением на запад. По периметру он прослежен в виде истлевших бревен диаметром около 28 см, скрепленных по углам в «обло». В процессе выборки сооружения на разных уровнях были расчищены завалившиеся деревянные детали конструкции, фиксировавшиеся в виде древесного тлена, а также остатки пола в виде истлевших досок. Нижние венцы сруба покоились на глубине чуть более полуметра от современной поверхности.

Индивидуальные находки представлены фрагментами орнаментированной поливной погребушки, поливного изразца, грузилами из глины и камня (рис. 7: 8, 10, 15), кожаной обуви, медного крестика, железным предметом.

Сооружение, скорее всего, являлось остатками жилого дома второй половины XIX – середины XX вв., который, по словам старожилов, был разобран перед подъемом Куйбышевского водохранилища.

Назначение поздних ям XX в. (*соор. 2* на уч. В/1 и *соор. 3* на уч. А/9), выявленных на уровне 3 штыка и лишь незначительно попавших в раскоп, определить не удалось. К выделенному слою также относятся *столбовые ямы 1* (уч. А/6-7) и *2* (уч. А/8-9).

На XIX в. приходится наибольший экономический спад Свияжска (Статистическое, 1830, с. 68–69). На рубеже XIX–XX вв. он становится одним из двенадцати рядовых уездных городов Казанской губернии, в значительной мере утратив свою первоначальную значимость как крупного административно-торгового центра Поволжья. С подъемом Куйбышевского водохранилища в конце 1950-х годов прибрежные дворы прекращают свое существование. Представленный в верхних горизонтах культурного слоя вещевой материал отражает процесс запустения этого района к середине XX в.

Горизонты XVIII в. представлены темными оттенками коричневых и серых гумусированных плотных и рыхлых супесей с включениями большого количества древесного тлена, коры и щепы. Толщина напластований этого периода 34–70 см (рис. 2: В, Г).

Характерными находками являются: серая, бурая и коричневая круговая керамика, керамика с поливой XVIII в., грузила от сетей, предметы из металла, изделия из кожи и дерева, а также в переотложенном состоянии керамика белоглиняная и в болгарских традициях (рис. 6: 8). К слою относятся шесть сооружений. Пять из них являются деревянными постройками, функционировавшими и в первой половине XIX в. Все деревянные объекты углами ориентированы по сторонам света с некоторым отклонением на запад.

До позднейшего дома (*соор. 1*) на его месте стоял другой – *сооружение 1а*. Оно представляло собой сруб размерами 520 x 530 см из бревен диаметром около 34 см, скрепленных по углам в «обло». Сруб по линии ССВ

– ЮЮЗ делился перегородкой из бревен диаметром 26 см, на два равных помещения. С юго-востока расчищены примыкающие к срубу вытянутые по линии ССВ – ЮЮЗ бревна и горбыли шириной 10–23 см и длиной 76–140 см. Они уложены на поперечные лаги шириной 18–40 см и длиной 100–156 см (рис. 2). Вероятно, примыкающая конструкция являлась остатками крыльца. В процессе выборки сооружения на разных уровнях были расчищены завалившиеся деревянные детали, фиксировавшиеся в виде истлевших бревен. Сруб сохранился в высоту в три венца. Нижние венцы и перегородка покоились на вертикально установленных чурбаках диаметром 40 см.

Под крыльцом был обнаружен железный нож с бронзовой накладкой на рукояти (рис. 9: 8). Из заполнения, кроме массового керамического материала, происходят фрагменты кожаной обуви, глиняные и каменные грузила, бусина из голубого стекла (рис. 7: 11), бронзовая пуговица, каменное изделие (рис. 7: 14), железная подковка обуви, фрагменты красноглиняной керамики в болгарских традициях (рис. 6: 19).

Рассмотренное сооружение, предположительно, являлось жилым домом, построенным в середине XVIII в. и разобранным после обветшания в начале XIX в.

Другой деревянной постройкой являлось *сооружение 4*, ооконтурившееся на уч. А/5-7 на уровне +108 см от 0. Оно представляло собой восточную часть сруба с фиксируемыми размерами 390 x 214 см, который продолжается в западную стенку раскопа (рис. 2). Сруб из бревен диаметром

25 см сохранился на высоту в пять венцов, скрепленных в обло. Нижние венцы ложились на горизонтальные чурбаки. Индивидуальные находки из заполнения сруба представлены деталями кожаной обуви и обрезками раскроя, бусиной из голубого стекла, каменным изделием (рис. 7: 17), глиняным грузилом и фрагментом сосуда в болгарских традициях.

Описанное сооружение является жилым домом, судя по стратиграфии, синхронным сооружению 1а, которое также было разобрано после обветшания и засыпано в начале XIX в.

Сооружение 6 фиксировалось на уч. А-В/3-5 с уровня +78 см от 0. Оно представляет собой прямоугольную конструкцию размером 320 x 470 см из досок шириной 16–26 см, уложенных на поперечные лаги шириной 11–20 см. Скорее всего, это остатки деревянной вымостки между домами (сооружение 1а и 4) (рис. 2).

На уч. А/6-8 была обнаружена на уровне +74 см от 0 деревянная постройка (*соор.* 5). Ее восточная часть, размерами 370 x 176 см фиксировалась с 4 штыка (рис. 2). Сруб из бревен толщиной 25 см сохранился в высоту в три венца, нижние венцы, скрепленные в «обло», покоились на поперечных чурбаках. В процессе выборки сооружения на разных уровнях были расчищены завалившиеся деревянные детали конструкции в виде древесного тлена и истлевших бревен. Из заполнения, кроме обломков глиняной посуды, происходят фрагмент медной пуговицы, детали кожаной обуви, глиняное грузило, фрагменты изразцов с бирюзовой поливой. Основная часть постройки середины XVIII – первой половины XIX вв. продолжается в

западный борт, что затрудняет определение ее функционального назначения.

К числу наземных деревянных объектов относится постройка (*соор. 4a*), выявленная на уч. А-Б/4-6 (рис. 2). Ее конструкция сохранилась в виде бревенчатой стены в два венца длиной 380 см, вытянутой по линии ССВ – ЮЮЗ и уложенной на поперечные чурбаки. Нижние венцы покоятся на +52 см от 0. Сооружение представляет собой деревянную каркасно-столбовую конструкцию, скрепленную в «забир» (в вертикальный паз) из бревен диаметром 24–28 см и столбов диаметром до 60 см. Ее большая часть разрушена водами Куйбышевского водохранилища. Сооружение, возможно, являлось наземной хозяйственной постройкой или оградой, которая по характеру отложения слоев датируется середины XVIII – первой половины XIX вв.

У северной стенки раскопа на отметке +23 см от 0 было выявлено *сооружение 7б* в виде пятна полуовальной формы 182 x 72 см, уходящего в стенку за пределы раскопа (рис. 2). Оно имело отвесные стенки и ровное дно на глубине 48 см от уровня выявления. У западного края ямы выявлено вертикально установленное бревно диаметром 12 см, к которому с запада примыкает горизонтальное бревно диаметром 18 см, вытянутое по линии ЗСЗ – ВЮВ. Заполнение ямы – темно-серая рыхлая гумусированная супесь с включениями древесного тлена и щепы. находки: детали кожаной обуви, керамика русская белоглиняная, керамика татарско-русская серая лошенная и не лошенная. Функциональное назначение и характер конструкции этого объекта, построенного в середине XVIII в., остались не выясненными

Формирование культурных напластований и время функционирования вышеописанных объектов связано с периодом, когда г. Свияжск становится в 1719 г. центром Свияжской провинции Казанской губернии. Под его началом находилось восемь уездов, что отразилось и на интенсивности жизни города. С этими же горизонтами связано время превращения в 1781 г. Свияжска в уездный город. Период XVIII в. – это эпоха максимального роста и подъема г. Свияжска с большой концентрацией застройки и активным ростом численности населения.

Напластования XVII в. представлены темно-коричневой и темно-серой гумусированной супесью с включениями большого количества древесной щепы и тлена, а также скоплениями угля, золы, прокала, суглинка и кирпичного крошева, образовавшихся в результате разрушения печей жилых построек, погибших в пожаре. Мощность слоя составляет 34–50 см (рис. 1: В, Г). находки представлены белоглиняной, коричневой, красной и бурой круговой керамикой XVI–XVII вв., грузилами от сетей, целыми формами и деталями кожаной обуви, изделиями из кожи, дерева и бересты, в переотложенном состоянии встречены немногочисленные фрагменты круговой посуды в болгарских традициях (рис. 6: 2–3, 6–7, 9–11, 15, 21). С отмеченным слоем связано пять срубных построек, проявившихся на уровнях 8–9 штыков.

Сооружение 7a выявлено на уч. А-В/1-4 в виде сруба размерами 490 x 480 см из бревен диаметром до 22 см. Заполнение внутри сруба состоит из прослоек угля, древесного тлена, кирпичей и прокала мощно-

Рис. 6. Керамика в болгарских традициях.

- 1 – Св.-08/2971, 2 – Св.-08/2646, 3 – Св.-08/2620, 4 – Св.-08/614,
 5 – Св.-08/3663, 6 – Св.-08/2642, 7 – Св.-08/4386, 8 – Св.-08/2263,
 9 – Св.-08/2640, 10 – Св.-08/2643, 11 – Св.-08/4928, 12 – Св.-08/3680,
 13 – Св.-08/2077, 14 – Св.-08/1712, 15 – Св.-08/523, 16 – Св.-08/598,
 17 – Св.-08/4014, 18 – Св.-08/805, 19 – Св.-08/1443, 20 – Св.-08/2973,
 21 – Св.-08/4926, 22 – Св.-08/3383.

стью 27 см. Северный угол сруба сохранился в высоту в два венца. Нижний ряд бревен сруба был на уровне +25 см от 0. Среди индивидуальных находок: фрагмент железного ножа, железная подкова. Сооружение, возможно, является жилым домом, функционировавшим во второй половине XVII – начале XVIII вв. Обугленные изнутри бревна указывают, что, вероятно, он погиб в пожаре.

Под ним было расчищено *сооружение 7*. Оно также представляло собой сруб прямоугольной формы (360 x 388 см), продолжающийся в западную стенку раскопа. Бревна диаметром до 26 см соединены в «обло».

Сруб сохранился в высоту в четыре венца, нижние венцы покоились на уровне -30 см от 0. В процессе выборки сооружения на разных уровнях были расчищены завалившиеся деревянные детали. Пол выстелен из бревен и досок. Внутри сруба вдоль стен прослежены вертикально установленные подпорки-чурбаки диаметром 20–30 см, вероятно, поддерживавшие поперечные лаги пола. С юга в перевязь к срубам примыкало помещение шириной 100 см. Оно было сложено из бревен диаметром около 16 см. Его наружные стенки дополнительно крепились вертикальными кольями. С восточной стороны к срубам вплотную

Рис. 7. Изделия из глины (1-11, 18-21), стекла (12-14) и камня (15-17)
 (1-8, 10, 15 – грузила, 9 – свистулька, 12-13 – бусины, 14 – дно бокала,
 15-17 – фрагменты предметов, 18-21 – посуда).

1 – Св.-08/2089, 2 – Св.-08/2090, 3 – Св.-08/2091, 4 – Св.-08/2092,
 5 – Св.-08/2093, 6 – Св.-08/3507, 7 – Св.-08/3508, 8 – Св.-08/844, 9 – Св.-08/3530,
 10 – Св.-08/843, 11 – Св.-08/3583, 12 – Св.-08/3642, 13 – Св.-08/3643,
 14 – Св.-08/861, 15 – Св.-08/3390, 16 – Св.-08/1875, 17 – Св.-08/3391,
 18 – Св.-08/4761, 19 – Св.-08/895, 20 – Св.-08/3545, 21 – Св.-08/3389.

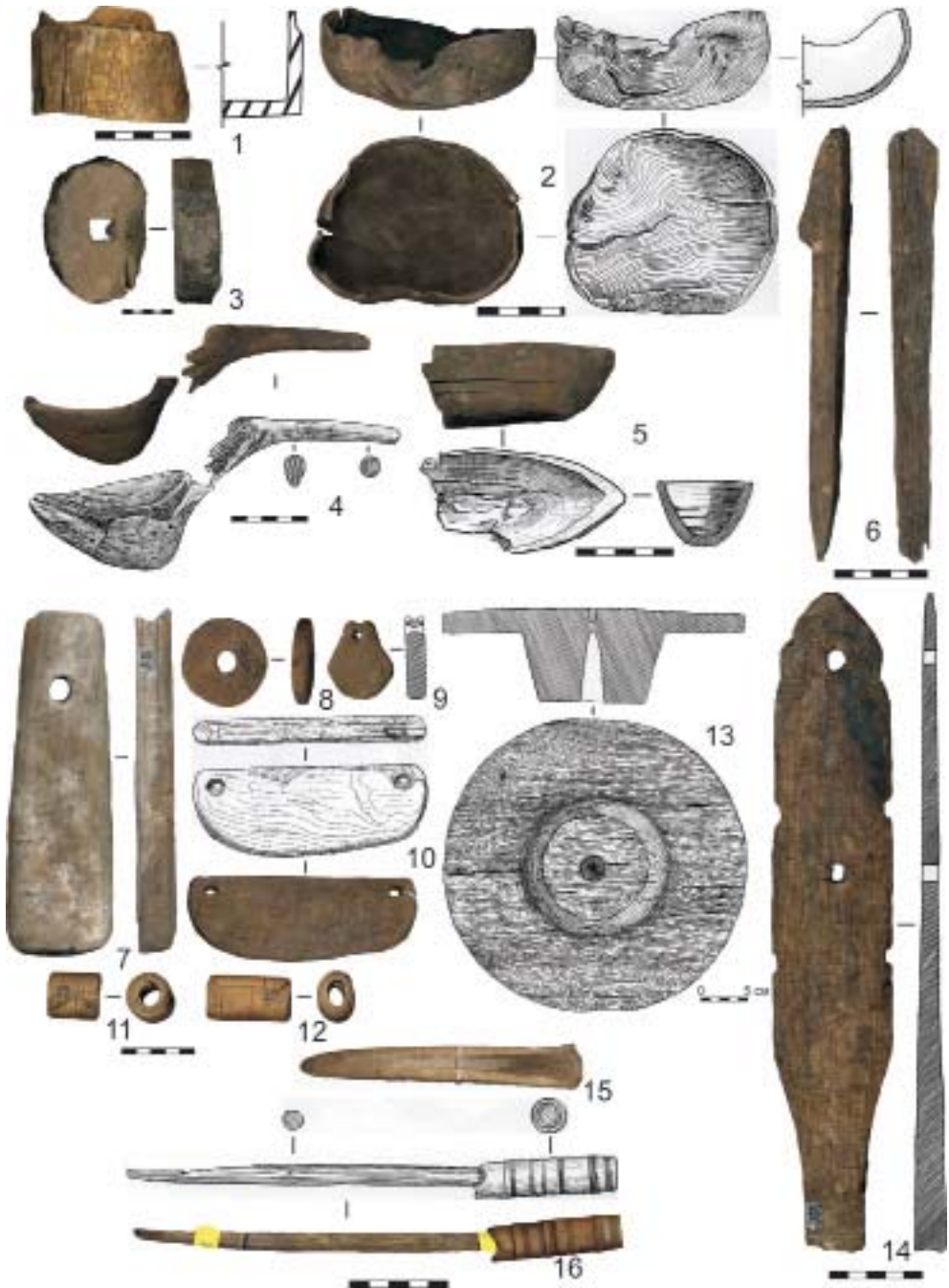

Рис. 8. Изделия из дерева (1-10, 13-14), бересты (11-12), кости (15), дерева и кости (16) (1-2 – сосуды, 3, 6 – предметы, 4 – ковш, 5 – игрушка «лодочка»? , 7-12 – поплавки, 13 – «головка» гончарного круга, 14 – деталь прялки «лопата» , 15-16 – кочедыки).

1 – Св.-08/2082, 2 – Св.-08/534, 3 – Св.-08/3379, 4 – Св.-08/3521,
 5 – Св.-08/3523, 6 – Св.-08/3519, 7 – Св.-08/2104, 8 – Св.-08/3529,
 9 – Св.-08/1676, 10 – Св.-08/1680, 11 – Св.-08/1850, 12 – Св.-08/1847,
 13 – Св.-08/2754, 14 – Св.-08/3524, 15 – Св.-08/3621, 16 – Св.-08/3513.

располагалось еще одно помещение шириной в 140–160 см, сложенное из бревен диаметром 30 см, которые также дополнительно укреплялись вертикально вбитыми кольями (рис. 3).

Находки из сооружения представлены деталями и целой кожаной обувью, железной скобой, костяным кочедыком (рис. 8: 15), деревянным круглым поплавком, кожаной рукавицей, изделием из бересты. Керамика была представлена русской белоглиняной, по образцу или в развитие белоглиняной, а также фрагментом сосуда в болгарских традициях красно-коричневого цвета.

У северо-восточной угла сооружения 7 по линии ЗСЗ – ВЮВ расчищена ограда в виде вертикально вбитых бревен диаметром 16 см (рис. 3).

Сооружение 10, расположенное на уч. А-Б/3-5, представляло собой часть сруба размерами 262 x 216 см, который продолжался в западную стенку раскопа. Он сложен в «обло» из бревен диаметром 16–34 см (рис. 3). Вдоль северо-восточной и юго-восточной стенок прослежены вертикально вбитые горбыли и колья диаметром 9 см, возможно, игравшие роль дополнительного крепежа. Сруб сохранился в высоту в два венца, нижние венцы покоились на уровне -32 см от 0 на поперечных чурбаках. В процессе выборки сооружения на разных уровнях были расчищены завалившиеся деревянные детали конструкции и пола, фиксировавшиеся в виде бревен диаметром 17 см и досок шириной 11–19 см. Кроме характерного для этого времени керамического материала из сруба происходит два фрагмента глиняной посуды, выполненной в болгарских традициях (рис. 6: 4, 16). С севера к срубу, который, скорее все-

го, являлся хозяйственной постройкой наземного типа, примыкает деревянная конструкция – тамбур сооружения 7 (рис. 3).

Описанный комплекс – дом с помещением-тамбуром, крыльцом-сенями (?), хозяйственная постройка и ограда – представлял собой частью одного двора. Он функционировал со второй четверти по последнюю треть XVII в., а после обветшания, был разобран и засыпан. Датировку подтверждает спил (№ 2), свидетельствующий о дате порубки дерева в 1633 г. (Тишин, Шакиров, 2010, с. 36–39).

Еще одним интересным комплексом являются сооружения 8 и 9. *Сооружение 8*, расчищенное на уч. А/5-7, оконтурилось как часть сруба размерами 344 x 200 см, продолжавшегося в западную стенку раскопа. Сруб сложен в «обло» из бревен диаметром 20 см и сохранился в высоту в три венца, нижние венцы покоились на поперечных чурбаках диаметром 16–18 см на уровне -22 см от 0. В процессе выборки сооружения были расчищены завалившиеся деревянные детали конструкции и пол, фиксировавшиеся в виде обугленных и истлевших бревен и досок (рис. 3). Кроме характерного для этого времени керамического материала, из сруба происходит два фрагмента от сосудов, выполненных в болгарских традициях.

Параллельно северо-восточной стене сруба, в 30 см от нее, расчищена ограда из вертикально вбитых кольев и горбылей диаметром до 18 см (рис. 3).

К юго-востоку от описанного сооружения на уч. А-Б/6-8 было изучено *сооружение 9*. Его большая часть разрушена водами Куйбышевского водохранилища, а фиксировавшиеся

размеры – 444 x 166 см. Оно является наземным срубом из бревен диаметром 26 см. На уровне +15 см от 0 расчищены завалившиеся деревянные детали конструкции, фиксировавшиеся в виде досок шириной 13–18 см уложенных на поперечный чурбак.

Между сооружениями 8 и 9 имелось своеобразное помещение-тамбур шириной около 80 см. Пол тамбура выстлан досками шириной 15–28 см, уложенными на поперечные лаги диаметром 12–18 см (рис. 3).

Вероятно, два вышеописанных сооружения с тамбуром и остатками забора являлись объектами одного двора. Дворовые постройки использовались до последней трети XVII в. и погибли во время пожара.

В начале XVII в. Свяжск еще продолжал выполнять функции опорной базы Российского государства на присоединенных во второй половине XVI в. территориях. К середине XVII в. с переводом части военного сословия на засечную линию и в Астрахань (Смирнов, 1919, с. 167–169) население города резко сокращается, прежде всего, в посаде. Сокращение населения было связано с постепенным спадом торгово-экономической роли города и перемещением ее в Казань.

Слой второй половины XVI в., связанный с началом активного освоения рассматриваемого участка, представлен горизонтами гумуса, рыхлыми и плотными прослойками темно-коричневой и серой гумусированной супеси с включениями древесной щепы. Мощность слоя достигает 94–130 см (рис. 1: Б, В).

Находки представлены песочно-древяной, белоглиняной, красной, коричневой и бурой круговой кера-

микой XV–XVI вв., большим количеством целых форм и деталей кожаной обуви, изделиями из кожи, дерева и бересты, деревянными поплавками и глиняными грузилами от сетей, в большом количестве встречены фрагменты круговой посуды в болгарских традициях (рис. 6: 12–14, 18, 22).

С данным слоем связано подавляющее большинство объектов раскопа: одна столбовая яма и двадцать три сооружения. Все изученные деревянные объекты слоя углами ориентированы по сторонам света с некоторым отклонением на запад, что, вероятно, является отражением уличной планировки. Часть построек этого периода просуществовала до начала XVII в.

На уч. А/5-7 был расчищен сруб *сооружения 8а* размерами 312 x 140 см (рис. 4). Сохранился на высоту в три венца, нижние венцы покоились на уровне -72 см от 0 на поперечных чурбаках. Бревна диаметром около 20 см соединены в «обло». В центральной части сруба на уровне -28 см от 0 фиксировались завалившиеся деревянные детали конструкции в виде обугленных и истлевших бревен и досок, вытянутых по линии ЗСЗ – ВЮВ. Пол фиксировался на уровне -60 см в виде обугленных досок шириной 10–26 см и бревен диаметром 18 см, вытянутых по длине помещения и уложенных на поперечные лаги. Пол в северной части прогнулся под массой печи.

Находки из засыпи внутри сруба состояли из железной пряжки (рис. 9: 27), штыря, гвоздя. Керамика была представлена тремя фрагментами посуды в болгарских традициях, одним обломком горшка русской белоглиняной.

С постройкой связана единственная в раскопе печь с сохранившейся

Рис. 9. Изделия из железа (1-7 – ножи, 8 – нож в кожаном чехле, 9 – наконечник стрелы, 10 – ножницы, 11 – предмет, 12 – складная коса, 13 – соха, 14 – косарь, 15 – тесак, 16 – подставка-трипод, 17 – цепь с пробоем, 18 – пробой, 19-21 – гвозди, 22-23 – скобы, 24-25 – фрагменты чугунных котлов, 26 – деталь замка с ключом, 27-28 – пряжки, 29-35 – подковки обуви, 36 – конская подкова).

1 – Св.-08/3592, 2 – Св.-08/3500, 3 – Св.-08/3594, 4 – Св.-08/141, 5 – Св.-08/3601,
 6 – Св.-08/3589, 7 – Св.-08/3638, 8 – Св.-08/3609, 9 – Св.-08/3617, 10 – Св.-08/3626,
 11 – Св.-08/5370, 12 – Св.-08/3512, 13 – Св.-08/395, 14 – Св.-08/264, 15 – Св.-08/3514,
 16 – Св.-08/4749, 17 – Св.-08/2071, 18 – Св.-08/3633, 19 – Св.-08/3606, 20 – Св.-08/3581,
 21 – Св.-08/2101, 22 – Св.-08/3582, 23 – Св.-08/3611, 24 – Св.-08/761, 25 – Св.-08/3620,
 26 – Св.-08/3598, 27 – Св.-08/930, 28 – Св.-08/3636, 29 – Св.-08/2099, 30 – Св.-08/3631,
 31 – Св.-08/2100, 32 – Св.-08/3612, 33 – Св.-08/3610, 34 – Св.-08/3613,
 35 – Св.-08/3526, 36 – Св.-08/3596.

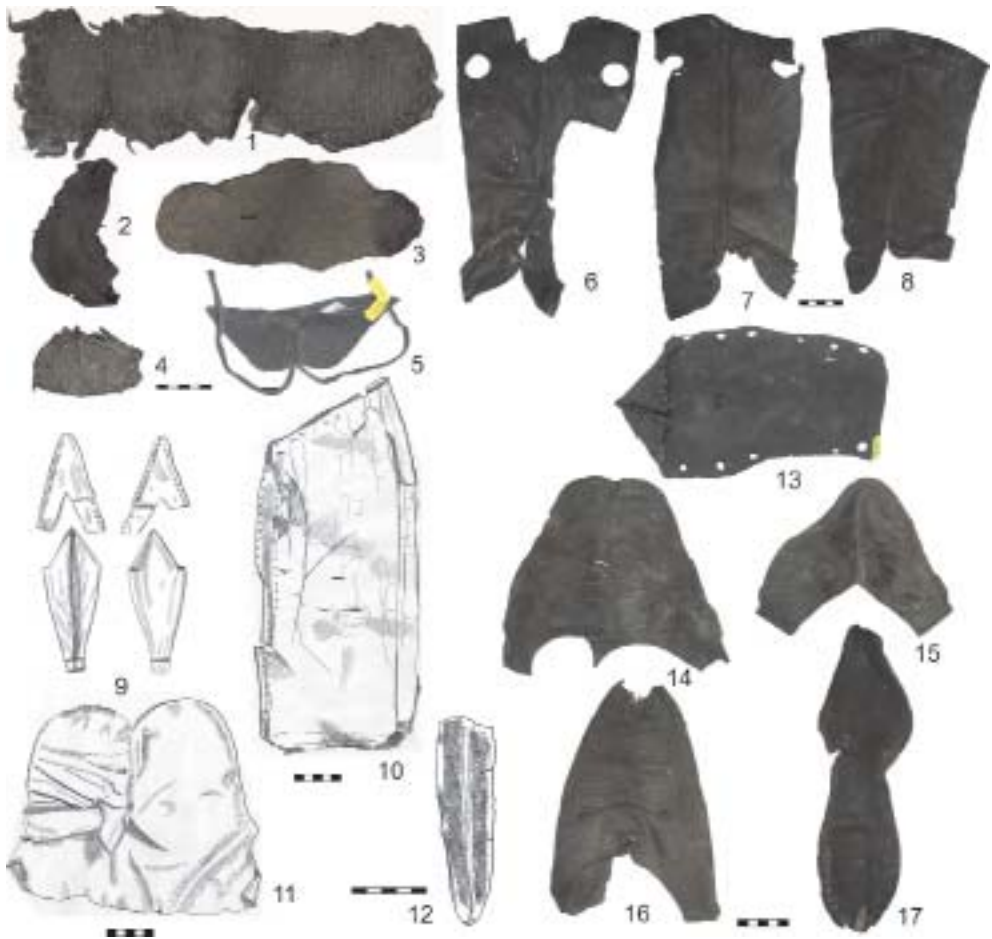

Рис. 10. Находки (фрагменты 1 – шерстяной и 2 – холщовой ткани, 3 – войлока, изделия из 4 – лыка и 5 – кожи, 6-8 – голенища, 9 – чехол от ложки (?), 10 – колчан, 11 – рукавица, 12 – чехол от ножа, 13 – поршень, детали обуви 14-16 – головки, 17 – подошва).

1 – Св.-08/3364, 2 – Св.-08/1928, 3 – Св.-08/1931, 4 – Св.-08/3365, 5 – Св.-08/3509+3510, 6 – Св.-08/3484, 7 – Св.-08/3485, 8 – Св.-08/3486, 9 – Св.-08/5369, 10 – Св.-08/5370, 11 – Св.-08/5372, 12 – Св.-08/5373, 13 – Св.-08/1320, 14 – Св.-08/4788, 15 – Св.-08/412, 16 – Св.-08/3402, 17 – Св.-08/3499.

конструкцией. Печь размерами 118 x 60 см на уровне пода, располагалась у северной стенки сруба. Под был сложен из белоглиняного кирпича (5 x 13 x 16 см) в один ряд на лежке. Кладка скреплена глиняным раствором с большим включением песка (рис. 4). По краю фиксировалась полоса прокала шириной 2–14 см и мощностью до 28 см, образовавшимся в процессе

функционирования печи. Кладка поκειται на стерильной песчаной подушке мощностью 30–32 см. В ней выделяется три прослойки: верхняя – серый песок толщиной до 14 см; вторая – темно-серая плотная супесь с включениями угольков мощностью до 10 см; нижняя – серый песок с кирпичами толщиной до 8 см. Промежуток между печью и стеной сруба шириной

16–30 см забутован стерильной светло-серой плотной супесью с включениями кирпичного крошева, суглинка мощностью 34 см. В южном углу печи прослежена вертикально установленная жердь диаметром 8 см, являющийся конструктивной деталью печи.

Сооружение предположительно является жилым домом, функционировавшим в последней трети XVI – начале XVII вв. и погибшим в пожаре.

Сооружение 11 зафиксировано на уч. А-В/1-4 в виде обугленного сруба размерами 424 x 432 см (рис. 4). Сохранились лишь нижние венцы, сложенные в «обло» из бревен диаметром 23–30 см. Основание сруба располагалось на уровне -58 см от 0 (-232 см от современной поверхности). В процессе выборки на разных уровнях были расчищены завалившиеся деревянные детали конструкции в виде бревен диаметром 18–26 см и пола из досок шириной 15–30 см. В конструкцию западают прослойки, образовавшиеся в результате его гибели в пожаре. Спил (№ 1) взятый на дендрохронологический анализ дал дату 1591 г. (Тишин, Шакиров, 2010, с. 36–39).

У восточного угла фиксировались вертикально вбитые жерди диаметром 10–12 см, вытянутые в ряд по линии СЗ–ЮВ. Это, скорее всего, остатки деревянной ограды (рис. 4).

Среди керамического материала выделяются фрагменты посуды, изготовленной в болгарских традициях. Находки представлены скорлупой лесных орехов, тканью, железными предметами, гвоздями, ножом и подковками обуви (рис. 9: 35), целой формой и деталями кожаной обуви, обрезами раскроя. Аналогии глиняной свистульке в виде птички (рис. 7: 9) имеются в материалах средневековых

русских городов (Екимов, 2005, с. 12–18; Глиняные, 2002, с. 24–28). Имеются изделия из дерева: мешалка, разделочная доска, черенок, половник, ковш (рис. 8: 4), деталь прялки (рис. 8: 14), предмет (рис. 8: 6), игрушкелодочка (рис. 8: 5), поплавок (рис. 8: 8), а также берестяные вставки в задники обуви.

Сооружение 12 (уч. А/3-5) представляло собой часть сруба размерами 284 x 146 см, имеющее продолжение в западную стенку раскопа. Он сложен в «обло» из бревен и горбылей диаметром 16–30 см. Сохранившаяся высота – два венца. Основание конструкции покоится на уровне -68 см от 0. В центральной части сруба выявлен горбыль шириной 16 см, разделяющий его по длине на две половины. Пол сделан из досок шириной 20–30 см, лежащих на поперечной лаге (рис. 4). В процессе выборки сооружения на разных уровнях были расчищены завалившиеся деревянные детали конструкции из бревен диаметром 15–20 см и досок шириной 26 см. Находки представлены железными подковками обуви, а также керамикой в болгарских традициях, фрагментами русской белоглиняной и в развитие белоглиняной.

В 1 м к ЮВ от сооружения 12 на уч. А-Б/4-6 располагалось *сооружение 13* – остатки наземной каркасно-столбовой постройки размерами 260 x 230 см. В вертикально установленные бревна диаметром 24–28 см в «забир» вставлены бревна диаметром 12–22 см (рис. 4). Стены конструкции сохранились в высоту в два венца. На уровне -61 см от 0 фиксировался пол – накатник из бревен диаметром 10–22 см (рис. 11), уложенных на поперечные лаги диаметром 14–26 см. Индивиду-

альные находки из заполнения: железные предметы, нож, подковка, пряжка (рис. 9: 28), клад деревянных поплавков (рис. 8: 7), деревянные предметы, кожаный колчан (рис. 10: 10), детская кожаная обувь, целый кожаный сапог, детали кожаной обуви и обрезки раскроя, берестяные вставки в задник обуви, берестяные поплавки (рис. 8: 11, 12), войлочная стелька, глиняное грузило.

Наземной каркасно-столбовой конструкцией являлось также *сооружение 16* на уч. Б-Г/5-6. Ее большая часть разрушена водохранилищем. В плане зафиксирована конструкция размерами 232 x 170 см, сделанная из бревен диаметром 16–26 см и столбов диаметром до 18–20 см (рис. 4). Пол представлял собой настил из досок шириной до 20 см, вытянутых по линии ССВ – ЮЮЗ и уложенных на поперечную лагу диаметром 26 см.

Комплекс, представленный жилым домом с оградой (соор. 11), хозяйственными надворными постройками (соор. 12, 13 и 16) и вымостками между ними (рис. 4), скорее всего, являлся частью застройки двора последней трети XVI – начала XVII вв., который погиб в пожаре.

Сооружение 15 на уч. А-Б/5-8 – остатки сруба квадратной формы (387 x 390 см). Сохранился в высоту в два венца, сложен в «обло» из бревен диаметром около 20 см (рис. 5). Нижние венцы покоятся на уровне -110 см от 0. В процессе выборки на разных уровнях были расчищены завалившиеся деревянные детали конструкции в виде бревен диаметром 14–18 см и пол из досок шириной 26 см. В сооружении были найдены фрагменты чугунных котлов (рис. 9: 24, 25), железные нож, подковки для обуви (рис.

9: 32, 34), конская подкова (рис. 9: 36), скоба (рис. 9: 23), гвоздь, цепь с пробоем (рис. 9: 17), деревянные гребень, игрушка-меч, изделие из коры, фрагменты кожаной обуви и обрезки раскроя, кожаный чехол для ножа (рис. 10: 12), глиняное грузило, керамика в болгарских традициях и др.

Снаружи у восточного угла сруба на уч. В/6-7 расчищена ограда Г-образной формы, вытянутая по линии ЗСЗ – ВЮВ и ССВ – ЮЮЗ, в виде ряда вертикально вбитых горизонтальных бревен диаметром 10–14 см (рис. 5).

Сооружение являлось жилым домом с оградой, функционировавшим в третьей четверти XVI в.

Нижеописанные сооружения являются самыми ранними деревянными постройками. Возможно, они относятся к числу построек, упоминаемых в Писцовой книге 1565–1567 гг. (Список, 1909, с. 36–58).

В их числе – *сооружение 14* на уч. А-В/1-4, выявленное в виде обугленной в пожаре постройки (505 x 360 см). Сруб сложен из бревен диаметром 20–31 см, соединенных в «обло» (рис. 5). Он сохранился в три венца, нижний из которых покоился на -109 см от 0. В южной части конструкции, в перевязь со срубом, расчищено отдельное помещение (см. сооружение 14а). Внутри конструкции и в сопредельных участках на -103 см от 0 расчищен настил из древесной коры шириной 16–44 см и длиной 50–366 см, возможно, служивший полом сооружения и вымосткой дворовой территории. В процессе прокопки и выборки сооружения на разных уровнях были расчищены завалившиеся деревянные детали конструкции, фиксировавшиеся в виде бревен диаметром

Рис. 11. Пол-накатник сооружения №13, уч. А-В/4-6.

Рис. 12. Плетеная вымостка – сооружение №146, уч. А-В/4-6.

14–20 см и досок шириной 11–22 см. В конструкцию западают прослойки, образовавшиеся в результате его гибели при пожаре. Среди находок железные подковки для обуви, нож с деревянной рукоятью (рис. 9: 15), кожаные сумка, чехол (рис. 10: 9), целые сапоги и детали обуви, рукавицы (рис. 243, 3), деревянные поплавок, рукоять камчи, толкушка. К числу редких археологических находок являются железный трипод для установки котла над очагом (рис. 9: 16) и деревянная головка гончарного круга (рис. 8: 13) (Бобринский, 1962, с. 47–50; Плохов, Сорочкин, 2006, с. 105–114).

Внутри вышеописанного сруба на уч. А-В/3-4 расчищено сооружение 14а. Оно прослежено в виде прямоугольной деревянной конструкции размером 190 x 242 см, сложенной в перевязь со срубом (сооружение 14) из бревен диаметром 10–24 см (рис. 5). Нижние венцы на глубине -98 см от 0 покоились на поперечных чурбаках диаметром 8–16 см. Интересной находкой из него является кубышка (рис. 7: 21).

Своеобразную конструкцию имело сооружение 14б на уч. А-В/4-6 – плетеный настил прямоугольной формы

396 x 270 см из прутьев, продетых между жердями диаметром 3–7 см (рис. 5; 12). Покоилось на уровне -96 см от 0. Сооружение датируется началом третьей четверти XVI в. При расчистке были найдены клад грузил (5 шт.) (рис. 7: 1–5), целые кожаные сапоги и детали обуви с берестой (рис. 10: 17), железные подковки для обуви, деревянные поплавки, веревка из лыка.

На уч. А-Д/1-3 с -89 см от 0 расчищено *сооружение 20* – вытянутая по линии ЗСЗ – ВЮВ постройка с фиксируемыми размерами 278 x 18 см. Наземная опорно-столбовая конструкция состояла из вертикальных бревен диаметром 24–28 см, в пазы которых в «забир» были вставлены горбыли шириной 7–18 см (рис. 5). Сооружение, скорее всего, являлось оградой двора, функционировавшего в третьей четверти XVI в., и относилось к числу построек усадьбы с жилым домом (сооружение 14), хозяйственными постройками (сооружение 14б, сооружение 14в). Комплекс погиб в пожаре.

К ранним объектам раскопа относятся также *сооружение 14в* уч.А/4-5). Оно является наземным срубом (396 x 270 см), состоявшим из двух помещений. Конструкция была сложена из бревен и горбылей диаметром около 18–20 см (рис. 5) и покоилась на уровне -110 см от 0. В процессе выборки сооружения на разных уровнях были расчищены завалившиеся деревянные детали конструкции. Индивидуальные находки из объекта: железный нож, деревянный предмет, фрагменты кожаной обуви и обрезки раскроя, керамика в болгарских традициях. Сооружение, возможно, являлась жилой постройкой двора, функционировавшей в третьей четверти XVI в.

С ранними горизонтами увязывается погреб (*соор. 17*) и ряд хозяйственных ям (*соор. 18, 19, 21–29*) середины XVI в.

Формирование данного пласта связано развитием города на протяжении второй половины XVI в. Свяжская крепость с окружающим его посадом играла роль одной из важнейших опорных баз и форпостов колонизации на присоединенных территориях, что обусловило наиболее интенсивную жизнедеятельность на их территории по сравнению с другими периодами. Велика была роль Свяжска как торгового центра, когда на берегу р. Свяги располагались гостиный двор и другие торговые места (лавки, межлавочья, скамьи, полки, шалаши) (Список, 1909, с. 16–52). В этот период в городе насчитывалось свыше 370 дворов и более 700 дворов в посаде, а также около 300 торговых точек, часть которых располагалась и в нижней неукрепленной части посада, где был заложен раскоп.

Археологические исследования 2008 г. стали первыми работами в посадской части Свяжска, давшие материалы для анализа планировочной структуры поселения. В раскопе изучено около 40 объектов второй половины XVI – начала XX вв. Жилой характер изученных в раскопе построек определялся исходя из наличия развалов печей, зачастую прослеживавшихся лишь в виде скопления кирпичного крошева, прокала, угля, золы и суглинка.

Единая ориентировка выявленных дворовых построек, начиная с середины XVI по XX в., свидетельствует о сохранении планировки улицы на рассмотренном участке на всем про-

тяжении ее существования. Вероятно, направление улицы было, прежде всего, сопряжено с береговой линией р. Свияги и подчинялось ее рельефу.

По виду угловых врубок среди деревянных построек преобладающим являлось соединение в «обло». Способ соединения бревен в венце осуществлялся «с остатком», когда концы бревен выступали за плоскость стены, что обеспечивало меньшую продуваемость. Рубка углов «в обло» («в чашу») – самое древнее из известных соединений бревен. Основу врубки составляла вырубленная в бревне округлая чаша («облый» означало круглый), в которую вкладывалось поперечное бревно. Вторым видом, в нашем случае для каркасно-бревенчатых хозяйственных строений, являлся способ врубки «в забир» («в столб»). Бревна или горбыли с отесанными концами и выбранным продольным пазом накатывались друг на друга и вставлялись в пазы вертикально поставленных бревен. В раскопе изучены не только конструкции с угловой врубкой, но и промежуточной, когда, предположительно, строились значительные по длине стены оград.

Интересным моментом является наличие под нижними венцами построек поперечных чурбаков (в одном случае чурбаки установлены вертикально). Чурбаки начинают устанавливать под нижние венцы начиная с последней трети XVI в. Это делалось для предотвращения проседания срубов в сформировавшийся за предшествующий период рыхлый культурный слой, изобилующий включениями гумуса и щепы. В случаях, когда чурбаков не было, объекты опирались на остатки предыдущих построек. Под ранними конструкциями середины XVI в. их

нет, так как постройки устанавливались на еще плотную поверхность.

Более половины изученных объектов погибли в результате воздействия огня. Это говорит о частых пожарах среди довольно плотной деревянной застройки Свияжского посада. К сожалению, на сегодняшний день мы не можем увязать сгоревшие объекты с какими либо крупными пожарами, известными по письменным источникам, ввиду отсутствия четких стратиграфических дат в материалах раскопа. Наличие же соседних синхронных построек без следов воздействия огня позволяет нам предполагать, что пожары зачастую носили локальный характер.

При археологических исследованиях было обнаружено и взято в коллекцию 5374 находки, характеризующих материальную культуру Свияжского посада позднесредневекового и нового времени. Статистическое и полевое описание массового керамического материала (2862 фр.) производилось под руководством О.О. Паракиной. Определение и статистический анализ керамики велся по методике Т.А. Хлебниковой, разработанной для Казанского кремля. Керамический материал обладает своеобразием, во многом отражает общие закономерности форм и технологий гончарного производства в Поволжье XVI–XIX вв. (Гордеев, Павленко, 2004, с. 158–179; Ситдииков, 2006, рис. 25–32, 58–64, 73–75) (рис. 13–14). Довольно представительной (334 фр.) является группа керамики, выполненной в болгарских традициях (по терминологии Т.А. Хлебниковой) (рис. 6), хорошо представленной в материалах Казанского кремля (Ситдииков, 2006, рис. 22–23, 56–57, 71). В

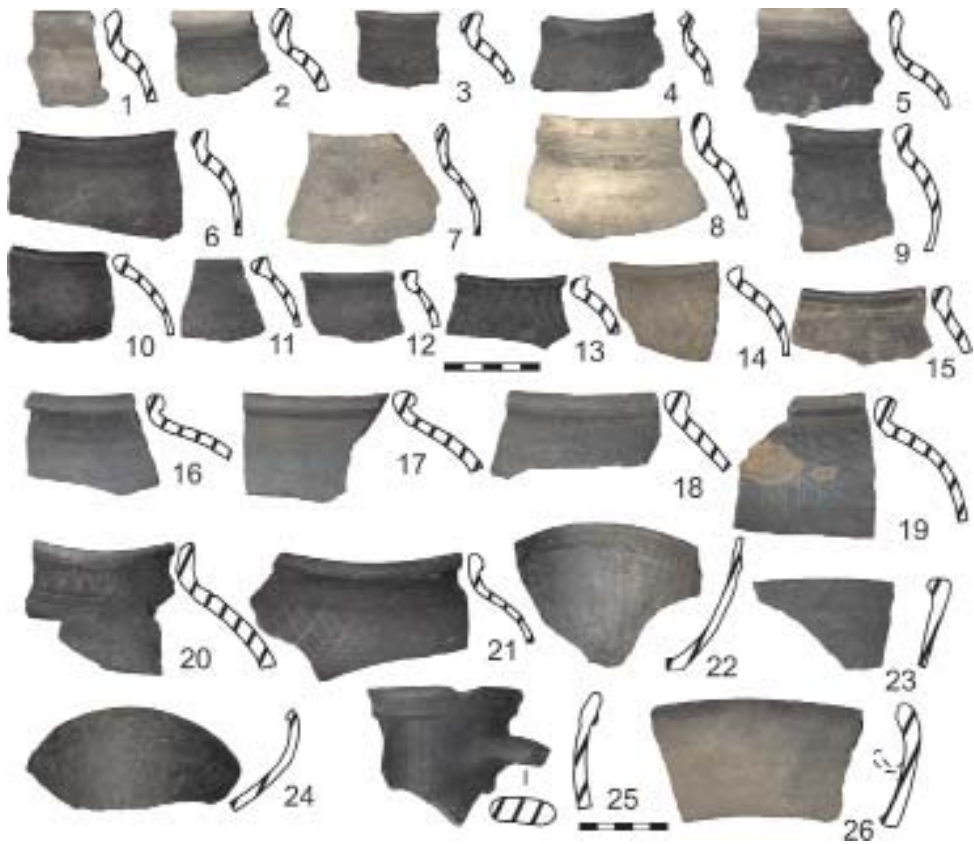

Рис. 13. Керамика русская белоглиняная (1-8) и в развитии белоглиняной (9-15), татарско-русская серая (16-25) и бурая (26).

1 – Св.-08/5176, 2 – Св.-08/4901, 3 – Св.-08/3099, 4 – Св.-08/2613,
5 – Св.-08/3947, 6 – Св.-08/2995, 7 – Св.-08/798, 8 – Св.-08/4887, 9 – Св.-08/2994,
10 – Св.-08/35?, 11 – Св.-08/4108, 12 – Св.-08/1376, 13 – Св.-08/3855, 14 – Св.-08/1327,
15 – Св.-08/3155, 16 – Св.-08/123, 17 – Св.-08/1329, 18 – Св.-08/3091, 19 – Св.-08/3196,
20 – Св.-08/2010, 21 – Св.-08/2386, 22 – Св.-08/5089, 23 – Св.-08/775, 24 – Св.-08/4318,
25 – Св.-08/494, 26 – Св.-08/2116.

целом обширный керамический материал является объектом самостоятельного исследования и требует рассмотрения в отдельной работе.

Значителен комплекс индивидуальных находок. Среди глиняных изделий, кроме керамики, имеются напрядло диаметром 3,9 см (рис. 7: 11), целые и фрагментированные грузила (9 шт., см. рис. 7: 6–7). К группе рыболовных принадлежностей относятся каменные грузила (рис. 7: 15, 17). Стекланные предметы представлены

бочонковидной бусиной зеленого цвета диаметром 0,6 см (рис. 7: 13).

Чуть менее половины всех находок составляют изделия из кожи (2391 фр.). Ассортимент кожаных изделий разнообразен: рукавицы, целые формы и многочисленные детали обуви (рис. 10: 5–8, 13–16), обрезки раскроя и др. Наиболее многочисленными являются детали многосоставной обуви (головки с поднарядами, голенища, задники с карманами и вставками, подошвы, каблуки, стельки). Кроме

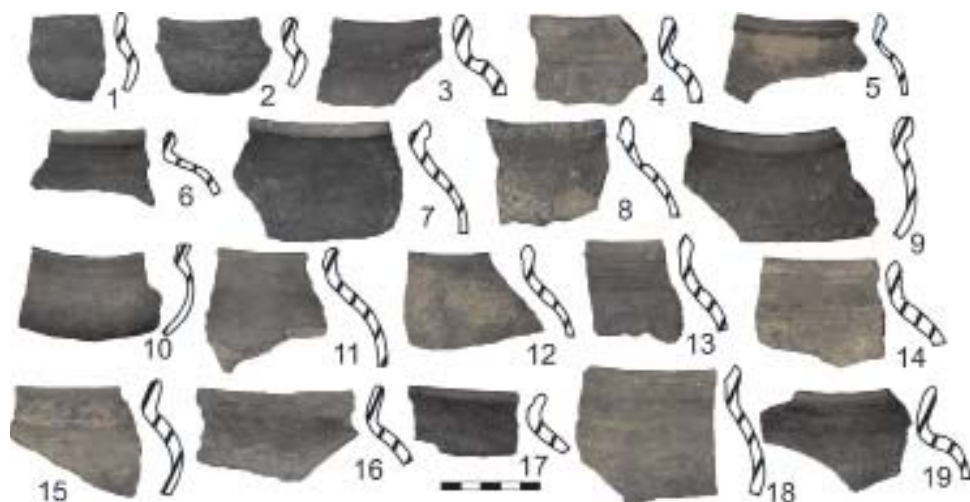

Рис. 14. Находки. Керамика по образцу белоглиняной (1-17), по образцу или в развитии белоглиняной (18) и керамика русская песочно-древянная (19).
 1 – Св.-08/331, 2 – Св.-08/3229, 3 – Св.-08/163, 4 – Св.-08/5267, 5 – Св.-08/935,
 6 – Св.-08/4643, 7 – Св.-08/209, 8 – Св.-08/324, 9 – Св.-08/441, 10 – Св.-08/553,
 11 – Св.-08/3235, 12 – Св.-08/3903, 13 – Св.-08/2703, 14 – Св.-08/2475,
 15 – Св.-08/5265, 16 – Св.-08/208, 17 – Св.-08/386, 18 – Св.-08/1425, 19 – Св.-08/442.

того, из раскопа происходят целые формы цельнокроеной обуви (поршни) и целые формы многосоставной обуви (сапоги, полусапожки, башмаки, детская обувь). Аналогичные детали происходят и из раскопок многих средневековых русских городов (Курбатов, 2004; Осипов, 2006). Своеобразие техники изготовления кожевенных изделий также имеет ряд прямых аналогий с традициями Казанского ханства (Валиев, 2009, с. 112–124).

Своеобразие «влажного» культурного слоя обеспечило сохранность и наличие среди находок раскопа фрагментов вязаной шерстяной и домотканой холщевой ткани (рис. 10: 1–2), а также кусок войлока (рис. 10: 3).

Особую группу в коллекции вещей составляют изделия из дерева, бересты, коры и лыка. Деревянные изделия представлены набором поплавков для сетей (рис. 8: 9–10), спицами колеса, фрагментированными

мисками и блюдом (рис. 8: 2), толкушкой, фрагментами ложек, крышек, гребнем, другими и предметами (рис. 8: 3). Сюда же можно отнести такие изделия из бересты и лыка, как поплавок для сетей, фрагменты крышек, вставки в карман задника обуви, обрывки веревок и фрагменты плетеных емкостей (рис. 10: 4).

Изделия из черного металла представлены ножами и их фрагментами (рис. 9: 2-4, 6-7), обломком ножниц (рис. 9: 10), подковками от обуви (рис. 9: 30, 33), пряжками (рис. 9: 28), скобами (рис. 9: 22), штырями, кольцами, гвоздями (рис. 9: 19-21), а также другими предметами (рис. 9: 11).

Среди бытовых предметов имеется ключ, коррозированный в пружинном механизме замка (рис. 9: 24). Вероятно, он относится к типу Д по новгородской хронологии и датируется второй половиной XIV–XV вв. (Колчин, 1959, с. 82–84).

Встречены сельскохозяйственные орудия: соха (рис. 9: 13), мотыга, фрагменты складной косы (рис. 9: 12). Косы со складными рукоятками известны по материалам Новгорода Великого, где они датируются XIII–XV вв. (Колчин, 1959, с. 74–75).

Предметы вооружения представлены наконечником стрелы (рис. 9: 9), имеющей широкий хронологический диапазон бытования – X–XVII вв. (Медведев, 1966, с. 47, тип 40; Двуреченский, 2006, с. 281–284).

Многочисленные находки, полученные в результате раскопок, отражают быт, ремесленную деятельность, занятия сельским хозяйством и промыслами, которые были характерными для населения средневековых городов (Гордеев, Павленко, 2004, с. 104–157) и хорошо соотносятся с данными о жизни горожан, описанных в Писцовой книге Свияжска (Список, 1909, с. 4–58).

Расположение участка в районе так называемой «Татарской слободки (Татарский двор)» второй половины XVI–XVII вв., свидетельствует не только о наличии татар среди жителей посада. В раскопном материале имеются находки, указывающие на существование более раннего, болгаро-

ро-татарского поселения, связанного с дорусским освоением территории будущей русской крепости. Так, среди керамического материала, происходящего из нижних горизонтов культурного слоя и заполнения сооружений 21, 27, 28, дневные уровни которых переработаны во второй половине XVI в., преобладают обломки краснолощеной посуды в болгарских традициях (рис. 6), датируемой XIV – первой половиной XVI вв. Подобная керамика встречена и в сооружениях, выявленных на уровне материка и напластованиях второй половины XVI в. (соответственно около 68% и 17% от общего количества керамики).

Археологические исследования последних лет позволили получить и уточнить важные сведения о характере культурного слоя и топографии в районе размываемого берега у новой пристани в районе бывшего посада. Выявленные напластования дали возможность предполагать, что отмеченная часть острова начала осваиваться еще в болгаро-татарское время. Несомненно, активное освоение территории останца началось со второй половины XVI в. после строительства крепости и присоединения Казанского ханства к Российскому государству.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алферова Г.В. Русские города XVI–XVII вв. – М: Стройиздат, 1989. – 216 с.
2. Археологическая карта Татарской АССР. Предволжье. – Казань, 1985. – 116 с.
3. Бобринский А.Л. Древнерусский гончарный круг // СА. – 1962. – № 3.
4. Валиев Р.Р. Кожевенное дело ханской Казани (по материалам раскопок 1994–2005 гг.) // РА. – М., 2009. – № 1. – С. 112–124.
5. Галимова М.Ш. Отчет об охранных раскопках Мизиновского I поселения, расположенного в устье р. Свияга в Зеленодольском районе РТ в 2005 году. – Казань, 2006 / Архив НФ МА РТ, Ф. 4.
6. Глиняные игрушки XIV–XVIII вв. из археологических коллекций Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Каталог / автор-сост. Н.В. Нестерова. – Владимир, 2002 – 42 с.

7. *Гордеев В.И., Павленко Ю.А.* Малый город Поволжья в позднем средневековье. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2004. – 272 с.
8. *Дзуреченский О.В.* Наконечники стрел Московской Руси и Русского государства XV–XVII веков // Археология Поволжья. – 2006. – Вып. 3. – С. 261–313.
9. *Екимов Ю.Г.* Игрушки и игры обитателей осадных дворов Тульского кремля XVI–XVII вв. // Тульский краеведческий альманах. – 2005. – № 3. – С. 12–18.
10. *Колчин Б.А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (продукция, технология) // МИА. – 1959. – № 65. (Тр. Новгород. археол. эксп. Т. II).
11. *Курбатов А.В.* Кожевенное производство Твери XIII–XV вв. (по материалам археологических исследований 1993–1997 гг.). – СПб.: «Петербургское востоковедение», 2004. – 312 с.
12. *Медведев А.Ф.* Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII – XIV вв. – М., 1966. – 128 с.
13. НА РТ (Национальный архив Республики Татарстан), Ф. 324, Оп. 739, Д. 281; Ф. 324, Оп. 739, Д. 282; Ф. 324, Оп. 739, Д. 284.
14. *Осипов Д.О.* Обувь Московской земли XII–XVIII вв. – М., 2006. – 202 с.
15. *Плохов А.В., Сорокин А.Н.* Детали гончарных кругов с грибовидным диском из раскопок в Новгороде // Новгород и Новгородская Земля. История и археология. Вып. 20. – Великий Новгород, 2006. – С. 105–114.
16. Проект реставрации. г. Свияжск Татарской АССР. Планировка и благоустройство территории. Археологические исследования / Научно-технический архив Проектного института реставрации памятников и культуры «Спецпроектреставрация», – М., 1979, № 868, Т. II, стадия II, кн. 3.
17. Проект реставрации. Никольская церковь XVI–XVIII вв. Успенского монастыря в г. Свияжск Татарской АССР. Археологические исследования. Отчет за 1979 г. / Научно-технический архив Проектного института реставрации памятников и культуры «Спецпроектреставрация», – М., 1980, № 1350.
18. Проект реставрации. г. Свияжск, Татарская АССР. Конный двор Успенского монастыря. Археологические исследования. 1980 год. / Научно-технический архив Проектного института реставрации памятников и культуры «Спецпроектреставрация», – М., 1980а, № 1773, Т. II, кн. 3.
19. Проект реставрации. г. Свияжск, Татарская АССР. Никольская церковь XVI–XVIII вв. Успенского монастыря. Археологические исследования 1980 г. / Научно-технический архив Проектного института реставрации памятников и культуры «Спецпроектреставрация», – М., 1981, № 1772, Т. II, кн. 3, ч. 2.
20. Проект реставрации. г. Свияжск, Татарская АССР. Конный двор Успенского монастыря XVII в. Археологические исследования 1981 г. / Научно-технический архив Проектного института реставрации памятников и культуры «Спецпроектреставрация», – М., 1982, № 2250, Т. II, кн. 3, ч. II.
21. Свод письменных источников по истории Свияжского края: Источники по истории Свияжского края второй половины XVI в. / сост. Д.А. Мустафина. – Казань, 2011. – 368 с.
22. *Ситдииков А.Г.* Казанский кремль: историко-археологическое исследование. – Казань, 2006. – 288 с.
23. *Смирнов П.П.* Города Московского государства в первой половине XVII века. – Киев, 1919. – Т. I, вып. 2. – 357с.
24. Список с писцовой и межевой книги города Свияжска и уезда. Письма и межевания Никиты Васильевича Борисова и Дмитрия Андреевича Кикина (1565–1567 гг.). – Казань: Тип. Имп. ун-та, 1909. – 143 с.

25. Статистическое изображение городов и посадов Российской империи на 1825 год. – СПб.: Тип. Ивана Глазунова, 1830. – 95 с.

26. Тишин Д.В., Шакиров З.Г. Дендрохронологический анализ древесины с острова Свяжск // Свяжские чтения. Вып. II. – Свяжск: Изд. Раифского Богородицкого монастыря, 2010. – С. 37–39.

27. Чернышев Е.И. Селения Казанского ханства // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. – Казань, 1971. – С. 272–292.

28. Шакиров З.Г. Разведки в Зеленодольском районе Республики Татарстан // АО 2006 года. – М., 2009. – С. 499.

29. Шакиров З.Г., Валиев Р.Р. Новые археологические данные об освоении Свяжского острова в эпоху средневековья // Научный Татарстан. – 2009. – № 2. – С. 103–111.

30. Шакиров З.Г. Новые данные по археологии острова Свяжск // Свяжские чтения. Вып. II. – Свяжск: Изд. Раифского Богородицкого монастыря, 2010. – С. 23–36.

Информация об авторах:

Шакиров Zufar Гумарович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань, Россия); zufar_alchi@mail.ru

Валиев Ренат Рафаилович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань, Россия); VRR80@yandex.ru

Ситдиков Айрат Габитович, кандидат исторических наук, зав. кафедрой, Казанский (Приволжский) федеральный университет, зав. НЦАИ, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, (г. Казань, Россия); sitdikov_a@mail.ru

ABOUT BUILDING OF THE SUBURBIAN PART OF SVIYAZHSK (ON MATERIALS OF EXCAVATIONS OF 2008)

Z.G. Shakirov, R.R. Valiev, A.G. Sitdikov

The article is devoted to the results of the 2008 archaeological excavations, which made it possible to obtain and clarify important information about the nature of the cultural layer of the eroded riverbank area topography, where the trading suburb of the former suburb was located in the second half of the 16th – early 20th centuries, The constructive features of wooden structures studied in the excavation trench have been selected and described.

Keywords: archaeology, the Middle Ages, the New time, Sviyazhsk, suburb, the “wet” layer, residential and household structures.

REFERENCES

1. Alferova, G. V. 1989. *Russkie goroda XVI–XVII vv. (Russian Towns of 16th – 17th Centuries)*. Moscow: “Stroiizdat” Publ. (in Russian).
2. Khalikov A. Kh. (ed.). 1985. *Arkheologicheskaya karta Tatarskoi ASSR. Predvolzh'e (Archaeological Map of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic. Cis-Volga Region)*. Kazan: G. Ibragimov Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).
3. Bobrinskii, A. L. 1962. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 33-52 (in Russian).
4. Valiev, R. R. 2009. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (1), 112–124 (in Russian).
5. Galimova, M. Sh. 2006. *Otchet ob okhrannykh raskopkakh Mizinovskogo I poseleniia, raspolozhennogo v ust'e r. Sviyaga v Zelenodol'skom raione RT v 2005 godu (Report on the Rescue*

Excavations of the Mizinovo I Settlement in the Sviyaga River Mouth, Zelenodolsk District, Republic of Tatarstan, in 2005. Kazan. Archive of the Scientific Funds, Museum of Archaeology, Republic of Tatarstan. Fund 4 (in Russian).

6. Nesterova N. V. 2002. *Glinianye igrushki XIV–XVIII vv. iz arkhelogicheskikh kollektzii Vladimiro-Suzdal'skogo muzeia-zapovednika. Katalog (Clay Toys of 14th–18th Centuries from Archaeological Collections of the Vladimir and Suzdal Museum-Reserve: Catalogue)*. Vladimir: Vladimir and Suzdal Museum-Reserve (in Russian).

7. Gordeev, V. I., Pavlenko, Yu. A. 2004. *Malyi gorod Povolzh'ia v pozdnem srednevekov'e (Small Town in the Volga Area in the Late Middle Ages)*. Yoshkar-Ola: Mari State University (in Russian).

8. Dvurechenskii, O. V. 2006. In *Arkheologiia Povolzh'ia (Archaeology of the Volga Area)* 3. Penza: Penza State Pedagogical University, 261–313 (in Russian).

9. Ekimov, Yu. G. 2005. In *Tul'skii kraevedcheskii al'manakh (Tula Yearbook of Local Lore)* 3. Tula, 12–18 (in Russian).

10. Kolchin, B. A. 1959. In *Trudy Novgorodskoi arkhelogicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Novgorod Archaeological Expedition)* II. Series: Materialy i issledovaniia po arkhologii (Materials and Research in Archaeology) 65. (in Russian).

11. Kurbatov, A. V. 2004. *Kozhevennoe proizvodstvo Tveri XIII–XV vv. (po materialam raskopok Tverskogo kremlia 1993–1997 gg.) (Leather Industry of Tver in 13th–15th Centuries (Based on the Excavations of the Tver Kremlin, 1993-1997))*. Saint Petersburg: “Peterburgskoe vostokovedenie” Publ. (in Russian).

12. Medvedev, A. F. 1966. *Ruchnoe metatel'noe oruzhie (luk i strely, samostrel) VIII–XIV vv. (Hand Missile Weapons (Bow and Arrows, Crossbow) of 8th–14th Centuries)*. Series: Corpus of Archaeological Sources E1–36. Moscow (in Russian).

13. Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstan (National Archive of the Republic of Tatarstan). Fund 324. Inv. 739, sheet 281; Fund 324. Inv. 739, sheet 282; Fund 324. Inv. 739, sheet 284 (in Russian).

14. Osipov, D. O. 2006. *Obuv' moskovskoi zemli XII–XVIII vv. (Footwear of the Moscow Land, the 12th–18th Centuries)*. Series: Materials of Rescue Archaeological Investigations 7. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

15. Plokhov, A. V., Sorokin, A. N. 2006. In *Novgorod i Novgorodskaia zemlia. Istorii i arkhologiia (Novgorod and Novgorod Land. History and Archaeology)* 20. Veliky Novgorod, 105–114 (in Russian).

16. *Proekt restavratsii g. Sviiazhsk Tatarskoi ASSR. Planirovka i blagoustroistvo territorii. Arkheologicheskie issledovaniia (Restoration Project: of the Sviyazhsk Town, Tatar Autonomous Republic. Planning and Improvement. Archaeological Investigations)*. Scientific and Technical Archive of the Project Institute for Restoration of Cultural Monuments “Spetsproektrestavratsiia”, Moscow, 1979, no. 868. Vol. II, stage II.II, book 3 (in Russian).

17. *Proekt restavratsii. Nikol'skaia tserkov' XVI–XVIII vv. Uspenskogo monastyria v g. Sviiazhsk Tatarskoi ASSR. Arkheologicheskie issledovaniia. Otchet za 1979 g. (Restoration Project: St. Nicholas Church of 16th–18th Centuries in the Assumption Cloister, Sviyazhsk Town, Tatar Autonomous Republic. Archaeological Investigations. Report for 1979)*. Scientific and Technical Archive of the Project Institute for Restoration of Cultural Monuments “Spetsproektrestavratsiia”, Moscow, 1980, no. 1350 (in Russian).

18. *Proekt restavratsii. G. Sviiazhsk, Tatarskaia ASSR. Konnyi dvor Uspenskogo monastyria. Arkheologicheskie issledovaniia. 1980 god (Restoration Project: Sviyazhsk Town, Tatar Autonomous Republic. Stables of the Assumption Cloister. Archaeological Investigations in 1980)*. Scientific and Technical Archive of the Project Institute for Restoration of Cultural Monuments “Spetsproektrestavratsiia”, Moscow, 1980, no. 1773. Vol. II, book 3 (in Russian).

19. *Proekt restavratsii. G. Sviiazhsk, Tatarskaia ASSR. Nikol'skaia tserkov' XVI–XVIII vv. Uspenskogo monastyria. Arkheologicheskie issledovaniia 1980 g. (Restoration Project: Sviyazhsk*

Town, Tatar Autonomous Republic. *St. Nicholas Church of 16th—18th Centuries in the Assumption Cloister; Archaeological Investigations in 1980*). Scientific and Technical Archive of the Project Institute for Restoration of Cultural Monuments “Spetsproektrestavratsiia”, Moscow, 1981, no. 1772. Vol. II, book 3, part 2 (in Russian).

20. *Proekt restavratsii. G. Sviiazhsk, Tatarskaia ASSR. Konnyi dvor Uspenskogo monastyria XVII v. Arkheologicheskie issledovaniia 1981 g. (Restoration Project: Sviiazhsk Town, Tatar Autonomous Republic. Stables of the Assumption Cloister of 17th Century. Archaeological Investigations in 1981)*. Scientific and Technical Archive of the Project Institute for Restoration of Cultural Monuments “Spetsproektrestavratsiia”, Moscow, 1982, no. 2250. Vol. II, book 3, part II (in Russian).

21. Mustafina, D. A. (comp.). 2011. *Svod pis'mennykh istochnikov po istorii Sviiazhskogo kraia: Istochniki po istorii Sviiazhskogo kraia vtoroi poloviny XVI v. (Corpus of Written Sources on the History of the Sviiazhsk Land: Sources on the History of Sviiazhsk Land in the Second Half of 16th Century)*. Kazan (in Russian).

22. Sitdikov, A. G. 2006. *Kazanskii Kreml': istoriko-arkheologicheskoe issledovanie (Kazan Kremlin: Historical and Archaeological Study)*. Kazan: “Foliant” Publ. (in Russian).

23. Smirnov, P. P. 1919. *Goroda Moskovskogo gosudarstva v pervoi polovine XVII veka (Towns of the Moscow State in the First Half of 17th Century)* I (2). Kiev (in Russian).

24. *Spisok s pistsovoi i mezhevoi knigi goroda Sviiazhska i uезда. Pis'ma i mezhevaniia Nikity Vasil'evicha Borisova i Dmitriia Andreevicha Kikina (1565-1567 gg.) (A Copy of the Land and Cadaster Book of Sviiazhsk Town and County. Measurements by Nikita Vasilievich Borisov and Dmitry Andreevich Kikin (1565-1567))*. 1909. Kazan: Typography of the Kazan Imperial University (in Russian).

25. *Statisticheskoe izobrazhenie gorodov i posadov Rossiiskoi imperii na 1825 god (Statistic Representation of the Towns and Townships of the Russian Empire in 1825)*. 1830. Saint Petersburg: Typography of Ivan Glazunov (in Russian).

26. Tishin, D. V., Shakirov, Z. G. 2010. In *Sviiazhskie chteniia (Sviiazhsk Readings)* II. Sviiazhsk: Raifa Bogoroditsky Monastery, 37–39 (in Russian).

27. Chernyshev, E. I. 1971. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Voprosy etnogeneza tiurkoiazychnykh narodov Srednego Povolzh'ia (The Issues on Ethnogenesis of the Turkic-speaking People of the Middle Volga Region)*. Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 272–292 (in Russian).

28. Shakirov, Z. G. 2009. In *Arkheologicheskie otkrytiia 2006 goda (Archaeological Discoveries in 2006)*. Moscow, 499 (in Russian).

29. Shakirov, Z. G., Valiev, R. R. 2009. In *Nauchnyi Tatarstan (Scientific Tatarstan)* (2), 103–111 (in Russian).

30. Shakirov, Z. G. 2010. In *Sviiazhskie chteniia (Sviiazhsk Readings)* II. Sviiazhsk: Raifa Bogoroditsky Monastery, 23–36.

About the Authors:

Shakirov Zufar G. Candidate of Historical Sciences. Institute of History named after Sh. Marjani of Tatarstan Academy of Sciences. Kremlin, 5 entrance, Kazan, 420014, Republic of Tatarstan, Russian Federation; zufar_alchi@mail.ru

Valiev Renat R. Candidate of Historical Sciences. Institute of History named after Sh. Marjani of Tatarstan Academy of Sciences. Kremlin, 5 entrance, Kazan, 420014, Republic of Tatarstan, Russian Federation; VRR80@yandex.ru

Sitdikov Ayrat G. Candidate of Historical Sciences. Institute of History named after Sh. Marjani of Tatarstan Academy of Sciences. Kremlin, 5 entrance, Kazan, 420014, Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

Заметки

КЕРАМИКА С РОГОЖНЫМИ ОТПЕЧАТКАМИ ИЗ РАСКОПОК ГОРОДИЩА ЛБИЩЕ В 2003 г.¹

© 2012 г. А.А. Чижевский

Городище Лбище – одно из крупнейших городищ Самарской Луки. Его верхние слои относятся к раннему средневековью и достаточно хорошо изучены. Нижние слои раннего железного века до недавних пор не подвергались серьёзному обследованию. В 2003 г. в этих слоях было найдено 778 фрагментов керамики, из них 12 – с рогожным или сетчатым орнаментом, причём все они обнаружены в одном помещении. По мнению автора, керамика этого типа относится к городецкой культуре, к третьему её периоду, и датируется не ранее III–II вв. до н.э., когда носители этой культуры мигрировали в Самарское Поволжье из бассейна Дона. В данном регионе известно 30 памятников городецкой культуры, из них 8 городищ, в основном в южной части Самарской Луки.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, Самарская Лука, ранний железный век, городище Лбище, городецкая культура, керамика, рогожный и сетчатый орнамент.

Городище Лбище – одно из крупнейших городищ Самарской Луки. Его площадь составляет 70 000 кв. м. Памятник находится в 1,5 км к западу от пристани Лбище и в 5 км к юго-востоку от с. Севрюкаево Ставропольского района Самарской области (рис. 1).

Впервые в научной периодике городище было упомянуто В.И. Поливановым, который нанес его на свою карту (Поливанов, 1900). В 1925 г. территория памятника была обследована группой слушателей Высших этнолого-археологических курсов под руководством А.А. Марущенко (Матвеева, 2003, с. 5). Вновь интерес к памятнику возник лишь в 70 – начале 80-х годов XX в., когда он подвергся обследованию местными краеведами и силами археологического кружка

Самарского университета под руководством Г.И. Матвеевой. Стационарные исследования здесь проводились с 1981 г., сначала под руководством А.В. Расторопова (Расторопов, 1985), а затем Г.И. Матвеевой в 1982–1984, 2002, 2003 гг. (Матвеева, 1998).

В результате многолетних исследований удалось установить, что нижние слои городища содержат керамику с рогожными отпечатками на поверхности, а верхние вмещают керамические комплексы раннего средневековья. И если материалы верхнего горизонта частично были введены в научный оборот и используются в качестве эталонных для памятников так называемого лбищенского типа (Матвеева, 1998, с. 87–96; 2003, с. 90–93; Обломский, 2005, с. 40, 41; Сташенков, 2010;

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ, проект № 12-11-63005 «Изучение археологической коллекции с городища Лбище».

Рис. 1. План городища Лбище.

Богачев, 2011, с. 85–98), то ранние керамические комплексы городища еще не подвергались специальному исследованию. Материалы нижнего хронологического горизонта из раскопок 2003 г. и будут рассмотрены в данной статье.

В 2003 г. Г.И. Матвеевой и Л.А. Вязовым в северной части площадки городища у вала был заложен раскоп VIII (рис. 1) общей площадью 148 кв. м. (Матвеева, 2003). Всего на раскопе было выявлено 778 фрагментов керамики и лишь 12 из них, выявленные в сооружении № 1, имели рогожные и сетчатые отпечатки на поверхности.

Сооружение 1 было зафиксировано на квадратах 2, 3, 6, 7, 10, 11. Однако находки керамики нижнего хронологического горизонта в нем носят случайный характер, так как из 154 фрагментов лишь 12 (примерно 8%) имеют рогожные и сетчатые отпечатки.

Керамика раннего хронологического горизонта подразделяется на фрагменты сосудов с рогожными – 10 фрагментов (83,4%) (рис. 2) и сетчатыми отпечатками – 2 фрагмента (16,6%). 10 фрагментов керамики относятся к стенкам (рис. 2: 1, 2, 4, 5, 7–10), один – к днищам (рис. 2: 3) и еще один принадлежит венчику (рис. 2: 6).

Отпечатками рогожного и сетчатого штампа покрывалась внешняя поверхность сосудов, венчик в данной коллекции был гладким, лишь по срезу он был покрыт рогожными отпечатками (рис. 2: 6). Венчик принадлежит к остаткам слабопрофилированного сосуда, срез его плоский. Внутренняя поверхность керамики раннего железного века заглажена, цвет бежевый, с красноватым оттенком.

Судя по данным технологического анализа большой серии городецкой керамики Самарской Луки, в качестве исходного сырья здесь чаще всего (61,6%) применялась жирная глина с примесями бурого железняка, вероятно, и в данной коллекции ситуация обстоит подобным образом (Салугина, 2000, с. 224).

Рогожный или псевдорогожный штамп, покрывающий поверхность сосудов городища Лбище был крупноячеистый, образующий упорядоченную структуру в виде рядов, расположенных параллельно или наискосок к центральной оси сосуда углублений. Во всех случаях ячейки рогожного штампа имели подчетыреугольную форму. В двух случаях керамика была покрыта отпечатками сетчатого штампа, образованного рядами овальных и линзовидных ячеек, расположенных под углом к центральной оси сосуда.

Штамп, покрывающий поверхность рогожной керамики, довольно рано стали считать технологическим приемом, направленным на укрепление поверхности сосуда (Арзютов, 1926, с. 79–84), однако, часть исследователей относил его к орнаменту (Матвеева, 1975, с. 101), данный штамп действительно можно рассматривать как раппорт, то есть фоновый элемент орнамента, повторяющийся многократно. Об этом свидетельствует рогожный штамп, покрывающий поверхность среза венчика. В этом месте необходимости укрепления поверхности нет, а вот орнаментом эту поверхность в традиционных обществах покрывали часто. Так или иначе, традиционных видов орнамента в виде ямок, гребенчатого или гладкого штампа и резных линий на рассматриваемой керамике не выявлено,

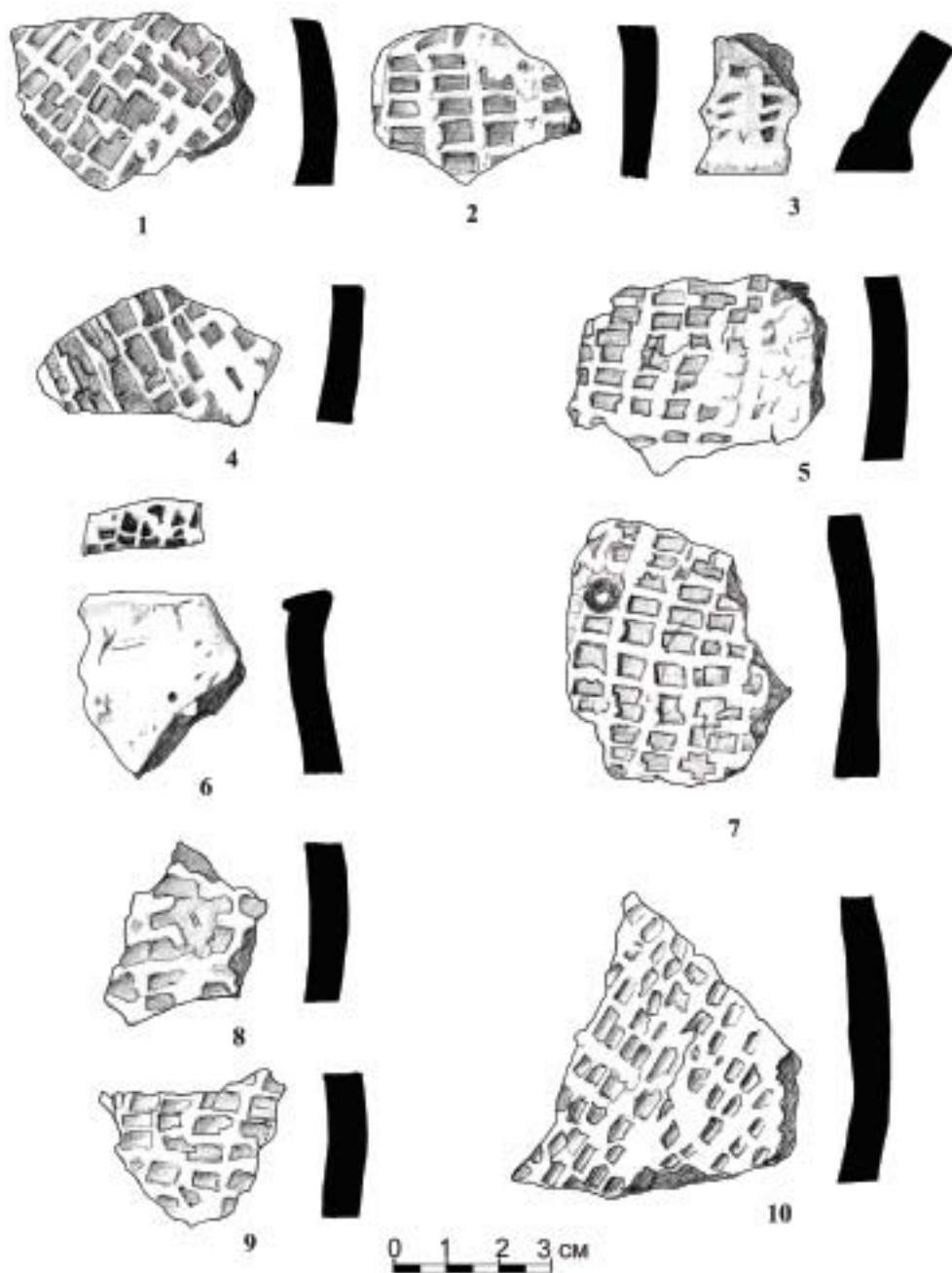

Рис. 2. Городище Лбище. Керамика с сетчатыми отпечатками из сооружения № 1 раскопа VIII. 1, 2, 6 – кв. 3, 7; 3-5, 7-10 – кв. 2, 6.

отмечено лишь сквозное отверстие на фрагменте стенки, покрытой рогожными отпечатками (рис. 2: 7).

Керамика с крупночешуйстыми подчетыреугольными и овальными отпечатками встречается в регионах к западу и югу от Самарской Луки на памятниках дьяковской (Кренке, 2011) и городецкой культур (Смирнов, Трубникова, 1965). Однако в дьяковских памятниках процент рогожной (т.е. крупночешуйстой с подчетыреугольными отпечатками) керамики составляет лишь от 0,5 до 1% и она достаточно четко фиксируется в поздних горизонтах раннедьяковских слоев (Сыроватко, 2009, с. 172, 173). На городецких городищах процент рогожной керамики составляет от 4 (Александровское городище) до 90% (поселение Каменка I), что близко к показателям из раскопа 2003 г. на городище Лбище (Сарапулкина, 2010, с. 69–75). Таким образом, по рисунку, покрывающему сосуды штампа и процентному соотношению рогожной и сетчатой посуды на поселениях керамика из раннего хронологического горизонта городища Лбище раскопа 2003 г. может быть отнесена к городецкой культуре.

Городецкая культура в Самарском Поволжье представлена 30 памятниками: 8 городищ, 17 селищ и 5 местонахождений (Зудина, 2010, с. 105). Большая часть из них, в том числе городище Лбище, находятся на Самарской Луке, где они занимают ее южную, наиболее удобную для проживания часть, однако, находки городецкой керамики встречены и на левобережье Волги, на р. Самаре (Матвеева, 2000, с. 87). В пределах 6–8 км от городища Лбище отмечен

ны селище, местонахождение и два городища (Кармалинское и Каменная Коза), содержащие городецкую керамику. Подобное размещение группами известно для поселений городецкой культуры. Такая гнездовая группировка зафиксирована на территории лесостепного Подонья (Левенюк, Мионов, 1976, с. 21), Хвалынского горного массива (Мионов, 1970, с. 68–69) и в Поочье (Монгайт, 1961, с. 32), и может рассматриваться как характерная особенность городецкой культуры.

Периодизация городецкой культуры, разработанная в конце XX – начале XXI вв., выглядит следующим образом: первый период датируется рубежом VIII–VII – VII вв. до н.э. Это еще протогородецкий период, который характеризуется преобладанием сетчатой керамики с архаическими чертами и появлением к концу периода псевдорогожной керамики.

Второй, наиболее ранний, собственно городецкий период относят к VII–VI вв. до н.э. (Сарапулкина, 2010), VI–V вв. до н.э. (Мионов, 1995), когда распространяется псевдорогожная керамика, а на памятниках преобладает сетчатый штамп над рогожным. Сосуды были в основном слабопрофилированными.

Следующий, третий период датируется V–IV вв. до н.э. (Сарапулкина, 2010) или IV–II вв. до н.э. (Мионов, 1995). Керамический комплекс характеризуется преобладанием профилированных форм сосудов с S-образным профилем; рогожная и сетчатая керамика преобладают над гладкостенной, раппорт покрывает поверхность сосудов полностью (Сарапулкина, 2010). В конце периода, в III–II вв. до н.э., происходит замещение упорядочен-

ных крупноячеистых отпечатков рогожного штампа на беспорядочные отпечатки (Миронов, 1995).

Четвертый, поздний период относится к концу IV–III вв. до н. э. – I в. до н. э. (Сарапулкина, 2010) или к II–I вв. до н.э. – I – второй половине II в. н.э. (Миронов, 1995). Данный период характеризуется сетчатой и гладкостенной тычковой керамикой в Подонье.

На II – первую половину III вв. н.э. приходится исчезновение псевдорогожной керамики и трансформация городецкой культуры в древнемордовскую (Миронов, 1995).

В рамках этой периодизации городецкая керамика городища Лбище относится к третьему периоду развития городецкой культуры, когда рогожная крупноячеистая керамика с упорядоченной структурой преобладала над сетчатой. Для определения абсолютных дат существования городецкой культуры в Самарском Поволжье необходимо обратиться к материалам непосредственно предшествующих ей памятников белогорского типа.

Белогорские поселения уже достаточно давно соотносятся с южной группой памятников ананьинской культурно-исторической области (Матвеева, 1980, с. 15; Марков, 2007, с. 61), которая датируется в пределах IX–III вв. до н.э. (Кузьминых, Чижевский, 2009). Переходных типов керамики, которые бы свидетельствовали о взаимодействии носителей городецких и белогорских керамических традиций, неизвестно, хотя ареалы этих

культур в Самарском Поволжье частично перекрываются. Отмечены памятники, в культурном слое которых известна посуда обеих культурных групп: городища Каменная Коза, Торновое, Новинковские дюны (Зудина, 2010). Эти факты с большой долей вероятности свидетельствуют об отсутствии контактов между носителями керамики белогорского типа и городецкой культуры, поэтому говорить об одновременном их существовании не приходится.

Исходя из этого, дата исчезновения белогорских памятников является тем рубежом, после которого появляются памятники городецкой культуры. Время существования белогорского типа керамики определено по наконечнику стрелы со сводчатым пером из городища Задельная Гора, датируемого IV–III вв. до н.э. (Матвеева, 1975, с. 99).

Отталкиваясь от этого факта, проникновение носителей городецкой культуры на территорию Самарского Поволжья должно быть определено несколько более поздним временем, судя по керамике, III–II вв. до н.э. Это время приблизительно совпадает с прекращением существования городецкой культуры в Подонье (Сарапулкина, 2010), и ее вероятной миграцией на Самарскую Луку (Миронов, 1995). Таким образом, керамический комплекс городецкой культуры из раскопок 2003 г. городища Лбище, датируется не ранее III–II вв. до н.э. и относится к третьему периоду развития городецкой культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арзютов Н.К. К вопросу о так называемой «рогожной» керамике // Тр. Нижневолжского областного научного общества краеведения. – Саратов, 1926. – Вып. 35. – Ч. 1.

2. *Богачев А.В.* Славяне, германцы, гунны, болгары на Средней Волге в I тыс. н.э. Историко-археологическое исследование. Saarbrücken: Lap Lambert Academic Publishing, 2011.
3. *Зудина В.Н.* О состоянии изученности культур оседлого населения раннего железного века в Самарском Поволжье // Краеведческие записки. Вып. XV: 40 лет Средневожской археологической экспедиции. – Самара, 2010.
4. *Кренке Н.А.* Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. н.э. – М., 2011.
5. *Кузьминых С.В., Чижевский А.А.* Ананьинский могильник: основные вехи исследований, коллекции и характер памятника // Археология Евразийских степей. Вып. 8. У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника). – Елабуга, 2009.
6. *Левенок В.П., Миронов В.Г.* К вопросу о новом районе городецкой культуры на Дону // СА. – 1976. – № 2.
7. *Марков В.Н.* Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху: (Об этнокультурных компонентах ананьинской общности). Археология Евразийских степей. Вып. 4. – Казань, 2007.
8. *Матвеева Г.И.* Поселения раннего железного века на Самарской Луке // Краеведческие записки. Вып. 3. Самарская Лука в древности. – Куйбышев, 1975.
9. *Матвеева Г.И.* Археологические памятники железного века на территории Куйбышевской области. – Куйбышев, 1980.
10. *Матвеева Г.И.* Памятники лбищенского типа – ранний этап именьковской культуры // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). – Самара, 1998.
11. *Матвеева Г.И.* Памятники оседлых племен лесной зоны Самарского Поволжья (белогорская и городецкая культуры) // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. – М. 2000.
12. *Матвеева Г.И.* К вопросу о хронологии городища Лбище // Контактные зоны Евразии на рубеже эпох. – Самара, 2003.
13. *Матвеева Г.И.* Отчет о раскопках городища Лбище в Ставропольском районе Самарской области в 2003 году // Архив СамГУ. – Самара, 2003.
14. *Миронов В.Г.* Хвалынские городища и их роль в истории городецких племен Поволжья // Тр. МордНИИЯЛИЭ. Вып. 29. Исследования по археологии и этнографии Мордовской АССР. – Саранск, 1970.
15. *Миронов В.Г.* Городецкая культура: состояние проблем и перспективы их изучения // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 4. – Рязань, 1995.
16. *Монгайт А.Л.* Рязанская земля. – М.: Изд-во АН СССР, 1961.
17. *Обломский А.М.* Об одной группе сосудов эпохи великого переселения народов // РА. – 2005. – № 2.
18. *Поливанов В.Н.* Археологическая карта Симбирской губернии. – Симбирск, 1900.
19. *Расторопов А.В.* Исследование городища Лбище на Самарской Луке в 1981 году // Древности Среднего Поволжья. – Куйбышев, 1985.
20. *Салугина Н.П.* Результаты технологического анализа керамики оседлых племен Самарского Поволжья в раннем железном веке и раннем средневековье // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. – Самара, 2000.
21. *Сарапулкина Т.В.* Городецкая культура на Верхнем и Среднем Дону: Дис. ... канд. ист. наук. – Воронеж, 2010.

22. Смирнов А.П., Трубникова Н.В. Городецкая культура // САИ. – 1965. – Д-1-14.
23. Сташенков Д.А. О хронологическом соотношении памятников лбищенского типа и ранних памятников именьковской культуры // Изв. Самарского научного центра РАН. – 2010. – Т. 12. – № 6.
24. Сыроватко А.С. Юго-восточное Подмосковье в железном веке: к характеристике локальных вариантов дьяковской культуры. – М., 2009.

Информация об авторе:

Чижевский Андрей Алексеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань, Россия); chijevski@mail.ru

CERAMICS WITH BAST PRINTS FROM EXCAVATION ON THE SITE OF ANCIENT SETTLEMENT LBISHCHE IN 2003

A.A. Chizhevsky

The Lbishche fortified settlement is one of the largest settlements of the Samara Bend. Its upper layers refer to the early Middle Ages and have been well studied. The lower layers referring to the Early Iron Age have not been subjected to serious examination until recently. In 2003, 778 pottery fragments were discovered in these layers, 12 of them with basket, or net, pattern, and all found in the same room. According to the author, ceramics of this type refers to the Gorodets culture of the third period, and dates from no earlier than the 3rd–2nd centuries BC, when the carriers of this culture migrated to the Samara Volga river region from the Don river basin. In this region There are 30 Gorodets culture sites; of these, 8 fortified settlement sites, mainly in the southern part of the Samara Bend.

Keywords: archaeology, the Middle Volga river region, the Samara Bend, the Early Iron Age, the Lbishche fortified settlement, the Gorodets culture, pottery, basket and net pattern.

REFERENCES

1. Arziutov, N. K. 1926. In *Trudy Nizhnevolzhskogo oblastnogo nauchnogo obshchestva kraevedeniia (Proceedings of the Lower Volga Regional Scientific Society of Local Lore)* 35, Part 1. Saratov, 79-84 (in Russian).
2. Bogachev, A. V. 2011. *Slaviane, germantsy, gunny, bolgary na Srednei Volge v seredine I tys. n.e. Istoriko-arkheologicheskoe issledovanie (The Slavs, Germans, Huns, Bulgarians on the Middle Volga in the Middle of the I Millennium AD: Historical and Archaeological Study)*. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing (in Russian).
3. Zudina, V. N. 2010. In Kuznetsova, L. V. (ed.). *Kraevedcheskie zapiski (Notes on Local History)* XV. *40 let Srednevolzhskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (40 Years of Middle Volga Archaeological Expedition)*. Samara: Samara Regional Museum of Local Lore named after P. V. Alabin, 101-109 (in Russian).
4. Krenke, N. A. 2011. *D'iakovo gorodishche: kul'tura naseleniia basseina Moskvyy-reki v I tys. do n. e. — I tys. n. e. (D'iakovo Fortified Settlement: the Culture of the Population of the Moskva River Basin in the 1st Millennium BC – 1st Millennium AD)*. Moscow: Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology (in Russian).
5. Kuz'minykh, S. V., Chizhevskii, A. A. 2009. In Kuz'minykh, S. V., Chizhevskii, A. A. (eds.). *U istokov arkheologii Volgo-Kam'ia (k 150-letiiu otkrytiia Anan'inskogo mogil'nika) (At the Origins of Archaeology of Volga-Kama Region (on the 150th Anniversary of Discovery of the Ananyino Burial Ground))*. Series: Archaeology of the Eurasian Steppes 8. Yelabuga: History Institute, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan; Archaeology Institute of the Russian Academy of Sciences; Yelabuga State Museum-Reserve, 6-12 (in Russian).

6. Levenok, V. P., Mironov, V. G. 1976. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 17-32 (in Russian).
7. Markov, V. N. 2007. *Nizhnee Prikam'e v anan'inskuiu epokhu: (Ob etnokul'turnykh komponentakh anan'inskoï obshchnosti) (Lower Kama Area in the Ananyino Epoch: On Ethnic-Cultural Components of the Ananyino Community)*. Series: Archaeology of the Eurasian Steppes 4. Kazan: History Institute, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian).
8. Matveeva, G. I. 1975. In *Samarskaia Luka v drevnosti (Samara Bend in the Antiquity)*. Series: Kraevedcheskie zapiski (Notes on Local History) 3. Kuybyshev, 93-104 (in Russian).
9. Matveeva, G. I. 1980. *Arkheologicheskie pamiatniki zheleznogo veka na territorii Kuibyshevskoi oblasti (Archaeological Sites of the Iron Age in Kuybyshev Region)*. Kuybyshev (in Russian).
10. Matveeva, G. I. 1998. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Kul'tury evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysiacheletia n.e. (voprosy khronologii) (Cultures of the Eurasian Steppes in the Second Half of I Millennium AD (Issues on Chronology))*. Samara: Samara Regional Museum of Local Lore named after P. V. Alabin, 87-96 (in Russian).
11. Matveeva, G. I. 2000. In Vasil'eva, I. N., Matveeva, G. I. (eds.). *Istoriia Samarskogo Povolzh'ia s drevneishikh vremen do nashikh dnei. Rannii zheleznyi vek i srednevekov'e (The History of the Samara Volga Region from Antiquity to Our Days. The Early Iron Age and the Middle Ages)*. Moscow: "Nauka" Publ., 82-93 (in Russian).
12. Matveeva, G. I. 2003. In *Kontaktnye zony Evrazii na rubezhe epokh (Contact Zones of Eurasia at the Turning of Epochs)*. Samara: P. V. Alabin Samara Regional Museum of Local Lore; "Insoma-Press" Publ., 90-93 (in Russian).
13. Matveeva, G. I. 2003. *Otchet o raskopkakh gorodishcha Lbishche v Stavropol'skom raione Samarskoi oblasti v 2003 godu (Report on the Excavations of Lbishche Hillfort in the Stavropol District, Samara Region, in 2003)*. Archive of the Samara State University. Samara (in Russian).
14. Mironov, V. G. 1970. In *Trudy Mordovskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta iazyka, literatury, istorii i ekonomiki (Proceedings of the Mordovia Language, Literature, History, and Economy Institute)* 29. *Issledovaniia po arkheologii i etnografii Mordovskoi ASSR (Studies on the Archaeology and Ethnography of Mordovia Autonomous Republic)*. Saransk, 67-83 (in Russian).
15. Mironov, V. G. 1995. In Cheliapov, V. P. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Srednego Pooch'ia (Archaeological Sites of the Middle Oka Area)* 4. Ryazan: Science and Production Center for Protection and Management of Historical and Cultural Sites of the Ryazan Region, 68-89 (in Russian).
16. Mongait, A. L. 1961. *Riazanskaia zemlia (The Ryazan Land)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
17. Oblomskii, A. M. 2005. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (2), 32-45 (in Russian).
18. Polivanov, V. N. 1900. *Arkheologicheskaia karta Simbirskoi gubernii (Archaeological Map of the Simbirsk Province)*. Simbirsk: "A. T. Tokarev" Publ. (in Russian).
19. Rastoropov, A. V. 1985. In *Drevnosti Srednego Povolzh'ia (Antiquities of the Middle Volga Area)*. Kuybyshev: Kuybyshev State University, 100-110 (in Russian).
20. Salugina, N. P. 2000. In Vasil'eva, I. N., Matveeva, G. I. (eds.). *Istoriia Samarskogo Povolzh'ia s drevneishikh vremen do nashikh dnei. Rannii zheleznyi vek i srednevekov'e (The History of the Samara Volga Region from Antiquity to Our Days. The Early Iron Age and the Middle Ages)*. Moscow: "Nauka" Publ., 216-246 (in Russian).
21. Sarapulkina, T. V. 2010. *Gorodetskaia kul'tura na Verkhnem i Srednem Donu (Gorodets Culture on the Upper and Middle Don River)*. PhD Diss. Voronezh (in Russian).
22. Smirnov, A. P., Trubnikova, N. V. 1965. *Gorodetskaia kul'tura (Gorodets Culture)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) D1-14 (in Russian).

23. Stashenkov, D. A. 2010. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Bulletin of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)* 12 (6). Samara, 272-275 (in Russian).

24. Syrovatko, A. S. 2009. *Iugo-vostochnoe Podmoskov'e v zheleznom veke: k kharakteristike lokal'nykh variantov d'iakovskoi kul'tury (South-eastern Moscow Region in the Iron Age: to the Characteristic of the Dyakovo Culture Local Variants)*. Moscow: "CheBuk" Publ. (in Russian).

About the Author:

Chizhevsky Andrei A. Candidate of Historical Sciences. Institute of History named after Sh. Marjani of Tatarstan Academy of Sciences. Kremlin, 5 entrance, Kazan, 420014, Republic of Tatarstan, Russian Federation; chijevski@mail.ru

КАМЕННАЯ ЛИТЕЙНАЯ ФОРМА С МУРОМСКОГО ГОРОДКА НА САМАРСКОЙ ЛУКЕ

© 2012 г. А.Ф. Кочкина

Публикуется случайная находка фрагмента литейной формы на болгарском городище Муромский городок (Самарская область). Форма относится к типу двусторонних. Лицевая сторона предназначена для отливки двух браслетов, сохранившаяся боковая – для изготовления привесок – лунниц и монетовидных. Изделия относятся к древнерусским типам, в том числе к известным на территории Волжской Болгарии. Такое сочетание на одной форме гнезд для разнотипных предметов позволяет датировать её второй половиной XII – началом XIII в. Поскольку Муромский городок находился на Волжском торговом пути, находка может свидетельствовать как о присутствии на поселении русских ювелиров, так и о копировании болгарскими ювелирами древнерусских образцов.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, Волжская Болгария, Муромский городок, меднолитейное производство, литейная форма, древнерусские украшения, подвески-лунницы, браслеты.

Меднолитейное производство в Волжской Болгарии достигло высокого уровня развития в XI–XII вв. При раскопках крупных городов и поселений постоянно встречаются материальные следы этого направления металлообрабатывающей отрасли болгарского ремесла. Показательными для характеристики особенностей меднолитейного дела являются находки литейных форм. Наиболее подробные обзоры находок литейных форм на памятниках Волжской Болгарии представлены в работах С.В. Кузьминых по Биляру (Кузьминых, 1985, с. 84–103) и Г.Ф. Поляковой по Болгару (Полякова, 1996, с. 154–268).

Литейных форм, происходящих с Муромского городка (Самарская Лука), известно довольно много, но они до настоящего времени не систематизированы. В большинстве своем это фрагментарные находки. Не исключением является и случайная находка фрагмента каменной литейной формы, публикуемой в данной работе (СОИКМ КП-26139/13). Она была

найдена на пашне в так называемом северном городе, в его восточной части. Литейная форма представляет собой плитку из темно-серого камня (мелкозернистый песчаник) подпрямоугольной формы, одна боковая и одна торцовая стороны отбиты, обратная сторона также отбита (рис. 1; 2). Размеры сохранившейся части формы: длина 8,4 см, ширина 6,1 см, толщина 1,7 см.

Форма относится к типу двусторонних форм, на лицевой стороне имеется углубление для соединения с другой, несохранившейся, частью формы. С торцевой стороны и с боковой сохранились литники. На лицевой стороне формы имеются литейные гнезда для изготовления двух браслетов (рис. 1: 1; 2: 1). На боковой стороне частично сохранились литейные гнезда для изготовления привесок (рис. 1: 1а; 2: 1а).

Форма предназначалась для отливки двух разнотипных браслетов, встречающихся в русских древностях. Один из них относится к узко-массивным браслетам (по типологии

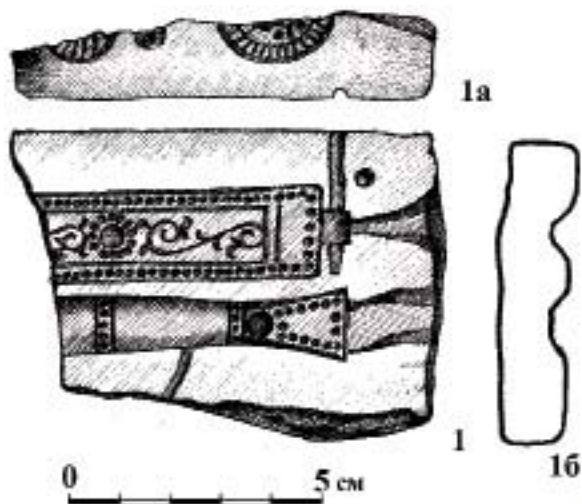

Рис. 1. Каменная литейная форма с Муромского городка.
1 – лицевая сторона,
1а – боковая сторона,
1б – сечение.

Рис. 2. Каменная литейная форма с Муромского городка (фото).
1 – лицевая сторона,
1а – боковая сторона.

М.В. Седовой). Браслет имел сегментовидное сечение, в средней части расширялся, концы также расширялись. Устье литника раздваивалось. Браслет был орнаментирован небольшими полусферическими выпуклинами между поперечно расположенными горизонтальными поясками. Расширяющиеся концы были орнаментированы трапециевидно расположенными выпуклинами. Подобных браслетов среди находок на Муромском городке пока не встречено. Наиболее близок к браслету, отливавшемуся в описываемой форме, браслет из новгородских древ-

ностей, опубликованный М.В. Седовой (рис. 3: 7; Седова, 1981, с. 103, рис. 38; Седова, 1997, табл. 58: 8а). Подобные браслеты исследовательница сопоставляла с ладьевидными браслетами, имевшими скандинавские истоки и получившими широкое распространение в XI–XII вв. вплоть до Ростово-Суздальской земли. Браслет из литейной формы с Муромского городка отличается более удлиненными и расширяющимися концами, а также простой орнаментацией.

Второй браслет, отливавшийся в этой форме, относится к типу пла-

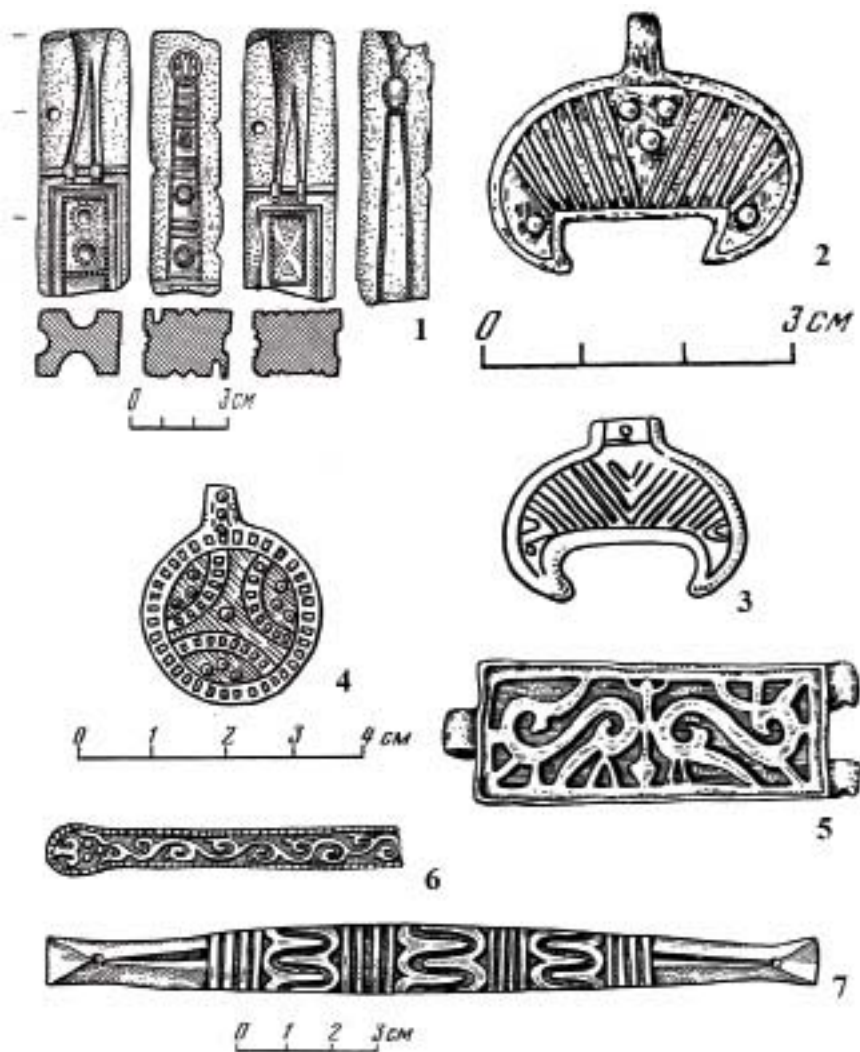

Рис. 3. 1 – литейная форма из Биляра (по С.В. Кузьминых, 1985); 2 – привеска-лунница с Измерского селища (по М.Д. Полубояриновой, 1991); 3 – привеска-лунница из Новгорода (по М.В. Седовой, 1997); 4 – монетовидная привеска с Измерского селища (по М.Д. Полубояриновой, 1991); 5 – фрагмент браслета с шарнирным соединением из Новгорода (по М.В. Седовой, 1997); 6 – фрагмент пластинчатого браслета с растительным орнаментом из Новгорода (по М.В. Седовой, 1997); 7 – узкомассивный браслет из Новгорода (по М.В. Седовой, 1997).

стинчатых браслетов с шарнирным замком (рис. 1: 1). На форме отчетливо прослеживается канал для вставки стержня, с помощью которого отливалось ушко для крепления. Орнамент браслета повторяет прием орнамен-

ции первого браслета. По периметру пластины нанесены углубления для получения полусферических выпуклин. Внутренняя часть браслета орнаментирована растительным узором, близость которому можно видеть на

пластинчатых браслетах Новгорода (рис. 3: 5, 6; Седова, 1997, табл. 58: 24). По мнению М.В. Седовой, такие браслеты являлись своеобразным вариантом створчатых браслетов, изготовление которых в литейных формах началось с середины XII в. как подражание браслетам-наручам (рис. 3: 5; Седова, 1981, с. 116, 119). Подобные изделия являлись женскими украшениями, типичными для русской городской культуры.

Литейные гнезда на боковой стороне сохранились частично, тем не менее они достаточно точно позволяют установить, что они предназначались для отливки привесок, широко распространенных в древнерусских древностях. В одном гнезде отливались привески-лунницы, в другом – монетовидные привески. Подобные типы украшений встречались во Владимирских курганах, в Новгороде (рис. 3: 3, 4; Седова, 1997, табл. 54: 5; Седова, 1997, табл. 53: 13). Аналогичные украшения обнаружены и на территории Волжской Болгарии, в частности, привеска-лунница найдена на Измерском селище (Полубояринова, 1991, рис. 31: 1). Монетовидная привеска на муромской форме, скорее всего, относится к типу привесок, орнамент на которых М.В. Седова определяла как трехчастную композицию, напоминающую «молоточек Тора» (Седова, 1997, табл. 53: 13).

Сочетание на одной форме разнотипных предметов позволяют предположительно датировать ее второй половиной XII – началом XIII в.

Литейная форма, предназначенная для отливки подобных украшений, в частности, браслетов, описывается С.В. Кузьминых как происходящая из Биляра и хранящаяся в фондах На-

ционального музея Республики Татарстан (рис. 3: 1; Кузьминых, 1985, с. 90–91, табл. XXXIV: 7). На двух сторонах этой формы имеются литейные гнезда для литья браслетов с шарнирным замком, на других двух сторонах – для изготовления пластинчатых браслетов с овальными концами. Примечательно то, что в орнаментации браслета с шарнирным замком на билярской форме встречен тот же элемент, который присутствует на муромской форме – полусферическая крупная выпуклина с мелкими выпуклинами по периметру.

Интересен тот факт, что предметы, которые изготавливались в описанной литейной форме с Муромского городка, обнаруживают наибольшую близость к предметам древнерусского ювелирного производства. Однако находки подобных изделий на территории Волжской Болгарии, а также наличие литейных форм для отливки сходных форм таких предметов, позволяют предположить, что сами формы могли изготавливаться по образцам уже болгарскими мастерами. В то же время, нельзя исключать присутствие русских ремесленников в волжско-болгарских городах. По археологическим данным это известно, в частности, для Биляра (Хузин, Валиуллина, 1986; Кочкина, 1986). Для Муромского городка предположить аналогичное явление вполне допустимо. Определенно с пребыванием русского населения можно связать и другие находки на городище. Так, в керамических материалах Муромского городка обнаружены фрагменты характерной древнерусской керамики, а также кости свиньи, хотя и в небольшом количестве. Город, являвшийся региональным центром

и находившийся непосредственно на Волжском торговом пути, был одним из крупнейших болгарских городов, где проживало разноэтническое население, в том числе русские мастера-ювелиры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузьминых С.В. Инструментарий биярских ювелиров и меднолитейщиков // Культура Бияра. – М.: Наука, 1985.
2. Кочкина А.Ф. Находки древнерусской керамики на Биярском городище // Волжская Болгария и Русь. – Казань, 1986.
3. Полубоярнинова М.Д. Русь и Волжская Болгария в X–XV вв. – М.: Наука, 1991.
4. Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). – М.: Наука, 1981.
5. Седова М.В. Украшения из меди и сплавов // Археология. Древняя Русь. Быт и культура. – М.: Наука, 1997.
6. Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. – Казань, 1996.
7. Хузин Ф.Ш, Валиуллина С.И. Славяно-русские материалы в Бияре // Волжская Булгария и Русь. – Казань, 1986.

Информация об авторе:

Кочкина Анна Федоровна, зав. отделом археологии Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина (г. Самара, Россия); archeo@list.ru

STONE CASTING MOLDS FROM THE MUROMSKY TOWN ON SAMARSKAYA LUKA

A.F. Kochkina

An accidental discovery of a casting mould fragment on the Bulgar fortified settlement named Muromsky Gorodok (Samara oblast) is made public. The form refers to the bilateral type. The front side is designed for casting two bracelets, the preserved side – for the manufacture of lunar and coin-shaped pendants. The products belong to the ancient Russian types, including to those well-known on the territory of Volga Bulgaria. The combination of pockets for casting different types of objects in a single mould allows dating it from the second half of the 12th through to the early 13th century. As Muromsky Gorodok was situated on the Volga trade route, the find may serve as evidence of both the presence of Russian jewelers in the settlement and the reproduction of ancient samples by Bulgar jewelers.

Keywords: archaeology, the Middle Volga river region, Volga Bulgaria, the Muromsky Gorodok fortified settlement site, copper casting production, casting mould, ancient Russian jewelry, lunar pendants, bracelets/

REFERENCES

1. Kuz'minykh, S. V. 1985. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Kul'tura Biliara. Bulgarskie orudiia truda i oruzhie X—XIII vv. (Bilyar Culture. Bulgar Tools and Weapons in 10th – 13th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ., 84-103 (in Russian).
2. Kochkina, A. F. 1986. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Volzhskaya Bulgariya i Rus' (k 1000-letiiu rusko-bulgarskogo dogovora) (Volga Bulgaria and Rus': to the 1000th Anniversary of the Russian-Bulgarian Treaty)*. Kazan: Institute for Language, Literature, and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 117-122 (in Russian).

3. Poluboiarinova, M. D. 1991. *Rus' i Volzhskaia Bulgariia v X—XV vv. (Rus' and Volga Bulgaria in 10th—15th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
4. Sedova, M. V. 1981. *Iuvelirnye izdeliia drevnego Novgoroda (X—XV vv.) (Jewelry of Old Novgorod (10th—15th Centuries))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
5. Sedova, M. V. 1997. In Kolchin B. A., Makarova T. A. (eds.). *Drevniaia Rus'. Byt i kul'tura (Ancient Russia. Everyday Life and Culture)*. Series: Archaeology of the USSR 16. Moscow: "Nauka" Publ., 63-78 (in Russian).
6. Poliakova, G. F. 1996. In Fyodorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Remeslo metallurogov, kuznetsov, liteishchikov (Town of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders)*. Kazan: Language, Literature and History Institute, Academy of Sciences of Tatarstan, 154-268 (in Russian).
7. Khuzin, F. Sh., Valiullina, S. I. 1986. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Volzhskaia Bulgariia i Rus' (k 1000-letiiu russko-bulgarskogo dogovora) (Volga Bulgaria and Rus': to the 1000th Anniversary of the Russian-Bulgarian Treaty)*. Kazan: Institute for Language, Literature, and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 97-116 (in Russian).

About the Author:

Kochkina Anna F. Samara Regional Museum of Local Lore named after P. V. Alabin. Leninskaya St., 142, Samara, 443041, Samara Region, Russian Federation; archeo@list.ru

ИССЛЕДОВАНИЯ НА СТАРОКУЙБЫШЕВСКОМ ГОРОДИЩЕ

© 2012 г. А.М. Губайдуллин

Старокуйбышевское городище расположено на берегу р. Бездна, в 200 м к северо-востоку от г. Болгар. Городище сильно размывается водами реки и Куйбышевского водохранилища. В настоящее время оно оказалось на острове и находится под угрозой полного разрушения. В связи с этим на памятнике в 1946, 1987 и 1996 гг. проводились охранно-спасательные раскопки. В статье подробно приводятся результаты исследований 1996 года. Были раскопаны остатки наземной постройки с печью и три хозяйственные ямы. Керамический комплекс этих сооружений имеет явные признаки домонгольской болгарской культуры. В целом находки приводят к выводу, что городище существовало только в XI–XIII вв. и что его гибель связана с монгольским нашествием.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, Волжская Болгария, Старокуйбышевское городище, спасательные раскопки, болгарская керамика.

Территория западной части закавказских районов Республики Татарстан представляет собой аллювиальный низменно-равнинный район. Он характеризуется разработанными террасами р. Волги и прилегающей части р. Камы, сейчас же в значительной степени покрыт водами Куйбышевского водохранилища (Археологическая карта, 1986, с. 5).

Это классическая лесостепь с мощными черноземами, которая на протяжении различных исторических эпох была заселена человеком и благоприятствовала его проживанию. Однако активная земледельческая деятельность здесь началась только в эпоху Волжской Булгарии, особенно в домонгольский ее период. Таким образом, большое количество болгарских памятников сосредоточено именно в этом районе, многие из которых находились на относительно низменных территориях. Это привело к их последующему затоплению водохранилищем. В наше время те из них, что не ушли полностью под воду, оказались на островах и постоянно размываются. Один из таких – Старокуйбышев-

ский археологический комплекс, куда помимо селищ и могильников входит и одноименное городище (рис. 1).

Памятник ежегодно интенсивно разрушается водохранилищем. Он расположен на надпойменной террасе берега, в крутой петле р. Бездны. Городище находится через протоку, в 200 м от северо-восточной окраины бывшего г. Куйбышева (Тат.), т.н. «Старого Куйбышева»¹, дореволюционного г. Спасска, а также в 2 км к западу–юго-западу от с. Куралово (рис. 2). Поверхность его ровная, задернована. Площадь на момент наших исследований составляла около 1,5 га, изначально же она была 1,72 га (Обрезков, 1892). Высота площадки над уровнем водохранилища около 1,5–2 м, при высоком же подъеме воды – менее 1 м.

Одним из первых городище упомянул С.М. Шпилевский (Шпилевский, 1877, с. 330–332), затем оно было опи-

¹ От этого и произошло название археологических памятников данного района и, в частности, самого Старокуйбышевского городища.

Рис. 1. Расположение Старокуйбышевского городища (Атлас автодорог РТ, 2009, с. 38).

Рис. 2. Старокуйбышевское городище. Ситуационный план.

Рис. 3. Старокуйбышевское городище. Вид с северо-запада.

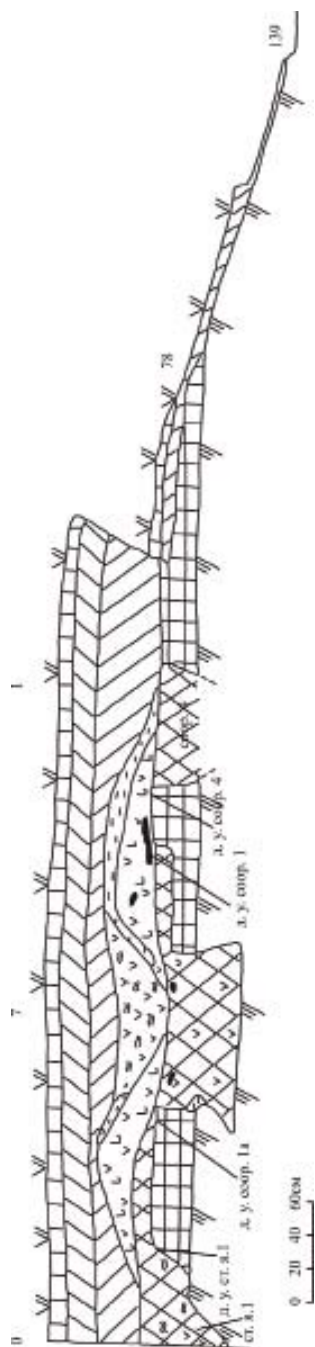

Рис. 4. Стратиграфия юго-западной стенки раскопа.

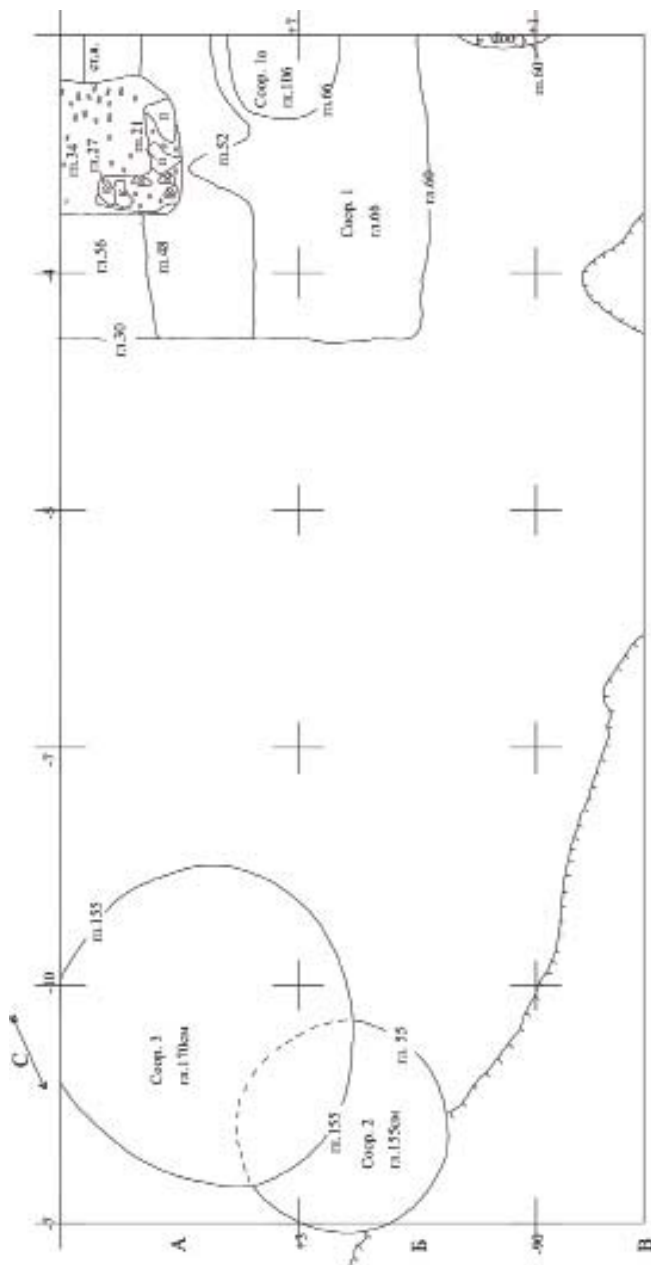

Рис. 5. Старокуйбышевское городище. План юго-восточной части раскопа.

Рис. 6. Старокуйбышевское городище. Сооружение 1 после вскрытия. Вид с северо-востока.

сано А. Обрезковым, который указал на наличие нескольких валов с северной и южной сторон памятника, а также с востока. Он же отметил и ряд кладов серебряных и золотых изделий в этом районе (Обрезков, 1892, с. 60–66).

За несколько лет до начала затопления водохранилища археологические исследования на городище были проведены в 1946 г. экспедицией ИЯЛИ КФАН СССР под руководством Н.Ф. Калинина (Калинин, Халиков, 1954, с. 68, 70, 71)². Описывая памятник, он указал, что укрепленное поселение имеет вид трапеции, которая соединяется с материком узким перешейком длиной 95 м и шириной от 1 до 15 м. Н.Ф. Калинин также отметил наличие рва и вала на перешейке шириной 18 и 20 м соответственно. Вслед за А. Обрезковым он указал и вал вдоль восточной стороны городища.

На площадке памятника им были заложены шурфы, которые выявили культурный слой мощностью до 1 м. Существование поселения исследователь отнес к именьковскому и болгарскому времени.

² Н.Ф. Калинин называл это городище Куйбышевским.

По данным Н.Ф. Калинина, уже в 1946 г. территория городища была сильно деформирована и частично уничтожена размывами р. Бездна. После заполнения ложа Куйбышевского водохранилища процесс разрушения стал еще более интенсивным. Петля реки превратилась в остров, а основные укрепления в северной части были уничтожены водой. Сохранились только южный вал и ров.

С охранными целями городище неоднократно обследовалось экспедициями под руководством Е.П. Казакова. Им был собран большой подъемный материал, довольно полно характеризующий культурный облик памятника и позволивший подтвердить вывод Н.Ф. Калинина о существовании укрепленного болгарского поселения в домонгольский период (Казаков, 1979, с. 177–178; Археологическая карта, 1986, № 347).

В 1987 г. Старокуйбышевское городище было исследовано археологической экспедицией ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН СССР под руководством И.Л. Измайлова (Измайлов, Губайдуллин, 1992, с. 79–89). Им был изучен южный сохранившийся вал раскопом площадью 4 x 16 м, который охватил всю его ширину и часть пло-

Рис. 7. Гончарный сосуд из сооружения 3.

Рис. 8. Гончарный сосуд из сооружения 3.

Рис. 9. Фрагмент лепной керамики из культурного слоя.

щадки памятника. В процессе работ И.Л. Измайловым были выявлены и остатки внутривальных деревянных конструкций.

Для продолжения охранно-спасательных работ в 1996 г. совместно с М.М. Кавеевым в северо-западной, наиболее разрушаемой части памятника был заложен новый раскоп площадью 80 кв. м. С запада и северо-запада он примыкал к обрыву реки и имел прямоугольную форму.

Общая мощность культурных напластований, выявленных во время исследований, достигала 50–60 см вне сооружений и расчленилась на несколько стратиграфических слоев (рис. 4). Сверху шел дерн толщиной 7–10 см. Далее залегал слой чернозема с мелкими включениями керамики мощностью до 25 см, который, возможно, увязывается со временем запустения городища³. Затем шел слой светло-серой супеси с редкими линзами обожженной глины с находками гончарной керамики, камней и костей животных. Ниже следовала частично переработанная погребенная почва, поэтому ее мощность колебалась от 18 до 35–38 см. Кровля материка в виде светло-коричневого суглинка была зафиксирована на глубине 75–90 см от современной поверхности.

Во время исследований выявлены остатки наземной постройки с печью (сооружение 1) и три хозяйственные ямы (сооружения 2–4) (рис. 5).

Сооружение 1 первоначально выявилось на глубине 30–60 см в южной части раскопа в виде пятна неправильных очертаний, состоявшего из пестроцвета и разрозненных кусков

сгоревшей древесины, которое уходило в юго-восточную и юго-западную стенки раскопа. Судя по вскрытой части, оно имело подпрямоугольные очертания размерами 310 x 250 см и глубину 48–66 см (до 26 см от уровня выявления). Дно его не ровное и поднималось ближе к центру постройки. В юго-восточной части сооружения были выявлены остатки очага, функционировавшего два периода. В качестве первоначального очага использовался подиум из погребенной почвы высотой 8–10 см и размерами 120 x 140 см. На его поверхности прослежены угли и зола.

Второй очаг имел несколько более сложную конструкцию. Дно его состояло из обожженной глины с остатками стенок по краям, сложенным из камней и крупных фрагментов керамики со следами глиняной обмазки. Размеры его составляли 120 x 105 см. Рядом с ним в южном углу раскопа была прослежена столбовая ямка диаметром 25 см и глубиной 48 см от уровня выявления. Кроме того, в юго-западной части постройки выявлены и полуовальные контуры сооружений 1а, которое, судя по вскрытой части, имело размеры 90 x 63 см и глубину 40 см от уровня выявления. Оно имело скошенные внутрь стенки и ровное дно. Судя по заполнению и стратиграфии, сооружение 1а и столбовая ямка некогда составляли единый комплекс с сооружением 1, погибшим при пожаре.

Контуры *сооружений 2 и 3* наиболее четко выявились в северо-восточной части раскопа на глубине 55 см. Они имели округлые очертания диаметром 170 и 260 см и пестроцветное заполнение. Глубина их от уровня выявления – 98 и 115 см. Обе ямы колоколовидной формы со слегка округ-

³ На месте городища до затопления существовали также огороды местного педагогического училища.

лым дном. Сооружение 2 возникло позднее, т.к. оно перерезало сооружение 3. Во время их вскрытия было найдено большое количество керамики и костей животных.

В юго-западной части раскопа на глубине 60 см выявлено и сооружение 4, однако оно не было исследовано, т.к. выступало из стенки раскопа лишь на 10 см шириной и 75 см длиной.

Материальные остатки раскопа в основном представлены керамическими находками. В первую очередь, это гончарная общебулгарская посуда – 1033 фрагмента. Также был найден 21 фрагмент гончарной керамики с примесями и 8 фрагментов лепной. Из них 619 общебулгарской, 21 с примесями и 3 лепной происходили из культурного слоя. Причем наибольшее их количество найдено при вскрытии 2-го шты-

ка – 288 фрагментов. Остальные были выявлены во время исследования сооружений. Основную массу гончарной составляет керамика коричневого, красного и бурого цветов с лощением. Наибольшее число фрагментов плохого обжига. Поливная керамика была представлена небольшим фрагментом зеленого цвета, найденного при вскрытии сооружения 3.

В целом, керамический комплекс раскопа нес все признаки булгарской керамики домонгольского времени. Соответственно подтвердилась и ранее высказанная точка зрения о существовании Старокуйбышевского городища только в XI–XIII вв. По-видимому, памятник погиб в период политических потрясений, связанных с монгольским нашествием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Археологическая карта Татарской АССР (Западное Закамье). – Казань, 1986.
2. Атлас автодорог Республики Татарстан (Татарстана). – М., 2009.
3. *Измайлов И.Л., Губайдуллин А.М.* Укрепления Старокуйбышевского (Кураловского) городища // Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада. – Казань, 1992.
4. *Казаков Е.П.* Работы в зонах Куйбышевского и Нижнекамского водохранилищ // АО 1978 года. – М., 1979.
5. *Калинин Н.Ф., Халиков А.Х.* Итоги археологических работ за 1945–1952 гг. – Казань: Таткнигоиздат, 1954.
6. *Обрезков А.* Следы древнего поселения в окрестностях г. Спасска Казанской губернии // ИОАИЭ. – Казань, 1892. – Т. X, вып. 2.
7. *Шпилевский С.М.* Древние города и другие булгарско-татарские памятники в Казанской губернии. – Казань, 1877.

Информация об авторе:

Губайдуллин Айрат Маратович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань, Россия); airg_g@mail.ru

RESEARCHES ON THE OLD-KUIBYSHEV SITE OF ANCIENT SETTLEMENT

A.M. Gubaidullin

The Starokuybyshevskoye (Old-Kuybyshev) fortified settlement is situated on the bank of the Bezdna river, 200 m to the northeast of Bolgar city. The site is being considerably

eroded by the waters of the river and the Kuibyshev water reservoir. Currently it is situated on an island, under threat of complete destruction. In this regard, in 1946, 1987 and 1996, conservation and rescue excavations were conducted on the site. The detailed results of the 1996 studies are offered in the article. The ruins of an above-ground dwelling with an oven and three household pits were excavated. The ceramic assemblage of these structures has obvious features of the pre-Mongol Bulgar culture. In general, the findings make it possible to conclude that the settlement had existed only in the 11th through to the 13th century and that its collapse was associated with the Mongol invasion.

Keywords: archaeology, the Middle Volga river region, Volga Bulgaria, the Starokuibyshevskoye fortified settlement site, rescue excavations, Bulgar ceramics/

REFERENCES

1. Starostin P. N. (ed.). 1986. *Arkheologicheskaja karta Tatarskoj ASSR. Zapadnoe Zakam'e* (Archaeological Map of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic. Western Trans-Kama Region). Kazan: G. Ibragimov Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).
2. *Atlas avtodorog Respubliki Tatarstan (Tatarstana)* (Transport Map of the Republic of Tatarstan). 2009. Moscow (in Russian).
3. Izmailov, I. L., Gubaidullin, A. M. 1992. In Starostin, P. N. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki zony vodokhranilishch Volgo-Kamskogo kaskada* (Archaeological Sites in the Area of Water Reservoirs in the Volga-Kama Cascade). Kazan: G. Ibragimov Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the Russian Academy of Sciences, 79-88 (in Russian).
4. Kazakov, E. P. 1979. In *Arkheologicheskie otkrytiia 1978 goda* (Archaeological Discoveries in 1978). Moscow, 177-178 (in Russian).
5. Kalinin, N. F., Khalikov, A. Kh. 1954. *Itogi arkheologicheskikh rabot za 1945—1952 gg.* (Results of Archaeological Works in 1945—1952). Kazan: "Tatknigoizdat" Publ. (in Russian).
6. Obrezkov A. 1892. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete* (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan University) X (2). Kazan, 149-154 (in Russian).
7. Shpilevskii, S. M. 1877. *Drevnie goroda i drugie bolgarsko-tatarskie pamiatniki v Kazanskoj gubernii* (Ancient Towns and Other Bulgar-Tatar Sites in the Kazan Province). Kazan: Typography of the Kazan University (in Russian).

About the Author:

Gubaidullin Ayrat M. Candidate of Historical Sciences. Institute of History named after Sh. Marjani of Tatarstan Academy of Sciences. Kremlin, 5 entrance, Kazan, 420014, Republic of Tatarstan, Russian Federation; airg_g@mail.ru

Хроника

III ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПОВОЛЖСКИЕ ФИННЫ И ИХ СОСЕДИ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНИЕ ВЕКА»

© 2012 г. В.В. Ставицкий

В статье представлены итоги работы конференции, состоявшейся 30 ноября 2011 г. в Саранске. В ней приняли участие археологи из десяти российских городов. Особое внимание уделялось таким темам, как возобновление археологических исследований в Мордовской Республике, не проводившихся последние 10 лет; сохранение археологических памятников и проведение охранных исследований; дискуссионные вопросы археологии Среднего Поволжья, особенно неолита и раннего железного века; этнический состав населения региона в раннем средневековье; вопросы лингвистики. К началу конференции было подготовлено издание ее материалов.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, Мордовская Республика, научная конференция, финно-угорские народы, археологические исследования, охрана археологических памятников.

30 ноября 2011 года в Саранске прошла конференция, посвященная изучению археологических древностей поволжских финнов и их ближайших соседей с эпохи каменного века до позднего средневековья. В конференции приняли участие археологи из городов Саранска, Москвы, Тамбова, Пензы, Нижнего Новгорода, Самары, Йошкар-Олы, Чебоксар, Владимира и Воронежа.

На пленарном заседании с приветственным словом к участникам конференции обратился проф. В.В. Кадакин, ректор Мордовского государственного педагогического института им М.Е. Евсевьева. Два пленарных доклада были посвящены актуальной проблеме сохранения памятников историко-культурного наследия. Один из старейших археологов Республики Мордовия И.М. Петербургский (Саранск) познакомил присутствующих

с современным состоянием археологических памятников региона. Им было предложено возобновить исследования в Мордовии, которые не проводились в течение последних 10 лет, составить список разрушенных и исследованных археологических объектов. Г. Н. Белорыбкин (Пенза) в своем выступлении рассказал о мероприятиях, направленных на сохранение Пензенской засечной черты XVII в., вал которой был разрушен в районе станции Пяша, в результате проведения недоброкачественных исследований, выполненных с нарушением методики археологических раскопок. Два других доклада были посвящены проблеме этногенеза уральских народов. В.В. Сидоровым (Москва) было высказано предположение об отнесении финских языков к алтайской языковой семье. По его мнению, древнейшие миграции фин-

ноязычного населения на территорию Русской равнины имели место в эпоху валдайского оледенения и были связаны с носителями афонтовской культуры Енисея. С сибирской миграцией им связывается и распространение на запад памятников свидерской культуры. В.В. Ставицким в своем выступлении было указано на ряд противоречий, имеющих в интерпретации лингвистических и археологических материалов. Временем формирования уральской языковой семьи он считает эпоху верхнего палеолита, когда ее представители занимали территорию от Зауралья до Среднего Поволжья. Данное единство сохраняется до эпохи раннего неолита, когда происходит обособление зауральского населения. В позднем неолите выделяются западные и волжские финны, памятники которых относятся к культуре ямочно-гребенчатой керамики. В завершении пленарного заседания В.В. Гришаковым (Саранск) был сделан доклад об изучении экспедицией Мордовского пединститута памятников каменного, бронзового, раннего железного веков и древнемордовских могильников на территории Мордовии и Пензенской области.

Тема сохранения археологических памятников и проведения охранных исследований была продолжена после перерыва С.И. Андреевым (Тамбов), который познакомил участников конференции с положением дел в Тамбовской области, где ряду памятников нанесен существенный ущерб «черными копателями». В другом выступлении С.И. Андреев порекомендовал анализировать наиболее ранние находки мордовских древностей в бассейне среднего течения р. Цны, пришел к выводу, что они датируются време-

нем не позднее VI в. К.М. Андреев (Самара) остановился на вопросах соотношения древностей елшанской и верхневолжской культур эпохи неолита. Им было высказано предположение, что представители елшанского населения могли принимать участие в процессе неолитизации Верхнего Поволжья. В.В. Ставицкий и О.С. Юдин (Пенза) рассмотрели некоторые дискуссионные вопросы изучения неолита Чувашского Посурья, и в частности подвергли сомнению тезис Н.С. Березиной о разделении местной елшанской керамики на две самостоятельные группы. В докладе М.А. Бурякова и В.В. Ставицкого был оспорен точка зрения А.Т. Синюка о пережиточно-энеолитическом статусе иванобургских древностей, которые по всем параметрам относятся к памятнику бронзового века. П.С. Тереховым (Воронеж) в выступлении была освещена история изучения памятников раннего железного века Цнинско-Хоперского междуречья. Доклад другого воронежского археолога Ю.Д. Разуваева был посвящен подведению итогов пятидесятилетних исследований городецких памятников лесостепного Подонья, происхождение которых им связывается с миграцией с территории Поочья. В периодизации данных древностей выделяется три этапа. Ранние городецкие памятники Подонья предшествуют скифоидным, а более поздние сосуществуют с ними. В выступлении Н.С. Мясникова (Чебоксары) на основе методики, разработанной В.В. Гришаковым, была проанализирована керамика городища Пикче Сарче, которое он датирует I–III вв. н. э. Ближайшие аналоги данной керамике им были отмечены в посуде Андреевского кургана и се-

лица, а также в материалах ранних могильников селиксенского типа, которые относятся к присурскому керамическому очагу. В.В. Гришаковым (Саранск) была проанализирована редкая находка проушного топора из 2-го Усть-Узинского могильника, появление которых в Посурье он связывает с древностями верхне-окской мощинской культуры. Доклад О.В. Седышева (Саранск) был посвящен снаряжению коня из погребений того же могильника, которые он датировал первой половиной III вв., отметив их ближайшие аналогии в древностях позднесарматского круга. В докладе О.В. Седышева и С.В. Святкина (Саранск) был рассмотрен образ коня в мордовской культуре и устно-поэтическом творчестве, где конь неизменно выступает помощником человека. В совместном докладе Т. Б. Никитиной, Д.Ю. Ефремовой, Е.А. Пузаткиной, В.И. Дробот (Йошкар-Ола) были изложены результаты междисциплинарного исследования Русенихинского марийского могильника IX–XI вв. Изучение костных останков погребенных показало, что в их рационе преобладала рыба и пища животного происхождения, а в качестве погребальных подстилок и одежды использовались меховые изделия из шкуры бобра. Все это свидетельствует о значительной роли охоты и рыбной ловли в хозяйстве марийского населения. И.А. Очеретин (Нижний Новгород) сделал доклад об охранных исследованиях на территории средневекового города Владимира, где был обнаружен уникальный клад серебряных древнерусских украшений, относящийся ко времени монгольского завоевания. Выступление П.И. Сафронова (Пенза) было посвящено анализу этно-

культурных компонентов материальной культуры Верхнего Посурья VIII – начала XI вв. Им было учтено 365 находок, в основном подъемного происхождения, которые на основе подобранных аналогов были разделены на шесть основных компонентов: волжско-финский (мордовский) (40%), пермско-финский (17%), болгарский (13%), древнерусский (6%), салтовомаяцкий (5%), пермско-финно-угорский (4%). На основе произведенных подсчетов был сделан вывод, что основным населением Верхнего Посурья в это время являлась мордва, и только в начале XI в. происходит увеличение доли болгарского населения. При обсуждении доклада присутствующими были высказаны сомнения, что суммарное соотношение проанализированных артефактов, верно отражает удельный вес средневековых этносов данного региона.

Ряд докладов участников конференции, которые не смогли приехать в Саранск, был представлен в стендовой форме. В докладе А.В. Вискалина (Ульяновск) была предложена периодизация позднемезолитической русско-луговской культуры, первой этап которой был отнесен к бореальному периоду, а начало второго связано с процессами аридизации, что привело к проникновению на Среднюю Волгу и Вятку отдельных групп степного населения. И.В. Федюниным (Воронеж) были подведены итоги исследований многослойного поселения Плаутино 2, происхождение позднепалеолитического слоя которого он связал с Костенковско-Борщевским районом. К.А. Руденко (Казань) при рассмотрении атрибуции погребения XI–XII вв., исследованного на Остолоповском селище, пришел к выводу,

что оно является непреднамеренных захоронением мордовской женщины, погибшей насильственной смертью. В.В. Бейлекчи (Нижний Новгород) было выделено три этапа в развитии культуры летописной муромы, каждый из которых был проанализирован по изменениям: в погребальном костюме, вооружении, хозяйстве и культурно-торговых связях. На материалах Елизавет-Михайловского могильника Н.В. Тереховой (Москва) было выделено четыре этапа бытования стеклянных бус, для каждого из которых характерна определенная технология изготовления. В докладе В.А. Винничека, Р. Державина, И. Андреева (Заречный) были рассмотрены новые находки, связанные с северной частью торгового пути из Мокши в Укек. А.А. Беговаткин (Москва) рассмотрел динамику расселения мордвы в эпоху средневековья, охарактеризовав роль внешних факторов, оказывавших влияние на данные про-

цессы: болгарского, древнерусского, монгольского. В докладе Д.С. Иконникова (Пенза) на основе археологических материалов была рассмотрена промысловая деятельность населения Верхнего Посурья и Примокшанья в VII–XI вв., которая, по его мнению, не играла существенной роли в хозяйстве. О.В. Мясниковой (Пенза) была проанализирована динамика обряда скорченного захоронения в средневековых могильниках мордвы, пик распространения которых приходится на XIII–XIV вв.

В целом следует отметить высокий уровень докладов, представленных на конференции, большая часть которых была посвящена проблемным и слабо изученным вопросам древней и средневековой археологии волжских финнов. Продуктивной работе участников конференции способствовало издание материалов, оперативно подготовленное ее организаторами к началу данного мероприятия.

Информация об авторе:

Ставицкий Владимир Вячеславович, доктор исторических наук, профессор, Пензенский государственный университет (г. Пенза, Россия); stawiczky.v@yandex.ru

III ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC CONFERENCE «VOLGA REGION FINNS AND THEIR NEIGHBOURS DURING ANTIQUITY AND MIDDLE AGES»

V.V. Stavitsky

The article presents the results of the conference held in Saransk on November 30, 2011. It was attended by archaeologists from ten Russian cities. Special attention was paid to topics as the renewal of archaeological research in the Mordovian Republic after a 10-year break; archaeological sites conservation and rescue studies; controversial issues of the archeology of the Middle Volga region, especially those referring to the Neolithic and the Early Iron Age; ethnic composition of the population of the region in the Early Middle Ages; problems of linguistics. A collection of contributions was published prior to the start of the conference.

Keywords: archaeology, the Middle Volga river region, the Mordovian Republic, scientific conference, Finno-Ugric peoples, archaeological research, archaeological site preservation

About the Author:

Stavitsky Vladimir V. Doctor of Historical Sciences. Penza State University. Krasnaya St., 40, Penza, 440026, Penza Oblast, Russian Federation; stawiczky.v@yandex.ru

II МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРХЕОЛОГИИ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

© 2012 г. А.Г. Ситдиков, Ф.Ш. Хузин, З.Г. Шакиров

Представлены итоги международного научного конгресса, состоявшегося в сентябре 2012 г. в Барнауле на базе Алтайского государственного университета в рамках программы «Идель-Алтай: истоки евразийской цивилизации», направленной на междисциплинарное изучение взаимодействия и развития культур народов Евразийских степей и их соседей. В конгрессе приняли участие археологи из девяти стран. Основными темами конференции были: особенности степных обществ по данным физической и культурной антропологии; проблемы формирования культурных обществ предтюркского и тюркского времени; этнокультурные взаимодействия населения степей и его соседей в средние века; средневековое военное дело степной Евразии; городская культура и торговля; проблемы истории евразийских кочевников в контексте мировой культуры.

Ключевые слова: археология, Алтай, Барнаул, научная конференция, программа «Идель-Алтай», евразийская цивилизация, средние века, кочевые общества, этнокультурные взаимодействия.

5–8 сентября 2012 г. в городе Барнауле прошел II Международный конгресс средневековой археологии Евразийских степей. Он состоялся в рамках II Международного форума: «Идель – Алтай: истоки евразийской цивилизации» и III Международного Болгарского форума.

Зарождение Конгресса связано с принятием на Учредительном съезде Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей, состоявшемся в 2007 г. в Казани, решения о создании новой научной организационной структуры, объединяющей и координирующей усилия археологов в изучении истории народов степей Евразии и сопредельных территорий. Конгресс стал важной межрегиональной научной площадкой, соединяющий специалистов в области средневековой археологии степной Евразии и способствующий обмену результатами их достижений.

В целях развития этого важного научного направления решением Пре-

зидиума АН РТ была принята Программа «Идель – Алтай», направленная на междисциплинарное изучение взаимодействия и развития культур народов Евразийских степей и их соседей. В соответствии с указанным решением в 2009 г. на базе Института истории им. Ш. Марджани АН РТ был проведен I Международный конгресс средневековой археологии Евразийских степей. В его работе приняли участие более 150 человек, приехавших из 8 стран.

Участники I Конгресса подтвердили значимость его деятельности в реализации поставленных перед ним задач и указали на необходимость регулярного их проведения. Местом проведения следующего форума был определен г. Барнаул на базе Алтайского государственного университета. Инициатива участников I Конгресса была поддержана государственным советником Республики Татарстан Минтимером Шариповичем Шаймиевым. В соответствии с Указом Пре-

Участники
II Международного конгресса
средневековой археологии
Евразийских степей
(5–8 сентября 2012 г.,
Барнаул).

зидента Республики Татарстан Р.Н. Миниханова об объявлении 2012 года Годом историко-культурного наследия Республики Татарстан Международный форум «Идель – Алтай: истоки евразийской цивилизации» и III Международный Болгарский форум были включены в число приоритетных программных бюджетных мероприятий.

Организаторами II Международного конгресса выступили Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казанский (Приволжский) федеральный университет и Алтайский государственный университет. В работе конгресса приняли участие губернатор Алтайского края А.Б. Карлин и государственный советник Республики Татарстан М.Ш. Шаймиев. В составе делегации Республики Татарстан также были: депутат Госдумы РФ М.М. Бариев, заместитель руководителя аппарата президента Республики Татарстан З. Салихов, министр культуры РТ А.М. Сибатуллин, директор Института истории им. Ш. Марджани Р.С. Хакимов, директор Института истории К(П)ФУ Р.Р. Хайрутдинов.

Открывавший Конгресс ректор Алтайского государственного университета профессор С.В. Землюков, и выступившие вслед за ним руководитель фонда «Возрождение» М.Ш. Шаймиев, директор Института истории К(П)ФУ Р.Р. Хайрутдинов и директор Института истории им. Ш. Марджани АН РТ Р.С. Хакимов отметили важность события для ученых, изучающих историю Большого Алтая. С.В. Землюков выразил благодарность за участие в конгрессе отечественным и зарубежным ученым и пожелал им плодотворной работы. Первый президент Республики Татар-

стан М.Ш. Шаймиев в своем выступлении отметил: «Научные открытия последних лет позволили нам в Татарстане разработать заслуживающий внимания научных кругов комплексный проект по изучению процессов, происходивших в древности на огромной территории от Великой Китайской стены на Востоке и до Дуная на Западе, где наши общие предки, тюркские и славянские народы, создали в конечном итоге уникальную евразийскую цивилизацию».

В рамках торжественного открытия состоялась вручение диплома о присвоении М.Ш. Шаймиеву звания почетного доктора АлтГУ и презентация сборника материалов Конгресса «История и культура средневековых народов степной Евразии» (Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2012. – 247 с.), где отражены основные положения планируемых докладов. Участники конгресса ознакомились также с экспонатами новой выставки «Алтай средневековый», подготовленной силами сотрудников Музея археологии и этнографии АлтГУ. На выставке были представлены материалы из раскопок последних лет, иллюстрирующих яркую культуру населения Алтая эпохи средневековья и выразительные вещевые комплексы, связанные с эпохой формирования ранних тюрков.

С научными докладами выступали ученые высших учебных заведений, исследовательских институтов и музеев: археологи из Венгрии, Болгарии, Украины, Молдовы, Белоруси, Японии, Монголии, Китая, а также различных научных центров России.

На пленарном заседании обсуждение новых исследований истории степных цивилизаций и кочевых империй на территории Евразии на-

Сборник материалов Конгресса
«История и культура средневековых народов степной Евразии» (Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2012. – 247 с.).

Во время экскурсии по Чуйскому тракту с осмотром
великолепных памятников археологии Алтая.

чалось с доклада *Н.Н. Крадина* (г. Владивосток) об особенностях исторической динамики древних и средневековых кочевых империй Центральной Азии, определявшихся, прежде всего, экологическими условиями и культурными импульсами из земледельческого мира.

Важную проблему истоков и развития культуры болгар Восточной Европы осветил в своем выступлении *Ф.Ш. Хузин* (г. Казань). Им было обращено внимание на своеобразие материальной культуры праболгар, сохранявшейся у их дунайских и средневожских потомков на длительном протяжении времени и формировавшей цивилизационную основу разноэтничного населения европейских степей и сопредельных территорий.

И. Фодор (г. Будапешт, Венгрия) привел убедительные доводы в пользу значительного влияния населения хазарского каганата на первое государство венгров в Восточной Европе. В докладе было показано, что кроме социально-политических процессов значительное на специфику развития ранневенгерского государства оказало своеобразие природно-климатических условий в дельте Дуная.

В докладе *С.А. Васютина* (г. Кемерово) была предложена на широком историческом материале с активным использованием данных археологических исследований концепция влияния спадов и подъемов китайской цивилизации на политическое развитие кочевого мира Центральной Азии периода раннего средневековья. Развивается мысль, что централизация и усиление Китая приводили к ликвидации кочевых имперских структур.

Анализ письменных источников по истории внешнеполитических отно-

шений между Восточнотюркским каганатом и Китаем в период 620–630 гг. представил *Р.Т. Ганиев* (г. Екатеринбург). Им систематизированы данные китайских и других нарративных и актовых материалов, позволяющие реконструировать сложные внешнеполитические отношения между двумя государствами и их соседями.

Чжан Цзяньлин (г. Сиань, КНР) представил подробный обзор археологического материала по результатам исследования крепости Пор-Бажын в Туве. Докладчиком были привлечены данные изучения аналогичных памятников в Китае и сведения письменных источников, иллюстрирующих этнополитическую ситуацию изучаемого периода. В докладе приводились доводы о времени ее построения в период с середины VIII до середины IX вв. Ученый из Китая предполагает, что Пор-Бажын являлся летним дворцом уйгурского кагана.

На основе обширного материала полевых исследований и данных изучения статуарных изваяний на территории Синьцзяна в докладе *А.И. Соловьев, С.А. Комиссаров и Е.А. Соловьева* (г. Новосибирск) показано их региональное своеобразие и историко-культурный генезис форм.

Опираясь на данные арабо-персидских источников и существующие методические разработки по истории развития степной Евразии *Т.М. Калинин* (г. Москва) изложила свое понимание признаков кочевничества и оседлости в Хазарском каганате.

Б.Д. Борисов (г. Велико Тырново, Болгария) представил на основе материалов археологических исследований в Болгарии и соседних территориях обширный комплекс маркирующих находок, свидетельствующих о про-

движении поздних номадов на территорию Болгарии.

Основные этапы истории развития археологической науки на Алтае и значительном вкладе ученых Алтайского университета в изучение памятников археологии эпохи средневековья Южной и Западной Сибири были сообщены в выступлении *Ю.Ф. Кирюшина* и *В.В. Горбунова* (г. Барнаул).

Новые материалы археологических исследований средневековых городов Башкортостана проанализировал в своем докладе *Н.А. Мажитов* (г. Уфа). Он изложил свое видение средневековой истории Башкортостана как стране городов, вызвавшее, однако, неоднозначную оценку коллег.

Секционные заседания проходили на туристической базе «Стик-Тревел», расположенной в с. Ая Алтайского района Алтайского края на границе с Республикой Алтай.

Первая сессия (председатель К.А. Руденко) была посвящена особенностям степных социумов, отраженным в антропологии и культуре.

И.Р. Газимзянов, *С.С. Тур* (г. Казань, г. Барнаул) на основе материалов раскопок К. Табалдиева представили новые данные по палеоантропологии населения Тянь-Шаня эпохи средневековья. Сделанные им наблюдения при изучении изменения антропологии населения региона от финала эпохи раннего железного века до позднего средневековья указывают на постепенное увеличение в ней доли монголоидных черт.

С.Э. Зубов, *П.В. Новаленко* (г. Самара) осветили социальный аспект погребений с конем и конским снаряжением в памятниках праболгар Средней Волги конца VII–VIII в. н.э. Отмеченные комплексы, по их мне-

нию, отражают процесс дифференциации войска и становления слоя профессиональных конных воинов-дружинников.

На основе краниологических исследований черепов из средневековых могильников VIII–IX вв. на Среднем Подонцовье *А.В. Прынь* и *В.В. Маврич* (г. Луганск, Украина) рассказали о своеобразии физического облика населения этой территории.

Н.Н. Серегин (г. Барнаул) на основе анализа материалов объектов археологии с применением методики моделирования представил реконструкцию социальной структуры населения тюркского времени Саяно-Алтая во второй половине V–XI вв.

Интересные сведения, характеризующие влияние Западного Тюркского каганата на элитарную культуру староболгарской аристократии, приводил в своем докладе *Б. Тотев* (г. Добрич, Болгария).

С докладом о джунгарском этнокультурном наследии Горного Алтая XVI–XX вв. выступила *Л.И. Шерстова* (г. Томск), сделав вывод о связях тюрко-монгольских народов с центральноазиатским этнокультурным ареалом.

Вторая сессия (председатель К.А. Руденко) обсуждала проблемы формирования культурных общностей Евразийских степей в претюркское и тюркское время. Так, *Н.А. Константинов* (г. Горно-Алтайск) отобразил многообразие археологических материалов, которые создают перспективу в изучении охотничьей деятельности населения Горного Алтая в I тыс. н.э.

В докладе *Масумото Тэцу* (г. Осака, Япония) рассматривались проблемы типологии китайских зеркал

периода Чжаньго (V–III вв. до н.э.), найденных на территории Сибири.

Защитное вооружение на примере ламеллярного панциря IV–V вв. н.э. из археологического комплекса Яломан-II на Алтае стало темой совместного доклада *А.А. Тишкина и В.В. Горбунова* (г. Барнаул).

Новые материалы из могильника Степушка-I, изложенные в докладе *А.А.Тишкина, С.С. Матренина и А.В. Шмидта* (г. Барнаул), расширили наши представления о боевых ножах населения булан-кобинской культуры Алтая хуннско-сяньбийско-жужаньского времени.

Некоторые аспекты исследований средневековых памятников Западной Монголии во второй половине XIX – начале XX в. затрагивала в своем выступлении *Е.В. Шелепова* (г. Барнаул).

Заседание **третьей сессии** (председатель А.А. Тишкин) было посвящено проблемам этнокультурного взаимодействия населения евразийских степей в эпоху средневековья.

С.Г. Боталов (г. Челябинск) обратил внимание на дискуссионные проблемы культурогенеза населения урало-казахстанских степей периода Западнотюркского каганата и предложил коллегам свое понимание некоторых аспектов сложного и мало освещенного источниками процесса этнокультурного формирования раннеболгарского, мадьярского и кипчакского средневековых этносов.

Проанализировав культурные традиции Дунайской Болгарии VII–X вв., *П.П. Георгиев* (г. Шумен, Болгария) выделил черты, связанные с древнетюркским наследием. Он отметил также значительное влияние на формирование этих традиций культуры средневекового Ирана.

По материалам левобережных памятников Нижнего Посурья, в частности, поселения Курмышы XIV–XVI вв., *Н.Н. Грибов* и *Ф.А. Ахметгалин* (г. Нижний Новгород, г. Казань) привели интересные сведения о своеобразии культуры населения западных границ Болгарского улуса Золотой Орды.

К.А. Лавыш (г. Минск, Белорусь) на основе археологических материалов из раскопок средневековых городов на территории Беларуси проанализировала довольно значительные золотоордынские элементы в культуре их населения.

Новые данные о средневековых культурах лесостепного Зауралья и этнических взаимоотношениях их носителей на основе материалов могильника Устюг-1 IV–VII вв. привела в своем докладе *Н.П. Матвеева* (г. Тюмень).

Свой взгляд на проблемы этнокультурных контактов населения Волго-Камья и тюркского мира в VIII–XIV вв. на основе археологических материалов изложил *К.А. Руденко* (г. Казань).

А.Г. Ситдинов (г. Казань) обратил внимание на слабо изученные проблемы археологии Среднего Поволжья эпохи Казанского ханства, рассказал об итогах и перспективах исследований в этом направлении.

Затронув проблемы этнокультурного взаимодействия населения в южнотаежном Притоболье эпохи средневековья, *И.Ю. Чукунова* (г. Тюмень) пришла к выводу, что регион играл своеобразную роль буферной зоны между культурными образованиями западной и восточной части Евразийского континента.

Четвертая сессия (председатель В.В. Горбунов) рассматривала вопро-

сы военного дела в степной Евразии в раннем и развитом средневековье.

Изложив сведения письменных источников о военном конфликте между Крымским улусом Золотой Орды и генуэзским владением – Каффой, *С.Г. Бочаров* (г. Симферополь, Украина) на материалах археологии показал, как Солхатская война отразилась на развитии фортификационных сооружений города Каффы.

В. Йотов Василев (г. Варна, Болгария) представил типологию стремян кочевого населения степей и Византии VII–XII вв., найденных на территории Болгарии. *В.В. Горбунов* (г. Барнаул) рассказал о типологии копий, служивших у тюрков главным средством поражения в конном бою, и способах боевого захвата оружия таранного удара, которые использовала бронированная тюркская конница. На основе анализа основных видов вооружения средневекового населения Кузнецкой котловины *А.М. Илюшин* (г. Кемерово) показал их динамику развития на протяжении V–XVII вв.

А.М. Губайдуллин (г. Казань) осветил традиции средневекового военного зодчества Волжской Булгарии и Казанского ханства. *В.И. Соёнов* и *С.В. Трифанова* (г. Горно-Алтайск) изложили свои соображения по хронологии искусственных укреплений древних алтайцев и предложили историко-культурную интерпретацию алтайских каменных «шибе» как фортификационных сооружений.

М.В. Горелик (г. Москва) ознакомил коллег с результатами изучения парадных монгольских шлемов XIII–XIV вв.

Проблемам изучения городской культуры, торговли и торговых пу-

тей степной Евразии X–XIII вв. было посвящено заседание **пятой сессии** (председатель *А.Г. Ситдиков*).

В докладе *Р.Р. Валиева* и *А.Г. Ситдикова* (г. Казань) были обобщены материалы многолетних исследований, касающиеся застройки береговой линии «Больничного бугра» Селитренного городища – археологических остатков первой столицы Золотой Орды.

Как фактор социально-политической трансформации *С.А. Васютиным* (г. Кемерово) рассмотрена проблема урбанизация в кочевых империях.

Доклад *А.Н. Масловского* (г. Азов) был посвящен взаимодействиям городского населения золотоордынского Азака с кочевниками региона. По материалам раскопов прослежены пути интеграции тюркского населения в городскую жизнь и влияние их на судьбу города.

Л.Ф. Недашковский (г. Казань) на материалах археологии с привлечением данных естественнонаучных исследований показал уровень развития земледелия, скотоводства и промыслов в Золотой Орде и их место в экономике страны.

Н.Д. Руссев (г. Кишинев, Молдова) изложил некоторые итоги изучения городской культуры в западном пограничье степной Евразии XIII–XIV вв., выделив особенности ее развития, обусловленные изменениями этнополитической ситуации в регионе.

С интересом был воспринят доклад *З.Г. Шакирова* (г. Казань) о поселенческой структуре и ресурсном потенциале округа Биляра в X – начале XV вв., основанный на пространственном анализе археологических данных и материалов аэрофотосъемок.

К проблеме картографии золотоордынских поселений в Западном Предкамье в своем докладе обратился *М.Б. Шигапов* (г. Казань).

Обобщив имеющиеся археозоологические материалы, *Л.В. Яворская* (г. Москва) показала особенности мясного потребления жителей золотоордынских городов Нижнего Поволжья.

На заседании последней – **шестой сессии** (председатель *Ф.Ш. Хузин*) были заслушаны доклады, в которых затрагивались проблемы истории степных народов Евразии в контексте мировой культуры.

Аmano Тэцуя (г. Саппоро, Япония)) представил доклад об отношении к образу буро́го медведя в восточной и западной частях Евразии.

На основании новой копии петроглифов с изображением тяжеловооруженных тюркских всадников из урочища Хар-Хада в Монгольском Алтае *А.А. Тишкин, В.В. Горбунов, А.Н. Мухарева* (г. Барнаул, г. Кемерово) сделали сообщение о ранее не отмечавшихся деталях, отражающих специфику изобразительной техники и дополняющих композицию рисунков.

Ч. Мунхбаяр, Ч. Энхтур и Ц. Мунхбат (г. Улаанбаатар, Монголия) изложили результаты исследований каменных изваяний, обнаруженных

на территории Манхан сомона (Монгольский Алтай) и относящихся к памятникам Тюркских каганатов 552–745 гг.

Еще один доклад *М.В. Горелика* (г. Москва) был посвящен подробному анализу декора монгольского костюма XII–XIV вв. – одного из важнейших элементов имперской культуры эпохи Чингис-хана и его потомков.

Ю.Б. Полидович и А.Н. Усачук (г. Донецк) рассмотрели отраженные в этнографической действительности XVIII–XX вв. образы каменных скульптур восточноевропейских средневековых кочевников.

В прениях по докладам выступили *Н.Н. Крадин, И. Фодор, В. Йотов, А.А. Тишкин, А.Г. Ситди́ков, С.Г. Боталов, С.Г. Бочаров* и др. В заключительном слове *Ф.Ш. Хузин* отметил высокий научный уровень прослушанных докладов, важность дальнейшего, более активного сотрудничества специалистов разных направлений в исследовании актуальных проблем археологии кочевых народов Евразии и от имени участников конгресса выразил благодарность его организаторам.

Неизгладимое впечатление у участников конгресса оставила экскурсия по Чуйскому тракту с осмотром великолепных памятников археологии Алтая.

Информация об авторах:

Ситди́ков Айрат Габитович, кандидат исторических наук, зав. НЦАИ, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, (г. Казань, Россия); sitdikov_a@mail.ru

Хузин Фаяз Шарипович, член-корр. АН РТ, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань, Россия); khuzinfayaz@mail.ru

Шакиров Зуфар Гумарович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань, Россия); zufar_alchi@mail.ru

II INTERNATIONAL CONGRESS OF MEDIEVAL ARCHEOLOGY OF THE EURASIAN STEPPES

A.G. Sitdikov, F.Sh. Khuzin, Z.G. Shakirov

The results of the international scientific congress, which was held in Barnaul on the basis of Altai State University (September, 2012) in the framework of the program “Idel-Altai: the origins of the Eurasian civilization,” are presented in the article. The program is aimed at an interdisciplinary study of the interaction and development of the cultures of peoples, who had inhabited the Eurasian steppes, and their neighbors. The congress was attended by archaeologists from nine countries. The principal topics of the conference included characteristics of the steppe societies according to physical and cultural anthropology data; problems of formation of cultural societies in the pre-Turkic and Turkic period; ethno-cultural interactions between the peoples who had inhabited the steppes and their neighbors in the Middle Ages; medieval warfare of the steppe Eurasia; urban culture and trade; problems of the history of the Eurasian nomads in the context of the world culture.

Keywords: archaeology, Altai, Barnaul, scientific conference, “Idel-Altai” program, Eurasian civilization, the Middle Ages, nomadic societies, ethno-cultural interaction.

About the Authors:

Sitdikov Ayrat G. Candidate of Historical Sciences. Institute of History named after Sh. Marjani of Tatarstan Academy of Sciences. Kremlin, 5 entrance, Kazan, 420014, Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

Khuzin Fayaz Sh. TAS Corresponding Member, Doctor of Historical Sciences. Institute of History named after Sh. Marjani of Tatarstan Academy of Sciences. Kremlin, 5 entrance, Kazan, 420014, Republic of Tatarstan, Russian Federation; khuzinfayaz@mail.ru

Shakirov Zufar G. Candidate of Historical Sciences. Institute of History named after Sh. Marjani of Tatarstan Academy of Sciences. Kremlin, 5 entrance, Kazan, 420014, Republic of Tatarstan, Russian Federation; zufar_alchi@mail.ru

**ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«АНАНЬИНСКИЙ МИР: ИСТОКИ, РАЗВИТИЕ,
СВЯЗИ, ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ»**

© 2012 г. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский

Представлен отчёт о конференции, состоявшейся в г. Болгаре (Республика Татарстан) в ноябре 2012 г. и посвящённой ананьинской культурно-исторической общности. Рассматривался широкий круг проблем финала бронзового и раннего железного веков лесной и степной зоны Европейской России, Урала и Западной Сибири. Особое внимание было уделено межкультурным связям этого времени. Были представлены итоги новейших исследований в данной сфере, включая широкие историко-культурные обобщения. Принято решение издать материалы докладов, а также проводить в дальнейшем аналогичные конференции с интервалом в 3-4 года.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, Болгар, научная конференция, поздний бронзовый век, ранний железный век, ананьинская культурно-историческая общность, этнокультурные взаимодействия.

Конференция, посвященная изучению ананьинской культурно-исторической области, а также финалу бронзового и раннему железному векам лесной и степной зоны Европейской России, Урала и Западной Сибири, состоялась в Болгаре 16–18 ноября 2012 г. Она была организована Институтом истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, Институтом археологии Российской академии наук, Болгарским государственным историко-архитектурным музеем-заповедником.

В работе конференции участвовали исследователи из Болгара, Екатеринбурга, Ижевска, Йошкар-Олы, Казани, Красноярска, Киева, Коломны, Москвы, Перми, Самары, Тюмени, Уфы. На конференции было заслушано 32 выступления. Кроме того, на обсуждение были представлены четыре стендовых доклада.

На **пленарном заседании** состоялось пять докладов.

Д.Г. Мухаметшин (Болгар) рассказал об истории создания Болгарского музея-заповедника. Особое внимание обращено им на ранние этапы фор-

мирования коллекций и деятельность краеведов XVIII–XIX вв.

С.В. Кузьминых (Москва) в докладе «Ананьинская проблематика в научном наследии А.М. Тальгрена» представил информацию о научном пути финского ученого, выборе им проблематики, связанной с евразийской археологией, – и прежде всего ананьинской. В докладе была представлена подборка документов, касающихся истории пребывания А.М. Тальгрена в Казани, и фотографий, свидетельствующих о его посещении Ананьинского могильника и Сорочьегогорского городища.

Е.В. Детлова и С.В. Кузьминых (Красноярск, Москва) представили доклад «Проблема ананьинской археологии в переписке Г. Мергарта и А.М. Тальгрена». В переписке этих ученых, внесших весомый вклад в российскую археологию, важное место занимало обсуждение проблем археологии позднего бронзового и раннего железного веков Северной Евразии. Как показали авторы, этот диалог в переписке был чрезвычайно плодотворным и нашел свое отраже-

ние в трудах австрийского и финского ученых, в том числе связанных с ананьинской археологией.

В.В. Напольских (Ижевск) сделал доклад «Проблема начала финно-угорских – иранских контактов», в котором на основании лингвистических данных отнес время начала этих контактов к концу II тыс. до н.э.

О.В. Смирнов (Екатеринбург) также представил доклад по лингвистической проблематике «К вопросу о «пермском» топонимическом субстрате на территории Марий Эл и в бассейне среднего течения реки Вятки (в свете этнической интерпретации археологических культур)». На основании изучения топонимов в рассматриваемых регионах он выделил 56 дифференцирующих основ, большая часть которых не находит соответствий в прапермском или исторических пермских языках или может восходить к допермским или парапермским формам. При наложении этих топонимов на археологическую карту I тыс. н.э., на которой археологи фиксируют существование еманаевской и кочергинской археологических культур, исследователь приходит к выводу об их поволжско-финской языковой основе, а не пермской.

На заседании **секции 1** «Общие проблемы изучения позднего бронзового и раннего железного веков Волго-Камья, Урала и Западной Сибири» было заслушано шесть докладов.

В.А. Иванов (Уфа) в докладе «Что изменилось в восприятии, оценке и интерпретации предананьинской общности Волго-Камья и Приуралья?» дал развернутую характеристику исследовательских подходов к проблеме, особо отметив падение уровня исследований в Приуралья в последние годы.

А.А. Чижевский (Казань) в докладе «Проблемы формирования археоло-

гических культур раннего железного века в Волго-Камье (предананьинский период)» показал, что предананьинский период в Волго-Камье можно подразделить на два этапа. Первый характеризуется наличием в керамических комплексах подтреугольного «атабаевского» валика и плоскодонной керамики, на втором этапе появляется воротничковая и безворотничковая керамика, а также посуда с круглым дном. Изменение формы керамических комплексов Волго-Камья связано с проникновением носителей средневожской культуры «текстильной» керамики, а ее распространение в Прикамье – с маклашеевской культурой.

Б.С. Соловьев (Йошкар-Ола) в докладе «Финал эпохи бронзы в Марийском Поволжье» охарактеризовал в целом культуры финальной бронзы Марийского Поволжья, отметив, в частности, значительное влияние культуры текстильной керамики на формирование маклашеевской культуры.

С.В. Кузьминых и *А.А. Чижевский* (Москва, Казань) в докладе «Хронология и периодизация ананьинской культурно-исторической области» показали, что хронологию АКИО необходимо строить, основываясь на хроноиндикаторах юга России и Кавказа. Периоды развития культур АКИО раннего железного века Волго-Камья – раннеананьинский, среднеананьинский и позднеананьинский – синхронизируются с предскифскими, раннескифскими и раннесарматскими древностями соответственно.

С.Н. Коренюк, *А.Ф. Мельничук*, *М.Л. Перескоков* (Пермь) в докладе «Динамика эволюции керамических комплексов среднего и позднего этапов ананьинской культуры в Осинском Прикамье (на примере Гремячанского поселения-святилища)» показали

целостную картину развития керамических комплексов Гремячанского поселения. Судя по представленным данным, развитие орнамента комплекса раннего железного века шло по пути постепенного изживания шнуровых видов орнамента при сохранении преобладания ямочной орнаментации.

Е.М. Черных и *А.Е. Митряков* (Ижевск) в докладе «Вятское ананьино: современное состояние проблемы» показали, что вятское ананьино, несмотря на достаточно широко проводившиеся ранее исследования, по-прежнему остается малоизученным. Ситуация характеризуется исследованием отдельных памятников и категорий инвентаря, но целостное представление о культурно-исторических процессах, хронологии и периодизации, материальной культуре на Вятке в ананьинскую эпоху до сих пор отсутствует.

На заседании **секции 2** «Древности эпохи раннего железа Среднего Поволжья и Приуралья» было заслушано три доклада.

С.В. Кузьминых и *И.А. Сапрыкина* (Москва) в докладе «Ананьинский могильник (коллекция Музейного ведомства Финляндии): исследование и каталог (первые результаты российско-финского проекта)» подробно охарактеризовали историю формирования коллекции Ананьинского могильника в Музейном ведомстве Финляндии и ее состав. В этом собрании насчитывается более 300 предметов из меди и бронзы. С помощью трасологического анализа, с привлечением данных радиографии, были реконструированы основные схемы изготовления изделий из коллекции, определен набор характерных дефектов, возникающих при нарушениях производственного цикла.

Д.Ю. Ефремова и *Б.С. Соловьев* (Йошкар-Ола) в докладе «Два памят-

ника ананьинского времени в Марийском Поволжье» говорили об исследовании Сиухинского археологического микрорайона, в состав которого входит и Сиухинское II городище. Здесь были получены материалы раннего железного века и средневековья. Коллекция раннего железного века содержала ананьинскую и «текстильную» керамику, а также остатки бронзолитейного производства.

М.Ш. Галимова (Казань) в докладе «Каменный инвентарь ананьинских могильников и поселений Волго-Камья» представила первое крупное исследование ананьинской кремнеобработки. Анализ материалов Мурзихинского II и Тетюшского могильников, Измерской VIII стоянки и городища Черепашье привел ее к выводу о существовании индустрии обработки камня в раннем железном веке, но при этом автор не исключает вторичного использования некоторых кремневых изделий более ранних эпох.

На заседании **секции 3** «Ананьинский мир и археологические культуры лесной полосы Урала и Западной Сибири» было заслушано десять докладов.

С.Н. Коренюк (Пермь) в докладе «Культовые постройки ананьинской культуры Прикамья» представил информацию по культовым постройкам, выявленным на Заюрчимском I поселении, Гремячанском святилище и Гляденовском костыше. Для данных сооружений характерны находки жертвенных костей медведя и погребения людей.

В.В. Овсянников (Уфа) в докладе «Эволюция образа медведя в ананьинском, кара-абызском и пьяноборском искусстве» на примере металлопластики осветил эволюцию образа медведя, которая шла по пути стилизации

от реалистических однофигурных изображений к многофигурным и символическим изображениям.

Н.С. Савельев (Уфа) в докладе «Раннекараабызская керамика Южного Приуралья: основные характеристики, ареал распространения и особенности трансформации», обратившись к материалам Черниковского селища и Акбердинского III поселения, охарактеризовал керамику Южного Приуралья середины – второй половины I тыс. до н.э. Судя по этим данным, поселенческий раннекараабызский керамический комплекс характеризуется сочетанием посуды местного – позднеананьинского и пришлого – кочевнического элементов.

С.Л. Воробьева (Уфа) в докладе «Ананьинский компонент кара-абызской культуры (по материалам костюмного комплекса)» показала, что значительная часть украшений костюмного комплекса кара-абызской культуры связана своим происхождением с ананьинскими древностями. В их числе – гривны, браслеты, перстни, височные подвески, поясные зооморфные крючки, поясные накладки, бляшки и т.д.

С.Э. Зубов (Самара) в докладе «К вопросу о формировании постананьинских археологических культур на р. Белой», опираясь на материалы исследованного им Кипчаковского I курганно-грунтового могильника, показал особенности сложения материальной культуры населения Иско-Бельского междуречья конца I тыс. до н.э.

Г.В. Бельтикова (Екатеринбург) в докладе «Традиции ананьинской металлообработки в пространстве иткульского очага металлургии» на примере находки наконечника копья с территории Челябинской области показала некоторые заимствования носи-

телями иткульской культуры ананьинской моделировки отдельных деталей оформления наконечников копий.

О.Ю. Зимина (Тюмень) в докладе «Зауралье в ананьинское время» представила характеристику керамического комплекса городищ восточного локального варианта иткульской культуры, а также их топографию и планиграфию.

И.Ю. Чикунова (Тюмень) в докладе «Использование шнура в орнаментации керамической посуды (ранний железный век и эпоха средневековья)» рассмотрела шнуровую орнаментацию на керамике кашкинско-прыговского и молчановского типов и глиняную посуду юдинской культуры. Проведя серию экспериментов по нанесению шнурового орнамента штампами из разных материалов, докладчик пришла к выводу о возможности использования штампов из материалов растительного и животного происхождения (шерсти).

Н.П. Макаров (Красноярск) в докладе «Ранний железный век Северного Приангарья и Нижнего Енисея» охарактеризовал художественную бронзу и оружие раннего железного века из фондов Красноярского краевого краеведческого музея, в частности материалы Новопятницкого клада и других кладов региона. Кроме того, в докладе были намечены ареалы культур раннего железного века Северного Приангарья и Нижнего Енисея, показаны керамические комплексы этих культур и определена их хронология.

А.А. Чижевский (Казань) в докладе «Памятники белогорского типа в Самарском Прволжье» показал, что белогорский тип памятников следует относить к позднеананьинскому этапу АКЮ. Керамика белогорского типа является результатом развития кера-

мики постмаклашевской культуры, памятники которой известны на Самарской Луке.

На заседании **секции 4** «Культуры Окского бассейна финала бронзового и раннего железного веков» было заслушано три доклада.

Е.С. Азаров (Москва) в докладе «К вопросу о погребальных памятниках КТК Среднего Поочья» дал характеристику погребального обряда культуры текстильной керамики на примере могильников Криушкино, Фефелов Бор и Березовый Рог на средней Оке. Подробно охарактеризован комплекс погребальной керамики и инвентарь в целом.

А.С. Сыроватко, А.А. Гольева, А.А. Трошина (Коломна, Москва) в докладе «Первые данные естественнонаучного изучения насыпей валов городищ РЖВ лесной зоны» остановились на использовании комплекса естественнонаучных методов при изучении валов. Среди этих методов – фитоолитный и палинологический анализы, определение валового фосфора. С помощью этих методов были обследованы укрепления городищ Коробчево I, Свиридоново III, Протопопово и Городищи. Докладчики показали, что данные методы дополняют друг друга и открывают большие перспективы в изучении валов.

И.А. Сапрыкина (Москва) в докладе «Ювелирные украшения дьяковской культуры сер. I тыс. до н.э. – сер. I тыс. н.э.: данные химико-технологического исследования» на основании аналитической выборки, состоящей из 600 украшений, для 340 из которых известен химический состав металла, а для 25 образцов реконструирована технологическая схема изготовления, определила возможные источники поступления сырья для цветной металлообработки дьяковской культуры.

Судя по результатам исследования, на раннем этапе этими источниками являлись Северное Причерноморье, Нижнее Поволжье и Днепровское левобережье, на позднем – Прибалтика и Северное Причерноморье.

На заседании **секции 5** «Ананьинский мир и культуры ранних кочевников Евразии» было заслушано четыре доклада.

С.В. Махортых (Киев) в докладе «Киммерийцы и население Волго-Камья в раннем железном веке» представил основные параллели в материальной культуре эпохи финальной бронзы и предскифского периода населения степной зоны Восточной Европы и Волго-Камья и пришел к выводу о существовании устойчивых связей между регионами в данный промежуток времени.

В докладе *Н.С. Савельева и Л.Т. Яблонского* (Уфа, Москва) «Степь и лесостепь на начальном этапе раннесарматской культуры Южного Приуралья» получило дальнейшее развитие понятие культурно-историческая область, которая рассматривается как «географический регион, в котором на определенном хронологическом срезе распространены сходные признаки материальной и духовной культуры населения, пусть и разноэтничного». Уточнено также понятие культурно-хронологического горизонта (КХГ) (англ. – cultural horizon), под которым подразумевается «географический регион, который значительно превышает размеры культурно-исторической области и практически не имеет географических пределов». В докладе были выделены три фазы эпохи формирования и функционирования КХГ раннесарматской культуры и Южно-Уральской КИО, на протяжении которых происходило взаимодействие степных и лесостепных культур региона.

А.Р. Канторович (Москва) в докладе «Сюжет свернувшегося в кольцо хищника в восточно-европейском скифском зверином стиле и его параллели в ананьинском искусстве» выделил диагностические признаки принадлежности зооморфных изображений к скифо-сибирскому звериному стилю как особому художественному направлению. Речь идет о специфических пропорциях: преувеличенности определенных частей тела, акцентировании определенных анатомических деталей, специфической позе животного.

И.В. Рукавишников (Москва) в докладе «Сложные линейно-ритмические композиции в искусстве звериного стиля Алтая и Южного Урала раннего железного века» провела сопоставительный анализ предметов, выполненных в зверином стиле, из могильников Южного Урала (Филипповка I, Кара-Оба, Покровка, Бердянский, с. Абрамовка (к-н Черная гора), Сынтас, Илекшар) и Алтая (могильники Рогозиха I, Гоньбийский, Обские Плесы II, Аэродромный, Майма, Чултуков Лог I, Покровский лог I, Ханкаринский лог I) и пришла к выводу о наличии в этих регионах сходных линейно-ритмических композиций, выполненных в виде верениц идущих друг за другом зверей. Наиболее ранние композиции такого рода известны на петроглифах и оленных камнях Южной Сибири и Монголии.

Кроме того, на конференции были представлены четыре стендовых доклада.

И.О. Васкул (Сыктывкар) в докладе «Керамика ананьинского времени поселения Себъяг I на Вычегде» отметил, что на памятнике выявлена керамика двух групп. Первая из них находит аналогии в раннеананьинских памятниках Верхнего и Средне-

го Прикамья первой четверти I тыс. до н.э. Открытие этого типа глиняной посуды в низовьях р. Северная Кельта маркирует один из водных путей, связывавших Европейский Северо-Восток с бассейном Камы. Второй керамический комплекс типичен для памятников культуры гребенчатошнуровой керамики, распространенной на территории Европейского Северо-Востока, Верхнего Прикамья, Вятки и Ветлуги в середине – второй половине I тыс. до н.э.

А.А. Корохина (Киев) в докладе «Северо-восточный вектор связей населения Днепро-Донской лесостепи в заключительный период позднего бронзового века» рассмотрела проблему генезиса бондарихинской и лебедевской культур, а также памятников студенокского типа. Происхождение ряда элементов орнамента этих культур она связывает с керамическими традициями поздняяковских, приказанских и ранних текстильных древностей.

А.А. Красноперов (Ижевск) в докладе «Погребение 28 Икского могильника: к вопросу о ранней дате пьяноборских памятников» рассмотрел проблему ранних датировок пьяноборской культуры. На основе анализа сарматских, позднескифских и античных аналогий докладчик пришел к выводу об отсутствии точных критериев датировки пьяноборских памятников ранее II в. до н.э. Наиболее надежными индикаторами ранней пьяноборской материальной культуры он считает античные бусы.

М.Г. Гусаков (Москва) в докладе «К вопросу о «дьяковских кладках». Происхождение и хронология умбонovidных подвесок в дьяковской культуре» дал критическую оценку статьи Н.А. Кренке «Клад украшений с городища Дютюково». Он считает, что сам

термин «клады» неверен и что подобные «клады» надо рассматривать как «жертвоприношения». Умбоновидные подвески, по мнению Гусакова, являются подражанием гальштатским формам дисковидных ажурных фибул. В Восточную Европу они могли попасть не раньше III–II вв. до н.э.

На заключительном заседании были подведены итоги конференции. Ее участники выразили искреннюю признательность и благодарность организаторам за плодотворную, творческую работу конференции. Те, кто

еще никогда не был в Болгаре, получили возможность познакомиться с архитектурными шедеврами средневекового города. Отмечено, что основным результатом работы конференции является координация исследований в области археологии раннего железного века Волго-Камья и сопредельных территорий. Принято решение о продолжении работы конференции с периодичностью раз в 3–4 года. Доклады и сообщения прошедшей конференции намечено оперативно издать.

Информация об авторах:

Кузьминых Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Российская Федерация); kuzminykhsv@yandex.ru

Чижевский Андрей Алексеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань, Российская Федерация); chijevski@mail.ru

ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC CONFERENCE «ANANYINSKY WORLD: SOURCES, DEVELOPMENT, COMMUNICATIONS, HISTORICAL DESTINIES»

S.V. Kuzminykh, A.A. Chizhevsky

The report on the conference, which was held in Bolgar (the Republic of Tatarstan) in November, 2012, and dedicated to the Ananyino cultural and historical community, is presented. A wide range of problems related to the final Bronze Age and the Early Iron Age in the forest-steppe zone of European Russia, the Urals and Western Siberia were considered. Special attention was paid to the intercultural relations of the time. The results of the latest research in the field, including broad historical and cultural generalizations, are presented. It was decided to publish the materials contributed, and to hold future similar conferences at 3–4 years' intervals.

Keywords: археология, the Middle Volga river region, the Bulgars, scientific conference, the Late Bronze Age, the Early Iron Age, the Ananyino cultural and historical community, ethno-cultural interactions.

About the Authors:

Kuzminykh Sergey V. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; kuzminykhsv@yandex.ru

Chizhevsky Andrei A. Candidate of Historical Sciences. Institute of History named after Sh. Marjani of Tatarstan Academy of Sciences. Kremlin, 5 entrance, Kazan, 420014, Republic of Tatarstan, Russian Federation; chijevski@mail.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1. АЕС – Археология евразийских степей. – Казань.
2. АН РТ – Академия наук Республики Татарстан.
3. АО – Археологические открытия. – М.
4. АОР – Археологически открытия и раскопки.
5. АЭМК – Археология и этнография Марийского края. – Йошкар-Ола.
6. БГИАМЗ – Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник.
7. ВАУ – Вопросы археологии Урала.
8. ВВ – Византийский временник. – М.
9. ВДИ – Вестник древней истории. – М.
10. ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры. – М.
11. ГИМ – Государственный Исторический музей (Москва).
12. ГОМРТ – Государственный объединенный музей Республики Татарстан.
13. ГЭ – Государственный Эрмитаж. – СПб. (Л.).
14. ДА – Донская археология. – Ростов-на-Дону.
15. ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения. – М.
16. ИА РАН – Институт археологии РАН.
17. ИАИ – Известия на Археологическая институт. – София, Болгария.
18. ИАК – Известия Императорской археологической комиссии. – СПб.
19. ИИМК – Институт истории материальной культуры.
20. ИМЮОИБ – Известия на музеите от Югоизточна България.
21. ИНМВ – Известия на Народния музей Варна (Болгария).
22. ИНМШ – Известия на Народния музей Шумен (Болгария).
23. ИОАИЭ – Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете.
24. ИРАИК – Известия Русского археологического института в Константинополе.
25. КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР/РАН. – М.
26. КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. – М.
27. МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Симферополь.
28. МАР – Материалы по археологии России. – М.
29. МАРТ – Музей археологии Республики Татарстан при Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ.
30. МАЭ – Музей антропологии и этнографии. – СПб.
31. МВФ – Музейное ведомство Финляндии
32. МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. – М.
33. НШЛ – Новгородская третья летопись.
34. НПЛ – Новгородская вторая летопись.
35. НАН – Национальная академия наук (Украины).

36. НИИИЯЛ – Научно-исследовательский институт истории, языка и литературы.
37. НКАЭ – Нижнекамская археологическая экспедиция.
38. НЛД – Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского.
39. НМРТ – Национальный музей Республики Татарстан.
40. ОАСНІVЛ – Окончание Академического списка Новгородской четвертой летописи.
41. ОНАЭ – Отчеты нижнекамской археологической экспедиции.
42. ОСГНІVЛ – Окончание Списка Голицынского Новгородской четвертой летописи.
43. ПГПУ – Пермский государственный педагогический университет.
44. ПГУ – Пермский государственный университет.
45. ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.
46. РА – Российская археология. – М.
47. РАН – Российская академия наук.
48. СА – Советская археология. – М.
49. САИ – Свод археологических источников. – М.
50. СГПУ – Самарский государственный педагогический университет.
51. СНЛН – Сокращенный новгородский летописец по списку Н.К.Никольского.
52. СОИКМ – Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина.
53. СОМК – Саратовский областной музей краеведения.
54. ТА – Татарская археология. – Казань.
55. Тр. МАЭ – Труды Марийской археологической экспедиции. – Йошкар-Ола.
56. УАС – Уральское археологическое совещание.
57. ФУ – Финно-угроведение. – Йошкар-Ола.
58. ЧИГУ – Чечено-Ингушский государственный университет.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Общие положения

Научный журнал «Поволжская археология» публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин (антропология, палеозоология, эпиграфика, нумизматика и др.). Материалы распределяются по разделам: «Статьи», «Публикации», «Заметки», «Рецензии», «Хроника». Основным требованием к публикуемому материалу является соответствие его высоким научным критериям (актуальность, научная новизна и т.д.).

Небольшие исправления стилистического и формального характера вносятся в статью без согласия с авторами. При необходимости более серьезных исправлений правка согласовывается с авторами или же направляется им на доработку.

Все материалы, кроме рецензий, принимаются в электронном виде.

Е-mail редакции: **arch.pov@mail.ru**.

Поступающие материалы должны быть снабжены рецензией, заверенной подписью рецензента и печатью организации (рецензию отправить по адресу: 420012, г. Казань, ул. Бутлерова, д. 30, Национальный центр археологических исследований).

Все поступающие рукописи проходят рецензирование в редакционной коллегии журнала.

Решение редколлегии о принятии рукописи к публикации, отклонении или необходимости доработки материалов сообщается автору после заключения рецензентов.

Представление материалов и требования к их оформлению

Объем. Общий объем статьи (включая таблицы, список литературы, подписанные подписи и аннотации-резюме) не должен превышать 1 а.л. (16 стр. через 1 интервал или 40 тыс. знаков с пробелами) и содержать не более 8-10 иллюстраций. Для раздела «Заметки» допустимый объем рукописи не более 15 тыс. знаков. Некрологи и юбилейные материалы, публикующиеся в разделе «Хроника», не должны превышать 10 тыс. знаков; в конце текста следует давать список лишь наиболее значимых трудов ученого.

Компьютерный набор. Все материалы принимаются в формате MS Word (doc, docx или rtf) (шрифт Times New Roman, кегль 14).

Таблицы, схемы, иллюстрации. Все они должны быть упомянуты в тексте, пронумерованы в соответствии с порядком ссылок на них в тексте. Иллюстрации принимаются в форматах *.tif и *.jpg с разрешением не менее 300 dpi (на реальный размер изображения). Фотографии и цветные рисунки должны быть высокого качества. Список рисунков с названиями должен быть в конце текста статьи.

Резюме и ключевые слова. К рукописям (по разделам «Статьи», «Публикации», «Дискуссии», «Заметки», «Рецензии») должно быть приложено краткое резюме на русском и английском языках (не более 0,3 стр.) и *ключевые слова* (не более 10). Все нестандартные буквенные и иные обозначения в тексте рукописи должны быть четко и разборчиво вписаны от руки.

Сведения об авторах. На отдельном листе приводятся сведения об авторах (фамилия, имя, отчество полностью, место работы, должность и ученая степень, с

обязательным указанием почтового и электронного адреса, а также контактного телефона).

Присылаемые по электронной почте материалы должны быть в виде папки, содержащей файл с текстом статьи, ключевыми словами и резюме на русском и английском языках, списком литературы, списком сокращений, списком рисунков и сведениями об авторах. Рисунки в виде отдельных файлов.

Оформление рукописи. Начало рукописи оформляется по следующему образцу:

МУСУЛЬМАНСКИЕ НЕКРОПОЛИ СЕВЕРСКОГО ДОНЦА

© 2012 г. Э.Е. Кравченко

Донецкий областной краеведческий музей, г. Донецк (E-mail)

Ключевые слова: на русском языке.

Аннотация на русском языке

Текст статьи.

Постраничные примечания в тексте даются внизу соответствующей страницы со сплошной нумерацией для всей рукописи (1,2,3...).

Ссылки на литературу и источники даются в круглых скобках: фамилия автора без инициалов (кроме работ однофамильцев) или сокращенное название (если издание не имеет автора), год издания через запятую; ссылка на страницу, рисунок и т.п. Образец: (Смирнов, 1964, с. 23–25, рис. 5: 1; 6: 3; табл. XII, 16; Свод памятников, 2007, с. 93, № 590).

Список литературы и источников дается общий в алфавитном порядке после текста статьи и состоит из двух частей: первая – работы на кириллице, вторая – на латинице. Работы одного автора располагаются в хронологическом порядке. При наличии публикаций одного года с ним проставляются литеры а, б, в..., включая первое упоминание. К списку литературы должен быть приложен список сокращений (кроме общепринятых – АО, КСИА, КСИИМК, МИА, РА, СА). Источником библиографического описания является титульный лист издания. Год издания в монографиях и сборниках ставится после места издания, в конце сноски. При ссылках на периодические издания необходимо указать том, № или номер выпуска, включая иностранные издания.

Образец:

ЛИТЕРАТУРА

Амиров Ш.Н. Природная среда верховьев Хабура // РА. – 2000. – № 3.

Арциховский А.В. Основы археологии. – М., 1954.

Беленицкий А.М. Конь в культах и идеологических представлениях народов Средней Азии и евразийских степей в древности и раннем средневековье // КСИА. – 1978. – Вып. 154.

Свод памятников археологии Республики Татарстан. – Казань, 2007.

Смирнов К.Ф. Савроматы. – М.: Наука, 1964.

Хлебникова Т.А. Гончарное производство волжских болгар X – начала XIII вв. // МИА. – 1962. – № 111. (Тр. Куйбышев. археол. эксп. Т. IV).

Чернов С.З. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори в 1977 г. // Архив ИА РАН. 1977. Р-1. № 6695.

Шитлов А.В. Энеолит Икско-Бельского междуречья (по материалам поселенческих памятников): Автореф. дис... канд. ист. наук. – Казань, 2012.

Chalikova E.A., Chalikov A.H. Altungarn an der Kama und im Ural: Das Gräberfeld von Bolschie Tigani. – Budapest, 1981.

НАЗВАНИЕ РУКОПИСИ, ФИО авторов

Ключевые слова и резюме *на английском языке.*

Образец:

**THE MESOLITHIC – ENEOLITHIC FLINT ASSEMBLAGES
FROM THE NORTH PART OF IK – BELAYA INTERFLUENT AREA**

M.Sh. Galimova

Keywords: Mesolithic, Neolithic, Eneolithic, flint, blade industries, burial assemblages, Volga-Kama region.

The article deals with a problem of chronological division of basic multilayer settlements of stone – eneolithic age situated near the mouth of Belaya river (left tributary of Kama), on the bank of Azibey lake etc.

Далее прилагаются:

Список сокращений

Список иллюстраций

Сведения об авторах

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, возвращаются авторам на доработку.

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале.